

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ

М.: Мысль, 1980. 390 с.

Авторский коллектив:

д.ист.н. **Л.И.Гольман** (главы 5, 6, 8)

д.ист.н. **А.Д.Колпаков** (главы 10-13)

д.ист.н. **В.Э.Кунина** (главы 7, 9)

д.ист.н. **Ю.М.Сапрыкин** (главы 1-4).

Отв. ред. Л.И.Гольман.

В монографии излагается многовековая история Ирландии с древнейших времен до наших дней. В книге дается картина социально-экономического и политического развития страны, рассматриваются важнейшие факты и события, характеризующие это развитие. Особое внимание уделяется показу героической борьбы ирландского народа за независимость и национальное самоопределение.

Веб-публикация: мистер Невилл, А.Силюнас, редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

Оглавление

- I. Ирландия в период раннего средневековья
- II. Вторжение в Ирландию англо-нормандских феодалов. Пейл и непокоренная Ирландия
- III. Ирландия при Тюдорах и первых Стюартах
- IV. Ирландское восстание 1641—1652 гг. и завершение английского завоевания Ирландии
- V. Период действия карательных законов (1692—1776 гг.)
- VI. Подъем национально-освободительной борьбы в конце XVIII в.
- VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801—1848 гг.)
- VIII. Аграрный переворот. Движение фениев
- IX. Ирландия в последней трети XIX в.
- X. Ирландия в 1900—1918 гг. Назревание освободительной революции
- XI. Ирландская национально-освободительная революция 1919—1923 гг.
- XII. Ирландия 20—50-х годов. Попытки обрести независимость на капиталистическом пути
- XIII. Современная Ирландия (конец 50-х—70-е годы)

I. Ирландия в период раннего средневековья

На территории Ирландии обнаружено много памятников эпохи камня и бронзы. Самые ранние из них датируются шестым тысячелетием до н.э. Хотя переход к неолиту здесь произошел лишь в третьем тысячелетии, эпоха бронзы началась довольно рано. Уже за полтора тысячелетия до н. э. бронзовые и золотые изделия из Ирландии стали вывозить на континент.

В VI в. до н.э. здесь появились кельтские племена, или, как их называли римляне, скотты. К этому времени произошло их переселение из областей Центральной Европы в Галлию, Британию, Северную Италию и на Пиренейский полуостров. В Ирландию они, вероятно, двигались двумя потоками — из Северной Галлии и Северной Британии. Первыми завоевателями Ирландии считают кельтское племя гоиделов, за ним следовали белги, бритты, пикты и др. Новые пришельцы в отличие от применявшего орудия из бронзы местного населения пользовались орудиями из железа. К началу н.э. они, очевидно, завладели всем островом. Из хроник известно, что около 10 г. I в. н.э. в Ирландии произошло восстание людей плебейского происхождения, которым удалось расправиться со всей знатью. «Это указывает на господство завоевателей-скоттов над более древним населением», — замечает по поводу этого события Энгельс. Но к V в. н.э. кельты (скотты) уже смешались с местным населением, сложился гоидельский язык как особый диалект кельтских языков, и жители стали называть себя гоиделами (в англизированной форме — гэлы).

Материальная культура ирландцев

Скотоводство с древнейших времен было одним из важных занятий ирландцев. Они разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней, овец. Из законов брегонов — варварского права древней Ирландии, изложенного в сборниках юридических трактатов **«Шенхус мор»** («Великая книга старины»), явствует, что споры, связанные с владением скотом, были очень часты среди ирландцев, а размеры штрафов, налагаемых за различные нарушения, выражались в определенном количестве скота. Крупный рогатый скот был главным образом средством обмена. О похищении скота рассказывается в сагах — древних прозаических повествованиях о героях. Скотоводство существенно повлияло на представление древних ирландцев о календаре, на их обычаи и обряды.

Вместе с тем жители многих районов Ирландии, особенно центральной равнины и юго-запада острова с древнейших времен наряду со скотоводством занимались и земледелием. В законах брегонов среди натуральных приношений вождям упоминается ячмень, овсяная мука, пшеница, солод; в качестве обычной пищи бедного человека названы кувшин молока и кусок пирога. Но основным злаком был овес. Любимым блюдом ирландцев считалась овсянка; пшеничный же хлеб употребляла главным образом знать, и то как лакомство. Ежегодно 1 августа проводился праздник урожая. В хрониках — сагах — урожайные годы отмечались особо — как годы благоденствия народа.

В земледелии практиковалась переложная система обработки почвы с периодической сменой участков пашни. С древнейших времен ирландцы пахали сохой. Плуг принесли с собой кельты. Часто пахотные земли приходилось расчищать из-под леса. Зерно размалывали каменными зернотерками, а с V в. н.э. появились водяные мельницы. Жители побережья в качестве подсобного занятия занимались рыболовством.

Ремесло еще не отделилось от земледелия, им занимались сами крестьяне: они пряли лен и шерсть, ткали, выделывали кожи, шили одежду и обувь, изготавливали глиняную посуду; кузнечное ремесло и ювелирное дело считались привилегированными занятиями; изделия кузнецов и ювелиров предназначались в первую очередь для вождей и знати.

Селились ирландцы в удобных и безопасных местах в долинах рек и на холмах. Главным строительным материалом был лес. Жилище простого ирландца обычно представляло собой круглую клеть, сплетенную из хвороста и тростника и обмазанную глиной, с проемом вместо окна, с крышей из соломы, поддерживаемой столбом посередине; дым из очага выходил через отверстие, сделанное в крыше. Пол был глиняный. Вдоль стен стояли палата («ложи»), на которых спали.

Древнейшими крепостями — городищами на холмах, укрепленными рвом и частоколом, — были Круахан в Конноте, Тара в Мите, Эмайн Маха и Айлих в Ольстере. На месте современного Дублина находился Эблан.

Общественный строй Ирландии

Ирландия в отличие от Галлии и Юго-Восточной Британии не была завоевана римлянами. Немаловажное значение имело то обстоятельство, что Ирландия оказалась в стороне от тех передвижений племен и народов, которые происходили на континенте Европы в период падения Римской империи и образования варварских государств и ускоряли процесс разложения первобытно-общинных отношений и становления феодального строя.

Ирландское общество состояло из свободных и несвободных членов. Все свободные ирландцы жили патриархальными семьями — **финами**. Под главенством отца — **флаха** — фина объединяла его ближайших родственников с их семьями — сыновей, братьев его отца, деда и прадеда. В следующие фины входили двоюродные, троюродные братья и т.д. Несколько фин составляли **септ**, или род. Все члены септа вели свое происхождение от одного предка, носили одно имя (с X в. н.э. с приставкой «Мак», что означало «сын», или «О» — «внук»). Более крупными родовыми объединениями были **кланы**; несколько кланов составляли племя. Человек, не входивший в фину и септ, считался бесправным, изгоем.

В одной саге о земле говорится: «Нет ни канав, ни камней, ни стен на земле... а только гладкие поля». Это означало, что в Ирландии того периода земля была общей собственностью септа. Финам отводились в постоянное пользование лишь определенные участки земли, на которых возводились дома и хозяйственные постройки; если все члены фины вымирали, земля возвращалась септу. Пастбища, леса, болота, горы были собственностью рода; ими пользовались все финны, составляющие определенный септ или клан. Раздел этих общих владений считался грубым нарушением права. Пахотные земли тоже были собственностью этих септов и кланов. Но финнам выделялись отдельные участки для обработки. Отсутствие частной собственности на землю подчеркивалось в «Шенхус мор». «Каждый соплеменник, — говорилось в нем, — правомочен держать свой участок земли из земель племени; он не имеет права его продавать, отчуждать, скрывать или отдавать в качестве штрафа за преступление или уплаты по договору».

Землепользование среди простых ирландцев регулировалось обычаем **гевелкайнд** (назван так позже). Земля разделялась между всеми главами фин, составлявшими септ; если кто-либо из участвовавших в разделе умирал, то участок умершего не переходил по наследству к его детям, а все пахотные земли рода снова соединялись вместе и вождь назначал новый передел, нареза-таким образом участки земли каждому члену рода. При этом учитывались степень родства, а также количеств законнорожденных и внебрачных сыновей (женщины во внимание не принимались). Такие переделы совершались при вступлении в должность нового вождя, прием новых членов в септ или исключении из него.

Во главе родовых союзов ирландцев стояли вожди, избираемые полноправными членами; в их руках была сосредоточена власть над подчиненными территориями; они предводительствовали во время войн. Преемники вождей избирались при их жизни и назывались **танистами**. Каждому из вождей и танистов выделялся из родовых земель должностной надел, который после смерти его владельца не включался в переделы согласно обычаю гевелкайнд и не переходил по наследству, а передавался преемнику по должности. Этот обычай назывался **танистри**.

Кроме того, существовало право передачи по наследству (детям) земельных участков вместе с профессией. Но оно распространялось только на **бардов** — поэтов, музыкантов и певцов, воспевавших подвиги вождей и их сородичей, врачей, лечивших членов септа, **брегонов** — хранителей обычаев и судей, **филидов** или хронистов — знатоков истории и генеалогии септов и кланов, **друидов** — жрецов, а также на тяжеловооруженных воинов. Эти профессии считались в обществе очень важными и почетными, и те, кто ими владел, занимали привилегированное положение.

Скот и движимое имущество находились в частной собственности членов фин. Они передавались после смерти флага по наследству с учетом степени родства. При отсутствии родичей у флага его наследство полностью переходило к септу.

Ирландский род был патриархальным — жена переходила в род мужа, и за нее выплачивалось ее родичам вознаграждение. В то же время она могла свободно распоряжаться своим приданым, отчуждать его, а в случае развода получить обратно. В семейных отношениях еще сохранялись следы первобытного парного брака: разрешалось заключать временные браки на короткие сроки, иметь наряду с главной женой наложниц, за которых тоже уплачивалось вознаграждение, а прижитые с ними дети получали долю в наследстве и учитывались при разделах земель по обычаю гевелкайнд. Широко практиковалась отдача детей на воспитание родичам. На этой почве между молочными братьями возникали крепкие связи побратимства.

Кровная месть в этот период была заменена штрафом за убитого — **ериком**, который уплачивался родичами преступника, как правило, натурой. Размеры штрафа определял брегон — судья, причем за это ему полагалась 1/11 ерика.

Возникновение феодальных отношений

Особенностью социального развития Ирландии раннего средневековья было складывание феодальных отношений при сохранении пережитков собственности септов кланов на землю, а также родовых связей. Свободные члены общества делились на знатных, составлявших родовую или клановую знать, и простых — крестьян. Все независимо от этого деления сначала назывались фении, впоследствии этот термин стали применять только в отношении незнатных свободных.

Клановая знать делилась на три категории; низшую составляли вожди септов и кланов, над ними стояли правители более крупных территорий, а затем — правители основных провинций и областей Ирландии — высший слой благородных. Внешним признаком различия социального положения в обществе служила окраска плащей. Близко к клановой знати стояли друиды, брегоны и представители других почетных профессий.

При господстве родовой собственности на землю рост частного владения землей и накопление богатства у отдельных семей совершались медленно. Обычай гевелкайнд с ростом населения приводил к дроблению и измельчанию земельных участков простых ирландцев. В то же время в трактатах «Шенхус мор» содержатся сведения о фактах продажи земли и захватов пустошей, признается частное землевладение. Увеличению частного землевладения знати способствовала и монополизация общественных должностей отдельными знатными фамилиями. Хотя обычай танистри соблюдался ирландцами незыблемо, тем не менее вождями и танистами обычно становились члены одной и той же знатной фамилии. Поэтому полагающиеся им должностные наделы в действительности становились их постоянным владением, несмотря на то, что добиваться этого приходилось иногда силой оружия. Победы в междоусобных войнах также умножали богатство прежде всего за счет имущества побежденного септа. В «Шенхус мор» и хрониках приводятся многочисленные факты усобиц между вождями и грабежа соседних септов и кланов. Но наиболее легко и быстро вожди увеличивали свои владения и свое личное богатство посредством захвата пустошей и увеличения стад: ведь право собственности септов и кланов на пустоши и на скот не распространялось.

В «Шенхус мор» говорится: «Одна из обязанностей септа — поддерживать каждого своего члена, и септ делает это в меру своих возможностей». Но в раннее средневековье многие септы были уже не в состоянии предотвратить разорение отдельных семей и вынуждены были обращаться к вождям с просьбой наделить их скотом. Так возникли формы зависимости на основе держания скота. В брегонских законах также содержится немало сведений о потерявших свое имущество и наделы бедняках, или «людях без содержания». Среди них были искавшие покровительства чужаки, прощенные преступники и пленные, закабаляемые вождями. Были и рабы. Источниками рабства являлись разорение, а также пленение побежденного противника: часть рабов покупалась главным образом в соседней Британии.

Однако основным средством эксплуатации становилось не рабство, а примитивные формы феодальной зависимости, опутанные пережитками патриархальных отношений. Самой многочисленной группой среди несвободных ирландцев были так называемые **фуидиры**. Они не являлись членами септов, им, как и рабам, запрещалось давать свидетельские показания о свободных людях и заключать какие-либо сделки со свободными. Но вожди и богатые флахи часто помещали их на своих землях, особенно на пустошах, наделяли скотом и инвентарем и давали им возможность вести свое небольшое хозяйство, облагая их за это различными повинностями, в том числе **биатадом** — своего рода рентой продуктами. По брегонскому праву, землевладелец мог превратить участок земли такого фуидира в наследственное держание, если его предки до третьего поколения были фуидирами на нем. Часть фуидиров использовалась в качестве домашней прислуги, дворовых работников и пастухов. Принадлежавшие к этой категории находились на положении рабов. Эксплуатация фуидиров была важным источником обогащения вождей. В одном трактате «Шенхус мор» отмечается: «Он приводит фуидиров, чтобы увеличить свое богатство».

Доходы ирландских вождей состояли из рент, взимаемых вождями с держателей их доменов и различных должников, и поборов, получаемых со всех септов и кланов подвластных вождю территорий. Первая группа доходов по существу представляла собой феодальную ренту, уплачиваемую мелкими производителями, оказавшимися в той или иной форме в поземельной и имущественной зависимости от вождей. Вторую группу повинностей и платежей несли все свободные члены септов и кланов в силу своего положения подданных этого вождя как правителя. Свободные ирландцы были обязаны предоставлять вождям продовольствие и фураж на содержание пеших и конных воинов, принимать отряды этих войск на постой с полным их содержанием на определенное время, а также оказывать вождю и его свите гостеприимство во время посещения ими подвластных территорий. Эти повинности были очень обременительны, тем более что вожди в военное время всегда их увеличивали.

Итак, в Ирландии в процессе разложения родовых и образования феодальных отношений общинная собственность на землю сохранялась «в полной силе» (Энгельс) и земельные наделы многих членов септов, а также вождей не превратились в аллоды (частная собственность), а продолжали оставаться владением, которое нельзя было свободно отчуждать. Но наряду с этим разными путями создавалось частное землевладение знатных, на которые септы и кланы не имели права собственности. Сохранение родовых связей и общинной собственности на землю замедляло превращение имущественной дифференциации в феодальное неравенство.

Вследствие этого клановой знати были чужды порядки феодальной иерархии, характерные для других стран. Вышестоящий вождь в Ирландии обычно не жаловал подчиненному ему вождю землю как сеньор вассалу, а имел над ним власть как старшее должностное лицо, избранное по обычаям родового строя для исполнения обязанностей по военному и гражданскому управлению данной территорией. «Подчиненное положение, — замечает Энгельс, — одного вождя по отношению к другому в Ирландии выражалось только в уплате дани... и специальной подати на содержание войск..., но ни в коем случае не в военной службе». Процесс возникновения государства не уничтожил этой особенности, а закрепил ее.

Возникновение государства

К V в. н.э. Ирландия была разделена на пять крупных областей-провинций — Ольстер, Коннот, Манстер, Южный и Северный Ленстер. Очевидно, это деление произошло на базе союзов племен, возникших в ранний период разложения первобытнообщинных отношений. В процессе возникновения государства в этих провинциях образовались самостоятельные «королевства»

Власть в каждом из них находилась в руках «короля» — **риага**, избираемого вместе с танистом вождями данной провинции. При риаге был совет старейших. Каждое такое «королевство» было разделено на определенные территории — **туаты**, власть в которых принадлежала «областным королям», избираемым вождями септов, входивших в туат; совет вождей при короле имел право его смещать. Средневековая Ирландия состояла из 184 туадц - территориальных организаций, появление которых не уничтожало деления ирландцев на септы и кланы, а, наоборот, дополняло его, став частью клановой системы. Иногда туат совпадал с кланом, иногда клан занимал территорию двух туатов.

Выборы вождей, риагов и их танистов обычно производились на священных холмах, по традиционному ритуалу. Стоя на камне, будущий вождь произносил клятву соблюдать все обычаи и мирно передать свою должность танисту, когда это потребуется. Танист при его избрании становился на этот камень только одной ногой и приносил ту же клятву, что и вождь.

У вождей и риагов имелись свои постоянные отряды воинов. Это были легковооруженные пешие отряды, вооружение которых состояло из коротких копий, дротиков и лука со стрелами, и тяжеловооруженные пешие отряды, носившие железные шлемы и кольчуги. Они были вооружены длинными мечами, широкими и острыми боевыми топорами на длинной ручке, позволявшими поражать противника на расстоянии.

Применялись конные боевые колесницы и своры специально обученных нападать на противника псов. Сохранялся обычай выставлять в качестве трофеев черепа убитых врагов или их языки. Вожди и риаги часто собирали свои отряды и устраивали празднества с состязаниями воинов и выступлениями бардов, воспевающих их военные доблести. В то же время продолжались распри и усабицы между вождями и риагами, от чего не могла их избавить даже система заложников, которая широко применялась в их взаимоотношениях.

Во II в. н.э. риаги Мита — одного из пяти «королевств» (на территории главным образом Северного Ленстера) — стали верховными королями всей Ирландии, **ард-риагами**. Но самостоятельность подчиненных этому объединению «королевств» сохранялась. Ард-риаг не имел собственного административного аппарата, под его властью находились лишь военные силы всех «королевств» (в случае общей военной опасности).

Обычно при вступлении в свою должность ард-риаги объезжали подвластные им «королевства», принимали подарки и брали заложников. Ирландские короли не обладали законодательной и судебной властью. Хранителями и толкователями обычаев и судьями по-прежнему оставались брегоны септов и кланов, а ард-риагу было предоставлено право лишь разрешать споры между подчиненными ему риагами. При сохранении самостоятельности риагов совет при ард-риаге в Тара не мог прекратить междоусобицы. «По-видимому, главной привилегией короля был сбор дани, а не регулярное отправление правосудия», — констатировал Энгельс. К тому же сам сбор податей был часто причиной распрей и военных столкновений между риагами. Так, около 330 г. усабицы между братьями ард-риага Мита привели к тому, что три его мятежных брата, объединившись, вторглись в центральную часть Ольстера, разрушили древнюю столицу этой провинции Эмайн Маху и образовали «королевство», получившее название Ориал. К началу X в. На севере острова возникло новое «королевство» Ольстер. Потомки сыновей риага Мита в Ольстере, разделившись на два могущественных и знатных септа Ольстера — О'Нилей и О'Доннелей, удерживали власть над значительной частью земель этой провинции вплоть до начала XVII в.

Еще в V в. клановая знать Ирландии предприняла попытки расширить свои завоевания на соседнюю Британию. Ирландские отряды вторглись в западную часть Британии — Уэльс, населенный кельтским племенем бретонцев, и завладели им, но в VI в. местные отряды изгнали их оттуда. Более успешным было вторжение ирландцев в Северную Британию, в страну Альба, или Каледонию, населенную кельтским племенем пиктов. Она была отделена от Ирландии узким проливом, который ирландцы свободно переплывали на своих лодках. Завоевание началось еще в IV в. с восточного побережья Ольстера. В течение нескольких десятилетий ирландцам удалось захватить западную и северную часть Альбы.

В 470 г. правитель одного из туатов в Антриме Фергус Мак Ер с тремя братьями переправился в Альбу и на колонизованных ирландцами — их здесь называли скотзди — землях основал свое королевство под названием Аргил (Восточные гэлы). По имени скоттов Альбу позже стали называть Шотландией.

Таким образом, раздробленность Ирландии в первые века нашей эры не была ликвидирована. Междоусобные войны и другие формы борьбы за власть между отдельными представителями клановой знати ослабляли страну и задерживали ее экономическое и социальное развитие. Сведениями о раздорах среди клановой знати, убийствах, опустошениях и грабежах переполнены все хроники Ирландии.

Принятие христианства

На стадии разложения первобытнообщинного строя ирландцы, как и другие народы, обожествляли силы природы, звезды, леса, долины, реки, ручьи. Почитался также сонм полубогов, так называемых **сидов**, напоминавших добрых фей. По представлениям древних ирландцев, сиды активно вмешивались в жизнь людей, участвовали в сражениях, вступали в любовные связи с людьми, различными способами помогали им. Верили ирландцы и во множество духов, воплощавшихся в различные существа, в зарок, запреты и заклинания, сны и разные приметы.

Важную роль в общественной жизни языческой Ирландии играли жрецы — маги и прорицатели, которые, как и у кельтов Галлии, назывались друидами. Они были хранителями и толкователями религиозных и родовых обычаев и учителями юношества.

В процессе разложения первобытнообщинного строя и складывания феодальных отношений все большую популярность среди знати стало приобретать христианство. Немаловажное значение в распространении христианства на острове имела миссионерская деятельность Патрика (373—463 гг.), объявленного впоследствии католической церковью святым.

Патрик был уроженцем Северной Британии, сыном сборщика налогов римского императора в этой стране. В 16-летнем возрасте во время вторжения одного из отрядов ирландцев в Британию он был захвачен в плен и в течение шести лет находился в Ирландии в рабстве, пас скот. Там он стал ревностным христианином. После бегства из Ирландии Патрик много путешествовал по Европе, был посвящен в пресвитеры в Галлии, а в 432 г. в сане епископа направлен папой римским в Ирландию проповедовать христианство и бороться с пелагианством — еретическим учением, оказывавшим влияние на многие христианские общины в Ирландии. Под влиянием Патрика ард-риаг Лозгхайр принял новую веру и разрешил ему свободную проповедь христианства по всей стране. Патрик как архиепископ Ирландии обосновался в Арма, ставшем с тех пор ее церковной столицей.

Хотя большая часть ирландской знати под воздействием Патрика приняла христианство, борьба с язычеством продолжалась еще несколько столетий. Ирландская церковь имела своеобразные черты, отличающие ее от обычных для католицизма церковных порядков и обычаев. Ее организация была приспособлена к клановому строю, и духовные должности стали монополией определенных семей. Епархия епископа обычно совпадала с территорией клана, а сам он избирался из людей, угодных вождю и связанных родовыми узами с членами кланов. Целибат (безбрачие духовенства) не соблюдался, приходские священники жили в кланах и больше подчинялись местным обычаям, чем порядкам католической иерархии. Епископы не обращались в Рим для утверждения в должности, причитающиеся папе платежи за духовные бенефиции собирались нерегулярно. Вожди часто присваивали церковное имущество и доходы, а также облагали духовенство обычными для мирян поборами. Монастырские общины в Ирландии сами избирали себе аббатов, не соблюдая устав Бенедикта Нурсийского, регулировавший жизнь католических монастырей в средневековой Европе.

Церковный клир у ирландцев пользовался привилегиями наряду с бардами, брегонами и др. Клановые выделяли на содержание своего духовенства определенные участки земли, которые освобождались от повинностей в пользу вождей, не подвергались переделам и находились в распоряжении епископов. Кроме того, широкое распространение получили дарения земли отдельным церквям и монастырям как частными лицами, так и септами и кланами. Церковные земли независимо от их происхождения сдавались в держание, за что владельцы получали феодальную ренту.

Принятие христианства в Ирландии ускорило процесс разложения первобытнообщинных отношений. В 438 г. по инициативе Патрика была создана специальная комиссия из девяти человек (в нее входили также король Лозгхайр и Патрик) для записи древних правовых положений, которые хранили устно судьи — брегоны. Позднее появился сборник юридических трактатов «Шенхус мор». Это был важный шаг к кодификации ирландского обычного права. По существу, в этих трактатах были зафиксированы обычаи, сложившиеся в ходе разложения первобытнообщинных отношений, — в области налогового права, поземельных порядков, имущественных отношений и социальной дифференциации.

Культура Ирландии

От древних ирландцев до нас дошли различные памятники материальной культуры — орудия труда, утварь, оружие, украшения, развалины домов, долмены и **кромлехи** (так называют камни, воздвигнутые на могилах знатных людей и воинов или в честь богов), а также памятники устного народного творчества — ирландские сказания (саги). Количество саг исчисляется сотнями. В них повествуется о различных древних преданиях и событиях и воспеваются легендарные герои, вожди и риаги. Они оставались в течение многих веков безымянными народными сказителями, а рассказывали их на народных празднествах и пирах у вождей и риагов, обычно по одной саге в вечер.

Древнейшим и наиболее популярным в средние века циклом ирландских саг является уладский цикл, зародившийся при дворе риагов Ольстера (в древности его называли Улад). В нем повествуется о борьбе риагов Улада и Коннота, которая, по свидетельству хроник, длилась около 1 тыс. лет, до II в. н.э. Легендарным героем этих саг был сначала риаг Улада Конхобар, а затем его племянник Кухулин, рожденный, по одной из версий, от бога света. В Кухулине воплотились черты героя периода разложения родового строя. Особо отмечаются его сила и ловкость, верность своему долгу и чести, великодушие к побежденным врагам и сострадание к слабым и угнетенным. Позже черты героев ирландских саг использовались в кельтской Британии сказителями, сочинявшими легенды о короле Артуре и его воинах, которые защищали бриттов от вторжения воинственных саксов, начавшихся в V в. н.э.

С распространением христианства в Ирландии друиды вынуждены были уступить место духовенству, а и функции учителей юношества и хранителей героических и родовых традиций перешли к бардам и хронистам — филидам. Барды исполняли свои песни под аккомпанемент арфы при дворах знатных людей или бродя по деревням. По своему мастерству барды разделялись на восемь разрядов. После введения христианства в стране возникло много специальных школ для обучения бардов, которые существовали до XVII в., вплоть до запрещения их английскими властями, видевшими в бардах, и не без основания, «главных носителей национальной, антианглийской традиции». Имелись и особые школы брегонов.

Наряду со школами бардов и брегонов появилось много монастырских школ, где в течение семи лет обучались и воспитывались юноши не только из Ирландии, но и из других стран Европы. Окончившие эти школы становились священниками или монахами католической церкви. Обучение производилось на латинском языке. Если в школах бардов изучались литература, поэзия, музыка, то в монастырских школах главными предметами были священное писание, а также философия, география, астрономия и геометрия в присущей церковной культуре средневековья трактовке.

Уже в IV в. в Ирландии было известно алфавитное письмо, а с введением христианства стал применяться латинский алфавит. Центрами письменности стали монастырские школы, деятельность которых по переписке книг религиозного или светского содержания имела важное значение.

Основание обителей и монастырей способствовало колонизации и освоению ряда незаселенных территорий Ирландии, а также открытию до того не известных европейцам островов в Северной Атлантике и созданию там первых поселений задолго до прихода норманнов. Монах Брандон из Манстера в VI в. побывал в Шотландии, Западной Британии и Уэльсе. Его последователи, монахи-отшельники, поселились сначала на Гебридских о-вах, а затем на Оркнейских и Шетландских о-вах. Около 725 г. исландские монахи открыли Фарерские о-ва и основали там свое поселение, которое просуществовало до прихода норманнов. По данным ирландских и исландских источников они открыли и Исландию, поселившись там. Это было в конце VIII в., т.е. за 100 лет до прибытия в Исландию норманнов из Скандинавии.

В VI—VIII вв. Ирландия была одним из центров христианства в Европе, откуда оно стало распространяться и на другие территории. «Островом святых и ученых» называли ее в то время. Так, ирландец Коломба отправился в Шотландию и обратил в христианство британских скоттов и пиктов.

Колумбан с 590 г. проповедовал христианство в Галлии, Бургундии, Швейцарии и Италии, где основал один из крупнейших монастырей средневековья — Боббио. Галл основал Сент-Галленский монастырь в Швейцарии, Фридолин успешно вел миссионерскую деятельность среди аллеманов, а Килиан — среди франков на Майне. Ирландские монахи по приглашению Карла Великого вели обучение в Павии. Главой дворцовой школы при Карле Лысом был ирландский ученый, крупнейший средневековый философ Европы Иоанн Скотт Эриугена (810—877 гг.). Он пытался заменить современную ему схоластическую философию, построенную на вере в чудеса, более рациональной системой. Учение Эриугены было впоследствии осуждено церковью как еретическое.

Ирландская культура VI—IX вв. была обычной, церковной культурой, характерной для возникающего феодального общества в Европе. Ее носителями были образованные монахи и клирики, а ее влияние на широкие народные массы ограничивалось главным образом религиозной сферой; обычаи и нравы ирландцев под влиянием Христианства претерпели незначительные изменения. Ее успехи опровергают расистские измышления английских буржуазных историков об извечной отсталости ирландского народа, о его неспособности к самостоятельному развитию.

Вторжение норманнов в Ирландию

Раздробленная и раздираемая междоусобицами вождей, Ирландия с конца VIII в подверглась вторжению норманнов со Скандинавского полуострова (или «датчан», как их еще называют в исторической литературе).

В результате разложения родового строя и возникновения феодальных отношений у народов Скандинавского полуострова их родовые вожди — ярлы стали совершать походы с целью грабежа чужих территорий, получившие впоследствии название «походы викингов». Потом они стали закрепляться на длительное время на захваченных территориях, строить в удобных гаванях крепости и форты как для военных целей, так и для хранения своей добычи. Для изготовления оружия норманны уже применяли железо, богатые залежи которого имелись на Скандинавском полуострове. Основным оружием были тяжелый боевой топор, длинный меч и кольчуга. Особенно привлекали викингов более богатые и культурные по сравнению с их родиной страны Западной Европы, где уже сложился феодальный строй; набеги и грабежи норманнов наносили этим странам большой ущерб.

Захватив в VIII в. Гебридские, Оркнейские и Шетландские о-ва, находящиеся между Ирландией и Скандинавией, и создав там ряд своих опорных пунктов, норманны начали грабительские нападения на ирландскую территорию, продолжавшиеся более 200 лет. В 795 г. они высадились на о.Рэтлин у берегов Антрима и опустошили его; в 798 г. поселились в районе Дублина, и с тех пор ирландские летописи скрупулезно сообщают о многочисленных экспедициях и грабежах норманнов, о разрушениях церквей, монастырей и поселений ирландцев. В 818 г. они высадились уже на южном побережье Ирландии, в районе Уэксфорда, через два года — около нынешнего г.Корка, а затем у Лимерика. Они завладели также Арма — церковной столицей Ирландии. Все это были древние ирландские поселения, географическое положение которых было весьма удобно для превращения их в опорные базы-крепости и морские порты норманнов, облегчавшие их связи со Скандинавией и захваченными территориями, а также для хранения и вывоза оттуда добычи. Таким образом, норманны создали на юго-восточном и юго-западном побережье Ирландии свои морские - Дублин, Уэксфорд, Корк и Лимерик, окружив с моря наиболее богатую и развитую часть Ирландии, ставшую впоследствии главным объектом их грабежа.

В первой половине IX в. викингу Торгильсу удалось подчинить всю Ирландию. Собрав войско в 12 тыс. воинов погрузил его на 120 лодок, по рекам Бойн и Лиффи вторгся в центральную часть острова и овладел ею; ему была также оказана поддержка со стороны других отрядов норманнов из районов Лимерика, Дендалка и Уотерфорда. Своей столицей Торгильс сделал г.Атлон на о.Шаннон, у оз. Лох Ри. Отсюда его лодки с воинами довершали экспедиции на север Ирландии, до оз. Лох Неж. фактически он держал в подчинении Ольстер, Коннот и Мит.

Битва при Клонтарфе

Освободительная борьба против чужеземного ига в Ирландии особенно усилилась в начале XI в., когда верховным «королем» Манстера стал Бриан, а на севере возвысился Малахий, вождь Мита, который нанес поражение норманнским отрядам при Таре и выбил норманнов из Дублина. В 998 г. Бриан и Малахий поделили между собой верховную власть над Ирландией: Бриан был признан верховным «королем» южной части, включая Дублин, а Малахий — северной части Ирландии.

В 1002 г. Малахий, став правителем Ольстера, уступил Бриану власть ард-риага Ирландии. Бриан немало усилий приложил, чтобы как-то наладить разоренное грабежами и набегами хозяйство Ирландии. На р.Шаннон строил много крепостей, большой флот, пытался ввести регулярное обложение скотом на общие нужды, за что получил прозвище Баройме (собиратель скота). Он сделал попытку сократить количество вождей, имеющих право претендовать на титул риагов и ард-риагов, что, мнению, способствовало нормализации обстановки в стране.

В сентябре 1013 г. Бриан попытался осадить Дублин, правитель которого поднял мятеж против него, но вследствие недостатка продовольствия Бриану пришлось отступить. Тогда норманны разослали своих посланцев на Оркнейские о-ва, в Норвегию и Данию с просьбой прислать подкрепления. Им удалось собрать значительные силы. Но весной 1014 г. Бриан снова появился с отрядами, и 23 апреля этого года у Вольфового луга, около Дублина (ныне Клонтарф), произошло решающее сражение. «В Ирландии в течение многих веков не было битвы, равной этой», — говорится в одной шотландской хронике. Норманны и их союзники были наголову разбиты, Количество погибших с обеих сторон исчислялось несколькими тысячами человек. Во время битвы погиб Бриан, которому было 88 лет. Сам он непосредственного участия в сражении не принимал, но руководил им из укрепленного лагеря. Во время битвы один из предводителей викингов, Бродир, увидев, что войско Бриана преследует бегущих норманнов, а возле короля осталась небольшая свита, бросился к нему из лесу, «пробил стену щитов и нанес королю удар мечом», — повествуется в исландской «Саге о Ньяле», содержащей описание битвы при Клонтарфе. Бриан был похоронен в Арма; ирландцы его почитают как национального героя.

Битва при Клонтарфе — значительное событие в ирландской истории. Она положила конец норманнским набегам и освободила страну от иноземного ига. «После клонтарфского поражения, — пишет Энгельс, — разбойничьи набеги норманнов становятся более редкими и менее опасными». В английской и скандинавской буржуазной историографии «норманнский период» истории Ирландии всячески приукрашивается. В действительности норманны в VIII—X вв. стояли на более низком уровне общественного и культурного развития, чем ирландцы, их завоевательные походы причинили большой ущерб Ирландии. В качестве единственного возмещения «за все произведенные ими опустошения, — пишет Энгельс, — скандинавы оставили ирландцам три—четыре города и зачатки занимавшегося торговлей городского населения».

Экономическое развитие Ирландии в XI—XII вв. затормозилось вследствие экспансии норманнов. В отличие от соседних европейских стран, где в этот период шел интенсивный процесс отделения ремесла от земледелия, на основе которого возникло и успешно развивалось товарное производство, в Ирландии сохранялось натуральное хозяйство с присущими ему патриархальными чертами. Крестьяне занимались скотоводством, землю обрабатывали теми же орудиями, какие применялись в начале нашей эры. Вожди взымали с них ренты и поборы главным образом в натуральном виде. Что касается предметов роскоши, то их привозили иностранные купцы, посещавшие периодически дворцы вождей, а также сопровождавшие их в походах.

Города на побережье при норманнах являлись военными базами и портами для вывоза награбленной добычи - после изгнания норманнов в них стала развиваться главным образом внешняя торговля, особенно с соседней Англией и Испанией, связанная с потребностями знати.

Господство натурального хозяйства в Ирландии способствовало консервации политической раздробленности страны и самовластью вождей. Ирландские хроники свидетельствуют, что после битвы при Клонтарфе ирландские вожди по-прежнему вели междоусобные войны, разоряя страну.

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ **II. Вторжение в Ирландию англо-нормандских феодалов.**

Пейл и Непокоренная Ирландия

Экономически слабая и политически раздробленная Ирландия во второй половине XII в. вновь стала объектом экспансии, теперь уже со стороны соседней Англии — сильного государства, в котором после нормандского завоевания 1066 г. завершился процесс становления феодальных отношений.

Английское вторжение в Ирландию

В конце XI в. в Западной Европе значительно возросло влияние папства. Ирландская церковь стала одним из объектов его теократической политики, проводимой под знаком «очищения и единства». Синод в Келлсе в 1152 г. (его проводил присланный в Ирландию папский легат) признал главенство папы над ирландской церковью, осудил браки среди духовенства и конкубинат (внебрачное сожительство), объявил десятину обязательным для всех церковным побором, подтвердил независимость католического духовенства от поборов и юрисдикции светских властей и создал четыре архиепископства — Арма, Дублин, Кашел и Туам, оставив старшинство за архиепископом Арма. Однако, несмотря на это, низшее духовенство придерживалось старых церковных порядков.

Через три года после синода в Келлсе в Рим прибыл посол английского короля Генриха II Плантагенета с просьбой разрешить завоевать Ирландию и завершить подчинение ирландской церкви римскому престолу.

Папа Адриан IV (англичанин по происхождению) не только разрешил вторгнуться в Ирландию, но и пожаловал ему титул лорда (т.е. господина) этой страны, чтобы «совершать все, что может быть полезно для славы бои блага этой страны и чтобы народ ее принял Вас гью и почитал Вас как своего господина». Хотя папа не имел юридических прав на такое пожалование, союз с английским королем с целью завоевания Ирландии практически был заключен.

Но истинные замыслы Генриха были гораздо шире, чем восстановление власти папы в Ирландии. Он стремился подчинить себе все Британские острова, включая Уэльс Шотландию и Ирландию. Завоевание Ирландии помимо расширения владений и увеличения доходов короля должно было, по его мнению, отвлечь баронов и рыцарей от борьбы против усиления королевской власти, которого Генрих весьма настойчиво добивался в своем англо-французском королевстве. В огромной, возглавляемой им иерархии класса феодалов было немало агрессивно настроенных англо-нормандских баронов и рыцарей - алчных авантюристов, которым участие во внутренних междоусобицах или в завоевательных походах в другие страны представлялось весьма заманчивым предприятием, выгодным делом. Они уже вели войны в соседнем Уэльсе и присоединили к Англии его юго-западную часть. Вторжение в Ирландию сулило им помимо военной добычи приобретение новых земель, богатство и возвышение по иерархической лестнице.

Однако, получив буллу от Адриана IV, Генрих не смог сразу завоевательный поход в Ирландию. Он воевал еще с родным братом из-за французских владений, и папская булла была положена в хранилище грамот английских королей в ожидании подходящего момента для осуществления в будущем. Такой момент наступил через 11 лет в результате междоусобных распр ирландских вождей. Риаг Ленстера Мак Дермот похитил жену одного из риагов — О'Рурка. Ард-риаг Ирландии заставил похитителя вернуть жену мужу, но риаг Ольстера поддержал Дермота, и началась крупная междоусобица. В 1166 г. противникам Дермота удалось изгнать его из Ленстера. Он бежал в Англию, в Бристоль, где ему посоветовали обратиться за помощью к королю Генриху II, что и было сделано.

Генрих вручил Дермоту специальную грамоту с королевской печатью, разрешавшую вербовать союзников среди вассалов короля. В ней говорилось: «...знайте, что мы почтили Дермота Мак Морроу милостью и благосклонностью. Всякий, кто живет в наших землях и захочет помочь ему вернуть назад королевство, может быть уверенным в нашей милости и разрешении на это».

Дермот стал подбирать себе союзников среди нормандских и английских баронов и рыцарей, которые участвовали в завоевании Уэльса и жаждали новых приключений. Он заключил договор с Ричардом, графом Пемброком, прозванным Стронгбоу (большой лук), пообещав ему в жены дочь и титул риага в Ленстере после своей смерти. Этот воинственный барон был в опале, так как участвовал в предшествовавшей вступлению Генриха на престол междоусобице на стороне противников короля.

По словам Гиральда Камбийского, английского современника событий, англо-нормандские рыцари использовали в боях в Уэльсе не только рыцарскую конницу, но и отряды лучников, вооруженных большим луком, заимствованным у местных жителей. Они завязывали бой при сближении с противником еще до вступления в схватку тяжеловооруженных рыцарей. Такие методы военных действий, по мнению Гиральда, были наиболее приемлемы в сражениях с ирландскими войсками, которые пользовались легким вооружением, были очень подвижны в бою, стремясь поразить противника на расстоянии дротиками и камнями. Англо-нормандские рыцари использовали и осадные башни. На завоеванных территориях они строили крепости и замки и создавали свои **маноры** — поместья. Военная дисциплина в отрядах строго соблюдалась, и регулярные учения воинов проводились даже во время военных походов.

В мае 1169 г. первый англо-нормандский отряд в составе 30 рыцарей, 60 всадников и более 300 лучников пересек на кораблях пролив и высадился в Ирландии, южнее Уэксфорда. После некоторого сопротивления защитники города сдались. Дермот вознаградил своих союзников большими пожалованиями земель около Уэксфорда. Затем союзники захватили Оссори, где было убито много ирландцев, и перед взором упивавшегося местью Дермота была выложена целая стена из голов убитых.

В следующем году, после прибытия второго отряда, был взят Дублин и нанесено серьезное поражение войскам ард-риага Родерика О'Коннора. В результате весь Ленстер оказался в руках захватчиков, 23 августа 1170 г. Стронгбоу высадился у Уотерфорда с отрядом в 2000 рыцарей-лучников и 1000 пеших воинов. Объединив все англо-нормандские отряды и войско Дермота, Стронгбоу сломил сопротивление горожан. Уотерфорд был разграблен. В городском кафедральном соборе было совершено бракосочетание Стронгбоу с Евой, старшей дочерью Дермота. В мае 1171 г. Дермот умер, и Стронгбоу, вопреки ирландским обычаям, наследовал титул риага Ленстера.

Ирландские вожди, как говорится в одной хронике, начала «не придали значения» вторжению рыцарей, а когда опасность завоевания Ирландии чужеземцами стала реальной, оказалось, что время упущено и объединить силы против них невозможно. Этому мешала прежде всего вражда между вождями. К тому же ирландское духовенство на синоде в Арма, собранном в 1171 г., объявило вторжение англо-нормандских рыцарей «карой божьей за грехи ирландцев» и по существу призывало их подчиниться завоевателям.

Генрих II в Ирландии

Успехи англо-нормандских рыцарей в завоевании Ирландии, достигнутые ими в столь короткое время, не на шутку испугали Генриха II. Он опасался, что Ирландия станет новым очагом феодальных смут в его и так беспокойном англо-французском королевстве, что Стронгбоу объявит себя независимым королем соседней страны, как это сделал в 1066 г. в Англии Вильгельм Завоеватель. Поэтому вопреки грамоте, выданной Дермоту, Генрих запретил своим подданным посылать отряды в Ирландию, потребовал от своих вассалов возвращения в Англию к весне 1172 г. и заодно объявил о конфискации всех владений Стронгбоу в Англии и Уэльсе. Наконец, он решил сам отправиться в Ирландию, чтобы установить свои верховные права на завоеванную территорию.

Спешить со своим походом в Ирландию Генриха заставило и другое событие, произошедшее после вторжения его рыцарей на остров. Добиваясь усиления власти в Англии, король столкнулся с теократическими интересами папского престола. Непреклонным защитником этих интересов оказался архиепископ кентерберийский Фома Бекет, в результате чего 29 декабря 1170 г. он был убит придворными рыцарями Генриха II. Начался опасный для короля конфликт с Римом. Отправляясь в Ирландию, Генрих рассчитывал своей властью верховного правителя добиться подчинения ирландского духовенства папе и, заслужив таким образом его милость, ликвидировать этот конфликт.

Экспедиция Генриха II в Ирландию готовилась как большой завоевательный поход. Королевских держателей в Англии заставили внести по 20 шилл. с каждого рыцарского феода. Шерифы графств собрали много продовольствия, снаряжения, оружия, лошадей и фуража, наняли корабли.

17 октября 1171 г. армия Генриха II в составе 500 рыцарей и 4000 пехотинцев и лучников, набранных главным образом в Южном Уэльсе, высадилась в Уотерфорде. Вскоре она вступила в Дублин, где и пробыла всю зиму 1171-72 г.

Генрих прежде всего приостановил дальнейшее завоевание Ирландии и попытался «устроить» ее как лорд. Он возвратил Стронгбоу его владения в Англии и Уэльсе, пожаловал ему земли в Ленстере, а также признал все ирландские земли, которыми завладели англо-нормандские рыцари, держаниями от графа Пемброка и принял от них присягу верности. Пожалования получили и фавориты короля из его свиты.

Наряду с этим Генрих потребовал от всех ирландских вождей явиться к его двору и принести присягу верности. Это было исполнено главным образом вождями территорий к востоку от рек Шаннон и Бойн. Вожди же западной части Коннота во главе с самим ард-риагом Ирландии и вожди Ольстера не признали власти Генриха. Подчинившиеся вожди были собраны в Дублин на торжественное празднование рождества в специально построенном (по ирландскому обычаю — из дерева) королевском дворце, где были выставлены утварь и оружие короля с целью поразить присутствующих блеском и богатством их нового повелителя. Хотя подчинение ирландских вождей Генриху не затрагивало основ клановой системы на под властных им территориях, оно тем не менее открывало английским баронам широкие возможности для дальнейшего завоевания Ирландии, для интриг среди вождей и произвола над народом. Несомненно, у Генриха при этом был и свой расчет: признавшие его верховенство вожди должны были явиться своего рода противовесом сепаратизму баронов.

Однако отношения с папой оставались неудовлетворенными. Весной 1172 г. в Нормандию прибыли два папских легата для разбора дела об участии Генриха в убийстве Фомы Бекета. Узнав об этом, Генрих спешно отправился туда. После переговоров с легатами в монастыре в Авранше согласился уплатить папе значительную денежную сумму и отказаться от проведения своей религиозной политики. В этом же году в ирландском городе Кашеле «по велению завоевателя» собрался синод, который завершил подчинение ирландской церкви Риму. Постановления этого синода были подписаны собравшимися прелатами, утверждены Генрихом и направлены папе.

В Риме были очень довольны всем этим, и папа Александр направил в Ирландию три послания — Генриху, ирландским епископам, вождям и риагам. Папа сообщал Генриху, что он с удовлетворением поддерживает буллу Адриана IV о пожаловании ему Ирландии. От епископов он потребовал оказывать помощь Генриху, а если кто-либо из вождей или других лиц нарушит клятву верности, будет подвержен строгому церковному наказанию. Ирландским вождям и риагам надлежало, указывал папа, «стараться сохранять крепко и нерушимо верность такому великому королю», как Генрих II.

Борьба ирландцев против завоевателей

Вскоре после отъезда из Ирландии Генриха II началось восстание против англичан. Ард-риаг Родерик О'Коннор с большой армией осадил Дублин. Риаг Томонда О'Брайен взял Лимерик. Вспыхнуло восстание в Уотерфорде, Стронгбоу был осажден в Уэксфорде. Поскольку англичане оказались в критическом положении, им пришлось начать переговоры с Родериком О'Коннором и О'Брайеном о мире.

В 1175 г. в Виндзоре между Генрихом II и ард-риагом О'Коннором был заключен договор о разделе Ирландии. По этому договору Генрих II жаловал Родерику на время, пока он будет верно служить английской короне, титул короля подвластных ему земель. В свою очередь Родерик отказывался от власти над Митом, Ленстером и городами Дублин, Уэксфорд, а также над прибрежной территорией от Уотерфорда до Дунгарвана, которые, как формулировалось в договоре, «лорд-король удерживает под своей властью». Родерик обязывался на подвластных ему территориях добиваться от подчиненных повиновения английскому королю, они должны были «через него платить ему дань», а если кто либо из них поднимет мятеж против короля, то «судить их и лишать их власти», при чем в случае надобности прибегать к помощи констебля английского короля.

Таким образом, в Виндзорском договоре нашли выражение, с одной стороны, отказ Генриха II от полного завоевания Ирландии и стремление подчинить ее посредством самой ирландской знати, следуя принципу всех завоевателей «разделяй и властвуй», а с другой — неспособность ард-риага собственной властью справиться с вождями, устранить распри между ними и добиться необходимого единства в целях изгнания из страны английских завоевателей. В то же время, несмотря на этот договор, сопротивление ирландцев завоевателям продолжалось.

Еще в 1177 г. Генрих II на королевском совете в Оксфорде возвел своего малолетнего сына Иоанна в лорды Ирландии, передав таким образом ему управление островом. 25 апреля 1185 г. Иоанн как правитель Ирландии высадился в Уотерфорде с большой свитой в сопровождении 300 рыцарей и нескольких сот лучников. Он вступил в Дублин, где ему принесли присягу верности несколько ирландских вождей южных территорий.

Однако окружение Иоанна повело себя грубо и нагло по отношению к этим вождям. Еще большее недовольство вызвали бесцеремонные пожалования Иоанном земель своим приближенным, прибывшим с ним на остров. Для покрытия больших расходов двора Иоанна города были обложены тяжелыми поборами, что вызвало недовольство баронов. Начались военные столкновения между англичанами и отрядами вождей. Некоторые из баронов отказали в поддержке Иоанну. В результате королевская казна оказалась пустой. Учитывая обстановку, Генрих срочно отозвал из Ирландии своего незадачливого сына.

Но распри между ирландскими вождями и на этот раз спасли английских баронов от изгнания из Ирландии. Вскоре после отъезда Иоанна сыновья ард-риага Родерика О'Коннора низложили его. «Вспыхнула жестокая междоусобица в Конноте» и «многие пали в борьбе», говорится по этому поводу в одной из хроник. Джон де Курси, ставший правителем Ирландии, используя раздоры между вождями, в 1188 г. совершил грабительские походы в Коннот и Ольстер.

В 1199 г. Иоанн стал королем Англии. Вскоре после этого ему удалось добиться заключения де Курси в Тауэр. Но, опасаясь усиления власти вождей, он в начале. В 1210 г. с большим войском поспешил в Ирландию. Осуществив ряд мер по устройству ирландских территорий и разгромив местные войска, король в августе того же года вернулся в Англию.

Пейл — английская колония

В XIV в одна из областей Ленстера, подчиненная английскому королю, получила название Пейл (буквально — ограда, т.е. огороженная территория). Как отмечается в одной хронике, земли Ленстера были очень плодородны, а также удобны для обороны и «для получения помощи из Англии». Поэтому английские завоеватели сразу после вторжения начали строить на этих землях, укреплять их крепостями и другими сооружения, давая, таким образом, прочную базу для грабительских походов против ирландцев. Особенно был укреплен район Дублина — центральный район Ирландии, имеющий большое стратегическое значение королевское управление завоеванными землями. Ирландии создавалось при Генрихе II и Иоанне I; его возглавлял юстициарий — королевский наместник, он же верховный судья, который назначался королем и председательствовал в высшем суде в Дублине.

Он обеспечивал мирное поступление доходов в королевскую казну, производил описи земель вассалов короля и оценку доходов от них, следил за строительством и содержанием в надлежащем состоянии замков. Кроме того, в его обязанность входило подавлять восстания ирландцев и мятежи английских феодалов. В городах, включенных в королевский домен, были посажены констебли, а также размещены королевские отряды. Крупные бароны заседали в совете при наместнике. При вторичном посещении Ирландии Иоанн разделил завоеванную территорию на 12 графств, возглавляемых шерифами и другими должностными лицами короля. Были созданы суд общих тяжб и казначейство в Дублине, а для хранения королевских доходов еще в 1204 г. был заложен Дублинский замок, ставший не только резиденцией наместника и административным центром страны, но и важнейшей крепостью. В 1320 г. был основан Дублинский университет. «Законы Ирландии и Англии есть и должны быть одни и те же», - указывал Генрих III своему юстициарию в Ирландии в 1222 г., формулируя общий для всех Плантагенетов принцип ирландской политики.

Английское завоевание Ирландии — феодальная экспансия, целью которой было «приобретение земель» и создание феодальной колонии. В результате английского вторжения в Ирландию в XII в. почти 1/3 земель стала собственностью английских светских и духовных феодалов, которые начали ее заселять; король же присвоил себе права верховного собственника по отношению к владениям баронов и включил их в свою иерархию. Ирландские вожди в 1317 г. в своей ремонстрации папе римскому имели все основания заявить об узурпаторском характере созданного короной землевладения английских завоевателей. «...Для них считается законным отнимать у нас силой оружия все, что они могут отнять из земель и владений», — говорилось в этой ремонстрации.

Большую часть светских держаний в Ирландии Генрих II и Иоанн I жаловали непосредственно от короны за рыцарскую службу с уплатой короне особого взноса при вступлении в наследство, с несением по требованию короля или его юстициария военно-рыцарской службы или с уплатой взамен этого денежного «щитового» налога — **скутажа**. Короли опекали малолетних наследников своих держателей, разбирали споры о собственности и земельных держаниях, возникавшие между свободными подданными короля, руководствуясь при этом основными королевскими указаниями (ассизами) Англии.

Союз завоевателей с католической церковью был оплачен большими земельными пожалованиями церкви, обычно на выгодных для нее условиях «свободной милостыни». В маленькой Ирландии в средние века насчитывалось более 500 монастырей и братств. Многие из них были основаны английскими королями и баронами после короля.

Короли не забывали и себя. Генрих II присоединил к своему домену г.Уотерфорд и морское побережье от Дунгарвона до Уэксфорда; Иоанн включил в королевский домен часть земель Ольстера, отнятых у де Курси после Победы над ним, а Генрих III завладел массивом лучших Земель в Конноте.

Фискальные и политические интересы английских королей заставляли их искать поддержку у городов. Еще в 1192 г. Иоанн пожаловал Дублину ряд вольностей, издав соответствующую хартию, которая послужила образцом для хартий других городов. Жители Дублина получили свой суд, а также освобождались во время переездов по стране от дорожной пошлыны, от оплаты за перевоз товаров, за право проезда по мостам и через переправы. Как и горожане Бристоля, они получили право создавать свои объединения — гильдии. Приезжим купцам разрешалось покупать зерно, шкуры и шерсть только горожан, а привозимое ими вино сбывать только на кораблях; им запрещалось оставаться в городе со своими - товарами более 40 дней и иметь таверны. За все эти вольности дублинцы выплачивали королю ежегодно 200 марок. Позже подобные вольности получили другие королевские города: Дрогеда, Уотерфорд, Лимерик, Корк. Бароны в свою очередь поддерживали образование городов и жаловали их жителям вольности, получая от этого немалые доходы. На завоеванных англичанами территориях города копировали порядки городского строя Англии, являясь опорой господства английских феодалов-завоевателей. Городскими вольностями пользовались только свободные горожане из англичан и другие иностранцы; торговать с ирландцами даже на непокоренных территориях горожанам Пейла запрещалось.

В начале XIII в. в Англии всеобщее недовольство политикой Иоанна привело к восстанию английских баронов, поддержанному горожанами и другими сословиями королевства. В 1215 г. король подписал Великую хартию вольностей. В ее статьях свободным подданным короля даровался ряд вольностей, чтобы «защитить их от произвола»; в действительности большинство этих статей выражало интересы феодальной аристократии и богатых горожан. Английские бароны в Ирландии поспешили использовать это событие. После смерти Иоанна в целях предотвращения мятежа баронов в Ирландии от имени девятилетнего короля Генриха III 12 ноября 1216 г. была пожалована всем свободным англичанам «на вечные времена» Великая хартия Ирландии. В ней дословно повторялось большинство статей английской Великой хартии вольностей. Для улучшения королевского судопроизводства юстициарий обязывался посылать четыре раза в год в каждое графство по два мировых судьи, которые должны были вместе с четырьмя рыцарями, избранными в графстве, решать все дела свободных англичан в определенный день и в определенном месте. Признавались все вольности города Дублина. Король также выражал согласие, чтобы «все другие города, тауны, местечки и порты имели их вольности и свободные обычаи». Были проведены и другие мероприятия. Так, дублинская четверть объявлялась единой для всей Ирландии мерой сукна. Английским купцам в мирное время предоставлялось право свободно и беспрепятственно въезжать в Ирландию и выезжать из нее, а также передвигаться по стране как сушей, так и по воде, чтобы «покупать и продавать без всяких незаконных поборов».

Однако все вольности этой хартии были привилегией только свободных англичан; на ирландцев они не распространялись.

В 1265 г. в Англии в ходе борьбы сословий против произвола королевской власти и крупных феодалов возник парламент — сословное учреждение при короне, состоявшее из представителей аристократии, духовенства, рыцарей и зажиточных горожан, прерогативой которого был контроль над введенными королем новыми налогами и поборами. В 1297 г. Эдуард I разрешил своему юстициарию в Ирландии созвать в Дублине ирландский парламент из шерифов и сенешалов (командующих войсками) графств и территорий, входивших в Пейл, «графов, баронов и других важных лиц этой земли», архиепископов, епископов, аббатов и priоров, а также из представителей рыцарей, избранных курией каждого графства или территории в количестве двух депутатов, «с согласия» всего графства или территории. Депутатов от ирландских территорий не пригласили.

Таким образом, завоеванные ирландские территории при Плантагенетах стали частью феодальной Англии и фактически английской колонией. Как известно, в средние века в результате войн на завоеванной территории нередко возникали новые феодальные государства, независимые от метрополии. С Ирландией этого не произошло. Географическая близость двух стран всегда позволяла Плантагенетам осуществлять свою власть на завоеванных ирландских землях. Главным средством подчинения являлось включение новоиспеченных английских феодалов в иерархию, возглавляемую английским королем, распространение на них основных норм феодального права метрополии, а также подчинение их тем же органам королевской власти, которые Плантагенеты создавали в Англии. Немаловажное значение при этом имели и фискальные интересы как короны, так и феодалов метрополии.

Пейл — оплот агрессии английских феодалов в Ирландии

Эксплуатацию захваченных в Ирландии земель завоеватели осуществляли посредством английской манориальной системы с присущими ей доменом, зависимыми от лорда-манора держаниями, с рентами и другими поборами с держателей, составлявшими основной доход лорда манора, с манориальной курией и судебной зависимостью от лорда манора всех несвободных держателей. Вскоре после вторжения Пейл по образцу метрополии был покрыт майорами.

Но из дошедших до нас манориальных документов английских феодалов-колонизаторов явствует, что очень скоро они в своих манорах стали испытывать серьезные затруднения с держательским составом.

Вывозу в Ирландию крепостных крестьян из Англии мешало их прикрепление к земле в поместьях метрополии, а непрекращавшееся сопротивление ирландцев английским лордам препятствовало массовому превращению местных жителей в крепостных, так называемых батагиев, которое пытались осуществить новоиспеченные лорды в своих манорах. Хроники и документы полны сведений о побегах ирландцев из маноров и их расправах с новыми господами.

Острый хронический недостаток крестьян-держателей и сокращение в связи с этим доходов лордов-завоевателей и их вассалов в конце концов привели к тому, что они стали сдавать земли своих поместий, особенно пастбища, за натуральную денежную ренту свободным ирландцам (в документах их собирательно называют «ирландцами»), с успехом используя для повышения ренты национальную дискриминацию ирландцев: ведь, как правило, с ирландцев-держателей взималась более высокая рента, чем с англичан-держателей. Этот новый источник доходов для английских феодалов-колонизаторов стал столь важным, что в XIV в. при Эдуарде III официально было разрешено лордам сдавать свои земли в наследственное или краткосрочное держание лояльным по отношению к англичанам ирландцам. Кроме того, английские лорды в своих манорах эксплуатировали «слуг», главным образом бедняков из ирландцев, нанимая их за плату.

Ирландский парламент в 1366 г. в интересах лордов и вполне в духе так называемого рабочего законодательства Эдуарда III в Англии установил, чтобы плату за труд определяли «двое или более зажиточных и благоразумных людей в городе, тауне, селе или деревне», а шерифы графств и другие должностные лица заключали в тюрьму всех, кто откажется подчиниться этому порядку.

Крестьянско-держательская основа, на которой возводился поместный строй английских феодалов в Ирландии, оказалась узкой и непрочной. Основной постоянной чертой социального облика английских лордов в Ирландии была агрессивность как главное средство осуществления их устремлений, которые сводились к тому, чтобы повысить свои скромные доходы от поместий, а также всемерно сократить расходы в пользу короля, ослабить его верховную власть и сохранить самовластие. Особенно воинственными и своевольными были бароны пограничных областей.

В силу ряда причин Плантагенеты в этот период не могли продолжать дальнейшее завоевание Ирландии. В результате колонизацию ирландских земель, завоевательные войны и походы уже с XIII в. стали осуществлять главным образом англо-нормандские бароны. Королям же пришлось примириться с тем, что в отличие от Англии, бароны сами набирали и содержали вооруженные отряды, строили и охраняли замки, самочинно вели войны с ирландцами и заключали с ними мир, воевали между собой, имели свои суды (вмешательство в дела которых королевским чиновникам разрешалось только в случае допущенных этими судами ошибок), создавали на своих землях города, получали с них доходы. Королевские доходы в Ирландии состояли главным образом из поступлений с домениальных земель короны, городов и опекаемых и выморочных поместий, из денежных повинностей непосредственных вассалов короля. Домен короля был меньше владений Наряда крупных баронов, тем более что они постоянно их расширяли. Доходы короля были урезанными также вследствие наличия крупных иммунитетных территорий баронов.

Следствием такой политики Плантагенетов явилось укрепление могущества баронов в Ирландии. Чтобы удержать Пейл под своей властью, королям приходилось идти на уступки, добиваясь поддержки своевольных и сильных феодалов, истощая в то же время свою казну в Дублине. Кроме того, баронам выдавались субсидии из королевской казны «для поддержки их на службе королю». Нередко у тех же баронов короли нанимали военные отряды для своих военных экспедиций как в самой Ирландии, так и вне ее, и платили им за это также из казны.

Английские бароны, пользуясь бесправным положением ирландцев, чинили над ними насилия, грабили их. Поскольку на ирландцев не распространялось действие английского общего права, они считались людьми вне закона. Каждый англичанин имел право поступать с ирландцем, как ему хотелось, — самочинно отнять у него землю и другое имущество, даже убить его.

Ирландские вожди в ремонстрации 1317 г. жалуются на то, что всякий англичанин может привлечь к ответственности через королевский суд ирландца «по любому поводу», что за убийство ирландца, кто бы он ни был, англичанин не подлежит наказанию судом; более того, такие люди пользуются среди англичан почетом и даже вознаграждаются. «Потому что, — пишут с горечью вожди, — не только светские люди из англичан, но и священники, а также монахи упорно твердят, что убить ирландца так же не грешно, как убить собаку или другое животное».

Не удивительно, что бароны пресекали все попытки распространить на ирландцев английское право, хотя эта мера помимо всего прочего должна была усилить власть короля и увеличить его доходы. В 1276 г. ирландские вожди через наместника предложили уплатить королю 80 тыс. марок за распространение на них английского общего права. Но Эдуард I не решился провести это без согласия своих баронов в Ирландии, передав предложение на их обсуждение. Как замечает Энгельс, «бароны не обратили на это никакого внимания...» В 1321 г. появился эдикт о распространении английского права на всех ирландцев, за исключением бетагиев, которые, подобно английским виланам, должны были оставаться под юрисдикцией своих лордов — английских феодалов. Однако эту привилегию стали продавать за деньги, и притом только отдельным представителям ирландской знати. Основная же масса ирландцев, как и прежде, оставалась бесправной.

Эдуард III, вступивший на престол в 1327 г., попытался усилить свою власть над Пейлом, ослабить самовластие баронов. Когда ирландская знать в 1329 г. подала ему петицию с просьбой распространить на ирландцев английское право и освободить их от необходимости покупать хартии на получение этой привилегии, наместник получил от короля инструкцию удовлетворить эту просьбу. Но поскольку бароны не согласились и на сей раз, «все осталось мертвой буквой».

На отношения Плантагенетов с баронами большое воздействие оказывала позиция рыцарей и нетитулованных фригольдеров. Большая часть их находилась в Ирландии отнюдь не для того, чтобы заниматься хозяйственными делами. Вместе с баронами они грабили и эксплуатировали ирландцев, участвовали в междоусобицах, а в спорах и стычках с представителями королевской власти обычно выступали на стороне баронов. В силу этого все попытки Плантагенетов использовать представителей рыцарства в парламенте были безуспешными. Примечательно в этой связи признание Эдуарда III, что в Ирландии королю лучше служат те англичане, которые «имеют доходы и собственность в Англии».

Иными словами, Плантагенеты, не имея прочной опоры в Ирландии, не могли проводить в ней ту политику усиления королевской власти, которую они успешно осуществляли в Англии. В Ирландии им пришлось довольствоваться ролью слабых королей при сильной олигархии баронов.

Постепенно Пейл превратился в колонию баронов. Главным содержанием его политической истории этого периода являются междоусобицы, а также выступления отдельных баронов против короны. К этому следует добавить злоупотребление властью ряда юстициариев, обогащение их за счет короны, потворство отдельным баронам, неподчинение королю. В буржуазной историографии считается общепринятым возлагать всю вину за неудачи Плантагенетов в Ирландии, при них самих слишком мало уделялось внимания этой стране, здесь не было создано крепкого аппарата власти и сильной армии, жадным баронам предоставлено слишком много привилегий. Однако эти неудачи были следствием других причин.

Непокоренная Ирландия

Английское нашествие «отняло у Ирландии всякую возможность развития и отбросило ее на столетия назад, и притом именно начиная с XII века». В результате у ирландцев были отняты богатые и плодородные земли в Ленстере и других провинциях, что лишило их возможности нормально заниматься земледелием и обрекло, таким образом, развитие производительных сил страны на длительный застой; они были оттеснены в леса, болота и горы, у них была захвачена наиболее важная часть морского побережья с крупными портами.

В ремонстрации 1317 г. захватнические устремления английских завоевателей охарактеризованы очень точно: «Они со всей их мощью и вероломством напали на наш народ, пытаются полностью его искоренить... они изгнали нас силой из наших просторных жилищ, доставшихся нам по наследству от наших отцов, они заставили нас для спасения жизни искать приюта в горах, лесах, болотах, на пустынных территориях и даже в пещерах, где мы в течение длительного времени живем как дикие звери. И даже в этих местах они преследуют нас, стараясь выгнать нас и уничтожить, чтобы завладеть всем, что мы имеем».

С начала английского вторжения весь остров оказался разделенным на две фактически самостоятельные как в экономическом, так и в политическом отношении части: Пейл — область английского господства и Непокоренную Ирландию, как стали называть не захваченные англичанами территории. Обе эти части практически находились в состоянии непрерывной войны, а упорно проводимая англичанами дискриминация ирландцев еще более обостряла вражду между ними.

На незавоеванных землях сохранялось натуральное хозяйство, очень медленно развивалось общественное разделение труда и товарное производство. По-прежнему здесь было мало городов. К тому же экономически они были слабо связаны как между собой, так и с важнейшими морскими портами, которыми владели англичане. Этому немало способствовал и запрет купцам Пейла торговать с ирландцами. Тем не менее французские и испанские корабли в XIV в. стали все чаще посещать западное побережье Ирландии и доставлять в Непокоренную Ирландию оружие, порох, железо, соль, вино, а также предметы роскоши, которые приобретали главным образом вожди. Крестьяне же в массе своей оставались натуральными производителями.

В общественной жизни непокоренных ирландцев сохранялась прежняя клановая система с обычаями гевелкайнд и танистри. Оставались в силе древнее брегонское право, власть вождей и клановой аристократии, политическая раздробленность страны, продолжались междоусобные войны между вождями. В ирландских хрониках приводятся многочисленные сведения о разорявших и ослаблявших Непокоренную Ирландию раздорах и усобицах вождей, которыми пользовались английские бароны и королевские наместники для своих грабительских походов на ирландские территории, для различных интриг и вымогательств.

В таких условиях феодальные отношения в Непокоренной Ирландии при сохранении многих архаических пережитков развивались очень медленно. Натуральная рента и традиционные поборы с крестьян, как свободных владельцев клановых земель, так и несвободных у держателей земель вождей, составляли основную часть их доходов, особенно в тех районах, где скотоводство было главным занятием населения. Многие поборы перманентно и произвольно увеличивались вождями по причине ведения междоусобиц или войн с англичанами. Эти рента и поборы в совокупности с грабежами и опустошениями, чинимыми во время междоусобиц вождей и походов английских королей и баронов, обычно поглощали не только весь прибавочный труд ирландских крестьян, но и значительную часть необходимого, что лишало их возможности нормально расширять свое хозяйство и задерживало развитие общественных отношений в Непокоренной Ирландии.

Английское завоевание Ирландии замедлило и культурное развитие страны.

Несмотря на тяжелые условия, в которых оказался ирландский народ в результате английского вторжения в Ирландию, он не покорился и продолжал мужественную и смелую борьбу за освобождение своей родины от иноземного ига. В составленном в 1325 г. официальном документе о положении Ирландии говорилось о «малых войнах» (т.е. партизанских войнах), которые вели ирландцы против англичан. В казначейских отчетах в Дублине отмечены многие случаи нарушения «королевского мира» ирландцами пограничных районов, а также большие расходы, которые вынуждены были нести юстициарии, чтобы усмирять их. И в описях маноров, расположенных в пограничных районах Пейла, часто сообщается о том, что тот или иной земельный участок находится в руках «у ирландцев» или «опустошен» ирландцами, нарушившими «королевский мир».

Освободительные чаяния народа отразились в фольклоре — в народных сказаниях, балладах и легендах средневековой Ирландии. Безвестные народные сказители и певцы не только пересказывали древние ирландские саги и песни о героях, пробуждая у своих слушателей чувство национальной гордости и бережно сохраняя этот эпос для потомков, но и сочиняли новые произведения. Одной из самых популярных тем этих произведений была тема борьбы за освобождение Ирландии от чужеземного ига. Воспевались любовь ирландцев к своей родине и ее прошлому, их свободолюбие, борьба за независимость, мечта о грядущем освобождении Ирландии от английских завоевателей.

Но освободительную борьбу ирландского народа обычно возглавляли представители ирландской знати. Они нередко использовали эту борьбу в своих корыстных целях, враждовали между собой, вступали в сговор и роднились с английскими феодалами, разоряли и грабили ирландских крестьян на территориях своих противников, подрывая единство сил, столь необходимое для победы над англичанами-завоевателями. Народная мудрость гласила: «Кто хочет раздробления Ирландии, тот думает только о себе», «Трех вещей остерегайся: копыта лошади, рог быка и улыбки англичанина».

В начале XIV в. в результате победы шотландцев над англичанами усилилась освободительная борьба и в Ирландии. Но ирландская знать не стремилась к объединению всего народа в борьбе против англичан. Она попыталась бороться с англичанами, прибегнув к помощи иноземного короля, наивно полагая, что такой король будет послушным орудием в ее руках. Выбор пал на брата шотландского короля Роберта Брюса — Эдуарда, честолобивого молодого человека, претендовавшего на шотландский престол и потому опасного соперника для Роберта. 25 мая 1315 г. Эдуард Брюс с шеститысячным войском, набранным в Шотландии при поддержке своего брата, высадился в Антриме. К нему присоединились вожди многих территорий, и Брюс короновался ард-риагом. Даже часть английских баронов в Пейле признала Брюса королем и выслала ему своих заложников.

Однако Эдуард Брюс повел себя в Ирландии как завоеватель. Его отряды грабили население в Мите и Манстере, вызвав недовольство. В связи с этим Брюс был вынужден отступить снова в Ольстер и там дожидаться помощи из Шотландии. А английским войскам тем временем удалось овладеть Уиклоу, вторгнуться в Коннот. Большую помощь англичанам оказала католическая церковь. Папа римский специальной буллой отлучил Брюса и его потомков от церкви, а ремонстрации ирландских вождей с объяснением причин поддержки Брюса он не придал никакого значения, просто направив ее английскому королю.

Тогда на помощь своему брату поспешил шотландский король Роберт Брюс. В конце 1316 г. он высадился у Каррикфергуса с армией в 22 тыс. человек. Взяв его, он не смог сломить сопротивление жителей Дублина и направился в Манстер. Ограбив эту провинцию вплоть до Лимерика, он вызвал среди местного населения огромное недовольство. Нуждаясь в продовольствии, Роберт вынужден был весной 1317 г. отступить в Ольстер, а оттуда уйти в Шотландию.

Вторжение Брюсов в Ирландию в конце концов привело к междоусобным войнам. Ирландия оказалась опустошенной и разграбленной, в стране начался голод, и люди, как сообщается в одной из хроник, «ели друг друга». Примечательно, что Эдуард Брюс назван в ней «разрушителем Ирландии вообще, как английской, так и гэльской». 14 октября 1318 г. в сражении с английскими войсками при Фоугарте (около Дендалка) Эдуард Брюс потерпел поражение, попал в плен и был казнен.

Возвышение англо-ирландской знати

Немаловажным фактором, ослабившим господство англичан в Ирландии, являлся процесс ассимиляции ирландцев с английскими колонизаторами. Его результаты особенно сказались в XIV—XV вв. Это был вполне естественный процесс, в ходе которого небольшая группа феодалов-завоевателей при отсутствии массовой колонизации из метрополии через два-три поколения обычно полностью ассимилировалась с местным населением, перенимая его обычаи и культуру. Но в Ирландии этому способствовала еще и эволюция поместного строя английских феодалов-колонизаторов, а также то, что во многих английских манорах значительно увеличилось число держателей из свободных ирландцев.

Кроме того, поскольку содержание собственных отрядов из английских рыцарей и воинов стоило очень дорого, бароны охотно стали нанимать ирландских воинов, собирая для этого средства с местного населения в виде традиционных поборов ирландских вождей на военные нужды. И наконец, главы многих баронских семей в Ирландии, владея поместьями в Англии, обычно не проживали в Пейле и поручали управление ирландскими манорами сенешалам или своим родственникам, которые охотно рождались с ирландскими вождями, чтобы скорее разбогатеть и возвыситься. Наиболее интенсивно процесс ассимиляции происходил на территориях, удаленных от Пейла, где бароны и их родственники в установлении родства с местными вождями видели единственное средство спасти свои поместья от разгрома.

Так, в Манстере Маурис Фицтомас, получивший от Эдуарда II титул графа Десмонда, стал ирландизированным потомком Мауриса Фицджеральда, англо-нормандского рыцаря, сподвижника Стронгбоу. Другая ветвь Фицджеральдов стала графами Килдарами. В свою очередь Джеймс Батлер, получивший от Эдуарда II титул графа Ормонда, был ирландизированным потомком Теобальда Фицвальтера, дворецкого Генриха II, прибывшего с ним в Ирландию, предок которого являлся сподвижником самого Вильгельма Завоевателя. В его руках были огромные владения в Типперэри и Лимерике. Другими англо-ирландскими феодалами были Берки, Фицгиббоны, Брауны, Ласи, Клеры, Рошы, Пэрселлы, Сарфильды; потомки Стронгбоу стали англоирландским родом графов Пемброков в Ленстере и т.д. Английские короли многократно пытались остановить процесс ассимиляции в Ирландии, прибегая к различным мерам, в том числе к запрещению всякого общения с ирландцами как с враждебной стороной, людьми вне закона. Уже в решениях первого дублинского парламента 1297 г. говорилось об «англичанах, которые стали в настоящее время вырождаться», в связи с чем всем англичанам в Пейле было предписано под угрозой суровых наказаний одеваться и стричься только по английской моде. Однако это не возымело никакого действия. Новые попытки остановить ассимиляцию и подорвать могущество англо-ирландских лордов были предприняты в XIV в. при Эдуарде III. Но и ему в конце концов пришлось согласиться с тем, что все рожденные в Ирландии англичане должны признаваться «истинными англичанами, так же как и рожденные в Англии», и пользоваться одинаковыми с ними правами. Наряду с этим была осилена дискриминация ирландцев в эдикте короля 1356 г. запрещалось «всем чистокровным ирландцам» занимать гражданские и духовные должности на английских территориях в Ирландии, за исключением тех церковников из ирландцев, «лояльность» которых была удостоверена судьями.

С целью добиться усиления власти английского короля в Ирландии в 1361 г. наместником был послан второй сын Эдуарда III — Лионель Кларенс. Он совершил несколько военных экспедиций против септов Ленстера, однако не смог своими силами добиться победы над О'Брайеном в Конноте и вынужден был обратиться за помощью к англо-ирландским лордам. В 1366 г. им был созван ирландский парламент в Килкенни, который принял 35 различных статутах, в совокупности получивших название Килкеннийские статуты. По оценке самого Кларенса, эти статуты были «декларацией постоянной войны не только против ирландцев, но и против каждого англичанина, который селился вне пределов Пейла и поддерживал связь с ирландцами». В преамбуле к этим статутам указывалось на ирландизацию англичан как на основную причину ослабления власти английской короны над Ирландией.

Парламент предписал всем англичанам под угрозой конфискации их земельных владений или заключения в тюрьму говорить только на английском языке, одеваться в английские одежды, соблюдать английские обычаи, носить английские имена, не пользоваться брегонским правом, не принимать в своих домах ирландских бардов и музыкантов, потому что они-де, посещая дома англичан, шпионят в пользу «ирландцев-врагов». Запрещалось также продавать ирландцам лошадей и оружие, а в военное время продукты питания, допускать на английских территориях ирландцев к церковным должностям и предоставлять им помещения для религиозных целей. Всем подданным короля запрещалось самовольно начинать войны с ирландцами и заключать с ними мир.

При заключении мира обычно брали заложников, а парламент в Килкенни требовал в случае нарушения ирландцами мирного договора «казнить их заложников без промедления» Кроме того, ирландцы не имели права пасти скот на землях королевских подданных.

Так, парламент в Килкенни увековечил разделение Ирландии на две самостоятельные части: «мирные территории», или Пейл, в который в 1366 г. входило только девять графств — Лут, Мит, Трим, Дублин, Килдар, Килкенни, Уэксфорд, Уотерфорд, Типперэри, и Непокоренная Ирландия. В Килкеннийских статутах она весьма выразительно именовалась территорией «ирландцев-врагов». С другой стороны, килкеннийский парламент законодательно уравнил в правах англо-ирландскую и английскую знать, на что Эдуард III вынужден был согласиться ранее. Об этом в статутах говорилось так: «И чтобы впредь не делалось различия в подданстве между англичанином, рожденным в Ирландии, и англичанином, рожденным в Англии... чтобы их называли одинаково — «англичанами — подданными нашего лорда короля»».

Однако это уравнивание в правах не изменило социального облика англо-ирландской знати. Сдавая земли своих поместий главным образом ирландцам и вводя ирландские поземельные порядки, эта знать фактически отошла от английских поземельных отношений и манориального строя, с насаждения которых начали свое господство в Ирландии ее предки, вернулась к более ранней ступени феодального развития и стала вместе с ирландской клановой знатью носителем феодальной раздробленности страны и зачинщиком междоусобных войн. В то же время эти ставшие «жить по-ирландски» потомки чужеземных феодалов не объединились в одну с ирландской местную знать. Их благополучие, несмотря на ассимиляцию с коренным населением, было основано на экспроприации и дискриминации ирландцев как угнетенного народа. Это была новая местная знать, интересы которой были связаны более с колонией, чем с метрополией, и являлись не только феодально-сепаратистскими по отношению к власти английского короля в Пейле, но и колонизаторскими по отношению к коренным ирландцам, включая и клановую знать. Поэтому вражда к коренным ирландцам англо-ирландской знати была тем фактором в истории Ирландии последующего периода, который ослаблял освободительную борьбу.

Что касается экономических отношений, то во многих поместьях английских феодалов-колонизаторов и англо-ирландских лордов в XIV в. натуральные и отработочные повинности явно преобладали над денежными. Несмотря на это, феодалы были связаны с рынком, продавая и покупая главным образом в городах Пейла. Английская колонизация Ирландии совершалась в период интенсивного развития товарного производства в средневековой Европе, и в этот экономический процесс была вовлечена также первая феодальная колония Англии. Феодальное поместье в условиях развития товарного производства открывало перед феодалом две возможности: либо перейти к эксплуатации крестьян-держателей, превратившихся из натуральных производителей в товаропроизводителей, которые самостоятельно продают на рынке продукты своего хозяйства, либо продолжать их эксплуатировать в качестве натуральных производителей, а полученную таким образом продукцию самому продавать на рынке, используя для этого поместную администрацию. На большей части завоеванных англичанами в Ирландии территорий в отличие от метрополии возобладала вторая возможность, что весьма тормозило развитие Ирландии.

Упадок Пейла в XIV — XV вв.

Пейл в XIV в. все более становился очагом феодальной вольницы. Лидерами баронской оппозиции стали англо-ирландские аристократические фамилии — Килдары, Ормонды и Десмонды. Чтобы удержать свою власть над Пейлом, короли вынуждены были искать у них поддержки, жаловать им большие земельные владения, родниться с ними. Начавшаяся в 1337 г. Столетняя война с Францией отвлекла внимание английской короны от Ирландии. Но эта война требовала значительных средств. Попытка Эдуарда III собрать 5 тыс. ф.ст. со своих ирландских вассалов вызвала сопротивление со стороны баронов. «Король английский занят войнами, ему нужны все войска, и он не может больше защищать свои земли в Ирландии», — говорил наместник баронам в дублинском парламенте в 1374 г.

В этих условиях Эдуард III согласился на назначение наместником Ирландии графа Ормонда.

В конце XIV в. ирландским септам Ленстера вновь удалось освободить ряд своих территорий от английского господства, сократив таким образом площадь Пейла. Они вплотную подошли к Дублину, угрожали Уэксфорду, Карлоу и Килдару. Заметно усилилась власть молодого и энергичного верховного вождя Ленстера Арта Ог Мак Морроу Каванага. Его военные успехи заставили короля Ричарда II совершить военную экспедицию в Ирландию с целью остановить наступление ирландских септов и «заново покорить Ирландию». Король высадился в Уотерфорде 2 октября 1394 г. с армией в 4 тыс. рыцарей и 30 тыс. пеших воинов. В ноябре он вступил в Дублин. Графы Ормонд и Десмонд, а также ряд других крупных англо-ирландских баронов и епископов, опасаясь возвышения Мак Морроу, оказали Ричарду поддержку. Всего Ричарду присягнуло на верность около 80 вождей. Зимой 1395 г. Мак Морроу и его союзники также подчинились Ричарду.

Будучи уверенным в том, что Ирландия снова приведена в подчинение Англии, Ричард в мае 1395 г. покинул Ирландию, оставив наместником Роджера Мортимера, своего двоюродного брата. Но новая присяга верности ирландских вождей — третья после английского завоевания Ирландии в XII в. — не изменила отношений между короной и вождями.

Вскоре после отъезда короля Арт Мак Морроу и ряд других вождей в Ленстере подняли восстание. Положение англичан стало опять столь серьезным, что Ричарду вновь пришлось летом 1399 г. с армией в 40 тыс. человек отправиться в Ирландию. Начались военные действия. Мак Морроу избегал сражений в открытом поле и успешно применял прежнюю тактику партизанской войны: его отряды укрывались в лесах и оттуда совершали внезапные вылазки против английской армии, истребляя ее живую силу и уничтожая запасы продовольствия. Потерпев неудачу, Ричард срочно покинул Ирландию, тем более что в самой Англии его двоюродный брат Генрих Ланкастер захватил трон. В то же время Мак Морроу в борьбе против английского господства не был поддержан вождями других провинций. Поскольку это движение не стало общенародным, успех его был лишь частичным.

Итак, в результате бесконечных локальных войн, междоусобиц к концу XIV в., через 200 с лишним лет после англо-нормандского вторжения, баронская колония оказалась в состоянии полного упадка. Из 12 графств, созданных Иоанном, под властью короля фактически находилась только узкая полоса побережья от Дендалка до Брея. В донесении, составленном в 1399 г. королевским наместником в Дублине, сообщалось, что казна пуста, нет денег на выплату жалованья королевским отрядам, «ирландцы-враги» стали очень сильны и надменны. Они приобрели такую большую власть, что никто не может оказать им сопротивления Англичане в пограничных с ирландцами областях или не в состоянии оказывать сопротивление, или же боятся выступить против ирландцев. Англо-ирландские лорды не подчиняются ни праву, ни правосудию и самочинно грабят, а также убивают подданных короля. Более того, эти «англичане-мятежники», как их называет наместник, стали соучастниками враждебных действий «ирландцев-врагов. В течение всего XV в. продолжалось ослабление власти английской короны в Ирландии. Чтобы избавиться от вторжения ирландских и англо-ирландских вождей, Дублину и другим городам Пейла часто приходилось платить выкуп («черную ренту»), размер которого достигал 700 ф.ст. в год. В самой Англии вспыхнула война Алой и Белой розы (1455—1485 гг.), феодальная междоусобица двух аристократических семей — Йорков и Ланкастеров, боровшихся за королевский трон. В эту усобицу была вовлечена и знать Ирландии, которая разделилась на два лагеря.

В 1463 г. Эдуард IV назначил своим наместником графа Десмонда, и до 1533 г. (с небольшими перерывами) этот пост занимали представители англо-ирландской знати.

С восшествием на английский престол в 1485 г. Генриха VII Тюдора большая часть англо-ирландских лордов выступила против новой династии и попыталась превратить Ирландию в центр борьбы с ней.

Эти лорды выдвигали претендентами на английский престол двух самозванцев, но оба этих авантюриста потерпели полный крах.

Королевская власть в Ирландии потерпела поражение еще и потому, что города Пейла не оказали королям серьезной поддержки, хотя являлись опорой их власти, а доходы, собираемые с них, составляли важную статью королевского бюджета.

Купцы английских городов Пейла вывозили в Англию, главным образом через Бристоль и Честер, шкуры, кожу, шерсть, скот и лошадей, мел, сало, воск, пшеницу и овес. Ввозили же в соответствии с потребностями английских феодалов и фригольдерской верхушки железо, крашенные сукна, мыло, вино и другие предметы роскоши. Регулярно они торговали с Францией и Гасконью, Фландрией, Флоренцией и Луккой, Испанией и Португалией.

Однако эволюция поместного строя английских феодалов-колонизаторов, слабые связи их держателей с рынком, политическая раздробленность страны, дискриминация ирландцев придавали развитию товарного производства в стране своеобразные черты. Поскольку городское ремесло не имело достаточно емкого внутреннего рынка, в городах Пейла и других английских территорий ремесленное производство развивалось гораздо медленнее, чем торговля. Преобладание торговли над ремеслом стало характерной особенностью этих городов. Купцы ориентировались главным образом на запросы английской и англо-ирландской знати. Они вывозили в другие страны большую часть той продукции, которая производилась в поместьях феодалов, а также добычу, награбленную ими в результате войн с непокоренными ирландцами или между собой. Они же являлись и основными покупателями товаров, которые предлагал город. Однако лорды предпочитали приобретать предметы роскоши, сделанные в Англии и других европейских странах, потому что такие предметы были или лучшего качества, или в ирландских городах не изготовлялись. Все это привело к тому, что в городах Пейла и других английских территорий главное значение приобрела не внутренняя, а внешняя торговля.

В немалой степени способствовала этому и сама королевская власть. Постоянно испытывая недостаток в денежных средствах, короли в целях увеличения своих доходов с городов всячески содействовали внешней торговле, покровительствовали иностранным купцам в Пейле. Уже в Великой хартии Ирландии иностранные купцы в Пейле приравнялись к английским. В Купеческой хартии 1308 г. иностранным купцам разрешалось торговать на всех городских рынках английских территорий.

в Ирландии при условии уплаты ими королю «большой пошлины». Им также было разрешено вывозить из Пейла в Англию и Уэльс зерно и другие сельскохозяйственные продукты. Кроме того, короли охотно сдавали на откуп иностранным купцам и банкирским конторам сбор своих доходов с городов Пейла.

Дискриминация ирландцев и частые войны с Непокоренной Ирландией препятствовали установлению и развитию экономических связей между городами Пейла и большей частью острова. Вместе с этим и городские власти способствовали проведению дискриминационной политики. Так, дублинский магистрат в середине XV в. указывал, что привилегиями горожанина мог пользоваться любой свободный человек при непременном условии — он не должен быть ирландцем по происхождению. Ремесленники в Дублине могли брать учениками только англичан, а пекарю запрещалось даже отпускать хлеб ирландцам.

III. Ирландия при Тюдорах и первых Стюартах

Образование абсолютной монархии в Англии привело к подчинению Тюдорам всей Ирландии и превращению ее в королевскую колонию.

Начало усиления власти английского короля в Ирландии

В 1494 г. в Дублин прибыл наместник Ирландии Эдуард Пойнингс в сопровождении крупного военного отряда. Он созвал парламент в Дрогеде, на котором, используя поддержку рыцарей и представителей городов, ему удалось добиться принятия так называемого закона Пойнингса, сыгравшего в дальнейшем важную роль в подчинении Ирландии английской короне.

В соответствии с этим законом парламент в Дублине можно было созывать только с разрешения английского короля, а обсуждать он мог лишь те законы, которые предварительно были обсуждены и одобрены королем и его Тайным советом в Лондоне. Кроме того, каждый статут английского правительства в Ирландии получал силу на всей территории острова (а не только в Пейле), хотя большая часть его еще не находилась в подчинении английского короля. Были также подтверждены Килкеннийские статуты, за исключением запрещения говорить по-ирландски.

Генрих VIII в одном из своих посланий наместнику так охарактеризовал ирландскую политику короны в начале XVI в.: «Сейчас, в начале, политические меры могут принести больше пользы, чем война, до тех пор, пока не наступит такое время, когда мощь ирландских врагов будет ослаблена вследствие лишения вождей власти и внесения в их среду раздора». Сначала политику подчинения Ирландии первым двум Тюдорам пришлось осуществлять через могущественных Килдаров, купив их поддержку милостями, а также опираясь на вражду между англо-ирландской и ирландской знатью. Генрих VIII в своей политике ловко использовал интриги, подстрекал других англо-ирландских аристократов выступать против Килдаров, затем вмешивался в борьбу между ними, вызывая время от времени того или иного ее участника в Лондон. Здесь по обвинению в государственной измене их заключали в Тауэр или казнили. В 1534 г. Томас Шелковый из рода Килдаров поднял восстание в защиту заключенного в Тауэр его отца и осадил Дублин. Но поскольку англо-ирландские лорды его не поддерживали, он сложил оружие на условии полного прощения. Однако его вызвали в Лондон, где вместе с пятью дядями повесили как государственных преступников. С этого времени Генрих VIII стал назначать наместниками Ирландии только своих верных слуг из английских феодалов.

Когда Генрих VIII, порвав с Римом, в 1534 г. стал главой англиканской церкви, борьба в Ирландии против английских завоевателей вспыхнула с новой силой и велась под лозунгами защиты католичества. Ирландия стала объектом интриг католического лагеря. Глава оппозиционного католического духовенства архиепископ Арма Кромер в своих проповедях утверждал, что Ирландия никогда и никому не подчинялась, кроме папы, которому и надлежит быть ее правителем.

Это заставило Генриха VIII поспешить с осуществлением мероприятий по подчинению Ирландии и превращению ее в королевскую колонию. Прежде всего большие надежды возлагались на реформацию, в результате которой английский король, став носителем верховной церковной власти в Ирландии, мог скорее добиться от вождей подчинения, а секуляризация церковной собственности увеличила бы его доходы. К началу реформации в Ирландии насчитывалось 563 монастыря и приората; кроме того, по стране было разбросано около 2 тыс. монастырских гостиниц, богаделен и приютов, а ежегодные доходы, которые получала ирландская церковь, исчислялись в 110 тыс.ф.ст. У реформации, замечает Маркс, «с самого ее начала на лбу написан был грабёж; но что касается Ирландии, то там все было грабежом с головы до пят...»

Англиканская реформация церкви и конфискация в пользу короны десятины, земель и имущества монастырей в Ирландии была осуществлена королевским правительством на основании постановлений дублинского парламента, принятых в период с 1536 по 1541 г. В 1538 г. наместник в сопровождении английских отрядов прошел от Трима до Кавана, разрушая церкви, статуи святых и другие предметы культа. Была уничтожена и статуя Патрика в церкви в Дауне, одна из самых почитаемых святынь ирландских католиков. Они «разбивали и сжигали священные изображения, алтари и мощи святых Ирландии и Англии», — с болью замечает автор «Анналов четырех магистров», сравнивая эти насилия с преследованием христиан в Римской империи. Значительная часть секуляризованных земель была роздана в качестве пожалования светским держателям, в том числе и представителям англо-ирландской знати в целях добиться их преданности короне.

Но ирландские крестьяне остались приверженцами католической церкви; католиками были и многие англоирландские лорды, ирландские вожди. За это они и подвергались преследованиям.

При Елизавете были введены карательные законы против католиков: ирландский парламент 1560 г. подтвердил акт о церковной супрематии (верховенство) английского короля и установил строгие наказания за отказ признать супрематию, ввел англиканский молитвенник, запретил католическую мессу и обязал всех ирландцев посещать англиканскую службу в воскресные дни, а за каждое непосещение платить штраф в 12 пенсов (Яков Стюарт карал за это даже тюремным заключением). Тем не менее в целом по стране осуществление реформации, особенно в глухих районах острова, затянулось вплоть до английской революции XVII в.

Так в Ирландии после реформации появились две церкви: одна — чужеземная, официальная; другая — преследуемая английскими властями, но признаваемая большинством жителей острова. Нередко католики платили две десятины: одну — англиканской церкви по принуждению и другую — католической церкви добровольно.

Поскольку реформация и преследования католиков способствовали увеличению эмиграции из Ирландии, папа римский, а также короли католических стран получили возможность использовать ирландских эмигрантов-католиков в своих контрреформаторских целях.

Политика сдачи и нового пожалования поместий и начало массовых земельных конфискаций

Особенно важное значение в процессе подчинения Ирландии английскому королю в XVI—XVII вв. имела аграрная политика при Тюдорах и первых Стюартах. Она заключалась в том, что проводились «сдача и новое пожалование поместий», а также массовые конфискации земли у ирландцев и заселение их англичанами.

В июне 1541 г. парламент в Дублине торжественно, в присутствии всех лояльных вождей, объявил Генриха VIII и его преемников королями Ирландии, а представители всех кланов принесли четвертую после начала завоевания присягу верности английскому королю. Непосредственной целью этой меры была борьба с католиками, которые считали, что поскольку Генрих VIII в 1538 г. был отлучен от церкви папой, то он лишился титула лорда Ирландии. Но значение этой меры было гораздо шире. Члены Государственного совета в Дублине писали Генриху VIII по поводу его нового титула: «Мы считаем, что ирландцы более охотно будут подчиняться Вашему величеству как королю этих земель, чем как лорду их». Английский король, став королем всей Ирландии, получал, согласно английскому праву, юридические основания для превращения ирландских вождей в своих вассалов и как сюзерен мог распоряжаться по своему усмотрению землями кланов и септов.

Именно пользуясь титулом короля всей Ирландии, Генрих VIII стал настойчиво проводить политику сдачи и нового пожалования поместий. Сущность этой политики сводилась к тому, что король, нарушая права кланов и септов на землю, принимал от лояльных ирландских вождей подвластные им территории и жаловал их этим вождям как своим непосредственным держателям-вассалам обычно на правах рыцарского держания, с выдачи жалованной грамоты и присвоением титула согласно английской феодальной иерархии, подчиняя таким образом их своей власти. Чтобы закрепить преданность крупных вождей, король обычно жаловал им еще земли монастырей, находившихся на их территориях, а также земли из своего домена вблизи Дублина.

Так, в 1542 г. верховный вождь Ольстера Кон О'Нил после поездки в Англию и приема королем в Гринвиче подчинился власти английской короны на следующих условиях: он отказывался от своего ирландского титула и имени, получал титул графа Тирона, обязывался соблюдать английские обычаи, не собирать со своих подданных никаких архаических поборов, соблюдать все законы английского короля как его вассал. На подобных условиях, посетив Англию, вассалами английского короля стали граф Десмонд в Манстере, Маурис О'Брайен, принявший титул графа Томонда, Улик Берк из Коннота, принявший титул графа Кланрикарда, Хью О'Доннел из Ольстера, принявший титул лорда Тирконнела, — всего 40 вождей. «Поверьте мне и моему опыту, что наши титулы скорее ослабляют их (ирландских вождей), чем усиливают», — писал в конце XVI в. один из приближенных короля, вскрывая истинный смысл политики сдачи и нового пожалования поместий.

Вместе с осуществлением этой политики Тюдоры создали в Ирландии свой бюрократический аппарат и армию, состоявшие из серзиторов (так называли в Ирландии лиц, находившихся на королевской службе).

Во второй половине XVI в. был проведен ряд административных реформ: закончено образование графств в Ленстере, Конноте и Ольстере, созданы новые президентства, возглавлявшие гражданское и военное управление всеми графствами, входившими в эти провинции. В графства Ленстера и Манстера стали регулярно выезжать разъездные судьи, обязанные проводить свои сессии не менее двух—четырёх раз в год, решая дела согласно английскому общему праву. Было построено много военных крепостей и фортов, в которых размещались английские войска. На содержание войск в стране королевское правительство собирало со всех жителей специальный побор натурой.

При наместнике был создан Государственный совет, члены которого назначались королем из высших чинов королевской администрации, английских и англо-ирландских аристократов. Этот совет, подобно Тайному совету в Лондоне, контролировал осуществление политики короля, вместе с наместником издавал прокламации, обязательные для всей страны. Суд королевской скамьи разбирал судебные дела всех свободных подданных короля, а казначейский суд ведал доходами короля и всеми делами, связанными с ними. Для разбора дел о мятежах и других государственных преступлениях в 1562 г. был создан особый суд, получивший название Суд замковой палаты, — грозное орудие королевской власти, наподобие Звездной палаты в Лондоне.

Ирландский парламент из однопалатного представительного органа, каким он был на протяжении всего периода своего существования, превратился в двухпалатный, а его состав был значительно расширен, главным образом за счет представителей тех слоев, которые были заинтересованы в усилении власти короны над Ирландией, — рыцарей и богатых горожан. Они заседали в нижней палате. Верхнюю палату пополнили лояльными аристократами.

Но все эти меры не могли привести к уничтожению клановой системы и власти вождей в целом по стране. Королевская администрация во многих районах была еще слабой, политика сдачи и нового пожалования поместий вызывала сопротивление со стороны многих вождей, сама сдача поместий не была обязательной для всей ирландской знати, и обычно наместники производили ее по своему усмотрению. Нередко с получением пожалования от короля прежних земель отношения между вождем и другими членами кланов и септов не изменялись и, как и прежде, регулировались старинными обычаями и брегонским правом.

Наряду с политикой сдачи и нового пожалования поместий Тюдоры во второй половине XVI в. стали осуществлять массовые конфискации земель у ирландцев и англо-ирландцев и раздачу их своим сторонникам, широко используя для этого провокации и обвинения в государственной измене. Обращение верховного суверенитета в землевладение — так называл Энгельс конфискации в Ирландии — должно было со временем создать королю огромный домен и обеспечить увеличение и регулярное поступление доходов в его казну.

Но земельные конфискации были важным средством и политического подчинения всей Ирландии английскому королю. Непокоренная Ирландия не только угрожала английскому господству над островом, но и была опасна с точки зрения борьбы Англии с Испанией и папством, обострившейся во второй половине XVI в. Страны католической реакции предприняли несколько попыток использовать Ирландию с целью вторжения своих войск в Англию (в 1576 г. папа лишил Елизавету прав на корону Англии и Ирландии). Один из фаворитов королевы, имея все это в виду, указывал, что именно «в Ирландии и Шотландии враги могут наиболее легко найти пути и средства для нашего уничтожения» и что, только надежно заперев эти «потайные ворота в Англию», можно надеяться отразить опасность вторжения католических сил в Англию. Кроме того, с господством над Ирландией связывали возможность успешного проникновения англичан в Северную Америку, торговли с ней, борьбу за господство на море и всю колониальную экспансию Англии. «Ирландия богата гаванями на южном и западном побережье и является ближайшей к Америке частью Европы», — отмечал в доказательство этого утверждения в своем докладе королеве Р.Хаклуйт, известный при Елизавете пропагандист морской экспансии Англии.

Вот почему Елизавета с первых лет своего царствования стала так много внимания уделять Ирландии и тратить на ирландские дела большие средства, нередко намного превышающие доходы, которые корона получала в Ирландии.

Первая массовая конфискация земель ирландских кланов и заселение их английскими колонистами были произведены в Ленстере, в двух графствах — Лейке и Оффали, расположенных между Манстером, Коннотом и Пейлом и стратегически весьма важных для обеспечения английского господства в Пейле. Воспользовавшись распрей между О'Мурами и О'Коннорами — крупными септами в этих графствах, парламент в Дублине в 1557 г. принял акт о конфискации территорий этих септов в пользу короны и уполномочил наместника заселить их «добропорядочными людьми». Сервиторам было роздано 3 конфискованных в этих графствах земель (более 21 тыс. акров). Каждый из них был обязан у себя в поместье иметь набор оружия и в случае военной опасности являться вместе с держателями для защиты своего района. Лояльным ирландцам была отведена 1/3 всех земель (более 10 тыс. акров), расположенных главным образом вдали от границ Пейла. Они были обязаны подчиняться английским законам, исправно платить ренту королю, обязательно обучать детей английскому языку, одеваться на английский манер, жить в домах, иметь оружие для собственной защиты и являться к констеблю форта на сборы.

В 1562 г. вождь Ольстера Шан О'Нил заключил с Елизаветой мирный договор. Однако вскоре английское правительство, используя жалобы вождей на Шана, обвинило его в нарушении договора и в измене королеве и спровоцировало войну. Вековую надежду ирландцев освободить свою родину от гнета английских завоевателей в это время выразил придворный поэт О'Нилов Фиарфлат О'Найв в балладе «Падение гэлов». Он призывал ирландцев к объединению против поработителей: «Нам спасенье — одно — единенье, сплоченье, а иначе — на дно увлечет нас течение». Но Шану не удалось добиться такого «сплоченья». Ему пришлось просить военную помощь у французского короля Карла IX, предлагал он ирландский престол и шотландской королеве Марии Стюарт, претендентке на английскую корону.

Английские власти, провоцируя войну в Ольстере, рассчитывали таким образом конфисковать владения Шана и заселить их английскими колонистами. Когда наместник сообщил Елизавете о возможности выступления Шана О'Нила, она ответила: «Пусть мои люди не боятся этого; но скажите им, что, если Шан поднимется, это будет прежде всего выгодно для них, потому что получают поместья те, кто хочет их получить». После двух лет войны наместнику путем угроз, посулов и милостей удалось отколоть от Шана вождей — его союзников и в 1567 г. нанести его войскам поражение. Шан был убит, а его земли как государственного изменника были конфискованы Елизаветой. Однако предпринятые в 1572—1573 гг. попытки создать английские поселения на землях Ольстера были сорваны местными жителями.

Колонизация Манстера и «устройство» Коннота

Правительство Елизаветы поддерживало в Манстере Ормондов против Десмондов, рассчитывая таким образом ослабить и тех и других. В 1565 г. началась междоусобица между двумя этими родами. После того как Ормонды нанесли серьезное поражение Десмондам, соперники были вызваны в Лондон. Джеральд Десмонд и его брат Джон были заключены в Тауэр, Ормонды же осыпаны милостями. В 1569 г. в Манстере началась война за освобождение от английского господства, которую возглавлял Фицморис, двоюродный брат заключенных в Тауэр Десмондов. Однако ему не удалось создать объединенной армии, каждый из вождей воевал самостоятельно. Этим воспользовались англичане и в 1573 г. нанесли по главным силам восставших удар. Войска Фицмориса были разгромлены, а сам он бежал за границу. Но летом 1579 г., став во главе небольшого отряда католиков, набранных в Испании и Италии при поддержке папы римского и испанского короля, Фицморис высадился в Дингли, в графстве Керри. В специальной прокламации он призывал всех ирландцев начать борьбу против «королевы-еретички» в защиту католичества. Это послужило сигналом к новому восстанию в Манстере.

Поднялась большая часть вождей провинции, в том числе и братья Десмонды, незадолго до этого освобожденные из Тауэра за обещание поддерживать Елизавету. После гибели Фицмориса (в случайной стычке с одним из вождей) руководство восстанием перешло в их руки.

Однако и Десмонды не выдвинули широкой программы национально-освободительной борьбы, видя главную задачу в защите католичества и рассчитывая на поддержку и помощь прежде всего католических стран. Вместе с тем продолжалась и вражда между англо-ирландской и ирландской знатью. Вот почему и на этот раз восстание в Манстере, охватившее значительную часть этого края, осталось все же локальным движением. Этим снова воспользовались англичане и блокировали восставших в горных районах южного Манстера. Не изменила положения и высадка испано-итальянского отряда в Смервике в 1580 г. численностью в 700 человек с запасом оружия на 5 тыс. человек, так как вскоре после высадки он был уничтожен войсками наместника. Хотя восставшие долго и упорно сопротивлялись, обстановка складывалась не в их пользу. Не хватало продовольствия, и они вынуждены были добывать его путем грабежа крестьян. В области Маскерри, которую буквально опустошил Джеральд Десмонд, крестьяне оказали ему сопротивление и силой заставили возвратить угнанный скот. Во время этой операции английские войска разгромили отряд Десмонда, его самого взяли в плен и казнили. В 1585 г. ирландскими крестьянами был убит и Джон Десмонд при попытке угнать их скот.

После этого английские войска огнем и мечом прошли по Манстеру, грабили население, уничтожали посевы и скот, в результате чего в крае начался страшный голод, унесший много жизней. Очевидец событий в Манстере английский поэт Спенсер сообщает, что эта «наиболее людная и плодородная провинция Ирландии вследствие бесчинства английских войск вдруг оказалась без людей и скота».

В 1586 г. парламент в Дублине принял два акта о конфискации в пользу короны земель в Манстере, находившихся под властью мятежных вождей. Всего было отобрано 588 тыс. акров. Немало «благородных» искателей наживы в Англии, особенно в западных графствах, выразили желание стать колонистами этого края. Их поддерживало правительство Елизаветы вопреки стремлениям массы сервиторов Ирландии самим колонизовать земли этой провинции. «Иметь манор и много подвластных держаний есть вещь, достойная джентльмена хорошего поведения и репутации, а не человека низкого звания», — указывалось в королевской инструкции по поводу колонизации. Конфискованные в Манстере земли были разделены на крупные сеньории по 12, 8, 6, 4 тыс. акров, и каждую из них жаловали только колонистам из Англии, главным образом дворянам из западных графств и членам их семей. Они обязаны были селиться вместе и создавать поместья со всеми характерными для английского манора особенностями, прежде всего с зависимыми от них держателями, особенно из «наиболее состоятельных именов», сдавать свои земли только англичанам-держателям. Из представителей английской аристократии назначались «главные колонисты-предприниматели». Так, например, Уолтер Рэли, поэт и фаворит королевы, стоял во главе колонистов из Девоншира.

После подчинения поддержавших Десмондов вождей Коннота Елизавете представилась возможность осуществить новое «устроение» провинции. Этим занималась в 1585 г. особая комиссия. Она добилась того, что 67 ирландских вождей Коннота и Томонда сдали свои земельные владения уполномоченным королевы и получили их обратно в качестве пожалования. Королеве эти новые вассалы должны были платить ренту по 10 шилл. за каждые 120 акров. «Большая дань была наложена на Коннот саксами, т.е. по одной унции золота на каждую четверть земли, как церковной, так и светской», — говорится в хронике Лох Ки по поводу «устроения» Коннота в 1585 г.

Национально-освободительная война (1594—1603 гг.)

Попытки англичан колонизировать Ольстер после победы над Шаном О'Нилом, создание английской администрации в этом крае и строительство крепостей и фортов, непрекращавшиеся преследования католиков, колонизация земель побежденных вождей Манстера — все это привело к тому, что Ольстер в 90-х годах XVI в. снова стал центром крупнейшего восстания и освободительной борьбы ирландцев против английского господства.

Эту борьбу возглавили графы Тирон (Гуг О'Нил) и Тирконнел (Рори О'Доннел). Вместе с другими вождями Ольстера они организовали заговор против англичан, образовали Северную лигу, в которую вошло большинство вождей провинций. Готовясь к войне, Лига собрала значительные запасы продовольствия, закупила оружие и снаряжение, создала армию по типу английской, произвела массовое военное обучение населения, установила связи с Испанией. В 1594 г. началась война Северной лиги против англичан. Тирон был избран главнокомандующим армии Лиги и принял прежнее имя — О'Нил, подчеркнув тем самым свои древние права на верховную власть в Ольстере.

Первые три года война велась с переменным успехом. Тирон просил у испанского короля помощь оружием, снаряжением и деньгами, предлагая в качестве платы за это присоединение Ирландии к Испании. В 1596 г. начались переговоры с англичанами о мире. Но известия о посылке снаряжения из Испании изменили планы Тирона, и он снова начал наступательные действия. 15 августа 1598 г. войска Северной лиги (4500 пехотинцев и 600 всадников) на р.Блекуотер у Желтого брода (в Арма) разгромили основные силы английской армии в Ирландии (4500 пехотинцев и 500 всадников). Более 1 тыс. английских солдат и офицеров (среди них сам командующий) было убито. «Это самая крупная потеря, а также позор, которые королева переживала в свое царствование» — так оценивал это сражение один из лондонских купцов.

Положение англичан становилось критическим: восстали О'Конноры и О'Муры в Ленстере, начался разгром поместий английских колонистов в Манстере, испанский король готовил вторжение своих войск в Ирландию. Посланная Елизаветой 22-тысячная армия во главе с графом Эссексом, фаворитом королевы, на которого возлагались большие надежды, потратила много времени на поход в Манстер, а в следующем году была разбита в Ольстере войсками Лиги. Эссекс был вынужден начать с Тироном переговоры о мире, за что был отозван из Ирландии. Возникла опасность создания под руководством Тирона общеирландской конфедерации против англичан.

Однако этому помешала умеренность программы Северной лиги. С самого начала восстания Тирон выдвигал на первый план задачу защиты католичества в Ирландии, и во время переговоров с англичанами о мире в 1596 г. в 22 пунктах, выдвинутых Тироном, требование свободы вероисповедания оставалось главным. Наряду с этим он потребовал подчинения ирландской католической церкви только папе, возвращения ей всех монастырей, церковных земель и десятины, секуляризированных при проведении реформации, лишения англичан права занимать духовные должности. Что касается политических требований, то они не отличались радикализмом. Тирон и его единомышленники считали, что Ирландия должна остаться под властью английской короны, причем наместником должен быть англичанин, а все остальные должности в дублинском правительстве и в президентствах должны занимать ирландцы, они же должны составить половину армии короля в Ирландии «Чтобы управление главными провинциями Ирландии такими, как Коннот, Мачетер и т.д., осуществляла ирландская знать», — категорически заявлялось в одиннадцатом пункте. Были выдвинуты требования об отмене дискриминации ирландцев в области торговли и перевозок и уравнивании их в правах с англичанами, а также о предоставлении им свободы самим строить корабли и вооружать их по своему усмотрению.

При такой умеренной программе, направленной главным образом на удовлетворение интересов ирландской аристократии, стремящейся получить в свои руки управление страной при сохранении власти английской короны, Северная лига не могла рассчитывать на активную поддержку всех слоев ирландского общества во всех провинциях. Англо-ирландская знать Пейла и других провинций и даже часть ирландских вождей явно не желали дальнейшего возвышения Тирона и его единомышленников в случае новых успехов армии Лиги. В результате Тирон после побед над английскими войсками вместо похода на Пейл с целью взятия Дублина вынужден был отправиться в Манстер. Воспользовавшись этим, английские войска после некоторой передышки начали активные наступательные действия из Пейла. К ним прибыли большие подкрепления, было назначено новое командование. Наместником провинции стал лорд Маунтджой, военным губернатором — Джордж Кэрю. Это были решительные и жестокие колонизаторы. Ими был принят следующий план подавления восстания: 1) проводить опустошительную войну, сжигая деревни, истребляя мирное население, посеы, скот, лес и т.д.; 2) на отвоеванных у восставших территориях строить крепости и форты и размещать в ню крупные английские гарнизоны, закрепляя таким образом эти территории за короной; 3) нейтральных вождей и колеблющихся союзников Тирона привлекать на свою сторону путем различных посулов, обещаний, помилований и т.д.

Следуя этой тактике, английским войскам удалось оттеснить Тирона в труднодоступные районы Ольстера. Несмотря на осадное положение, Тирон продолжал получать оружие, снаряжение и деньги морем из Испании. В конце 1600 г. в одну из гаваней в графстве Донрго прибыло два корабля с оружием, снаряжением и золотом от испанского короля и папы. Прибыли даже папские легаты с грамотами об отпущении грехов. В сентябре 1601 г. пятитысячный отряд испанских войск, высадившийся в Манстере, захватил г.Кинсейл. Значительная группа вождей Манстера сразу же присоединилась к испанцам, другие стали соблюдать нейтралитет. Таким образом, возникла угроза соединения армии повстанцев на севере с испанскими войсками и повстанцами в Манстере.

Учитывая это, Маунтджой вместе с главными силами английской армии поспешил к Кинсейлу, намереваясь разгромить испанский отряд еще до его соединения с силами Тирона; Кэрю со своими отрядами должен был удерживать Тирона в Ольстере. Но Тирону удалось пробиться в Манстер и в конце ноября заблокировать войска Маунтджоя, осаждавшие Кинсейл. По требованию осажденных в Кинсейле испанцев 23 декабря началось решающее сражение Тирона с английскими войсками, в ходе которого испанцы не смогли оказать ему помощь. В результате войска Тирона были разгромлены, и ему пришлось с остатками своей армии снова отойти в Ольстер. Испанский отряд в Кинсейле капитулировал на условиях свободного пропуска его в Испанию.

Теснимый войсками Маунтджоя, Тирон через два года вынужден был отказаться от дальнейшего сопротивления.

За время войны 1594—1603 гг. Ирландии был причинен значительный ущерб. «Вся страна опустошена, те, кто избежал меча, погибли от голода», — сообщается в одном официальном документе. «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, разве только над кучами пепла и трупами», — писал Маунтджой Елизавете.

Колонизация Ольстера

Между тем в Дублине готовилась провокация пробив Тирона и других вождей Ольстера с целью конфискации их земель. Для этого использовали спор Тирона с одним из подвластных ему вождей. Тирон был вызван в Лондон, где его ожидало заключение в Тауэр. «Но этого не произошло лишь потому, что в начале сентября 1607 г. Тирон и Тирконнел со своими семьями тайно, на французском корабле, специально приготовленном для их бегства, отплыли во Фландрию, после чего отправились в Рим. Вскоре наместник издал прокламацию о конфискации короной всех земель, подвластных Тирону и Тирконнелу, а также другим вождям Ольстера.

Таким образом, в собственности английского короля оказались земли шести графств Ольстера — большая площадь, насчитывающая, по официальным данным, более 500 тыс. акров годной для обработки земли.

Колонизация Ольстера была осуществлена королем Яковом I в 1610—1611 гг. Поскольку размеры поместий колонистов в Ольстере были намного меньше, чем поместья в Манстере (2 тыс. акров, 1,5 тыс., 1 тыс. акров каждое), это позволило привлечь к колонизации английских джентри, горожан, сервиторов. Но вопреки ожиданиям сервиторов получить в свои руки большую часть земель Ольстера корона распределила эти земли следующим образом: колонистам из Англии и Шотландии предоставлялось 162,5 тыс. акров—109 поместий, а сервиторам — около 50 тыс. акров — 53 поместья. Еще 38 620 акров были предоставлены Лондону, и лондонские гильдии образовали 12 компаний для освоения этих земель. Среди колонистов из Англии преобладали «простые деревенские джентльмены», а из Шотландии — представители проанглийски настроенной аристократии. Все колонисты были обязаны воспроизвести в Ольстере манориальный строй, сдавать земли держателям из англичан и шотландцев и иметь в поместьях набор оружия для самозащиты от нападения ирландцев.

Из земельного массива, предназначенного сервиторам, более половины было роздано офицерам английской армии в Ирландии, другая часть досталась «сервиторам лучшего сорта», т.е. высшим чиновникам английской администрации в Ирландии, членам Тайного совета при наместнике. Сервиторы платили королю более высокую ренту, чем колонисты из Англии и Шотландии. В то же время им разрешалось иметь держателей-ирландцев.

Колонистам-ирландцам, или «ирландцам лучшего сорта», как они именуются в документах (иными ело вами, лояльным ирландцам и предателям), было роздано около 52 тыс. акров, т.е. менее 1/10 всего массива конфискованных земель, до колонизации полностью принадлежавшего кланам и вождям; это было в четыре раза меньше по сравнению с землями, полученными английскими и шотландскими колонистами и лондонскими компаниями. Всего 273 ирландца-колониста получили небольшие участки площадью 40 акров и менее. В то же время с них взималась более высокая рента, чем с сервиторов. Получившие участки ирландцы должны были переселиться на новое место, в специальные округа заселения, отведенные для сервиторов и ирландцев, полностью порвать с ирландской системой поземельных отношений и вести хозяйство на английский манер. Предусматривалось также переселение всех ирландцев с участков колонистов из Англии и Шотландии. Для «улучшения дела заселения Ольстера» около 6 тыс. ирландцев насильственно были отправлены в Швецию на военную службу.

Отмена в 1605 г. клановой системы

Победа в войне 1594—1603 гг. дала Якову I возможность ускорить подчинение Ирландии путем проведения различных мероприятий. Важнейшей реформой была отмена клановой системы.

11 марта 1605 г. в специальной прокламации было объявлено, что по всей Ирландии навсегда отменялись ирландские поборы как незаконные, «варварские», недопустимые ни в одном цивилизованном христианском государстве. Вместо них вводились денежные ренты. Отменялась также юрисдикция вождей. От простых ирландцев требовалось беспрекословное выполнение всех обязательств и повинностей по отношению к их новым лордам согласно нормам английского права; нарушители подлежали самым строгим наказаниям, вплоть до смертной казни. В соответствии с прокламацией 1605 г. Суд королевской скамьи в 1606 и 1608 гг. вынес постановления, осудившие обычаи гевелкайнд и танистри.

В соответствии с этим раздел земель производился по-новому: вождю жаловался его домен за соответствующую ренту королю, а крестьянам, на правах фригольда, их земельные участки, причем такие пожалования производились, если участки были не менее 60 акров; у владельцев же меньших участков земли отбирались. Вводился английский порядок наследования земли старшим сыном. Все повинности и поборы, которые вождь взимал прежде, оценивались в деньгах, и крестьяне-фригольдеры были обязаны уплачивать их вождю как денежную ренту. Кроме того, крестьяне обязывались платить ренту и королю как его фригольдеры.

Ирландцы — фригольдеры короля, по мысли английских колонизаторов, должны были стать прочной опорой английского господства в Ирландии, силой, способной вместе с английскими властями ослабить могущество и авторитет клановой знати. Из их среды должны были вербоваться присяжные для вводимых повсюду в Ирландии английских судов. Основная же масса мелких ирландских крестьян совсем не получала участков. Ее уделом должна была стать поземельная зависимость в самой тяжелой форме от тех, кто имел землю. «В конечном счете здесь дело сводилось только к тому, чтобы ограбить всех, как вождей, так и народ!» — замечает Энгельс по поводу отмены брегонских законов в 1605 г. Введение во всей Ирландии феодальной системы поземельных отношений английского типа было полностью подчинено колонизаторским замыслам абсолютистской монархии Стюартов и связано с обезземеливанием массы мелких ирландских крестьян. Оно позволило ускорить проведение таких фискальных мер, как сдача и новое пожалование поместий, проверка и исправление неправильных титулов на землю, массовые конфискации земель у ирландцев. Таким образом, эта реформа явилась одним из «рычагов» процесса первоначального накопления в Англии, ускорившего создание благоприятных условий для развития капитализма в этой стране.

Проверка и исправление титулов на землю

При сдаче и новом пожаловании поместий непосредственные выгоды получали не жаждавшие завладеть ирландскими землями английские колонисты, а корона: король становился собственником земель кланов и септов, взимал ренту как с вождей, так и с ирландцев-фригольдеров. В то же время король не имел юридических оснований для немедленной передачи хотя бы части этих земель английским авантюристам. Такая попытка могла вызвать серьезные волнения в стране, чего после войны с Тироном очень опасались в Лондоне. Поэтому королевская инструкция предписывала: «При разделе графств предпочитать местных жителей, поскольку обилие иностранцев, помещенных на землях, может быть воспринято как намерение выселить местных жителей, что вызовет всеобщее недовольство у всех ирландцев».

Но сервиторам при Якове удалось соединить политику сдачи и нового пожалования с конфискацией земли у ирландцев, заключив своего рода сделку с короной о совместном земельном грабеже. По их предложению в прокламации лорда-наместника Ирландии и его Совета от 15 июля 1606 г. объявлялось распоряжение произвести проверку и исправление титулов на землю: всем, у кого титулы на землю были «сомнительными», предлагалось сдать свои владения короне с тем, чтобы снова получить их в качестве пожалования от короля с прочными титулами. Дело в том, что в течение длительного времени, прошедшего с начала английского завоевания Ирландии, короли Англии в разное время и на различных условиях жаловали ирландские земли английским феодалам и ирландским вождям. Но так как к началу XVII в. эти условия были или забыты, или изменены, а документы на земли или утеряны, или просто не существовали, английским юристам и чиновникам предоставлялись широкие возможности объявлять такие земельные владения доменом короля и производить от его имени новый их передел, заселив часть земель английскими колонистами.

Так в Ирландии начался новый земельный грабеж. Немало английских юристов и чиновников рыскали по всей стране в поисках «неправильных» титулов на земли, а если таковых не оказывалось, они фабриковали их, чтобы возбудить иски в защиту «земельных прав короны». Появилась особая категория лиц, так называемых «открывателей» земельных титулов короны, всячески поддерживаемых властями. Такие «открыватели», или «подлые люди», как их называли ирландцы, обычно получали вознаграждение со штрафов, взимаемых с виновников, за разысканные ими «неправильные» титулы.

Таким образом, при Якове I были присоединены к королевскому домену земли ряда септов в нескольких графствах, всего около 385 тыс. акров, а также была осуществлена частично английская колонизация при новом разделе земель в графствах Уэксфорд, Лонгфорд, Лейтрим. Обычно для сервиторов у ирландцев отрезалась 1/3 или 1/4 лучших земель. В то же время ирландцы, прежде владевшие земельными участками менее 60 акров, экспроприировались.

Политика Страффорда в Ирландии

Значительная часть доходов, получаемых короной в Ирландии, уходила на большие пенсии, оклады, награды и субсидии представителям класса английских феодалов, прежде всего фаворитам короля из английской аристократии, занимающим высокие должности в королевском правительстве в Англии и Ирландии, а также на подкуп части англо-ирландской и ирландской аристократии. Вот почему ирландский бюджет при первых Стюартах, несмотря на значительное увеличение доходов, все время оставался дефицитным.

Выход из этого положения королевские правительства Якова и Карла искали в усилении фискального нажима на всех подданных, особенно на держателей земли от короля, а также в произвольном и беззастенчивом вымогательстве под любыми предлогами.

Наиболее настойчиво эти меры проводились Томасом Уэнтвортом (впоследствии граф Страффорд), наместником Ирландии с 1633 по 1640 г., одним из крупных деятелей абсолютизма при Карле I. «Когда я прибыл в Ирландию, — заявлял Страффорд, — корона была в большой задолженности — свыше 100 тыс.ф.ст... Когда я отправлялся из Ирландии, я оставил в королевской казне 100 тыс.ф.ст.»

В период правления в Ирландии Страффорда проверке титулов на землю с конфискацией части земель за «неправильные» титулы, аннулированию старых жалованных грамот и выдаче новых со взысканием всех соответствующих платежей в увеличенном размере стали подвергать всех держателей короля, англо-ирландскую и ирландскую знать и даже англичан-колонистов. Эти меры превратились в массовый грабеж, приносивший короне ежегодный доход около 10 тыс.ф.ст. Англо-ирландские лорды жаловались на «вероломные нападения по выдуманным титулам на их поместья, которыми они владеют в течение многих сотен лет», осуществляемые английскими судьями. Так, в одно утро, как они утверждали, эти судьи объявили 140 жалованных грамот недействительными. Многим аристократам пришлось откупаться за обнаруженные ошибки и упущения в их титулах на отдельные владения большими штрафами в пользу короля, некоторые были подвергнуты репрессиям. Около 100 землевладельцев были арестованы и содержались под стражей до тех пор, пока не согласились передать короне свои права на владения.

Еще в 1614 г. в Дублине была создана Палата по делам опеки, которая следила за исполнением держателями земли от короны всех повинностей и платежей в пользу короля как их сюзерена, за уплатой фэйнов (вступительных взносов) и других взносов, за опекой над малолетними наследниками, их воспитанием и выдачей наследниц замуж и т.д. При Страффорде произвол этой палаты, возглавляемой алчным колонизатором Уильямом Парсонсом, неимоверно возрос.

Страффорд даже начал подготовку частичной конфискации земель местной знати Коннота, что очень встревожило ее. «Властью этой палаты, — жаловались англо-ирландские лорды, — вся страна наполнена многочисленными толпами чиновников, казначеев короля, учетчиков, надзирателей». Палата приносила короне ежегодный доход до 43 тыс.ф.ст.

Фискальному нажиму подверглись и английские колонисты. Поскольку эксплуатация ирландцев-держателей приносила большие выгоды, колонисты Ольстера из англичан и шотландцев постоянно нарушали запрещение сдавать им земли своих поместий. Учитывая это, еще Яков I предложил выдать им новые жалованные грамоты с разрешением сдавать земли ирландцам, но удвоить при этом ренту и снова получить с них вступительные взносы. Колонисты были вынуждены согласиться на это. А против колонизовавших земли в графствах Дерри и Колрайн лондонских компаний было возбуждено дело по обвинению их в том, что они якобы владели большим количеством земли, чем это было указано в жалованной грамоте, а также не выполняли другие условия колонизации. После судебного разбирательства с лондонцев были взяты снова файны в 70 тыс.ф.ст., выданы им новые жалованные грамоты, а сумма ренты королю значительно увеличена.

Напуганные англо-ирландские лорды в целях получения более обеспеченных прав на свои земли и ослабления фискального нажима короны стали добиваться у наместника так называемых «милостей», и в первую очередь обязательства не подвергать сомнению права собственников, владеющих землями более 60 лет, и в связи с этим не проводить расследований. Страффорд обещал дать такие «милости». Но, воспользовавшись этим, он добился того, что ирландский парламент 1635 г. предоставил королю шесть субсидий по 45 тыс.ф.ст. каждая на четыре года, а также утвердил комиссию по проверке неправильных титулов на земли. Однако «милости» не были пожалованы, и Страффорд, снова пообещав их парламенту 1640 г., добился новых субсидий по 45 тыс.ф.ст. каждая.

Ирландия в XVII в. оставалась экономически отсталой страной. Основные предметы экспорта вывозились в необработанном виде, собственное ремесло развивалось медленно, и многие товары импортировались из других стран. Страффорд увеличил пошлины на эти товары с 1/12 до 1/5—1/3 их стоимости. Он ввел также монополию на табак, крахмал, металлическую посуду, стекло, курительные трубки и другие товары. Все это привело к усилению дороговизны. Особенно строго ограничивалось развитие в Ирландии сукноделия, которым наряду с ремесленниками занимались и крестьяне. Вместо этого предписывалось сеять лен и изготавливать из него полотно. «Его превосходительство наместник считает, что выработку сукна не следует поощрять в Ирландском королевстве, чтобы не причинить ущерба этому главному продукту Англии», — говорилось в одном документе. В результате множество семей ирландских ремесленников и крестьян разорилось.

В ирландских городах размещались гарнизоны королевских войск, которые содержались за счет городского населения. Кроме того, Страффорд создал 9-тысячную постоянную королевскую армию, состоявшую главным образом из ирландцев. Английские протестанты оттеснили от всех городских должностей местных католиков.

С целью укрепить позиции англиканской церкви в Ирландии Страффорд создал Высокую комиссию по церковным делам, усилил гонения на католиков, религиозную и политическую дискриминацию. Недовольство религиозной политикой короны еще более возросло, когда в 1639 г. Карл I потребовал от всех подданных, в том числе и пуритан, дать клятву признания английского короля главой церкви.

Так Ирландия в результате колонизаторской политики Тюдоров и первых Стюартов из «баронской колонии» превратилась в королевскую колонию, оплот английского абсолютизма. «Он управлял Ирландией в соответствии с теорией абсолютной королевской власти», — говорит Энгельс о деятельности Страффорда в Ирландии.

«Новые англичане» в Ирландии

В связи с процессом разложения феодальных отношений и первоначального накопления капитала в Англии в XVI—начале XVII в. в Ирландию хлынула масса англичан — искателей наживы, так называемых авантюристов, надеявшихся здесь быстро разбогатеть и возвыситься. В противоположность англо-ирландской знати современники называли их «новыми англичанами». Часть этих авантюристов, особенно выходцы из дворян и аристократы, приобретали земли в качестве колонистов конфискованных короной территорий, другая часть стали сервиторами короля, заняв в его аппарате и в армии выгодные должности.

Немало «новых англичан», в конце XVI—начале XVII в. разбогатев в Ирландии, стали дворянами. Их титулованные представители заседали в Тайном совете в Дублине и занимали важнейшие посты в административном и военном аппарате.

Один из современников, имея в виду «новых англичан», отмечает: «Лица, приехавшие в Ирландию с большими средствами, увеличивают их гораздо медленнее, чем растёт богатство лиц, прибывших в Ирландию, не имея с собой ничего». Одержимые жаждой наживы, эти авантюристы стремились посредством конфискаций земель у септов и вождей стать лендлордами, а экспроприированных ирландских крестьян превратить в своих краткосрочных арендаторов, жестоко при этом эксплуатируя их. Жажда земельных конфискаций и создание системы лендлордизма при наличии мелкой краткосрочной аренды ирландских крестьян — вот что отличало «новых англичан» XVI—XVII вв. от их предшественников, английских феодалов-колонизаторов времен Плантагенетов.

Однако обогащение и возвышение этих алчных авантюристов в Ирландии было в значительной мере подчинено абсолютизму. Земельные конфискации производились властью английского короля, отнятые у ирландцев земли не пускались в свободную продажу, а жаловались королем в держание для колонизации, непременным условием которой было создание аграрного строя феодальной Англии с сюзеренитетом короля как верховного земельного собственника и поземельной зависимостью от него колонистов. Это были феодальные методы колонизации. «Новые англичане» сначала мирились с ними, поскольку получали большие доходы за счет экспроприации и эксплуатации ирландцев, приобретения выгодных патентов от короля на эксплуатацию других богатств Ирландии.

Однако положение стало быстро меняться по мере того, как корона все более подчиняла ирландскую экономику своим фискальным интересам. Политика короны, таким образом, становилась материально обременительной для массы английских авантюристов и стесняла их предпринимательскую деятельность. В 1641 г. ирландцам-католикам принадлежало около 5200 тыс. акров земли, а английским колонистам-протестантам, переселенным в Ирландию при Елизавете и Якове I, только 2000 тыс. акров. При таком положении жаждавшие отнять у ирландцев земли английские авантюристы никак не могли согласиться со свертыванием при первых Стюартах массовых земельных конфискаций и стремлением короны ограничиться «устроением» ирландской территории посредством предоставления местным жителям королевского фригольда. Вызывали серьезную тревогу обещания предоставить англо-ирландской знати «милости». Если проверка владельческих прав собственников будет ограничена только лицами, владевшими поместьями менее 60 лет, то она коснется главным образом английских колонистов, основная масса которых стала приобретать поместья не раньше второй половины XVI в. На службу в ирландской армии, которая была очень выгодна авантюристам, их не принимали. Произвол, посредством которого корона осуществляла все свои фискальные мероприятия, постоянно напоминал о недостаточной юридической обеспеченности их земельных держаний и имущества. Кроме того, многие английские авантюристы в Ирландии были пуританами, и требование дать клятву о признании королевской церковной супрематии вызывало сопротивление и с их стороны.

Обострение противоречий в Ирландии в первой половине XVII в.

Превращение Ирландии в XVI—первой половине XVII в. в королевскую колонию существенно изменило положение классов и социальных групп ее населения и усилило национально-освободительную борьбу.

Вся тяжесть проводимой Тюдорами и первыми Стюартами политики ложилась прежде всего на плечи крестьян. Неудивительно, что, как свидетельствует современник, ирландские крестьяне «ненавидели» англичан «больше, чем их религию». Судьба экспроприированных и насильственно освобожденных от клановых связей ирландских крестьян складывалась по-разному. Многие из них были вынуждены покинуть родину и отправиться в Англию или другие страны Европы, пополнив ряды неимущего люда. Часть экспроприированных крестьян в самой Ирландии стали наемными рабочими со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но в условиях колониального режима и экономической отсталости Ирландии не наемный труд стал основной формой эксплуатации обезземеленных крестьян, а рента за мелкую, на короткие сроки, аренду земли у английских колонистов, ирландской знати и зажиточных ирландцев-фригольдеров. Она была намного выше ренты, взимаемой с держателей-англичан. О страшной бедности мелких арендаторов в одном официальном документе имеется такое свидетельство: «Ренты, взимаемые с них колонистами, вступительные взносы и повинности так велики, что эти держатели не в состоянии уплачивать даже одну умеренную ренту; эти бедные лишенные собственности люди действительно ничего не имеют». По признанию одного современника, в середине XVII в. ни в одной европейской стране крестьяне не были так бедны, как в Ирландии. Здесь было очень много обездоленных людей и бродяг.

В XVI—XVII вв. новое дворянство Англии в союзе с буржуазией осуществило аграрный переворот, насильственно уничтожая крестьянское землевладение и создавая буржуазную форму землевладения в виде лендлордизма при новой, свободной, чисто капиталистической аренде. В соседней Ирландии английские авантюристы на экспроприированных землях кланов и вождей создавали английский лендлордизм при «ирландской аренде», т.е. при мелкой аренде ирландских крестьян «из нужды», нещадно эксплуатируя их методами, присущими колониальному грабежу эпохи первоначального накопления. Конфискация земель в Ирландии и английская колонизация их в XVI—XVII вв. не были формой буржуазного аграрного переворота. Но это был один из компонентов процесса первоначального накопления, ускорявшего развитие капитализма в Англии.

Ирландские феодалы — клановая знать, господствовавшая в ирландском обществе при клановой системе, — в XVII в. значительно оскудели и расслоились. Наиболее влиятельные и воинственные представители этой знати в результате репрессий английских королей и завоевательных войн в Ирландии, которые вела Елизавета, были уничтожены или бежали за границу, а политическое и экономическое могущество их родичей, оставшихся в Ирландии, было основательно подорвано отменой клановой системы и земельными конфискациями конца XVI—начала XVII в. В первой половине XVII в. этих экспроприированных представителей клановой знати (больше всего их было в Ольстере) называли «древними ирландцами» или «коренными ирландцами». Они ненавидели своих экспроприаторов и поработителей — английских колонизаторов и, несмотря на все репрессии, продолжали вести с ними тайную и явную борьбу, чтобы вернуть себе земли и власть.

Хотя могущество «древних ирландцев» в основном было сломлено, для английских колонизаторов они являлись опасным противником. Они еще не утратили воинственности своих предков, пользовались влиянием среди своих многочисленных родственников, да и крестьяне всегда были готовы выступить на их стороне против англичан.

Они были опасны еще и потому, что поддерживали связи с находившимися в эмиграции родственниками и единомышленниками, а через них с папой римским и многими дворами католических стран, рассчитывавшими использовать ирландскую эмиграцию против Англии. Многие «молодые джентльмены из местных жителей» в Ирландии, — говорится в одном из документов, — были недостаточно имущими, чтобы жить на собственные средства, но они продолжали собирать с подвластных жителей традиционные ирландские поборы вождей натурой или деньгами, имели свои вооруженные отряды, которые чинили разбой и всегда были готовы поднять мятеж против англичан.

Однако в результате политики сдачи и нового пожалования поместий и колонизации конфискованных земель из клановой знати образовался новый немногочисленный слой, «новые ирландцы», как их называли современники. Королевским фригольдом и дворянским титулом вознаграждались наиболее лояльные представители ирландской знати, особенно из боковых ветвей могущественных родов клановой знати, а также предатели национально-освободительной борьбы, часть которых получила еще монастырские земли, а за особые заслуги в борьбе против мятежной знати даже поместья при колонизации конфискованных у клановой знати земель. Связав свою судьбу и доходы с английской короной, «новые ирландцы» были лояльны по отношению к короне и добивались от нее больших «милостей» для себя. «Они не желали ничего лучшего, кроме усиления королевской прерогативы», — говорит о политических интересах «новых ирландцев» современник. Это их сближало с третьей группой знати в Ирландии, хотя между ними еще не исчезла вражда.

Третью группу ирландской знати современники называли «древними англичанами», подразумевая под этим термином англо-ирландцев. Англо-ирландцы расселились главным образом в Ленстере, особенно на территориях старинного Пейла, и в Манстере; немало их было в городах, где они занимались торговлей, ростовщичеством и ремеслом, конкурируя с английскими авантюристами. Прошли те времена, когда англо-ирландская знать поднимала мятежи против английских королей и наиболее могущественным из них, таким, как Ормонды или Десмонды, удавалось на время добиваться главенства в Ирландии, а Тюдорам приходилось прилагать много усилий, чтобы одних уничтожить, а других покупать своими милостями. В XVII в. потомки этих мятежников в основном были лояльны к английскому королю. Они занимали более привилегированное положение по сравнению с ирландской знатью, владели обширными земельными угодьями, которые были пожалованы английскими королями и обеспечены английским феодальным правом; многие из них имели титулы английских дворян. Земельные конфискации затронули их гораздо меньше, чем ирландскую знать, хотя после реформации они в основной своей массе остались верными католицизму; их депутаты составляли большинство в дублинском парламенте. Наиболее влиятельные и крупные аристократы из англо-ирландцев, такие, как графы Ормонд, Кланрикард, Томонд и др., были осыпаны королями различными милостями, приближены к королевскому правительству в Дублине, заседали в ирландском парламенте и в разных советах при наместнике, выполняли ответственные и почетные поручения. Некоторые из них даже сменили католическую веру на англиканскую.

Но англо-ирландская знать по-прежнему отделяла себя от ирландской знати и ревниво оберегала свои привилегии, за что ирландцы презрительно называли лордов Пейла «грязной, безобразной английской деревенщиной Пейла». Англо-ирландцы всячески стремились оградить себя от конфискаций и фискального гнета Стюартов.

Все группы местной знати в Ирландии переживали в первой половине XVII в. упадок. Его причины заключались не только в общих условиях, породивших в XVI—XVII вв. кризис феодального хозяйства, но и в специфических особенностях развития Ирландии, усиливших и обостривших весь этот процесс, т.е. в длительном экономическом и социальном застое, связанном с завоеванием страны англичанами, в колонизаторской политике англичан, в земельном грабеже, фискальном гнете короны и т.д.

Материальное оскудение ирландских и англо-ирландских феодалов в первой половине XVII в. усилило их недовольство английским господством.

Так к началу 40-х годов XVII в. в Ирландии сложились предпосылки для подъема национально-освободительной борьбы.

IV. Ирландское восстание 1641—1652 гг. и завершение английского завоевания Ирландии

Ирландское восстание — крупное событие в истории Европы, тесно связанное с английской буржуазной революцией XVII в. Маркс называл его «первым национальным восстанием Ирландии», «ирландской революцией».

Начало английской буржуазной революции и назревание Ирландского восстания

В 1640 г. в Англии началась буржуазная революция. Буржуазия в союзе с новым дворянством выступила против абсолютизма, феодального дворянства и господствующей англиканской церкви. Возглавляла эту борьбу палата общин Долгого парламента, собравшегося 3 ноября 1640 г. Более половины депутатов этой палаты принадлежали к классам-союзникам и выражали их интересы. На это большинство и опирались лидеры парламентской оппозиции Джон Пим, Гемпден и другие деятели.

Ирландия, как королевская колония, стала главным резервом монархии Карла в ее борьбе против начавшейся буржуазной революции. Особенно опасной лидеры Долгого парламента считали королевскую армию в Ирландии, созданную Страффордом в 1640 г. Парламентская оппозиция добилась осуждения и казни 12 мая 1641 г. Страффорда, обвинив его в государственной измене за введение «тиранического режима» в Ирландии и в замыслах распространить этот режим на Англию. Летом 1641 г. она добилась роспуска ирландской армии. Это была крупная победа над абсолютизмом.

В то же время английская буржуазия и новое дворянство были очень заинтересованы в новых массовых земельных конфискациях в Ирландии, в передаче отнятых у ирландцев земель авантюристам из их среды, в превращении Ирландии в колонию буржуазной Англии, в осуществлении буржуазных методов ее эксплуатации. Выражая эти устремления, Пим и другие деятели парламентской оппозиции в Лондоне в связи с обвинением Страффорда не выдвигали требования национального освобождения Ирландии. Наоборот, они утверждали, что с ликвидацией «тиранического режима» Страффорда необходимо сохранить ее прежнее положение как подчиненной по закону Пойнингса английской территории, что акты, принятые ирландским парламентом, не должны иметь законодательной силы без их утверждения английским парламентом, в то время как все акты английского парламента, в которых упоминалась Ирландия, должны быть обязательными для Ирландии. Колонизаторский смысл такой позиции лидеров Долгого парламента по отношению к Ирландии совершенно очевиден.

Именно это обстоятельство заставило ирландский парламент попытаться самостоятельно отменить закон Пойнингса и смягчить режим, введенный Страффордом. Собравшись весной 1641 г., палата общин ирландского парламента приняла так называемую Декларацию права, в которой провозглашалось: «Подданные его величества в королевстве Ирландии являются свободным народом, и ими должны управлять только согласно общему праву Англии и статутам, составленным и принятым парламентом в королевстве Ирландии, а также согласно справедливым обычаям, существующим в этом королевстве». Вполне в духе идей, которые пропагандировали лидеры парламентской оппозиции в Лондоне в защиту прав англичан от произвола абсолютизма, нижняя палата ирландского парламента выразила протест против земельных конфискаций и репрессий в Ирландии, осудила введение монополии на торговлю отдельными товарами, применение законов военного времени, произвол Замковой палаты, Суда королевской скамьи и других судов.

В развитие Декларации права 24 мая обе палаты ирландского парламента приняли Декларацию и торжественное объявление, в которой провозгласили ирландский парламент носителем высшей судебной власти в Ирландии. Был создан постоянный комитет для руководства всеми государственными делами в Ирландии — мера, беспрецедентная в прошлом,

Но Долгий парламент не одобрил этих мер ирландского парламента. Наоборот, его активность и самостоятельность в Лондоне расценили как покушение на права и власть Долгого парламента, который еще раньше потребовал от Карла приостановить предоставление Ирландии обещанных ей «милостей», что и было немедленно сделано. Все это привело к тому, что в феврале 1641 г., когда колонизаторская суть отношения Долгого парламента к Ирландии особенно четко проявилась, среди плановой знати Ольстера созрел тайный заговор с целью поднять вооруженную борьбу за возвращение конфискованных земель, а также в защиту католичества. Во главе заговорщиков стояли представители крупнейших септов Ольстера, экспроприированных при Якове I. Был разработан план вооруженного выступления и захвата важнейших крепостей, сделан запас оружия, а также предпринята попытка найти поддержку у знати других провинций, установлены связи с ирландской эмиграцией, а через нее с папой римским и кардиналом Ришелье, которые обещали помощь оружием и деньгами.

Таким образом, Долгий парламент в первый год своей деятельности не принял никаких действенных мер для разрешения острых противоречий в Ирландии. Лидеры парламентской оппозиции в Лондоне, несмотря на прогрессивные буржуазно-освободительные идеи, которыми они руководствовались, не ставили вопроса о национальном освобождении Ирландии из-под английского господства. В.И. Ленин отмечал, что в буржуазно-демократических революциях XVII и XVIII вв. были оставлены «в недочищенном виде» многие «авгиевы конюшни» феодализма, в том числе и угнетение национальностей¹. Отношение Долгого парламента к Ирландии с первых дней его работы полностью подтверждает это положение.

Действия Долгого парламента по отношению к Ирландии способствовали обострению национально-освободительной борьбы в стране. Вместе с тем они усиливали позицию английских авантюристов-колонизаторов, а также толкали ирландскую знать и англо-ирландское дворянство на союз с английским королем.

В обстановке углубляющегося конфликта между короной и буржуазно-дворянской оппозицией парламента в Англии феодальный лагерь в Лондоне попытался использовать сложившееся положение в Ирландии в своих целях. Карл начал заигрывать как с англо-ирландским большинством ирландского парламента, так и с заговорщиками из клановой знати в Ольстере. Весной 1641 г. он послал ответ ирландскому парламенту, в котором известил его о согласии удовлетворить ряд требований относительно тягот и произвола чиновников (кроме отмены закона Пойнингса) и предоставить обещанные в 1628 г. «милости». Доверенные лица короля встретились с заговорщиками в Ольстере и были поставлены в известность относительно подготовки восстания. Карл и его сторонники в Лондоне полагали, что локальный мятеж в Ирландии не только сдержит активность парламентской оппозиции в Англии, но и заставит Долгий парламент направить специальную армию на его подавление, которую возглавит сам Карл, что, покончив с ирландскими мятежниками, он возвратится с этой армией в Англию и, усмирив оппозицию, навсегда покончит с начавшейся революцией. В этом состояла суть «ирландского плана», роялистов в Лондоне.

Во главе дублинского правительства в это время стояли двое верховных судей короля — Уильям Парсонс и Джон Борлэз, активные сервиторы, пуритане, разбогатевшие еще при Якове на экспроприации ирландских земель. Обещание Карла ирландскому парламенту пожаловать «милости» очень встревожило Парсонса и Борлэза, а также тех, кто стоял за ними, — английских чиновников, авантюристов и колонистов,

расценивших это как новую серьезную уступку короля ирландцам и англо-ирландцам и как свертыwanie массовых земельных конфискаций. Учитывая колонизаторские устремления Долгого парламента в отношении Ирландии, Парсонс и Борлэз поспешили спровоцировать вооруженные выступления ирландцев, чтобы таким образом сорвать предоставление королем «милостей», а также получить предлог для репрессий и новых земельных конфискаций и колонизации. Вот почему, получив сведения о подготовке вооруженного выступления в Ирландии, они не предприняли никаких мер к тому, чтобы предотвратить его. Наоборот, из Дублина стали распускать очень встревожившие католиков провокационные слухи о якобы готовящемся вторжении шотландской армии с целью полного уничтожения католичества в Ирландии. Все это ускорило выступление заговорщиков в Ольстере.

Начало Ирландского восстания

23 октября 1641 г. заговорщики в Ольстере начали вооруженную борьбу. В объявленной в связи с этим Ремонстрации они объяснили свое выступление тем, что английский парламент уже предпринял ряд мер против католиков в Англии и Шотландии и угрожает послать шотландскую армию «с мечом и библией в руках» против ирландцев, что в Ирландии происходят частные сборища «дурных людей» (имелись в виду пуритане), на которых обсуждается план искоренения католичества и «полного нашего уничтожения», что вообще всякий, имеющий собственность в Ирландии, неуверен в своей безопасности. Далее говорилось о том, что, движимые верноподданническими чувствами к королю, они подняли оружие и завладели рядом важных крепостей только для того, чтобы быть в состоянии «служить Его Величеству и защищать себя от тиранических решений наших врагов», под которыми подразумевались Долгий парламент и шотландская армия.

В течение нескольких дней повстанцы завладели важнейшими стратегическими пунктами и крепостями Ольстера, разгромили множество поместий английских колонистов.

Командиры отрядов повстанцев избрали главнокомандующим Фелима О'Нила. Вскоре он повел наступление на Дрогеду, ближайший на севере к Дублину город. Но намеченный захват Дублинского замка сего военным арсеналом не удался, так как план заговорщиков стал известен английским властям. Ирландцы начали лишь локальное восстание в Ольстере. Руководителям восстания не удалось добиться поддержки землевладельцев Пейла, не были установлены прочные связи с ирландцами и англо-ирландцами Коннота и Манстера. Более того, заговорщики вообще не рассчитывали на массово выступление крестьян, а каждый из них должен был организовать из своих ирландцев-держателей отряд под своим командованием для захвата крепостей и поместий английских колонистов. Программа восстания была весьма умеренной и сводилась к следующим требованиям: веротерпимость, возврат экспроприированных земель, ликвидация произвола английских чиновников и юристов, верность английскому королю и защита его прерогатив от посягательств Долгого парламента. На первый план выдвигалась задача защиты католичества в Ирландии как главная общенациональная задача борьбы.

Однако вооруженная борьба, начатая клановой знатью в Ольстере, сразу же и вопреки ее желаниям получила широкую поддержку ирландских крестьян других территорий и графств. Именно народ начал силой, по-крестьянски, стихийно отнимать экспроприированные у него земли, изгоняя английских колонистов и других протестантов из поместий, уничтожая их дома, имущество и скот, а иногда и физически расправляясь с ними как со своими ненавистными угнетателями. В возврате своих земель крестьяне видели неперемненное условие национального освобождения Ирландии от английского господства, и само это освобождение (независимо от взглядов руководителей восстания) понималось ими как полное отделение от Англии и создание самостоятельной национальной монархии.

Вот что, по свидетельству современников, заявляли громившие поместья английских колонистов «простые ирландцы»: они никогда не будут «рабами англичан, каковыми они являлись до сих пор», никогда не допустят, чтобы ими управлял человек, не рожденный в Ирландии, так как у них есть уже свой король Фелим О'Нил и все должности в государстве должны занимать ирландцы.

Это были справедливые действия угнетенного народа, поднявшего оружие за освобождение своей страны от гнета англичан-поработителей. Широкое аграрное движение в защиту ирландских земель от конфискации и английской колонизации превратило восстание в Ольстере в «национальную революцию», охватившую всю страну и длившуюся несколько лет. «Беспорядки теперь, — докладывали в Лондон в конце ноября верховные судьи, — вообще возросли до такой степени, что во многих местах, даже около Дублина, в четырех милях от нас, не только явные мятежники из коренных жителей ирландцев, но мужчины, женщины и дети из местных жителей нападают на своих соседей англичан и отнимают все, что у них есть...»

Английские колонизаторы и англо-ирландские аристократы сразу же объявили эти локальные выступления крестьян за возврат своих земель «всеобщей резней». На провокационный характер такого обвинения указывает Энгельс: «Но никакой резни не было. Все источники того времени приписывают ирландцам только намерение устроить всеобщую резню, и даже оба верховные судьи, протестанты (прокламация от 8 февраля 1642 г.), заявили, что «главная часть их заговора и, среди прочего, всеобщая резня, *не удалась*»».

Тем не менее самочинные и разрозненные выступления крестьян против английских колонизаторов и их размах весьма напугали ирландскую знать, которая увидела в них серьезную угрозу своему богатству и положению. Поэтому вожди восстания в Ольстере в своих заявлениях поспешили отмежеваться от разгоравшейся крестьянской борьбы и стали еще более настойчиво искать союзников среди англо-ирландской знати, а также в странах католической реакции. Это ослабляло борьбу.

На другой день после начала Ирландского восстания лорды Пейла явились к верховным судьям с заявлением о своих верноподданнических чувствах к королю и его дублинскому правительству, просили дать им оружие для отражения попыток поддержать восставших на их территориях. После того как в выдаче оружия им было отказано, собравшийся 17 ноября 1641 г. на 2 дня под охраной отряда мушкетеров ирландский парламент попытался взять развитие событий в свои руки. Выражая позицию англо-ирландского большинства, парламент в своей декларации осудил вооруженное выступление повстанцев Ольстера и, выразив свою верность Карлу, просил его дать лордам и общинам дублинского парламента возможность ликвидировать восстание своими силами, «без помощи людьми из Англии». Если же мятежники не сложат оружия и не сдадутся на милость короля, то они сами поднимут оружие против них. Не рассчитывая на поддержку Долгого парламента в этом намерении, члены ирландского парламента решили непосредственно связаться с королем, направив для этой цели в Англию лордов Диллона и Тафа с декларацией. Но Долгий парламент сорвал эту попытку. По дороге из Шотландии в Лондон лорды были арестованы по приказу Долгого парламента, а декларация ирландского парламента уничтожена.

Учитывая обстановку, верховные судьи Ирландии постарались сорвать переговоры о мире с восставшими, начатые по инициативе самих восставших. В начале ноября английские войска и шотландцы-протестанты в провокационных целях учинили избиение мирного ирландского населения на п-ове Меджи в графстве Антрим. Здесь было убито около трех тысяч ирландцев. Английский карательный отряд начал громить поместья англо-ирландских лордов в Ленстере и истреблять местное население. Его командир объявил о своем намерении истребить всех католиков. Подобным образом действовал и другой отряд, в Манстере. «Правительство прямо-таки загоняло англичан Пэля и англо-ирландских лордов Мэнстера в армию повстанцев, дабы получить повод к новым конфискациям» — так оценивает эти действия Энгельс.

В такой ситуации англо-ирландским лордам ничего не оставалось, как начать организацию своих сил в целях самообороны. Но созданный ими лагерь в деревне Клонтарф, вблизи Дублина, был разгромлен английскими войсками. Тогда значительная часть англо-ирландской знати Ленстера присоединилась к восставшим. Этому предшествовало несколько совещаний ее лидеров с вождями из Ольстера, на которых обсуждались вопросы военного и политического характера. В конце концов пришли к согласию на следующих условиях: свобода вероисповедания для католиков, восстановление всех прерогатив короля и их защита от покушений со стороны Долгого парламента, предоставление всем подданным короля в Ирландии таких же свобод, как и его подданным в Англии.

В то же время другая часть англо-ирландских лордов, главным образом протестанты, к которым принадлежал и граф Ормонд, главнокомандующий военными силами дублинского правительства, остались верны королю дублинскому правительству и англиканской церкви. Он составили роялистскую партию.

Долгий парламент и Ирландское восстание

Большинство членов Долгого парламента сразу же приняло точку зрения дублинского правительства на Ирландское восстание. В прокламации, обнародованной в связи с началом этого восстания, парламент призывал всех протестантов объединиться для защиты от всеобщей «резни» и объявил о наборе 8-тысячной армии для посылки в Ирландию на подавление «мятежа», обещав всем, кто собственными средствами поможет победить мятежников, вознаграждение «землями в Ирландии, сообразно их заслугам». В петиции Долгого парламента, приложенной к Великой ремонстрации от 1 декабря 1641 г. королю, указывалось также на необходимость сохранить конфискованные у ирландских повстанцев земли, чтобы можно было ими возместить подданным английского короля «те огромные издержки, которые они согласны нести в настоящей войне». На неоднократные заявления лидеров восстания в Ольстере о веротерпимости как главном своем требовании палата общин Долгого парламента 8 декабря 1641 г. категорически ответила, что она «никогда не даст согласия на любую терпимость по отношению к папистской религии в Ирландии или в каком-либо другом владении английского короля». Наряду с этим в Англии была развернута широкая антиирландская пропаганда. В парламент начали поступать петиции, в которых выдвигались требования спасти англичан-протестантов в Ирландии от «резни», учиненной католиками.

В феврале 1642 г. обе палаты Долгого парламента приняли акт о займе «для скорейшего и успешного приведения в покорность Ирландского королевства». Объявлялось, что всякий, кто даст займы парламенту деньги для подавления Ирландского восстания, получит после его подавления в виде возмещения земли, которые будут конфискованы у мятежников по следующей расценке за каждую тысячу акров: в Ольстере — 200 ф.ст., в Конноте — 300 ф.ст., в Манстере — 450 ф.ст., в Ленстере — 600 ф.ст. Все деньги, собираемые по этому займу, должны были поступать не в королевскую казну, а в специальный комитет, составленный из членов палаты общин и подписчиков займа. Карл таким образом устранился от распоряжения этими суммами. Этот заем был встречен с одобрением: в течение 1642 г. было произведено 1360 подписок на него. Большинство подписчиков составляли лондонцы, и среди них будущий вождь индипендентов Оливер Кромвель, внесший 600 ф.ст.

Таким образом, парламент в Лондоне задолго до подавления Ирландского восстания уже объявил о конфискации земель ирландских повстанцев для раздачи их будущим подписчикам на ирландский заем в Англии. При этом парламент применил новый буржуазный принцип колонизации ирландских земель — земли участников Ирландского восстания по существу продавались всем, кто имел деньги и желал их приобрести, а не жаловались королем по его усмотрению и милости, как это делалось прежде при колонизации Ирландии.

Когда началось Ирландское восстание, Карл воздержался от четкого определения своего отношения к нему, рассчитывая на осуществление «ирландского плана» роялистов. «Я надеюсь, что дурные вести из Ирландии помешают совершить некоторые безумства в Англии», — говорил он. Но под давлением настроений буржуазно-дворянских кругов в Англии и большинства Долгого парламента ему пришлось уступить. Только 1 января 1642 г. он наконец объявил восставших ирландцев мятежниками и предложил им сдать оружие, а затем дал согласие на акт парламента об ирландском займе и конфискации земель восставших. «Жалкий Карл позволил 19 марта 1642 г. вырвать у себя санкцию на это», — замечает Энгельс по этому поводу. Что же касается намерения Карла отправиться во главе армии на подавление Ирландского восстания, то оно не было осуществлено ввиду того, что палата общин заявила о нежелательности этого из соображений безопасности короля и всего королевства. Так был сорван «ирландский план» роялистов.

Образование Ирландской конфедерации католиков

Объявленный Долгим парламентом заем под конфискованные земли всех ирландских повстанцев способствовал усилению национально-освободительной борьбы в Ирландии. К лету 1642 г. восстанием была охвачена большая часть Ольстера, Ленстера (включая и земли прежнего Пейла), Коннота и Манстера.

Однако силы восставших были основательно разобщены не только территориально. Поскольку не было единого командования, военные операции велись вождями и лордами сепаратно и на свои средства; в армии была низкая дисциплина, не было единой программы, и, несмотря на присоединение англо-ирландских лордов к восстанию, противоречия между ними и клановой знатью не были устранены. На эти расхождения в лагере повстанцев очень рассчитывали в Дублине. «Мне говорят, — писал Ормонд Карлу в связи с присоединением Пейла к восстанию, — что требования и неистовство тех, кто первый поднял оружие, будут смягчены в результате присоединения к ним этих аристократов». Очень ослабляли лагерь восставших неоднократные попытки обоих возглавлявших восстание групп знати остановить разгоравшуюся самочинную крестьянскую борьбу против английских колонизаторов.

В результате восставшие вели военные действия неудачно, чем не преминули воспользоваться английские и шотландские войска, проводя свои опустошительные походы.

В таких условиях перед восставшими встала задача создать самостоятельное государство. Это особенно стало необходимым в связи с провалом «ирландского плана» Карла и началом в августе 1642 г. гражданской войны в Англии. За создание такого государства выступило и католическое духовенство, рассчитывавшее вернуть себе все церковные земли и доходы. В мае 1642 г. собор всего католического духовенства Ирландии, собравшийся в Килкенни, объявил «священной и справедливой» эту войну, потому что она ведется за католическую веру, короля и в защиту прав и свобод ирландцев, «их жизни, имущества и земель», против незаконных посягательств угнетателей и врагов, «главным образом пуритан». Прелаты поддержали проект объединения всех восставших территорий в конфедерацию. Были направлены послы к германскому императору, папе римскому и французскому королю с просьбой о помощи ирландским католикам.

Страны католического лагеря, возглавляемые папой римским, рассчитывали использовать борьбу ирландцев за освобождение своей страны в антианглийских, контрреволюционных целях. Политическая незрелость восставших, религиозная оболочка борьбы против английских колонизаторов существенно облегчали попытки осуществить эти расчеты. Летом 1642 г. восставшие стали получать из разных стран католического лагеря деньги, оружие и снаряжение. Кроме того, прибывали офицеры и солдаты, главным образом из ирландцев-эмигрантов, служивших в армиях других стран. Среди них было два ирландских полковника, занявших сразу же руководящее положение.

Это были Оуэн О'Нил — племянник графа Тирона, возглавлявшего восстание в Ольстере при Елизавете, способный офицер, отличившийся в испанских войсках, и Томас Престон, воевавший до этого в рядах испанской и австрийской армий.

24 сентября 1642 г. в г.Килкенни собравшиеся на Генеральную ассамблею представители подвластных восставшим графств и городов конституировали образование из этих территорий самостоятельного государства и установили основные принципы его устройства и деятельности. Оно получило название Ирландская конфедерация католиков. Функции центрального правительства были возложены на Верховный совет, состоявший из 24 членов, назначаемых Ассамблеей. Она объявила себя национальным собранием. Президентом государства был избран лорд Маунгаррет. Столицей Конфедерации стал город Килкенни. Вся территория Конфедерации традиционно разделялась на четыре провинции, графства и баронии, управление которыми было сосредоточено в провинциальных советах и советах графств. Каждая провинция имела свою армию и своего главнокомандующего. Лордам запрещалось без разрешения властей набирать отряды, подтверждалась отмена архаического военного побора.

Отменялась дискриминация католиков; католическая церковь получила привилегированное положение и вернула себе все земли и собственность, принадлежавшие протестантской церкви. «Затем устанавливается, — говорилось в постановлении Ассамблеи, — что не будет различий между «древними ирландцами» и «древними» или «новыми англичанами», между семьями и септами, между городскими и деревенскими жителями, вошедшими в союз». В целях предотвращения национальной вражды среди конфедератов они должны были дать торжественную «клятву объединения». Было объявлено, что английское общее право и все статуты английских королей, не направленные против свобод Ирландии и католической религии, должны соблюдаться на территории Конфедерации и в судах.

В то же время Ассамблея Конфедерации заявила о верности конфедератов Карлу I как королю Ирландии и всем его преемникам, о поддержании всех его прерогатив и гарантировала полную неприкосновенность королевского имущества и земель в Ирландии, а также регулярное поступление доходов королю. «Нашим намерением, — заявили члены Ассамблеи Карлу, — не является поколебать ваше правление, или вторгнуться в какую-либо из ваших высоких прерогатив, или притеснить кого-либо из британских подданных, какую бы религию они ни исповедовали, если он не борется за то, чтобы угнетать нас». Конфедерация чеканила монету с изображением Карла. Девизом конфедератов было: «За бога, короля и родину Ирландию единодушно». Само создание Конфедерации они объясняли тем, что правительство в Дублине находится в руках «злонамеренной партии» — союзника Долгого парламента в Англии.

Против акта об ирландском займе Ассамблея Конфедерации вынесла особое постановление: все, кто приобрел земли или держания с 1 октября 1641 г. и в ходе ирландской войны, обязаны их возвратить прежним владельцам. В то же время земли врагов Конфедерации или нейтральных лиц предписывалось отдать в распоряжение Верховного и провинциальных советов конфедератов, чтобы использовать их как ресурсы для поддержки общего дела.

Наряду с верноподданническим отношением к Карлу конфедераты в первых же своих документах решительно отмежевались от народной борьбы против английских колонизаторов как порожденной «дикой яростью необузданной толпы».

В обращении к папе Урбану VIII конфедераты просили благословить создание их государства; послом Конфедерации в Риме при папе был назначен один францисканский монах. Просьбы о помощи были посланы также французскому королю Людовику XIII и германскому императору Фердинанду III.

Образование самостоятельного государства было важным событием в национально-освободительной борьбе Ирландии. Однако ирландские и англо-ирландские феодалы создали это государство вовсе не для поддержки народной освободительной войны, которая велась повсеместно главным образом в виде партизанских выступлений локального характера. Их целью было разделить с английской монархией господство над Ирландией, добиться для себя ряда льгот и обеспечить безопасность своих владений от экспроприации английскими авантюристами. В соответствии с этим в программе Конфедерации отсутствовали требования возврата ирландцам конфискованных в прошлом английскими королями земель и создания независимого от английской короны государства. В структуре созданного конфедератами государства были сохранены существенные черты традиционного сепаратизма ирландской и англо-ирландской знати, выразившиеся в том числе и в отказе создать единое военное командование с целью объединить действия провинциальных армий, что лишало Конфедерацию необходимой для успешной борьбы с колонизаторами централизации.

Умеренность и ограниченность программы и деятельности Конфедерации были следствием преобладающего влияния среди конфедератов англо-ирландских лордов, что само по себе не могло не вызвать в дальнейшем недовольства у ирландской знати, настроенной более радикально. Энгельс так характеризует сложившееся в связи с этим положение в Конфедерации: «...ирландцы должны были *драться*, англо-ирландцы же могли заключать договоры и *предавать ирландцев...*»

Перемирие 1643 г. и его последствия

Положение восставших после образования Конфедерации, несмотря на отсутствие единого командования, было более прочным по сравнению с дублинским правительством. Армия конфедератов состояла главным образом из коренных ирландцев, умевших воевать и настроенных весьма решительно по отношению к английским колонизаторам; их возглавляли способные командиры, прошедшие школу в Тридцатилетней войне; она была хорошо вооружена и экипирована главным образом благодаря помощи католических стран. Конфедератам подчинялась большая часть Ирландии (почти 67 всего населения острова). Вскоре после образования Конфедерации были нанесены поражения шотландским войскам генерала Монро в Ольстере и правительственным войскам в Манстере.

Войска дублинского правительства были плохо вооружены и деморализованы. Долгий парламент после начала гражданской войны в Англии не присылал подкреплений, он даже разрешил израсходовать на нужды гражданской войны в Англии 100 тыс. ф.ст. из сумм, полученных по подписке на ирландский заем. Весной 1643 г. дублинским властям пришлось докладывать в Лондон о том, что «управление и армия находятся в ужасном положении» вследствие недостатка средств на ведение войны, что это угрожает поражением и потерей Ирландии.

Складывалась весьма любопытная ситуация. Под влиянием вражды к ирландским повстанцам, охватившей широкие круги в Англии, Карл официально продолжал считать всех конфедератов мятежниками. В дублинском правительстве шла борьба между пуританами — сторонниками Долгого парламента и роялистами, возглавляемыми Ормондом — главным агентом Карла в Ирландии, командовавшим правительственными войсками. Воспользовавшись этим, в мае 1643 г. Карл заменил У.Парсонса своим сторонником. Таким образом, конфедераты в первые месяцы после образования нового государства одним ударом могли бы разгромить правительственные войска и закончить войну полной победой. Но поскольку эта возможность была упущена, Карлу и англо-ирландским лордам удалось осуществить свои замыслы.

В январе 1643 г. Карл дал указания Ормонду заключить перемирие с конфедератами на год, «желая, — как говорит Энгельс, — заручиться чьей-нибудь помощью в борьбе с английским парламентом». При поддержке англо-ирландских лордов Ормонду удалось летом 1643 г. договориться о перемирии, хотя большая часть коренных ирландцев и присланный папой легат были против этого.

Но англо-ирландское большинство в Верховном совете Конфедерации не только утвердило 19 сентября это перемирие, но и дало согласие уплатить королю до 1 июня 1649 г. 30 тыс.ф.ст. на содержание его армии, воюющей в Англии. Военные действия прекратились, и Ормонд немедленно отправил из Ирландии пять своих полков в Англию на помощь королю в гражданской войне.

Вскоре после этого Карл сместил верховных судей, и дублинское правительство возглавил граф Ормонд. Он был лидером роялистов из англикан, занимавших при Стюартах привилегированное положение. В Ормонде соединялись черты, порожденные колониальным режимом английского абсолютизма в Ирландии: преданность чужеземной монархии высокопоставленного и обласканного ею вельможи и вероломство по отношению к Ирландии, непомерное честолюбие королевского сановника, жажда богатства и авантюризм деятеля эпохи первоначального накопления. Будучи роялистом, он всеми силами стремился не допустить победы католиков в Ирландии, стараясь выиграть время, чтобы расколоть и ослабить Конфедерацию.

Перемирие 1643 г. резко обострило борьбу между «коренными ирландцами» и англо-ирландцами и подорвало единство Конфедерации. Оно весьма встревожило и противников Конфедерации — пуритан и англикан в Дублине, опасавшихся, что Карл заключит мир с католиками ценой отказа от конфискации земель и имущества «мятежников» и удовлетворения всех их жалоб.

В 1644 г. конфедераты и роялисты-англикане послали своих уполномоченных в ставку Карла в Оксфорде с требованием заключения мира между Конфедерацией и дублинским правительством. Выслушав тех и других, Карл не дал определенного ответа по существу предложенных требований и уполномочил Ормонда вести дальше переговоры о мире. Но Ормонд умышленно затянул эти переговоры, добиваясь различными средствами раскола среди конфедератов.

Обострение внутренней борьбы в Ирландии

Однако в Англии поражения, которые потерпел Карл от парламентской армии при Марстон Муре в июле 1644 г. и при Незби в июне 1645 г., заставили роялистов поспешить с заключением мира с Конфедерацией вопреки саботажу англикан во главе с Ормондом. Сразу после сражения при Незби Карл отправил в Ирландию своего представителя католика графа Глеморгана со специальным поручением тайно заключить мир с Конфедерацией и получить от нее помощь против армии Долгого парламента. В августе 1645 г. Глеморган прибыл в Килкенни. Он предложил подписать мир на условиях предоставления католикам свободы богослужения; к ним переходили церкви и церковные доходы, которые не были еще переданы англиканам. За это Конфедерация обязалась королю выставить 10-тысячную армию под командованием Глеморгана и на ее содержание в течение трех лет выплачивать короне 2/3 всех церковных доходов. Пункты, касающиеся католиков, были секретными, так как Карл опасался недовольства со стороны роялистов-англикан в Англии и в Ирландии.

Но эта попытка короля заключить мир не удалась. В багаже убитого в стычке в Конноте католического епископа была найдена копия секретной части этого договора и передана Долгому парламенту, который немедленно ее опубликовал. Карлу пришлось заявить о своей непричастности к заключению договора, хотя Глеморган действовал точно по его инструкциям, скрепленным королевской печатью. Тогда Ормонд арестовал графа, аннулировал договор и сам начал переговоры с Конфедерацией, добиваясь заключения мира на условиях, выгодных англиканам в Ирландии.

В это время папа Иннокентий X стал настойчиво добиваться поддержки у ирландской знати, чтобы с ее помощью организовать интервенцию католических держав в Ирландию, а затем и в Англию для уничтожения пуританства и восстановления католичества. Англо-ирландские и ирландские феодалы, боясь народа и отмежевываясь от народной борьбы за освобождение Ирландии, охотно поддерживали эти меры.

В октябре 1645 г. в Килкенни прибыл новый папский легат Джованни Ринуччини. Он привез с собой много оружия и снаряжения от папы и кардинала Мазарини, тогдашнего правителя Франции. Ринуччини был фанатичным приверженцем папской контрреформации и теократии. Добиваясь осуществления клерикальных и интервенционистских целей папства, он стал собирать вокруг себя наиболее воинствующих католиков из духовенства и ирландской знати, привлек на свою сторону Оуэна О'Нила, армия которого благодаря этому получила много оружия и снаряжения, решительно боролся против усилий Ормонда заключить с Конфедерацией мир на приемлемых для англикан условиях.

Однако откровенно клерикальные и интервенционистские цели вмешательства папы в ирландские дела не встретили одобрения среди многих англо-ирландцев, опасавшихся усиления влияния «коренных ирландцев». Поэтому намерения Ормонда заключить мир с Конфедерацией в конце концов встретили поддержку у англо-ирландского большинства и увенчались успехом вопреки сопротивлению Ринуччини и его сторонников. 25 марта 1646 г. этот так называемый «Ормондов мир» был заключен и Ормонд прибыл в Килкенни. По условиям мира серьезно ущемлялись интересы «коренных ирландцев». Они не получили свободы вероисповедания, а лишь освободились от присяги английскому королю как главе англиканской церкви, за которой сохранялось господствующее положение; не отменялись и конфискации земель у ирландцев.

Заключение мира окончательно раскололо Конфедерацию и еще более обострило внутреннюю борьбу в Ирландии. Ринуччини отлучал от церкви всех, кто поддерживал этот мир. В Лимерике простой народ, предводительствуемый монахом, учинил расправу над герольдами, назначенными объявить о заключении мира. Волнения проходили и в других городах. Но выступления «коренных ирландцев» были стихийными и неорганизованными. Оуэн О'Нил и другие вожди, отстаивая свои привилегии, боялись простого народа и надеялись только на силу своих армий. Рассчитывая на количественное превосходство своих сил, 5 июля 1646 г. Монро напал на войска О'Нила у Бенбурба. Однако О'Нил выиграл это самое крупное за все время войны в Ирландии с 1641 г. сражение. Перед ним открылась возможность довершить разгром противника в Ольстере и взять Дублин. Однако Ринуччини потребовал, чтобы О'Нил со своими войсками направился в Ленстер и расправился с Верховным советом в Килкенни. В сентябре Килкенни был взят его войсками и Верховный совет Конфедерации разогнан. Был создан новый совет под председательством Ринуччини, который отказался от Ормондова мира под предлогом того, что в нем не гарантировались свобода вероисповедания, а также жизнь, свобода и собственность католиков.

После поражения Карла I в войне в Англии в начале 1647 г. Ормонд поспешил перейти на сторону победителя — Долгого парламента, цинично заявив, что он предпочитает английских мятежников ирландским. Но, прибыв в Англию и узнав о приказе парламента немедленно его арестовать, он бежал во Францию, найдя там приют у английской эмиграции. Англиканская группировка в Ирландии потеряла свое влияние: одна часть ее участников приняла сторону конфедератов, а другая — Долгого парламента.

Ирландия — оплот роялистских сил

Победа индепендентов, свержение монархии и установление буржуазно-дворянской республики в Англии вызвали в Ирландии серьезную тревогу. Среди роялистов возобладало стремление объединить свои силы. Этого требовала и роялистская эмиграция, в контрреволюционных планах которой Ирландии отводилась главная роль.

Однако враждовавшие между собой группировки в Ирландии и на этот раз не смогли объединиться. Преследуя свои корыстные, групповые цели, они не решились обратиться к народу и призвать его к защите своей родины. О'Нил, командовавший сильной католической армией в Ирландии, оставался сторонником Ринуччини.

Но, понимая, что дело Карла проиграно, он пытался заключить сепаратно договор о мире с Долгим парламентом. Эта попытка натолкнулась на нежелание парламентских комиссаров, с которыми он вел переговоры, предоставить католикам свободу вероисповедания и обеспечить безопасность их владений.

Кроме того, новый Верховный совет Конфедерации вышел из подчинения Ринуччини и в этот ответственный момент не нашел ничего другого, кроме решения снова восстановить союз с королевской фамилией на основе мирного договора, заключенного Ормондом и сорванного Ринуччини. В Париж были посланы уполномоченные Конфедерации, которые наряду с выражением верноподданнических чувств Стюартам предложили сыну английского короля, принцу Карлу, прибыть в Ирландию и возглавить ирландских роялистов. Но в этом им было отказано. В конце концов сошлись на том, что в Ирландию будет послан граф Ормонд, который как королевский уполномоченный займется объединением всех роялистов для борьбы за восстановление власти Стюартов в Англии. В ответ на это папа римский отказался помогать конфедератам деньгами и амуницией, а Конфедерация объявила О'Нила предателем.

В сентябре 1648 г в Ирландию прибыл Ормонд и 17 января 1649 г. заключил с Конфедерацией договор, по которому за военную помощь Стюартам отменялось действие карательных законов против католиков, они освобождались от признания королевской супрематии и подсудности англиканской церкви, предусматривался созыв нового парламента. До созыва парламента власть должна была находиться в руках Ормонда как королевского наместника Ирландии и главнокомандующего войсками конфедератов, но под контролем 12 доверенных уполномоченных, избираемых Верховным советом Конфедерации.

Вскоре после заключения договора в Ирландию прибыли остатки королевского флота под командованием принца Руперта.

30 января 1649 г. в Лондоне был казнен Карл I, а Ринуччини через месяц после заключения Ормондом мира с Конфедерацией был отозван из Ирландии.

В то же время объединение роялистов, которое создал в Ирландии Ормонд, используя реакцию местной знати на казнь Карла и страх перед колониальной политикой индипендентов, было очень непрочным. Объединившиеся с конфедератами англикане отнюдь не собирались уступать своих привилегий католикам из англо-ирландцев и тем более из «коренных ирландцев». Ормонд безуспешно пытался примирить конфедератов с Оуэном О'Нилом, несмотря на то что это был единственный полководец, способный оказать серьезное сопротивление английским войскам.

Осенью 1649 г умер Оуэн О'Нил; ходили слухи, что его отравил один лорд из Пейла. А незадолго до этого, в августе 1649 г., Ормонд был разбит парламентскими войсками Джонса при деревне Ратмайнс, недалеко от Дублина. Через несколько дней в Ирландии высадился Кромвель с большим войском. Но силы, способные оказать сопротивление этому вторжению, были раздроблены и ослаблены.

Таков результат раздоров и внутренней борьбы среди ирландской и англо-ирландской знати, возглавлявшей Ирландское восстание, их антинародной, узкоклассовой политики. Все это привело к тому, что решающая сила национально-освободительного движения — народные массы к моменту вторжения в страну Кромвеля были ослаблены и разобщены в результате соперничества различных группировок. Оуэн О'Нил и другие вожди кланов Ольстера, настроенные более радикально, оказались изолированными вследствие ограниченности программы, подчинения своих целей клерикальным интересам и боязни широкой народно-освободительной борьбы.

Завоевание Ирландии Кромвелем

Благодаря вступлению в борьбу между королем и парламентом широких народных масс Англии была достигнута победа над роялистами в гражданской войне. Революция вступила в 1649 г. в свой буржуазно-демократический этап — была уничтожена монархия и создана республика.

Однако дальше этого развитие событий не пошло. К власти пришли индипендентские круги буржуазии и нового дворянства, которые использовали буржуазно-дворянскую республику для подавления сил демократического крыла революции, для завоевания и грабежа Ирландии.

Организуя поход в Ирландию, индипенденты намеревались осуществить ее колониальное порабощение на принципах свободного буржуазного предпринимательства. Они считали себя обязанными удовлетворить авантюристов, подписавшихся в 1642 г. на заем под обеспечение ирландскими землями. Массовая конфискация ирландских земель должна была явиться важным средством подчинения Ирландии как колонии английской республики. Кроме того, парламент после гражданской войны не рассчитался полностью со своей армией в Англии, и завоевание роялистской Ирландии открывало возможность расплатиться с солдатами и офицерами ирландской землей.

Было еще одно весьма важное соображение. Хотя движение диггеров и левеллеров в Англии — демократического крыла революции — весной 1649 г. в основном было подавлено, однако парламентская армия представляла серьезную опасность для индипендентов, так как влияние демократических элементов в ней оставалось еще сильным. Отправкой ряда полков парламентской армии в Ирландию индипенденты рассчитывали отвлечь ее от борьбы за демократические реформы внутри Англии, развратить солдат и офицеров, пробудив в них жажду наживы путем грабежа ирландских земель. Ирландская экспедиция, таким образом, должна была завершить подавление левого крыла английской буржуазной революции и закрепить победу буржуазно-дворянского блока, предотвратив ее дальнейшее развитие по буржуазно-демократическому пути.

Официально ирландская экспедиция мотивировалась необходимостью нанести удар по роялистской и католической контрреволюции, центром притяжения которой стала Ирландия. Конечно, разгром роялистских сил в Ирландии, замышлявших восстановление феодальной монархии в Англии, был важной и неотложной задачей индипендентского правительства, однако ее осуществление было полностью подчинено колонизаторским и контрреволюционным целям победивших в революции буржуазно-дворянских слоев. Но индипенденты имели выгодную возможность замаскировать захватнические и грабительские планы своего похода в Ирландию, объявив об уничтожении этого опасного для английской республики гнезда роялистов и католиков. Вследствие этого шовинистическая пропаганда против Ирландии, широко раздуваемая индипендентами, легко могла увлечь многих солдат и офицеров парламентской армии.

Подготовка ирландской экспедиции была начата сразу после того, как индипенденты пришли к власти. Лондонское Сити весной 1649 г. предоставило парламенту для ее организации заем в 120 тыс.ф.ст., а затем в июле еще 150 тыс.ф.ст. Парламент ассигновал также на эту экспедицию часть сумм, поступивших от распродажи церковных земель и взимания штрафов с роялистов. При комплектовании экспедиционной армии командование старалось включить в нее особенно «неблагонадежных» солдат и офицеров. Численность этой армии была доведена до 12 тыс. человек, командующим назначен Кромвель. Большое количество боеприпасов, оружия, амуниции и продовольствия находилось в Бристоле. 130 кораблей были готовы в любое время к переброске экспедиционной армии и охране ее коммуникаций во время кампании.

Для вторжения в Ирландию Кромвель выбрал удачный момент. 15 августа 1649 г. он высадился с основными силами своей армии вблизи Дублина и вскоре вступил в него; соединившись с армией Джонса, он взял Дрогеду, а затем Уэксфорд.

Кровавая бойня в Дрогеде и Уэксфорде, учиненная Кромвелем, не устрасила ирландцев. Наоборот, она усилила их сопротивление. Почти месяц войска Кромвеля безуспешно осаждали Уотерфорд; в начале декабря он вынужден был снять осаду города и направиться в Манстер (Уотерфорд продержался до августа 1650 г.). Наступила зима, и армия Кромвеля оказалась в тяжелом положении: она находилась во враждебной стране, где не было зимних квартир. Но стороннику Кромвеля, лорду Брогхиллу, удалось поднять в Корке, Югхолле, Кинсейле и других городах мятежи против конфедератов и тем самым спасти английскую армию. Кромвель получил хорошие зимние квартиры и возможность поддерживать морем связи с Англией. В марте 1650 г., после третьего штурма, Кромвелю сдалась столица конфедератов Килкенни.

26 мая 1650 г. Кромвель отбыл в Англию, чтобы принять участие в подготовке войны с Шотландией, и завоеваний Ирландии продолжили генералы Генри Айртон, а затем Чарльз Флитвуд. Армия конфедератов еще не была разбита, а на занятых англичанами территориях началась народная партизанская война против захватчиков, главную роль в которой играло крестьянство. Используя леса, болота, горы и поддержку местных жителей, ирландские партизаны — их называли тогда «тори» — наносили удары по английским войскам, серьезно затрудняя ведение военных действий. Карательные отряды англичан сжигали деревни, уничтожали запасы продовольствия, вытапывали посевы, косили на корню еще не созревший хлеб, убивали скот, рассчитывая голодом заставить ирландцев покориться. «Вследствие недостатка хлеба и скота тори могут остаться без провианта и таким образом будут вынуждены подчиниться и покинуть эти места», — объясняли смысл этой тактики уполномоченные парламента. Особенно жестокой расправе подвергались партизаны.

27 октября 1651 г. английские войска взяли г.Лимерик — центр ирландского сопротивления в Манстере. Сопротивление в Конноте было сломлено после сдачи г.Голуэя 12 мая 1652 г. 26 сентября 1652г. английский парламент объявил, что «мятежники в Ирландии подчинены и мятеж усмирён и окончен». Как говорит Маркс, «вторичное полное завоевание Ирландии завершено». Но борьба отдельных партизанских отрядов продолжалась еще длительное время.

Победы английской армии объяснялись раздробленностью сил ирландцев, внутренней борьбой между ними, слабостью и непопулярностью Ормонда как главнокомандующего. В стане роялистов не прекращалась борьба между англо-ирландскими лордами и ирландской знатью, католиками и протестантами, духовенством и знатью, в отдельных частях армии случались волнения и переходы на сторону англичан. Армия роялистов испытывала большие затруднения с провиантом. Поскольку она снабжалась посредством реквизиций у местного населения, это способствовало ее непопулярности в стране. К тому же, когда Кромвель осаждал ирландские города и крепости, Ормонд не решился дать ему ни одного сражения, не пытался поддержать и объединить действия разрозненных партизанских отрядов. Многие ирландские гарнизоны не подчинялись его распоряжениям, южные города не принимали его отряды и отказывались выполнять его приказы.

В это же время обострилась и религиозная борьба среди роялистов. Католические епископы заметно усилили свою деятельность; они стремились воспользоваться непопулярностью Ормонда и захватить руководство борьбой против английских пуритан в свои руки, чтобы наконец осуществить свои теократические цели. Еще в январе 1650 г. Кромвель обратился к ирландцам с декларацией «К обманутому и совращенному народу Ирландии», в которой объявлял католическое духовенство главным виновником сопротивления и обещал мир ирландцам, если они откажутся подчиниться католическому духовенству и изгонят его. Эта декларация ускорила переход на сторону Кромвеля значительной группы англо-ирландских лордов и ирландцев.

Вскоре армия ирландских роялистов совсем распалась. Командиры отдельных отрядов самочинно стали сдаваться англичанам, сами обговаривая условия сдачи.

Послы ирландских прелатов безуспешно предлагали ирландскую корону папе римскому, королям Франции и Испании и просили о помощи. Фелим О'Нил попытался начать наступление в Ольстере, взял два форта, но вскоре потерпел поражение, попал в плен и в 1654 г. был казнен.

Ирландия была опустошена. Длившиеся более 10 лет войны и междоусобная борьба, жестокость и грабежи английских солдат, особенно кромвелевской армии, голод и эпидемии вконец расстроили хозяйство страны, резко сократили ее население. По подсчетам современника этих событий английского экономиста Петти, «ирландцев погибло и было уничтожено в результате действия меча, чумы, голода и нужды, изгнания» за период с 23 октября 1641 по 23 октября 1652 г. 504 тыс.; англичан за это же время погибло 112 тыс. человек. «Скот в этой стране, — докладывали в Лондон уполномоченные парламента летом 1651 г., — почти весь истреблен, более четырех пятых самых лучших и плодородных земель Ирландии опустошены и необитаемы. Это угрожает стране великой нуждой». В поземельной описи, произведенной в Ирландии английским правительством в 1654 г., приводятся многочисленные факты обезлюдения и хозяйственного запустения страны.

Вопреки буржуазным фальсификаторам истории, изображавшим Ирландское восстание 1641—1652 гг. как реакционное выступление типа Вандеи периода французской революции XVIII в., оно было крупнейшим событием национально-освободительной борьбы ирландцев против английских колонизаторов и имело прогрессивное значение. Именно так оценивал это восстание Энгельс. В одном из своих писем он замечает: «Но все же существует маленькая разница: французская революция хотела дать землю народу, а английская республика хотела в Ирландии отнять землю у народа».

Однако Ирландское восстание происходило в условиях экономической и политической раздробленности страны и отсутствия национального единства: ирландцы в XVII в. еще не сложились в нацию. Хотя движущими силами этого восстания были крестьяне, ирландские и англо-ирландские дворяне, руководство борьбой принадлежало знати и католическому духовенству. Поражение восстания было следствием ряда причин, среди которых следует особо выделить: 1) слабость руководства национально-освободительной борьбой, выразившаяся в разногласиях и раздорах между группировками знати и католическим духовенством по политическим и религиозным вопросам, в компромиссном характере выдвинутых программ, в поддержке Стюартов — династии поработителей Ирландии, в боязни широкого народного движения и нежелании выдвинуть требования национального и социально-экономического характера, отражавшие интересы широких народных масс; особенно отрицательную роль сыграла вражда между ирландской и англо-ирландской знатью; 2) союз руководителей восстания с реакционными силами Англии и Европы, активное вмешательство этих союзников в национально-освободительную борьбу в Ирландии и попытка использовать ее в собственных политических и религиозных целях, вероломство и предательство этих «союзников» по отношению к ирландцам; 3) недостаточная политическая сознательность, стихийность и локальность выступления крестьян — основной силы Ирландского восстания; 4) религиозный характер национально-освободительной борьбы, способствовавший тому, что основные ее участники, особенно крестьяне, не смогли правильно осознать цели борьбы, а также позволивший католическому духовенству, стоявшему во главе движения, использовать ее в собственных целях.

Новое «устройство» Ирландии и его последствия

В то время, когда английская армия совершала ирландский поход, уполномоченные парламента по Ирландии, офицерский состав армии и комитеты Долгого парламента начали подготовку к осуществлению конфискации ирландских земель. Хотя английская армия в Ирландии насчитывала 30 тыс. человек, расходы на нее в два раза превышали доходы, полученные в Ирландии.

Поскольку задолженность парламента была велика, предложение о покрытии ее ирландской землей было поддержано всеми. Кредиторы парламента — их официально называли авантюристами — ссудили ему за 11 лет на подавление Ирландского восстания 360 тыс.ф.ст.

Согласно «Акту об устройении Ирландии», принятому английским парламентом 12 августа 1652 г., все участники «мятежа» были разделены на несколько разрядов. Из них около 100 тыс. человек «не подлежало помилованию в отношении их жизни и имущества», что означало смертную казнь и конфискацию всех их владений. Другие лица офицерского состава ирландской армии подлежали изгнанию из Ирландии на срок, установленный английским парламентом, 2/3 их поместий конфисковывались, а 1/3 оставлялась их женам и детям. Была конфискована 1/3 земель католиков Ирландии, не принимавших участия в восстании 1641 г., но и «не показавших своей постоянной преданности английскому государству». Они подлежали переселению в места, указанные парламентом. Подвергалась конфискации одна четверть земель англикан, которые вели себя так же, как эти католики. Сами они переселению не подлежали.

В окончательном виде план раздела конфискованных ирландских земель и колонизации их англичанами был сформулирован в особом акте Малого парламента от 26 сентября 1653 г. В соответствии с этим актом конфискованные земли в 10 графствах — Лимерик, Типперэри, Уотерфорд (Манстер), Кинге и Куинс (Лейке и Оффали), Мит, Уэстмит (Ленстер), Даун, Антрим, Арма (Ольстер) — подлежали разделу поровну между авантюристами и офицерами и солдатами экспедиционной армии; наделение землей должно было производиться по расценке, установленной за каждую тысячу акров в акте об ирландском займе 1642 г., по жребию и за ренту государству. Колонисты получали право полной собственности на участки, освобождались от налогов на пять лет. Им предоставлялось право беспошлинного вывоза из Англии материалов, необходимых для создания поместья. Каждый колонист был обязан в течение трех месяцев создать манор.

Актом 1653 г. также предписывалось всем получившим помилование ирландцам переселение в Коннот и Клер, за р.Шаннон, на худшие земли, удаленные от основного земельного массива, передаваемого английским колонистам. Земли вокруг Слайго и по побережью Коннота предназначались английским солдатам и офицерам с целью лишить переселенных в Коннот ирландцев возможности поддерживать внешние связи и получать военную помощь из-за рубежа. Ирландцам запрещалось иметь оружие и покидать места своего поселения самовольно. Виновные в нарушениях этого запрета подлежали суду по законам военного времени и смертной казни.

На основе актов английского парламента 1652—1653 гг. об Ирландии было осуществлено новое распределение ирландских земель. По данным Уильяма Петти, производившего перепись конфискованных земель, из общей площади земель в стране в 20 млн. акров было конфисковано и заселено 11 млн. акров, из них 8 млн. годных для обработки. Специальная комиссия в г.Аттлоне устанавливала разряды виновности папистов. Подписчики на ирландский заем — авантюристы получили всего 390 тыс. акров земли в тех же 10 графствах. Армии было нарезано почти 2 млн. акров ирландской земли. Как авантюристам, так и солдатам и офицерам выделяли главным образом лучшие земли. При роспуске армии солдаты получали документ — «обязательство» с указанием количества ирландской земли, которое государство должно было нарезать в возмещение своей задолженности по жалованию за службу. Эти «обязательства» запрещалось продавать до того, как их владелец получит землю. Но в действительности многие солдаты, не имея средств для создания поместья, продавали эти «обязательства» по низким ценам, обычно менее половины их номинальной стоимости. - Скупали же эти «обязательства» главным образом люди денежные (авантюристы и офицеры). Эти категории колонистов значительно увеличили свои земельные участки за счет солдат, превратившись в крупных землевладельцев.

Стремление английских авантюристов и офицеров экспедиционной армии разбогатеть было так велико, что многие из них сразу же после вступления английских войск на ту или иную территорию самочинно захватывали поместья и дома. Акт 1653 г. разрешал учитывать такие захваты при расчете. Много недвижимого имущества — домов, различных ремесленных предприятий, садов и огородов — было конфисковано в городах и пригородах. Они тоже перешли в собственность «новых англичан», а прежние их владельцы как паписты были высланы из крупных городов с запрещением селиться в радиусе двух миль вокруг города. Стали собственностью государства и земли католических церквей и монастырей.

Ирландскими землями был произведен расчет со всеми поставщиками армии парламента за весь период революции, гражданской войны и ирландской кампании. Однако многие колонисты, особенно обладавшие крупными поместьями, выступали против поголовного переселения ирландцев с колонизируемых территорий, заранее видя в них будущих арендаторов своих земель, а также источник дешевой рабочей силы. Как отмечает современник, колонисту легче было найти ирландских держателей и они были «более выгодны», чем английские держатели. Именно выгоды эксплуатации ирландцев в качестве мелких арендаторов заставили большинство английских колонистов поддержать требование не производить переселения всех ирландцев колонизируемых территорий в Коннот и Клер, и часть их была оставлена в родных местах. «Ирландское дворянство Ольстера все переселилось в Лейтрим, а простой народ остался и охотно работает», — сообщается в одном донесении в 1659 г. К концу 1655 г. переселение ирландцев из 26 графств в основном было закончено.

Немало ирландцев покинуло свою родину. Во Фландрию, Францию и Испанию отправилось 34 тыс. бывших ирландских солдат и офицеров и около 6 тыс. их жен и детей. Несколько тысяч ирландцев, как взрослых, так и детей, было насильственно вывезено в Вест-Индию и продано в рабство для работы на сахарных плантациях. Английские купцы получали от этого большие барыши.

Конфискация производилась в обстановке грубого произвола и террора. Повсюду заседали суды, чинившие расправу над местными жителями за участие в «резне» протестантов; в них не соблюдались никакие нормы судебного разбирательства. Все католики должны были иметь разрешение английских властей на право проживать в определенном приходе, а отсутствие такового считалось преступлением. От них требовали клятвенного отречения от папизма, им запрещалось собираться группами более четырех человек. Католическая месса была запрещена, католическим священникам было предписано покинуть Ирландию в течение 20 дней. Скрывавшихся выслеживали с собаками, вешали без всякой пощады, и власти уплачивали за это такое же денежное вознаграждение, как и за убитого волка; за укрывательство или общение со священниками наказывали конфискацией имущества и бичевали. Охота на католиков, скрывавшихся от преследований в горах, лесах и болотах, стала с тех пор развлечением для английской военщины и колонистов.

Экспроприаторская сущность нового «устроения» Ирландии совершенно очевидна. «Дележом добычи» назвал Маркс узаконенные английским парламентом экспроприации и колонизацию конфискованных земель. Английская буржуазно-дворянская республика, созданная в результате победы революционных сил страны над абсолютистской монархией, продолжала экспроприаторскую политику в Ирландии, проводимую Тюдорами и первыми Стюартами, хотя при распределении земель между колонистами использовала новый буржуазный метод.

«Устроение» Ирландии при Кромвеле еще более разорило и обезлюдило ее. Если до Ирландского восстания земельные владения ирландцев вдвое превышали владения англичан, а число их в 5 раз, то после экспроприации при Кромвеле земельные владения англичан и шотландцев стали более чем в 2 раза превосходить земельные владения ирландцев, хотя их численность была в 4 раза меньше численности ирландцев.

Ограбленные крестьяне в своей массе превратились в мелких, обреченных на нищенское существование, бесправных арендаторов у новых английских колонистов — экспроприаторов их земель. Ирландия во второй половине XVII в. стала самой отсталой страной Западной Европы. Таков был итог завоевательных войн и колониального режима англичан в Ирландии. В результате кромвелевской колонизации деревенское население Ирландии резко разделилось по национальному признаку и социальному положению — лендлордами стали англичане-протестанты, а жестоко эксплуатируемыми арендаторами — ирландцы-католики. В этих условиях борьба ирландских крестьян за землю становилась основной формой их социальной, национально-освободительной и религиозной борьбы, национальное движение принимало ярко выраженный аграрный характер.

Таким образом, Ирландия из королевской колонии превратилась в буржуазно-дворянскую колонию, т.е. колонию классов-союзников, пришедших к власти в Англии в результате английской буржуазной революции. Английские крупные землевладельцы и купцы, принадлежавшие к этим классам, стали занимать господствующее положение в Ирландии, и управление страной всецело перешло в их руки. Значительная часть ирландской и англо-ирландской знати была уничтожена, дублинский парламент перестал существовать (он был восстановлен после реставрации Стюартов в 1660 г.). Ирландия вошла в состав английского буржуазного государства и была полностью подчинена его органам власти. Английские колонизаторы получили право избирать в английский парламент в Лондоне 30 своих представителей. Эта привилегия была им предоставлена впервые за период английского завоевания Ирландии. В то же время все католики Ирландии, а также все участники Ирландского восстания лишались избирательных прав.

Завоевание и ограбление Ирландии при Кромвеле нанесло сильный удар и по английской демократии: английская революционная армия в Ирландии растеряла свои демократические идеалы и выродилась в армию колонизаторов. Из новых землевладельцев Ирландии, созданных из английских авантюристов и командного состава армии парламента в результате кромвелевского «устроения» этой страны и массовой продажи солдатами своих земельных владений, возникла новая землевладельческая аристократия. Эти новые лендлорды сыграли немаловажную роль в гибели английской республики и установлении военной диктатуры Кромвеля в форме протектората, были опорой индипендентской олигархии, подавившей демократию и захватившей власть в послереволюционной Англии. Энгельс писал Марксу, имея это в виду: «На примере ирландской истории можно видеть, какое это несчастье для народа, если он поработил другой народ. Все английские подлости имеют свое происхождение в ирландском Пейле... для меня несомненно, что дела и в Англии приняли бы иной оборот, если бы не было необходимости господствовать по-военному в Ирландии и создавать новую аристократию». «Завоеванием Ирландии Кромвель ниспроверг английскую республику»; «...английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию», — говорит Маркс. Ирландия стала главной крепостью английского лендлордизма. Это способствовало сохранению в буржуазной Англии вплоть до наших дней крупного землевладения лендлордов, монархии и палаты лордов, т.е. ряда «Добуржуазных, средневековых учреждений и привилегий гг. помещиков». В.И. Ленин замечает в связи с этим: «Свободу этой нации связывало и уродовало то, что она угнетала другую нацию».

Ирландия после реставрации монархии в Англии. Второе ирландское восстание 1689—1691 гг.

В Англии к концу 50-х годов идея реставрации монархии охватывала все более широкие круги буржуазии и нового дворянства. В стране нарастал новый революционный подъем, и эти классы в восстановленной монархии Стюартов рассчитывали найти прочное и сильное правительство, способное подавить революционные силы и обеспечить порядок на основе сохранения завоеваний революции.

В феврале 1660 г. командующий шотландской армией генерал Монк оккупировал Лондон и при поддержке вновь избранного парламента произвел реставрацию монархии Стюартов. Карл II по приглашению парламента вернулся в Англию. До возвращения в Англию в голландском городе Бреда он подписал так называемую Бредскую декларацию, в которой обещал предоставить амнистию всем участникам английской революции, свободу религии и гарантировал неприкосновенность всех земельных владений, приобретенных новыми владельцами за годы революции.

Значительная часть английских колонистов и офицерского состава армии в Ирландии не только разделяла, но и активно поддерживала реставраторские настроения в Англии. В их среде возник заговор с целью восстановить в Ирландии власть Карла II; его возглавлял англо-ирландский лорд Брогхилл, тайно поддерживавший связи с Ормондом и другими роялистами-эмигрантами. Когда стало известно о походе Монка в Лондон, заговорщики начали действия в Ирландии. Генерал Кут внезапно атаковал Дублин и через несколько дней взял его; в ряде других городов произошли выступления под лозунгом верности Карлу II.

С реставрацией монархии английский парламент потерял свою самостоятельность в управлении Ирландией, так как были восстановлены все прежние порядки управления ею. Вновь стал созываться ирландский парламент. Королевским наместником был назначен граф Д.Ормонд, вернувшийся из эмиграции наряду с другими крупными лидерами роялистов. Государственной церковью была объявлена англиканская.

Вместе с тем в стране обострилась борьба между католиками из англо-ирландской знати и новыми землевладельцами из английских авантюристов, офицеров и солдат Кромвеля. Англо-ирландские лорды рассчитывали получить обратно все свои прежние, конфискованные в период республики владения в награду за их верность Стюартам. Всю вину за «резню» протестантов в 1641—1642 гг. они возлагали на «коренных ирландцев». В то же время при Карле II все главные правительственные должности в Ирландии оставались в руках английских колонистов и их сторонников из англо-ирландцев, все законы против католиков сохраняли свою силу, всякие собрания допускались только с разрешения властей, пресекались попытки католиков непосредственно через своих доверенных лиц связаться с Карлом II. В ноябре 1660 г. появилась королевская прокламация об аресте ирландских мятежников и обеспечении безопасности земельных владений англичан.

Эта прокламация свидетельствовала о том, что Карл в соответствии с обещаниями, данными в Бредской декларации, не собирался вознаграждать всех ирландских католиков за верность возвращением конфискованных у них земель. «Мою справедливость я должен оказывать вам всем, но моя благосклонность должна быть отдана моим протестантским подданным», — говорил он ирландским католикам. В соответствии с этим Тайный совет короля в Лондоне начал разрабатывать проект нового закона о земельном «устроении» Ирландии, руководствуясь при этом стремлением закрепить собственность авантюристов, офицеров и солдат на земельные участки, которые они получили при Кромвеле, а также выявить роялистов, достойных вознаграждения ирландской землей.

В 1662 г. ирландский парламент принял «Акт об устроении Ирландии». В нем осуждалось Ирландское восстание 1641 г., а также образование Ирландской конфедерации. Поэтому Карл II принимал на себя обязательства английского государства перед всеми, кто «дал свои деньги или имущество или рисковал своей жизнью», чтобы подавить Ирландское восстание. Карл объявлялся собственником всех земель в Ирландии, в том числе конфискованных после ее завоевания Кромвелем, и признавал права на земельные владения всех кредиторов по ирландскому займу, а также кромвелевских солдат и офицеров, за исключением тех владений, которые принадлежали прежде церкви. Паписты разделялись на «виновных» и «невиновных».

Виновными считались все, кто принял участие в этом восстании до перемирия 1643 г., кто примкнул к папскому нунцию (т.е. Риннуччини) или к Ирландской конфедерации до «Ормондова мира» 1646 г. Возвращение земель им не предусматривалось. Все остальные участники войны в Ирландии — католики или протестанты — после заключения мира 1646 г. считались сторонниками короля и объявлялись «невиновными». Они должны были получить прежние поместья, а авантюристам и солдатам, к которым эти поместья перешли после кромвелевского «устроения», полагалось возмещение другими, но равноценными землями. Возвращались поместья всем, кто служил королю и в эмиграции, однако только после того, как будут вознаграждены новые владельцы из авантюристов и солдат. Более 30 сторонников короля в знак особой его милости восстанавливались в своих правах на поместья. Карл II вознаградил Ормонда, пожаловав ему 130 тыс. акров земли; его доходы, составлявшие до Ирландского восстания 7 тыс.ф.ст. в год, возросли до 80 тыс.ф.ст. Он также подарил герцогу йоркскому, своему брату и будущему английскому королю Якову II, 120 тыс. акров земель, конфискованных главным образом у тех, кто был причастен к казни Карла I. Все владения этого герцога в Ирландии насчитывали более 169 тыс. акров и находились в 16 графствах.

Проведение в жизнь нового земельного законодательства было возложено на наместника, специальных комиссаров и на «суды по претензиям», разбиравшие все дела, связанные с осуществлением нового «устроения».

Разумеется, акт 1662 г. не удовлетворил роялистов, как католиков, так и протестантов, и борьба между ними и новыми владельцами поместий обострилась. В конце концов правительство и парламент сделали еще одну уступку прежним колонистам за счет католиков. В 1665 г. был принят «Акт объяснения», в котором уточнялись ограничения возврата земель католикам, установленные актом 1662 г., и объявлялось о прекращении разбора всех претензий о возврате земель.

В результате нового «устроения» Ирландии, проведенного при Карле II, из 12,5 млн. акров полезных земель в 1675 г. кромвелевские колонисты имели 4,5 млн. акров, восстановленные в своих владениях после реставрации Стюартов — более 2,3 млн. акров (из них около 1,2 млн. принадлежало лицам, признанным «невиновными»). Еще 3,9 млн. акров оставались у колонистов-протестантов, получивших поместья при Тюдорах и первых Стюартах. Таким образом, земельные владения колонистов-протестантов в Ирландии составляли более 8 млн. акров полезных земель и превышали владения католиков более чем в 3 раза, хотя численность их была в 2,5 раза меньше численности католиков. Реставрация монархии в Англии, хотя и привела к некоторому увеличению землевладения ирландских роялистов, главным образом из англо-ирландских лордов, не внесла существенных изменений в распределение земли в Ирландии, произведенное в результате английской буржуазной революции.

Английский парламент 1660 г. подтвердил изданные во время революции акты об отмене рыцарского держания и ликвидации Палаты по делам опеки, ведавшей всеми феодальными поборами короны с ее вассалов — дворян. Ирландский парламент с согласия Карла II принял аналогичные акты по отношению к землевладельцам в Ирландии. Таким образом, крупные землевладельцы в Ирландии, как и их коллеги в Англии, освободились от поземельной зависимости от короны и от всех обязанностей в пользу короля. Они, как говорит Маркс, «присвоили себе современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право...»

За эту королевскую милость (завоеванную английской революцией) ирландский парламент разрешил короне введение ряда новых налогов и сборов, возместив, таким образом, за счет ирландских крестьян и других слоев народа потерю ею доходов.

В то же время парламент в Дублине не предоставил права буржуазной собственности на их земельные участки ирландским крестьянам. Его акты об отмене рыцарского держания по существу законодательно оформили господство лендлордизма при мелкой кабальной аренде бедных крестьян.

Кроме того, английский парламент особым актом в 1666 г. запретил вывозить в Англию ирландский скот, составлявший важнейшую статью экспорта Ирландии. А за пять лет до этого он объявил государственным преступлением вывоз в другие страны (кроме Англии) ирландской шерсти — важнейшего сырья для английской суконной промышленности. По-прежнему всячески ограничивалось развитие сукноделия в Ирландии. Все это привело к разорению ирландских крестьян и свидетельствовало о подчинении ирландской экономики английской.

Ограбленные и разоренные в годы английской революции и реставрации ирландские крестьяне владели жалкое существование. Уильям Петти в своей книге о положении Ирландии в 1672 г. приводит яркие факты, показывающие бедствия народа. «Шесть ирландцев из восьми, — пишет он, — живут в лачугах, в которых нет ни дымовой трубы, ни дверей, ни лестниц, ни окон, питаются они главным образом молоком и картофелем». Ирландские крестьяне во второй половине XVII в. фактически вели натуральное хозяйство. Они, сообщает Петти, не покупают у других продукты (за исключением табака), носят одежду, которая производится из шерсти, снятой с их собственных овец и выпряденной ими самими, их башмаки ... стоят лишь четвертую часть стоимости пары английских башмаков». Пропитание каждого члена семьи ирландского крестьянина в стоимостном выражении сводилось всего к 1 пенсу в день. Картофель стал символом бедности ирландского крестьянина. Завезенный в конце XVI в. в Ирландию из Америки колонистом Манстера Уолтером Рэли, этот неприхотливый продукт получил широкое распространение среди ирландских крестьян в годы реставрации как заменитель овса и других злаков, которые они сеяли с древнейших времен. Таков был итог английского завоевания Ирландии, такой ценой создавались условия для бурного развития капитализма в это время в соседней Англии.

В результате в стране не прекращались выступления отрядов тори, состоявших главным образом из крестьян, боровшихся против гнета лендлордов. Хотя тори поддерживала часть ирландской знати, добивавшаяся с приходом Стюартов к власти возврата своих земель, в целом они вели народно-освободительную борьбу. Именно крестьяне не только пополняли ряды тори, но и помогали им продовольствием и одеждой, укрывали их, сообщали о противнике.

Акт Карла II об устройении Ирландии, в высшей степени «благоприятный для протестантов», вызвал серьезное недовольство среди землевладельцев-католиков. Петти говорит, что старое разделение на англичан и ирландцев, папистов и протестантов превратилось в разделение между партией получивших конфискованную землю и партией потерявших ее, при этом «ирландцы, получившие землю в результате реставрации, по-видимому, держат сторону тех, кто был лишен земли». По указанию из Лондона Ормонд усилил преследования католиков. Особой прокламацией ответственность за выступления тори была возложена на их родственников и приходских священников, закрывались католические церкви, стали казнить или выселять католиков, широко используя при этом лжесвидетельства.

После смерти в 1685 г. Карла II на английский престол вступил Яков II, ярый католик, сторонник реставрации абсолютизма в Англии. Он старался превратить Ирландию в опору абсолютизма, используя для этого поддержку англо-ирландских лордов из католиков. При нем была увеличена ирландская армия под командованием англо-ирландских лордов. В судах, в армии, в магистратах, в королевской администрации протестантов заменили католиками. Однако среди сторонников Якова были радикальные элементы, заявившие, что «акты об устройении должны быть отменены, а землевладельцы 1641 г. восстановлены в правах». Наместник Ирландии граф Тирконнел даже призывал вернуть Ирландию к положению «до закона Пойнингса и реформации Генриха VIII». Около 2400 семей протестантов, спасаясь от репрессий, эмигрировали в Англию и Голландию.

Как известно, попытки Якова II восстановить в Англии абсолютизм и католичество вызвали широкое недовольство среди буржуазии и нового дворянства.

Оппозиционные режиму Якова II силы обратились к Вильгельму Оранскому — штатгальтеру Голландской республики, мужу дочери Якова II протестантки Марии, с предложением предпринять вооруженную интервенцию в Англию в защиту протестантизма. 19 октября 1688 г. Вильгельм с большим флотом и 15-тысячной армией, состоявшей из солдат-наемников, высадился в Англии. Будучи поддержан большинством знати и буржуазии, он добился победы.

Яков II в декабре этого года бежал во Францию. Получив от Людовика XIV деньги, амуницию и отряд французских солдат, 12 марта 1689 г. он высадился в Ирландии, в Кинсейле, рассчитывая с помощью верных ему ирландских католиков свергнуть Вильгельма. В стране началось Второе ирландское восстание, во главе которого стоял сам король.

Протестанты Ирландии сразу же приняли сторону Вильгельма. Центром протестантских сил сопротивления Якову II стал север Ольстера, прежде всего г. Дерри. Туда, под защиту мощных городских стен, собрались английские колонисты этого края. В декабре 1688 г. к городу подошли отряды якобитов (так называли католиков — сторонников Якова II), но горожане отказались впустить католические войска и стали обороняться. Три месяца длилась эта осада. Чтобы осажденные не получали помощи с моря, было перегорожено устье р.Фобл, на которой стоит этот город. Но после того как в июле 1689 г. груженные продовольствием три корабля из Англии прорвались в город, якобиты сняли осаду и покинули Ольстер.

Однако среди якобитов не было единства. Яков и англичане-роялисты видели цель борьбы в победе над Вильгельмом и восстановлении в Англии абсолютизма при сохранении английского господства в Ирландии. Другая часть якобитов — католики из англо-ирландцев и ирландцев стремились к освобождению Ирландии от английского господства. Эти расхождения проявились и в ирландском парламенте, созванном Яковом в мае 1689 г. и получившем название «патриотический парламент». В отличие от парламентов, созываемых Карлом II, где большинство составляли протестанты, в этом парламенте из 230 членов палаты общин 2/3 были католики, главным образом англо-ирландцы. Специальным актом было провозглашено, что решения английского парламента и судов не обязательны для Ирландии, однако закон Пойнингса, поставивший ирландский парламент под контроль английского короля, не отменялся. Не было удовлетворено и требование радикально настроенных католиков о восстановлении господства католической церкви и возвращении ей собственности. Но большинство членов парламента, следуя идее свободы вероисповедания, приняло акт об уплате католиками десятины католическим священникам. Это же большинство, вопреки колебаниям короля и его сторонников, отменило акты об «устроении» Ирландии, принятые при Карле II, что предполагало возвращение всем католикам земель, конфискованных у них после завоевания Ирландии Кромвелем. Специальные суды должны были рассматривать дела о возвращении земель, предусматривалась также компенсация другими землями, главным образом из конфискованных угодий сторонников Вильгельма. Парламент объявил изменниками более 2 тыс. сторонников Вильгельма, разделил их по степени виновности на четыре разряда, соответственно определив их наказания, в том числе и конфискацию земель.

Поскольку армия якобитов состояла из плохо обученных, недисциплинированных, недавно набранных солдат, пришлось ее усилить семитысячным отрядом из Франции, прибывшим в обмен на ирландских солдат (5800 человек), отправленных на службу Людовику XIV. Вновь начались военные действия. В июне 1690 г. Вильгельм Оранский высадился с 36-тысячной армией в Каррикфертусе. Произошло сражение на р. Бойн. Армия Вильгельма состояла из закаленных в боях наемников, количественно превосходила противника в 2 раза, имела 40 тяжелых орудий (у Якова было только 12). Это решило исход сражения. Сам Яков, узнав, что армия Вильгельма переправилась через реку, отдал приказ отступать и ускакал в Дублин. Оттуда он направился в Уотерфорд, погрузился на корабль и бежал во Францию.

Вильгельм вступил в Дублин, затем легко овладел Ольстером и Ленстером. Войска якобитов отошли за р. Шаннон и закрепились в г.Лимерик, удерживая в своих руках мост через Шаннон у о-ва Атлон. Вильгельм не смог взять Лимерик и вскоре возвратился в Англию. И война с якобитами продолжалась. Опасным противником англичан оставались и отряды тори, активность которых возросла. Однако события в Европе потребовали от Вильгельма закончить ирландскую кампанию до наступления зимы и перебросить свои войска на континент. Среди якобитов также возобладало мнение сторонников переговоров, и 3 октября 1691 г., через месяц после начала осады Лимерика, был подписан мирный договор, в котором католики добились почетной для себя капитуляции.

По Лимерикскому договору солдатам и офицерам разрешалось отправиться в другие страны для поступления на военную службу. Ирландские католики соглашались сдать королевской армии г. Лимерик и занятые ими территории в графствах Лимерик, Клер, Керри, Корк, Слайго и Мейо на условиях, излагавшихся в 13 статьях договора. Всем католикам Ирландии гарантировались свобода вероисповедания и все привилегии, которыми они пользовались при Карле II. Всем жителям Лимерика и других территорий, занятых ирландскими войсками, всем офицерам и солдатам армии Якова II, подчинившимся Вильгельму, гарантировалась собственность на их поместья, права, титулы и привилегии, должности и занятия, которые они имели при Карле II, однако с условием принести новому королю Англии клятву верности, установленную английским парламентом в первый год царствования Вильгельма. Особой статьей оговаривалось, что клятва для католиков должна быть только такой, «но не другой», что означало освобождение от обязанности приносить несовместимую с их религией клятву признания церковной супрематии короля. Каждому аристократу и джентльмену—католику разрешалось иметь лошадь, меч, пистолеты и другое огнестрельное оружие, необходимое «для защиты или охоты».

В Лимерикском договоре ничего не говорилось о крестьянах. Однако под словом «защита», для которой землевладельцам-католикам разрешалось иметь в поместьях оружие, подразумевалась и защита от крестьянских выступлений.

С заключением Лимерикского договора закончился многовековой период английского завоевания Ирландии, принесший ирландскому народу неисчислимые бедствия и страдания, и начался период английского господства над побежденной, но не смилившейся страной.

V. Период действия карательных законов (1692-1778 гг.)

После подавления восстаний 1689—1691 гг. наступил один из тяжелейших периодов в истории ирландского народа. «Ирландия обманута и доведена до крайнего унижения» — такими словами охарактеризовал Маркс время, непосредственно последовавшее за окончательным установлением колониального господства английских лендлордов и буржуазии над многострадальной страной. В противоположность Англии, пожинавшей в XVIII в. плоды антифеодальной, буржуазной революции, Ирландия была обречена на экономическое прозябание.

Порабощение Ирландии господствующими классами Англии в XVIII в. осуществлялось в грубой, деспотической форме. Символом английского господства в эти годы служили так называемые «карательные законы» (Penal Laws), введенные в действие под предлогом защиты англиканской церкви от посягательств католиков. Карательный кодекс был в те годы одним из главных орудий политики завершения насильственной экспроприации ирландских народных масс и подчинения их произволу иноземных лендлордов.

Говоря о судьбах своей страны в этот и последующие периоды, Джеймс Конноли, первый ирландский марксист, писал: «В течение последних лет семнадцатого, всего восемнадцатого и большей части девятнадцатого столетий ирландцы в социальном и политическом отношениях находились в Европе на положении самых бесправных илотов».

Нарушение Лимерикского договора

Правящие круги конституционной монархии Вильгельма III Оранского, установленной в результате государственного переворота в 1688 г., были поборниками активной колониальной политики. В расширении и укреплении колониального господства Англии, в том числе в ближайшей ее колонии — Ирландии, были заинтересованы как обуржуазившиеся дворяне, так и торговые и финансовые воротилы, государственные кредиторы, спекулянты ценными бумагами, пайщики торговых и колониальных компаний, судовладельцы и т.п.

Правящая олигархия Англии опиралась как на английских лендлордов, так и на джентри в самой Ирландии, представители которых преобладали в созданном в 1692 г. ирландском парламенте в Дублине. Напуганные восстанием 1689—1691 гг., увидевшие в нем угрозу для своих владений, приобретенных в результате прежних конфискации, эти круги не только поддерживали колонизаторские меры правительства Вильгельма III, но и были инициаторами многих из них.

Известным препятствием для проведения политики репрессий и новой экспроприации коренного населения Ирландии служил Лимерикский договор. Однако, как только большая часть солдат и офицеров ирландской армии покинула страну (в основном они поступали на французскую службу), началось вероломное нарушение договора.

В первую очередь это касается статьи об имущественных правах ирландцев. Вопреки взятым на себя обязательствам правительство Вильгельма III полностью или частично конфисковало имущество почти 4000 ирландских землевладельцев под предлогом наказания за «государственную измену». «Вильямистское устройство» явилось завершающим этапом осуществленного английскими завоевателями в течение XVI и XVII вв. земельного грабежа ирландского населения. Теперь из 12500000 акров обрабатываемой земли лишь 1700000 акров оставались в руках ирландских и англо-ирландских джентри. Почти 85% ирландской земли владели иноземные лендлорды. За счет конфискованных в Ирландии земель были щедро вознаграждены приближенные Вильгельма.

Не менее бесцеремонно были попораны и другие пункты Лимерикского договора. Обязательство сохранить за ирландцами право посылать депутатов в парламент и не требовать от них при замещении депутатских мест и должностей никакой другой присяги, кроме присяги на верность королю, было нарушено введением уже в 1692 г. для членов обеих палат ирландского парламента присяги, предусматривающей отречение от католических догматов. В результате из состава дублинского парламента были исключены те немногие ирландские католики, которые еще сохраняли в нем свои места. Таким же образом ирландцев лишили доступа к ряду должностей, права заниматься адвокатской и медицинской практикой (для адвокатов и врачей также требовалось принесение этой присяги).

При ратификации договора ирландским парламентом в 1697 г. чрезвычайно важный пункт о распространении амнистии на жителей территорий, находившихся в руках повстанческой армии, был опущен. Вместо обязательства вернуть подлежащим амнистии ирландцам все их имущество, в том числе и захваченное у них во время войны 1689—1691 гг., в ратифицированном тексте договора говорилось лишь об имуществе, которым ирландцы владели к моменту подписания Лимерикской капитуляции. Исчезла и статья о свободном отправлении католического богослужения. В результате Лимерикский договор был окончательно превращен в клочок бумаги.

Карательные законы

Не довольствуясь этим, правящие круги Англии уже в конце XVII в. открыли настоящий поход против коренного ирландского населения. Еще до формальной ратификации Лимерикского договора на Ирландию был обрушен ряд карательных мер, проводимых под флагом борьбы с якобитскими заговорами.

Начало введению этих «законов против папизма» положил английский наместник Генри Кейпл (1695—1696 гг.). Созвав в 1695 г. в Дублине новый парламент, состоящий исключительно и представителей привилегированной протестантской верхушки, он в тронной речи (речь от имени короля при открытии палат) выдвинул целую программу преследования ирландских католиков. Католическое большинство населения Ирландии официально объявлялось враждебным и опасным для интересов протестантов элементом «Акт о разоружении папистов» запрещал ирландцам носить оружие и держать пригодных для военной службы лошадей. Другим актом 1695 г. католикам запрещалось преподавание в школах и устройство частных школ на дому. Была запрещена также посылка детей за границу для получения там образования. Ни один из католиков не допускался в Дублинский университет ни в качестве студента, ни в качестве соискателя ученой степени, ни в качестве преподавателя.

Религиозная и расовая дискриминация ирландцев была распространена на их семейные и имущественные права. Акт 1697 г. предписывал передачу имущества любой женщины-протестантки, вышедшей замуж за католика, ее протестантским родственникам. Протестант, женившийся на католичке, подпадал под действие антикатолических карательных законов. За совершение брачных обрядов между протестантами и католиками священники подлежали тюремному заключению и штрафам. Этот закон по существу возобновлял действие расистских Килкеннийских статуты XIV в.

В том же 1697 году был принят акт против католического духовенства, согласно которому все епископы и высшие духовные лица, а также монахи и члены духовных орденов должны были под страхом сурового наказания до 1 мая 1698 г. покинуть Ирландию. Возвращение приравнивалось к государственной измене и каралось виселицей, четвертованием, утоплением и т.п. В Ирландии разрешалось оставаться лишь приходским священникам.

При преемниках Вильгельма III — королеве Анне (1702—1714 гг.) и первых королях Ганноверской династии Георге I (1714—1727 гг.) и Георге II (1727—1760 гг.) — карательные законы посыпались на Ирландию как из рога изобилия. Предлогом и здесь служила борьба с внешней и внутренней католической опасностью, хотя в войнах первой половины XVIII в. — за Испанское наследство (1700—1713 гг.) и за Австрийское наследство (1740—1748 гг.) — Англия сама выступала в союзе с католической Австрией. Превосходство же ее на море сводило к минимуму угрозу вторжения со стороны главного противника — Франции. Лишь в начале 1760 г. во время Семилетней войны была сделана неудачная попытка высадки французского десанта под командованием ирландского эмигранта О'Фаррела (Тюро). Тем не менее малейшее внешнеполитическое осложнение, появление мнимой или реальной опасности для правящей династии использовались английскими господствующими классами для нового наступления на Ирландию и ирландский народ.

Новые акты либо усугубляли действие предыдущих карательных законов, либо дополняли их новыми запретами и полицейскими мерами. Они лишили ирландцев возможности занимать даже низшие должности, замещение которых не требовало принесения антикатолической присяги (например, младших констеблей, мелких служащих в городском управлении, клерков, нотариусов и т.д.). При Георге II заниматься адвокатурой было запрещено (в течение 14 лет) и обращенным в англиканство ирландцам. Актом 1727 г. ирландские католические избиратели были лишены права участия в выборах (пассивное избирательное право, как отмечалось выше, у них было отнято еще при Вильгельме), несмотря на известную заинтересованность протестантских лендлордов в использовании своих католических арендаторов в качестве «голосующего стада». Ирландцев лишили права держать частных учителей-католиков, сохраненного за ними Вильгельмом III. Над «обнаружившими склонность к протестантизму» несовершеннолетними ирландскими детьми предписывалось устанавливать опеку еще при жизни родителей. Не довольствуясь прежними расистскими ограничениями, английские власти по инициативе «просвещенного» лорда Честерфилда, тогдашнего наместника Ирландии, провели в 1745 г. акт, объявлявший недействительными все браки, заключенные между католиками и протестантами.

Усилились и религиозные преследования. В 1704 г. был проведен акт о принудительной регистрации приходских католических священников. Зарегистрированным под угрозой строжайших наказаний, вплоть до смертной казни, запрещалось покидать пределы своего прихода, а на уклонившихся от регистрации распространялось действие законов против католических епископов и монахов. Укрывательство нарушивших эти правила священников грозило лишением имущества и тюремным заключением.

Вопреки всем попыткам английских властей искоренить католическую религию в Ирландии суровые религиозные гонения чрезвычайно укрепили позиции католицизма в этой стране. Преследуемые католические священники становились в глазах ирландских масс героями и подвижниками.

С введением этого кодекса утвердилась система грубого полицейско-судебного произвола и шпионской слежки. Законы, принятые при королеве Анне, не только морально санкционировали преследование «папистов», объявив его «благородным служебным долгом», но и вводили вознаграждение за доносы и свидетельские показания против ирландских католиков. «Обнаружители» приобретали право на часть имущества своих жертв. В этом отношении конституционная Англия прибегла в Ирландии к таким же методам, какие применял испанский король-изувер Филипп II и его наместник — кровавый герцог Альба, подавляя национально-освободительное движение в Нидерландах в XVI в.

Колонизаторская сущность карательных законов особенно проявилась в применении мер, которые проводились в отношении имущественных прав ирландцев и условий аренды последними земли у протестантских лендлордов. Наиболее показательным явился «Акт о предотвращении дальнейшего распространения папизма», проведенный дублинским парламентом в 1704 г. Он запрещал ирландским католикам всякое приобретение (путем покупки, завещания, получения в дар) земель, принадлежащих протестантам. Имущество католика передавалось в собственность его старшему сыну, если тот был протестантом; отец же в этом случае становился пожизненным держателем, не имевшим права завещать свою недвижимость другим детям. При отсутствии протестантского потомства земли католика после его смерти подлежали принудительному переделу равными долями между всеми его сыновьями.

Подобное восстановление в видоизмененном виде старинного обычая гевелкайнд, отмененного самими же англичанами в начале XVII в., явно было рассчитано на раздробление и сокращение земельной собственности, еще сохранившейся в руках ирландских владельцев. Это была новая форма проведения экспроприаторской политики, пришедшая на смену практиковавшимся ранее массовым конфискациям. «Цель кодекса, — отмечал Маркс, — перемещение «собственности» из рук католиков в руки протестантов, или превращение «англиканства» в юридическое основание права собственности».

Лишив ирландцев доступа к гражданским должностям и многим занятиям, крайне ограничив их собственность, карательный кодекс оставлял для огромного большинства коренных жителей Ирландии лишь один источник существования — подневольный труд на английского землевладельца. Но и здесь английское законодательство создало максимально тяжелые условия, на которых приходилось обрабатывать землю ирландским крестьянам. Упомянутый акт 1704 г. разрешал ирландским католикам арендовать землю у протестантских владельцев лишь небольшими участками (не более 2 акров). Срок договора не должен был превышать 31 год. При этом, санкционируя право владельца сгонять с земли арендатора даже в течение этого срока, акт предписывал аннулировать аренду, если доходы арендатора будут выше 'з арендной платы. Этим принудительно устанавливался размер арендной платы, равный з доходов крестьянского хозяйства.

Таким образом, карательный кодекс служил орудием — и в этом было одно из главных его назначений — внеэкономического принуждения ирландского крестьянина, насильственного навязывания ему кабальных форм эксплуатации иноземными лендлордами.

Разорение ирландской промышленности

Тяжелые последствия для Ирландии имело и уничтожение зачатков промышленности. На этот раз удар оказался направленным не только против коренного, преимущественно земледельческого, населения, но и против бывших английских колонистов, занимавшихся торговлей и ремеслом и составлявших значительную часть жителей ирландских городов. Промышленное развитие Ирландии тормозилось сравнительной ограниченностью природных ресурсов, и прежде всего узостью внутреннего рынка, обусловленной нищенским уровнем жизни ирландского крестьянства. Тем не менее пышные пастбища Ирландии создавали возможности для разведения овец и распространения шерстопрядильного и шерстоткацкого промысла. Только в Дублине в 90-е годы XVII в. изготовлением пряжи и тканей занимались 12 тыс. протестантских семейств. Шерстяные ткани шли главным образом на экспорт, стоимость которого в 1697 г. достигала 23614 ф.ст.

В 1698 г. под давлением Англии, промышленные круги которой жаждали разорения ирландских конкурентов, дублинский парламент вотировал 20-процентную пошлину на вывоз за границу тонких и 10-процентную пошлину на вывоз грубых шерстяных тканей. Не довольствуясь этим, английский парламент в 1699 г. принял акт, подтвердивший прежнее запрещение вывоза ирландских шерстяных и других изделий в английские колонии (Навигационный акт 1662 г.) и установивший запретительные пошлины на ввоз ирландских шерстяных тканей и пряжи в саму Англию. После этого экспорт шерстяных изделий из Ирландии резко сократился, а сбыт на внутреннем рынке, и ранее весьма слабый, потерпел урон от конкуренции английских тканей, для которой не существовало никаких таможенных преград.

В 1731 г. был проведен акт, запрещающий ввоз в Ирландию хмеля из любой страны, кроме Англии, что сильно ограничило возможности ирландского пивоварения. В 1746 г. был запрещен ввоз в Англию ирландских стеклянных изделий. Ряд актов ограничивал ввоз в метрополию пищевых продуктов из Ирландии. Даже находившееся в сравнительно благоприятных условиях производство льняных тканей, развитию которого был дан толчок французскими гугенотами, поселившимися в Ольстере в XVII в., не избежало стеснительных мер со стороны англичан. Еще в 1704 г. был проведен дискриминационный акт против шотландских колонистов-пресвитериан (отстранение от гражданских и военных должностей в случае отказа принять причастие по англиканскому обряду), среди которых было много экспортеров льняных тканей, владельцев льняных мануфактур и ремесленников, производящих льняные изделия. В 1750 г. английский парламент ввел пошлины на ввоз ирландской парусины в Англию, сведя на нет экспортные премии, установленные для ее вывоза ирландским парламентом.

В результате такой политики зародыши промышленности в Ирландии подверглись почти полному уничтожению, не считая производства льняных тканей, винокурения и весьма слабо развитой хлопчатобумажной промышленности. Начавшаяся в Англии в это время промышленная революция не затронула Ирландии. Даже в сохранившемся льняном производстве благодаря дешевизне рабочих рук, а также в силу общей экономической отсталости вплоть до первых десятилетий XIX в. господствовал ручной труд; преобладающей формой здесь была рассеянная мануфактура. Очень часто и возделывание льна, и изготовление пряжи, и ткачество производились одними и теми же мелкими крестьянами-кустарями, эксплуатируемыми скупщиком.

Торговые ограничения, таможенные вымогательства, беспощадное разорение конкурирующих отраслей хозяйства всевозможными запретительными мерами, строгая охрана монополий и привилегий метрополии в ущерб местному производству — таковы были характерные черты хозяйничанья господствующих классов Англии как в Ирландии, так и в других английских колониях.

Аграрные отношения. Положение трудящихся масс

Ограниченность местного промышленного производства привела к тому, что уделом большинства ирландских масс стала аренда земли у английских лендлордов и земельных посредников на самых тяжелых условиях.

Типичными чертами ирландского аграрного строя были непрочность аренды и необычайно высокие ренты. Мелкий ирландский арендатор целиком зависел от произвола лендлорда, который мог потребовать увеличения платы и аннулировать аренду в любой момент. При этом он не обязан был возмещать арендатору затраты на улучшение земли, если таковые производились. Лишь в Ольстере среди крестьян шотландского и английского происхождения — пресвитериан и англикан — существовал сохранившийся со времени их переселения в эту провинцию в XVI—начале XVII в. обычай, который защищал до некоторой степени «права арендаторов» (правила о соблюдении лендлордами сроков аренды, более умеренная арендная плата и т. д.). Но и с этим обычаем лендлорды часто не считались.

Большинство землевладельцев, принадлежащих к английской аристократии, вообще не жили в своих ирландских имениях. Эти так называемые лорды-абсентеисты (отсутствующие), не вкладывая никаких средств в мелиорацию ирландских земель, высасывали из ирландского крестьянства огромные суммы. В 1774 г. размер выплачиваемой им ежегодно ренты равнялся 732000 ф.ст., в 1783 г. — 1 227480 ф.ст., а в конце XVIII в. он достиг 1,5 млн.ф.ст.

Управляющий или земельный агент лорда-абсентеиста, а также его поставщик или кредитор нередко выступали в роли земельных посредников, беря у землевладельца в аренду часть его земли и сдавая ее более мелкими участками крестьянам. Эти субарендаторы, особенно наиболее зажиточные, в свою очередь еще дробили землю и сдавали клочки ее в аренду. Между землевладельцами и непосредственным производителем иногда возникало несколько инстанций посредничающих эксплуататоров, целая иерархия угнетателей.

Гнет земельных посредников — мидлмэнов, в большинстве своем англичан и протестантов, был особенно тяжел. Выплатив землевладельцу ренту, мидлмэн стремился выжать из крестьян-арендаторов двойную или тройную плату. Подобно лендлордам, мидлмэны, как правило, не занимались никакими хозяйственными улучшениями, появлялись на сцене только тогда, когда надо было взыскать платежи или расправиться с несостоятельным арендатором. Вместе с местными джентри-помещиками они составляли сельскую верхушку Ирландии, отличаясь крайней жестокостью и жадностью, невежеством и дикостью нравов.

Помимо арендной платы ирландский крестьянин облагался и другими, еще более архаическими поборами вроде особой платы при передаче аренды другому лицу или переходе ее наследнику, оброком в виде поставок яиц, домашней птицы и т.п. Существовали и пережитки барщины в форме «помощи» лендлорду при уборке и молотьбе его урожая, перевозок его торфа.

Тяжелым бременем для ирландского крестьянства была и уплата десятины в пользу англиканской церкви, которая к тому же была в его глазах еретической акцией. Откупщиков десятины и ее сборщиков («прокторов») ненавидели буквально все.

Полуфеодальные социальные отношения обрекали сельское хозяйство на деградацию. Земледелие в Ирландии велось крайне примитивно. Артур Юнг, посетивший Ирландию в 70-е годы XVIII в., указывал, например, что по обработке земли Ирландия отстала от Англии на пять столетий. Поля в Ирландии почти не удобрялись, в ряде мест сохранялся дедовский обычай привязывать плуг к хвосту быка, а у многих ирландских крестьян вообще не было плугов и основным орудием служил заступ. Несмотря на плодородие почвы, урожаи были чрезвычайно скудные.

Значительную часть сельского населения составляли арендаторы низшей категории, арендовавшие небольшой участок земли, часто менее одного акра (так называемый корн-эйкр, буквально — «зерновой акр»). Почти весь урожай с него шел на уплату ренты, десятины и других поборов. Источниками существования мелкого арендатора (коттера) являлись главным образом огород, используемый для посадки картофеля, и ничтожная плата в несколько пенсов за поденщину в хозяйстве более зажиточного фермера или лендлорда.

Уровень жизни ирландских мелких сельских производителей был нищенским. Питались они впроголодь, преимущественно картофелем. Жили, по описанию Юнга, в убогих хижинах без окон, построенных из глины и покрытых либо соломой, либо просто дерном. Постелью служила куча соломы, а домашнюю утварь составлял лишь котел для варки картофеля. Часть мелких арендаторов вынуждена была заниматься так называемым «сезонным нищенством» (в перерывах между сельскохозяйственными работами).

Одним из последствий тяжелой нужды и национального гнета была растущая эмиграция ирландского населения. Тысячи ирландцев вербовались на военную службу во французскую, австрийскую, испанскую и неаполитанскую армии и Флоты. Нищета и преследования побуждали жителей Ирландии наниматься на работу на плантации в Вест-Индии. Многие выезжали в североамериканские колонии Англии. Среди эмигрантов в Америку было немало и бывших шотландских колонистов-пресвитериан, также страдавших от торгово-промышленных ограничений и подвергавшихся религиозной дискриминации как диссентеры — инакомыслящие, не принадлежавшие к официальной английской церкви.

Отсталость сельского хозяйства и необеспеченность жизни народных масс часто приводили к массовому голоду. Каждый неурожай и болезнь картофеля вызывали это страшное бедствие. Подобное несчастье постигало Ирландию в 1727—1733, 1740—1741, 1757, 1770 гг. Особенно страшным был голод 1740—1741 гг. Автор вышедшего в 1741 г. анонимного памфлета «Стоны Ирландии» писал: «Улицы, дороги и поля были усеяны трупа-В каждом доме были больные поносом или злокачественной лихорадкой; целые деревни опустели». В этот «кровавый год», как его называли ирландцы, погибло около 400000 человек.

Законы против союзов подмастерьев и рабочих

Общее бедственное состояние страны тяжело отразилось и на беднейших слоях городского населения — мелких ремесленниках, подмастерьях и рабочих немногочисленных ирландских мануфактур, хотя жители городов в значительной мере принадлежали к протестантам. В колониальной и экономически отсталой Ирландии формы эксплуатации труда зарождающегося пролетариата были еще более тяжелыми, чем в промышленно развитой Англии.

Пролетарские элементы городской бедноты стали протестовать против произвола хозяев и начиная с 20-х годов XVIII в. делали попытки объединиться для сопротивления работодателям. Власти в Ирландии стремились пресечь подобные попытки. В течение XVIII в. ирландский парламент провел ряд драконовских законов против объединений и союзов подмастерьев и рабочих мануфактур. В 1729 г. рабочим под угрозой тюремного заключения было запрещено создавать какие-либо союзы с целью борьбы за повышение заработной платы или противодействия ее понижению. В 1743 г. был принят акт, запрещающий подмастерьям, наемным рабочим, ремесленным ученикам и слугам собираться в количестве больше трех человек. Владельцам помещений, предоставившим их для подобных «незаконных соборий», грозило наказание принудительными работами. В 1757 г. издается акт, запрещающий ткачам льняных мануфактур создавать какие-либо рабочие союзы. Акт 1780 г. предписывал рассматривать неявку на работу в течение трех дней как доказательство принадлежности к «незаконному объединению», что влекло за собой соответствующую кару. Этот же акт вводил в Ирландии смертную казнь за «насильственные действия» — порчу станков и оборудования в мастерских. Антирабочие законы были приняты в Ирландии также в 1787 и 1803 гг.

Управление Ирландией в XVIII в.

Система управления Ирландией носила колониальный характер. Вся полнота власти находилась в руках нескольких назначаемых английским правительством сановников — лорда-наместника Ирландии (вице-короля), его секретаря, верховных судей и других крупных чиновников, входивших в Тайный совет при наместнике. Представители высшей администрации не несли никакой ответственности перед англо-ирландским парламентом и бесконтрольно распоряжались предоставленными им государственными средствами. В их руках было назначение на все остальные административные, военные и судебные должности, что в XVIII в. было одним из крупных источников наживы.

В первой половине XVIII в. лорд-наместник вообще лишь изредка посещал вверенную «его попечению» страну, возлагая заботы по управлению на одного из верховных судей. Так, с 1724 по 1742 г. фактическим правителем Ирландии был англиканский архиепископ Хью Боултер, несколько раз назначавшийся верховным судьей. Во время его правления особенно процветали купля-продажа должностей, протекции и кумовство. Как Боултер, так и один из его преемников архиепископ Джордж Стоун, также занимавший должность верховного судьи Ирландии (1747—1764 гг.), всячески поддерживали кастово-олигархический характер администрации, назначая на должности преимущественно отпрысков английских аристократических родов и стараясь не допустить проникновения в ее ряды англо-ирландских колонистов.

Ирландский парламент не имел даже видимости самостоятельности. В полной мере действовал закон Пойнингса 1494 г., по которому его акты считались недействительными без одобрения английского Тайного совета. В дополнение к этому при Георге I в 1719 г. в Англии был принят закон, предоставивший английскому парламенту право издавать законы для Ирландии. Высшая судебная-апелляционная власть ирландской палаты лордов была отменена и передана (по ирландским судебным делам) английской палате лордов. Созыв и роспуск парламента полностью зависел от лорда-наместника. Определенных сроков для парламентских полномочий не было. При Георге II один и тот же состав ирландского парламента в общем сохранялся в течение 33 лет — с 1727 по 1760 г. Лишь в 1768 г. был проведен акт, ограничивавший продолжительность деятельности парламента каждого состава восемью годами.

Система управления Ирландии широко открывала двери для всякого рода чиновничьих злоупотреблений, взяточничества, коррупции. Все ирландские посты, не исключая и мест в парламенте, продавались в той или иной форме. Занимавшие их лица стремились с лихвой возместить расходы, связанные с замещением. Наиболее циничным было назначение за счет ирландского бюджета пенсий английским аристократам. В числе ирландских пенсионеров была, например, любовница Георга I герцогиня Кендал.

Коррупционной администрацией Ирландии часто пользовались английские дельцы. Так, в 1724 г. владелец медеплавильных заводов в Западной Англии Уильям Вуд благодаря покровительству упомянутой герцогини Кендал получил патент на чеканку разменной монеты в Ирландии. Патент был выдан без санкции ирландского парламента, а монета, которой Вуд собирался наводнить Ирландию в количестве, намного превышающем потребности ее денежного обращения, была неполноценной. Слух о предстоящем выпуске «полупенсов Вуда» вызвал сильнейшее возбуждение в Ирландии. С протестом выступили даже представители англо-ирландского населения. Английские власти, безуспешно действовавшие угрозами и подкупом, вынуждены были в конце концов уступить, опасаясь серьезных волнений. Буду была выплачена солидная компенсация, а патент его аннулирован. Подобные финансовые аферы предпринимались и впоследствии.

Первые симптомы недовольства англо-ирландцев. Памфлеты Свифта

Колониальная политика Англии задевала интересы не только коренных ирландцев, но и англо-ирландских колонистов. Даже в марионеточном ирландском парламенте раздавались протестующие голоса. В 1698 г. член Парламента от Дублинского университета Уильям Молиню издал памфлет «Положение дел в Ирландии, ущемляемой актами английского парламента». Автор, видный ученый, друг Локка, основавший в 1684 г. философское общество в Дублине, доказывал в своем сочинении незаконность мер, принимаемых против ирландской промышленности, да и вообще оспаривал право английского парламента издавать законы для Ирландии.

В английских правящих кругах этот памфлет был встречен как крамольное сочинение. По постановлению английского парламента он был публично сожжен рукою палача. Самого автора от преследований избавила смерть.

В еще большей степени содействовали пробуждению оппозиционных настроений в широких кругах ирландского населения выступления в 20—30-е годы XVIII в. против колониального угнетения Ирландии великого писателя-сатирика, видного представителя английского Просвещения, автора «Путешествий Гулливера» Джонатана Свифта (1667—1745 гг.). Падение в 1714 г. торийского министерства Болингброка и арест члена этого кабинета Оксфорда, покровительствовавшего Свифту и в то же время бесцеремонно эксплуатировавшего его талант, заставили декана англиканского собора св. Патрика в Дублине окончательно переселиться в Ирландию. В 1720 г. он издал брошюру «Предложение о всеобщем употреблении ирландских мануфактурных изделий». С тех пор в течение почти 15 лет Свифт выпускал один за другим свои ирландские памфлеты, печатая их анонимно или под вымышленным именем.

В упомянутой брошюре Свифт осудил меры английского правительства, разорившие ирландскую шерстяную промышленность. Он напомнил в связи с этим миф о соперничестве в искусстве прядения и ткачества между Афиной и Арахной. Победенная богиня в отместку превратила свою соперницу в паука, заставив ткать ткань из собственных внутренностей. Англия, пишет Свифт, повела себя по отношению к ирландцам еще более жестоко, «ибо большая часть внутренностей и жизненно важных органов из нас уже вырваны и нам не разрешается даже свободно прясть из них нить и ткать сукно».

Свифт в своей публицистике прибегал к разнообразным литературным приемам. Иногда его памфлеты написаны в стиле деловых трактатов. Так, в частности, написан памфлет «Беглый взгляд на положение Ирландии» (1727 г.), в котором Свифт ярко охарактеризовал бедственное состояние страны, ее экономическое прозябание, тяготевший над ней налоговый и политический гнет. Но часто Свифт пользовался гротеском, сатирической аллегорией, иносказательными намеками. Так, подлинных сатирических высот Свифт достиг в памфлете «Исследование о некоторых злоупотреблениях, извращениях и непорядках в городе Дублине» (1732 г.). Здесь беспощадно высмеиваются организаторы травли ирландских католиков, инициаторы издания карательных законов, разжигавшие антикатолическую истерию и распространявшие слухи о якобитских и «папистских» заговорах в качестве предлога для преследования ирландцев. Повествование ведется от имени некоего фанатичного протестантского пастора, убежденного в том, что на улицах Дублина на каждом шагу тайно действуют папистские и якобитские заговорщики.

Большую роль сыграл Свифт в кампании протеста против упомянутой попытки Вуда и английских властей в 1724 г. навязать Ирландии неполноценную монету. В сатирах, эпиграммах, балладах он доказывал хищнический характер действий обладателя патента на чеканку медных полупенсов, намекал на неблагоприятную роль его высокопоставленных покровителей. Особенной остротой отличалась выпущенная Свифтом серия памфлетов под названием «Письма суконщика». Он сравнивал в ней предприятие Вуда с разбойничьим нападением на чей-либо дом.

Оспаривая право английского парламента выдавать патенты, подобные тем, которые получил Вуд, Свифт отвергал претензии Англии распоряжаться судьбами ирландского народа. «Разве народ Ирландии не родился таким же свободным, как и народ Англии? — заявлял его «суконщик», защищая по существу идею самоуправления Ирландии. — В силу чего его лишают свободы?.. Разве ирландцы не являются подданными того же короля? Разве не то же солнце светит над ними? Разве не тот же бог властвует над ними? Если я считаюсь свободным человеком в Англии, то разве я становлюсь рабом через шесть часов, за которые я переплыл пролив?»

Свифт выделялся среди публицистов своего времени и как писатель, поднявший голос в защиту трудящихся масс и осудивший их эксплуататоров. В памфлете «Современное бедственное положение Ирландии» (1726 г.) Свифт указывал на непомерно высокие ренты и вымогательство землевладельцев как на главную причину нищеты ирландских крестьян. Потрясающим обличением социальных зол, терзавших ирландский народ, является сатира Свифта «Скромное предложение, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества» (1729 г.). В этом произведении Свифт прежде всего отмечал, что в Ирландии все поденщики, арендаторов и масса другого люда являются нищими. Большинство детей у этих родителей обречены на вымирание от голода. Для общества, с убийственным сарказмом писал Свифт, было бы выгоднее найти для этих гибнущих детей более полезное применение, употребляя, например, их мясо для стола дворян и других зажиточных классов. Так гениальный сатирик заклеил каннибализм буржуазно-аристократического общества, обвинив по существу господствующие классы Англии в убийстве ирландских детей.

Взгляды Свифта не лишены противоречий. Ему не чуждо было, в частности, стремление противопоставить вигам английских тори, оправдывая политику последних. Призывы Свифта к сопротивлению отдельным проявлениям колониального произвола и защита им идей суверенитета ирландской нации были еще далеки от ориентации на последовательно революционную борьбу за ниспровержение английского господства и независимость Ирландии. Однако яркое обличение угнетателей этой страны сделали его глашатаем оппозиционного общественного мнения, выразителем недовольства колониальным режимом широких слоев населения.

Либеральная оппозиция

В середине XVIII в. рост оппозиционных настроений среди англо-ирландской буржуазии, буржуазной интеллигенции и близких к ним дворянских элементов привел к появлению политического течения, которое все больше приобретало черты распространявшегося в Европе либерализма. Одним из видных представителей и идеологов этого течения явился Чарлз Льюкас, также выходец из англо-ирландской среды. Он был аптекарем в Дублине, позднее стал врачом. В начале 40-х годов XVIII в. Льюкас вступил в публичную полемику с дублинскими властями, обвиняя их в нарушении прав избирателей. В многочисленных адресах он отстаивал требование независимости ирландского парламента, призывая принять меры к пресечению парламентской коррупции. В связи с этим суд присяжных вынес приговор о сожжении его произведений, а ирландский парламент по указке английских властей постановил привлечь его к судебной ответственности. Он вынужден был скрыться в Англию. Там Льюкас не прекращал выступлений в защиту парламентской автономии Ирландии. Популярность его росла, и когда он вернулся на родину, то был избран в 1761 г. в парламент.

После выборов 1760 г. (первые выборы по восшествии на престол Георга III) оппозиционная группировка образовалась и в ирландском парламенте. Эта так называемая «партия патриотов» (ее лидерами были Энтони Мелон, Хили Хатчинсон и Льюкас) противостояла «партии двора», иными словами, сторонникам неограниченного английского господства.

Видную роль среди либералов стал уже в то время играть адвокат Генри Флад, избранный в дублинский парламент в 1759 г. Программа либеральной оппозиции сводилась к требованиям отмены акта Пойнингса и расширения прав ирландского парламента, отмены назначения и выплаты пенсий английским аристократам за счет ирландского казначейства, смягчения карательного кодекса, в частности упразднения тех законов, которые препятствовали участию ирландских католиков в торговых и кредитных операциях. Стараниями либералов был проведен упомянутый акт 1768 г. об ограничении полномочий парламента восемью годами.

Политика англо-ирландских либералов отличалась осмотрительностью и носила печать классовой корысти. Перед лицом проявлений подлинно народного сопротивления, затрагивавшего в той или другой мере социальные интересы эксплуататорских классов, они солидаризировались с колониальной администрацией. Либералы активно поддерживали репрессии против участников крестьянских волнений и антирабочие законы.

Католический комитет. Формирование национального движения

В 50-е годы XVIII в. возникает оппозиционное течение и среди верхушечных слоев коренного католического населения — представителей интеллигенции, зажиточных арендаторов, либеральных джентри и т.д. Это течение возглавили врач и историк Джон Керри и археограф Чарлз О'Коннор. В 1757 г. они обратились со своей первой петицией к лорду-наместнику, за которой последовало много других. В своих петициях, адресах и памфлетах, написанных в верноподданническом духе, Керри, О'Коннор и их единомышленники выступали за отмену антикатолического карательного кодекса, стараясь доказать его неразумность с точки зрения интересов самих же английских правителей. С целью мирной агитации против дискриминации католиков и уравнивания их в правах с протестантами Керри, О'Коннор, Уайз и другие основали Католический комитет. Однако деятельность его в течение первых десятилетий носила крайне умеренный характер.

Ирландские либералы первоначально действовали обособленно от англо-ирландцев, встречая со стороны последних настороженное и даже враждебное отношение, которое отражало проявлявшееся все еще с большой остротой противоречие между привилегированными англо-ирландскими колонистами и коренным ирландским населением. Прежде всего это сказывалось в Ольстере, где особенно сильна была этническая пестрота и религиозная неоднородность населения. Однако со временем значительная часть англо-ирландцев, исключая лендлордов и крупных финансовых воротил, а особенно шотландо-ирландцев, стала все больше ощущать неправомерное положение. Вместе с тем, несмотря на неравенство и постоянное разжигание религиозных распрей, в стране продолжалось слияние (главным образом трудящихся классов) коренных ирландцев и потомков колонистов, составлявшее одну из особенностей формирования ирландской нации. В результате оппозиционные выступления против колониального режима со стороны как англо-ирландцев, так и коренных ирландцев начали в последние десятилетия XVIII в. все более приобретать черты национального движения, в котором постепенно обнаруживается тенденция к преодолению обособленности протестантских и католических элементов.

Процесс складывания ирландской нации, обусловленный развитием, хотя и замедленным, капиталистических отношений и стимулировавшийся нарастающим протестом против колониального угнетения, находил свое отражение не только в политической, но и в идеологической сфере. Он проявился, в частности, в начавшемся со второй половины XVIII в. и особенно усилившемся в конце столетия интенсивном изучении исторического прошлого страны, прежде всего периода ее независимости, в собирании и публикации памятников средневековой ирландской литературы и фольклора, в стремлении возродить и опоэтизировать героические традиции ирландского народа.

Имея в виду это развитие национального самосознания, Энгельс отмечал, что к концу XVIII в. «в Ирландии пробудилась новая национальная жизнь, а вместе с тем и новый интерес к ирландской литературе и истории...» Патриотическое увлечение пришло было характерно и для последующей ирландской романтической историографии и литературы.

Обозначились также два крыла ирландского национального движения — умеренно-либеральное, готовое на компромисс с английскими властями, и радикально-революционное. Первое находит себе опору в зажиточных слоях как англо-ирландского, так и коренного ирландского населения, второе, к которому примыкают представители революционной буржуазии, — в народных массах.

Если в общем лояльная оппозиция либералов не внушала особого опасения английским властям, то всякое выступление с более решительным протестом против английского господства каралось ими беспощадно. Ярким примером является трагическая судьба ирландского патриота Никласа Шихи. Приходский католический священник в Клотине (графство Типперэри), Шихи был известен как защитник ирландской бедноты и обличитель политики национальной и религиозной травли ирландцев. Власти провинциального города Клонмела, подстрекаемые протестантскими джентри, объявили Шихи государственным преступником, виновным в сношениях с тайными крестьянскими обществами и в убийстве полицейского осведомителя. Несмотря на оправдание его дублинским судом, они добились в 1766 г. вынесения ему в Клонмеле на основании показаний лжесвидетелей смертного приговора. Шихи был повешен. Расправа с ним вызвала бурю возмущения в Ирландии. Его могила стала местом паломничества и поклонения.

Народное сопротивление. Тори и раппари

Среди ирландского народа нарастал протест против колониального и социального рабства. Борьба трудящихся, прежде всего крестьянских масс, становилась с каждым десятилетием все более острой, местами перерастая в стихийные восстания. Именно это народное сопротивление колониальному режиму явилось главной пружиной формирующегося национально-освободительного движения.

Еще во второй половине XVII в. в Ирландии стали создаваться тайные крестьянские общества для борьбы против чужеземцев. Это были весьма примитивные, слабо дисциплинированные повстанческие объединения, которые то распадались, то возникали вновь. Англичане изображали их шайками разбойников, наделив кличкой «тори» (первоначальное значение — «бандиты») [В период реставрации Стюартов эту же кличку, как известно, перенесли на партию аристократических сторонников династии их противники — виги.]. Во главе тори обычно стояли насильственно обезземеленные и деклассированные ирландские дворяне, жаждавшие отомстить своим обидчикам. Они находили приверженцев среди крестьян своих убывших кланов, связанных с ними узами патриархальных отношений. С конца 90-х годов XVII в. под именем «раппари» (от слова «rapier» — рапира; первоначально так называли ирландских иррегулярных солдат, а также пиратов) начали действовать уже чисто крестьянские общества с крестьянскими вожаками во главе.

Тори и раппари небольшими группами совершали нападения на дома и поместья наиболее ненавистных лендлордов, земельных агентов, представителей колониальной администрации. В борьбе с ними английские власти применяли свирепые методы. Все участники этого движения были объявлены вне закона. При поимке их ждали виселица и четвертование. Для устрашения населения применялся варварский средневековый обычай: головы казненных повстанцев выставлялись на стенах тюрем. В 1697 и последующих годах были изданы акты, поощрявшие предательство в рядах тори и раппари. Каждому участнику движения, убившему двух своих сотоварищей, обещалась не только пощада, но и вознаграждение. На местных жителей возлагалась коллективная ответственность за действия тори и раппари в их округе.

Однако никакие полицейские меры не помогали. В 1705 г. отряд тори под предводительством некоего Каллихана успешно действовал в графстве Корк. В 1725 г. раппари наводили ужас на землевладельцев и английских чиновников в графствах Куинс, Килкенни, Карлоу. В Карлоу они вновь активизировались в 1739—1740 гг. После голода 1740—1741 гг. движение раппари развернулось во многих местностях, достигнув особой силы в 1743 г. В 1760 г. в графстве Типперэри имели место многочисленные нападения на лендлордов и джентри, совершенные отрядом некоего «капитана» Дуайера. Много раз вспыхивали голодные бунты, переплетавшиеся с действиями раппари.

Бывали случаи бурных волнений и среди городского населения. Так, в 1759 г., возбужденные слухами о готовящемся якобы проведении ирландским парламентом по указке из Лондона акта об унии между Ирландией и Англией, жители столицы ворвались в помещение палаты лордов, пытаясь сжечь парламентские книги.

Усиление крестьянского движения в 60—70-е годы.

«Белые ребята» и другие тайные общества

С 60-х годов XVIII в. крестьянское движение приобретает серьезный размах. Обострение классовой борьбы было вызвано ростом поборов и вымогательств, а также участвовавшим захватом лендлордами общинных земель с целью превращения их в пастбища.

С конца 1761 г. в Южной Ирландии (провинция Манстер) стали возникать тайные крестьянские организации, получившие название «белые ребята». Участники этого движения, надевавшие белые рубахи поверх одежды, совершали ночные нападения на поместья, калечили или угоняли принадлежавший лендлордам и зажиточным фермерам скот, сносили изгороди, вспахивали пастбища, сжигали постройки. «Белые ребята» посылали угрожающие письма лендлордам, джентри, земельным посредникам, откупщикам и сборщикам десятины, англиканским священникам, требуя отказа от повышения арендной платы, возвращения участков согнанным с земли арендаторам, отказа от огораживания общинных выгонов, прекращения сбора десятины и т.д. Виновникам повторения беззаконий грозили физической расправой, но к убийствам прибегали редко; ненавистных лиц чаще всего похищали и в связанном виде оставляли в канавах у дорог. Угрожающие письма, иногда носившие характер прокламаций, подписывались вымышленными именами: «капитан Справедливость», «королева Сайв» («королева-спасительница»), «королева Сайв и ее подданные» и т.п. В отдельных местностях «белые ребята» объединялись в крупные конные отряды, которые совершали набеги на небольшие города, освобождали заключенных из тюрем, захватывали оружие и лошадей.

Своими действиями «белые ребята» способствовали вспышке крестьянских восстаний в 1762 г. в графствах Корк, Уотерфорд, Лимерик и Типперэри. Хотя восстания были подавлены с помощью войск, в 1763—1765 гг. движение «белых ребят» вспыхнуло с новой силой. Не прекращалось оно и в последующие годы.

На севере страны (провинция Ольстер) аналогичные тайные общества стали создавать крестьяне-протестанты. Здесь их называли «дубовые ребята» (они прикрепляли дубовую ветку к одежде). Летом 1763 г. движение «дубовых ребят» охватило графства Арма, Тирон, Дерри и Фермана. Поводом послужило введение государственной барщины — «дорожной повинности», под видом которой лендлорды и джентри использовали даровой крестьянский труд для благоустройства своих поместий. Отряды «дубовых ребят» в количестве 400—500 человек объезжали графства и приостанавливали дорожные работы. Они заставляли помещиков приносить клятву не злоупотреблять взысканием арендной платы, а священников — сбором десятины. Против повстанцев были брошены войска. Однако напуганные движением власти вынуждены были распространить дорожную повинность на все слои населения, тем самым смягчив ее для крестьян.

В начале 70-х годов в северных графствах Антрим и Даун вспыхнуло восстание крестьян, возмущенных вымогательствами лендлордов, особенно маркиза Донегола. Этот лорд-абсентеист потребовал от своих арендаторов единовременный взнос в 100000 ф.ст. при перезаключении арендных договоров. В случае неуплаты он угрожал отобрать участки. Восстание возглавили местные тайные общества — «стальные сердца» или «стальные ребята». Среди них было немало шотландских колонистов-пресвитериан. В течение многих месяцев «стальные ребята» вели партизанские действия против помещиков и посланных в Ольстер войск. В 1772 г. их отряд, сопровождаемый толпой вооруженных окрестных крестьян, ворвался в Белфаст и освободил из тюрьмы приговоренных к казни участников движения. После подавления восстания часть «стальных ребят» эмигрировала в североамериканские колонии Англии и приняла участие в их войне за независимость.

Движение «белых ребят» и других тайных крестьянских обществ вызвало панику среди имущих классов Ирландии. Как протестантские, так и католические джентри производили добровольные сборы на подавление повстанцев, назначали премии за поимку вожаков. Лидер либеральной оппозиции Флад даже упрекал правительство в попустительстве «белым ребятам» — обвинение, абсолютно лишенное каких-либо оснований. Власти были беспощадны к участникам крестьянского движения. Террор против крестьянских организаций был узаконен актами 1765 и последующих годов, предписывавшими карать виселицей за любое участие в действиях тайных обществ.

Однако никакие репрессии не могли сломить стихийного крестьянского движения. Не имея шансов на непосредственный победоносный исход, оно тем не менее стало мощным фактором борьбы ирландского народа за свободу и независимость. Даже отдельные акты народного правосудия служили известным сдерживающим средством для угнетателей. «Убийства на почве аграрных волнений в Ирландии, — писал Энгельс, — не могут быть прекращены *по той причине и до тех пор*, пока они являются единственным действенным средством против истребления народа лендлордами. Это *помогает*, и потому они продолжают и будут продолжаться вопреки всем репрессивным законам».

Упорная многовековая борьба ирландского крестьянства расшатывала основы колониальной и полufeодальной системы господства Англии над Ирландией.

VI. Подъем национально-освободительной борьбы в конце XVIII в.

Американская война за независимость и Ирландия

Движение волонтеров

Генри Граттан

Первые успехи национального движения

Завоевание парламентской автономии

Неудача кампании за реформу. Раскол среди волонтеров

Ирландия во второй половине 80-х годов. Навстречу новым бурям

Углубление социальных конфликтов в ирландской деревне

Влияние французской буржуазной революции на Ирландию

«Объединенные ирландцы»

Уолф Тон

Переход реакции в наступление. Террор и провокации

Под знаменем независимой республики

Восстание 1798 г.

Уния 1801 г.

Заговор Эммета

Глава опубликована ранее отдельно. Скачать текст можно по ссылке: <http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin.pdf>

VII. Ирландия в первой половине XIX (1801-1848 гг.)

Ирландия после введения унии

Уния между Великобританией и Ирландией окончательно определила статус Ирландии: в политическом отношении она стала бесправной провинцией, в экономическом — земледельческим округом, поставщиком дешевой рабочей силы и сырья, рынком сбыта для английской и шотландской буржуазии.

Молодая ирландская промышленность не могла выдержать конкуренции своего «партнера». К 40-м годам XIX в. даже такая ее традиционная отрасль, как текстильное производство, уже влачила жалкое существование. Ирландский революционер Томас Мигер в 1847 г. подвел печальный итог британского господства. «Дублинская хлопчатобумажная промышленность, — писал он, — в которой было занято 14 тыс. рабочих, уничтожена; 3400 шелкоткацких станков уничтожено; производство саржи, в котором был занят 1491 рабочий, уничтожено; фланелевое производство Рэтдрема, производство одеял в Килкенни, камлотовый промысел в Бэндоне, шерстяные мануфактуры Уотерфорда, ратиновые и бауковые мануфактуры Кэрри-он-Сюр уничтожены. Есть только одна отрасль промышленности, которую пощадил акт об унии. Это процветающая, привилегированная отрасль — ирландское похоронное дело».

Единственным источником существования для подавляющего большинства ирландского населения оставалась обработка земли. По данным 1841 г., 70% мужчин в возрасте свыше 16 лет занимались сельским хозяйством. В основном это были арендаторы, обрабатывающие мелкие и мельчайшие участки; почти половина из них арендовала участки менее 1 акра, а 20% — от 1 до 5 акров. При этом арендная плата в 2—3 раза превышала плату в Англии. Ее размеры, устанавливаемые лендлордами, не зависели ни от доходности земли, ни от стоимости арендуемого участка. Если же арендатору ценой неимоверных усилий удавалось добиться каких-либо улучшений в своем хозяйстве и повысить его рентабельность, это немедленно оборачивалось против него, так как лендлорд незамедлительно повышал арендную плату, а «несговорчивые» арендаторы заменялись более покладистыми. Этому способствовала огромная конкуренция между самими арендаторами. По официальным сведениям, на каждые пять акров сдававшейся в аренду земли насчитывалось до полутора десятков претендентов. «У народа оставался единственный выбор — либо аренда земли за любую арендную плату, либо голодная смерть», — констатировал Маркс.

Между арендатором и владельцем, как правило, стояло несколько посредников, и каждый из них обогащался за счет крестьян. Не было никаких законов, охранявших в самой минимальной степени права арендатора и ограничивавших произвол лендлорда. Над ирландским крестьянином как дамоклов меч постоянно висела угроза изгнания с его же земли.

Урожая хватало не более чем на 4—5 месяцев, после чего женщины и дети отправлялись собирать подаяние по дорогам Ирландии, а мужчины пытались найти какой-либо заработок. В 30—40-х годах масса населения устремилась на строительство железных дорог в Англии и Ирландии. Тогда и родилась пословица: «Под каждой шпалой в Англии похоронен ирландец». Но уже в 20-х годах стала проявляться тенденция к укрупнению земельных владений, к слиянию мелких участков в более крупные, пригодные для пастбищного хозяйства. Эта тенденция отражала изменения в экономике самой метрополии, в потребностях британского рынка. За 1807—1826 гг. вывоз крупного рогатого скота из Ирландии в Англию увеличился почти в 3 раза, овец — в 6, свиней — в 7 раз. Укрупнение участков неизбежно вело к вытеснению мелких и мельчайших арендаторов, что в свою очередь усиливало конкуренцию между ними и вызывало рост арендной платы. Начавшаяся концентрация сдаваемой в аренду земли была симптомом назревавшего аграрного переворота, который в полную силу развернулся в середине XIX в. Усилился приток ирландских эмигрантов в Англию, где они поглощались быстро растущей в эти годы промышленностью.

«Английская промышленность, — писал Энгельс в 1845 г. — не могла бы развиваться так быстро, если бы Англия не нашла в многочисленном и бедном населении Ирландии резерва, готового к ее услугам». В 1841 г. около 400 тыс. жителей Англии, Шотландии и Уэльса были выходцами из Ирландии.

Страна постоянно находилась на осадном положении. Один репрессивный закон сменялся другим. В 1801— 1805 гг. действовал акт «против мятежников»; в июне 1807 г британский парламент принял сразу два закона еще один акт против мятежников и акт о хранении оружия, действовавшие до 1810 г. Согласно этим законам, наместник мог объявить любое графство «в состоянии мятежа», что предоставляло властям право обыска жилищ в любое время и ареста «всех подозрительных». После четырехлетнего перерыва эти законы были возобновлены и действовали до 1818 г. включительно. В 1825 г. был введен новый акт о репрессиях сроком на три года, который был затем возобновлен в 1829—1833 гг. и дополнен на этот раз актом о приостановке конституционных гарантий.

Движение за «эмансипацию католиков». Билль 1829 г.

Личфильдхаузское соглашение

Социальный и политический гнет, всей тяжестью давивший на ирландских крестьян и городскую бедноту, сказывался, хотя и в значительно меньшей степени, на положении молодой буржуазии и помещиков католического вероисповедания, католического духовенства. Католики, составлявшие 90% всего населения Ирландии, все еще были лишены политических прав. Вне зависимости от их классовой принадлежности они не могли избираться в палату общин, становиться судьями, занимать какой-либо гражданский или военный пост. Привилегированное положение протестантов способствовало разжиганию религиозной розни, что всегда являлось важным рычагом в руках британских колонизаторов.

Специфической особенностью ирландского национального движения являлось переплетение в нем социального, национального и религиозного вопросов. Поэтому на всех этапах борьбы ирландского народа за свою независимость всегда выдвигались национальные, социальные и религиозные требования, хотя в зависимости от условий менялась их «очередность». Так, в 20-х годах XIX в. в национальном движении Ирландии на первый план выдвинулся религиозный вопрос — предоставление католическому населению политических прав («эмансипация католиков»). Широкая поддержка, оказанная крестьянскими массами и городскими низами, видевшими в его решении также и путь к ослаблению гнета лендлордов, свидетельствовала о том, что движение носит не только религиозный характер. Возглавляла его Католическая ассоциация, созданная в 1823 г. по инициативе представителя помещичьих кругов адвоката Даниэла О'Коннела. Его поддерживали помещики и буржуазия, надеявшиеся получить таким образом возможность проникнуть в государственный аппарат. Лидеры движения понимали, что они не смогут добиться «эмансипации католиков» без привлечения широких слоев народа. Для укрепления своей позиции среди крестьянства Ассоциация создала специальный фонд помощи особо бедствующим арендаторам, которым распоряжались католические священники. На митингах ораторы Ассоциации доказывали, что уравнивание католиков в правах с протестантами незамедлительно скажется и на положении всего народа.

Английский кабинет министров несколько раз распускал Ассоциацию, объявляя ее незаконной, но она продолжала действовать, пользуясь поддержкой всего населения страны. Движение приобрело столь острый и массовый характер, и так отчетливо проявлялась в нем ненависть к британскому колонизаторскому режиму, что правительство Великобритании было вынуждено уступить. В 1829 г. парламент принял билль об «эмансипации католиков». При условии принесения присяги верности королевской династии ирландцы-католики получали политические права, в том числе право избрания в парламент, хотя по-прежнему не могли занимать высшие государственные должности. Одновременно в Ирландии увеличивается избирательный ценз при выборах в палату общин с 40 шилл. до 10 ф.ст. Таким образом, часть избирателей-арендаторов отстранялась от участия в выборах.

В начале 30-х годов, после проведения билля об «эмансипации католиков» и парламентской реформы 1832 г., частично уничтожившей систему «гнилых местечек», в палате общин среди 100 ирландских депутатов насчитывалось значительное число представителей католической оппозиции во главе с О'Коннелом. «Ирландская бригада», как называла эту фракцию пресса, превратилась во влиятельную политическую силу. Используя противоречия между правящими партиями (тори и вигами), ирландцы могли воздействовать не только на исход голосования по обсуждавшимся текущим вопросам, но и на решение вопроса о пребывании у власти того или иного кабинета министров. Эту роль ирландских депутатов использовала в своих интересах партия вигов. В 1835 г. возглавляемое Мелбриом правительство вигов предложило лидеру «ирландской бригады» Даниэлу О'Коннелу соглашение, по которому ему и его коллегам предоставлялось право самим назначать должностных лиц в Ирландии; взамен этой ирландские депутаты обязались гарантировать правительству поддержку вигов в палате общин. Подписанное в доме лорда Личфильда соглашение (отсюда его название) содержало также обязательство ирландских парламентариев отказаться от агитации за отмену унии на период действия данного договора.

«Я обещаю вам от имени ирландского народа не поднимать разговора об унии... — заявил О'Коннел. — Народ Ирландии готов стать частью империи при условии соблюдения его интересов и справедливости...». Понятия «справедливость», «интересы» относились исключительно к высшим слоям ирландского общества, добивавшимся равных прав с англичанами в управлении страной. Об облегчении участи крестьян и рабочих не было сказано ни слова.

Крестьянская «война против десятины» и ее результаты

Личфильдхаузское соглашение было подписано в самый разгар широких крестьянских выступлений против англиканской церкви, владевшей в Ирландии 600 тыс. акров превосходной земли. Одним из источников ее дохода являлся налог на урожай, получаемый арендаторами (десятина), который приносил около 1/2 млн.ф.ст. в год. Фактически же сборщики налогов отбирали у крестьян более 1/10 урожая, пополняя тем самым и свои доходы. Обращаться в суд по поводу злоупотреблений было равносильно, как говорили в то время, «обращению в ад с жалобой на дьявола».

Против непомерных притязаний церкви крестьяне могли бороться только методом «аграрного террора». В различных районах страны действовали десятки тайных крестьянских обществ, члены которых нападали на сборщиков налогов и их охрану, прятали урожай, отбирали конфискованное за неуплату налога имущество и возвращали его арендаторам. К середине 30-х годов крестьянские выступления приобрели почти повсеместный характер. Тех, кто отказывался поддерживать тайные общества и не присоединялся к борьбе против десятины, подвергали мерам воздействия, предвосхитившим бойкот 80-х годов. Сборщики десятины могли действовать только под охраной полиции и солдат. Крестьян поддерживала городская беднота, а также низшее католическое духовенство, что свидетельствовало о возможности перерастания развертывавшейся аграрной борьбы в национальную.

Правительство, вынужденное пойти на уступку, постаралось, как всегда, «уравновесить» положение путем проведения соответствующих актов. В мае 1838 г. ненавистная десятина была заменена налогом на аренду, при этом сумма поступлений англиканской церкви почти не изменилась. Вводились еще более строгие законы против крестьян — участников тайных обществ. Эту политику правительства поддерживали О'Коннел и его окружение. Именно это имел в виду Маркс, когда отмечал, что «ирландская бригада... ни разу не предотвратила ни одной подлости по отношению к Ирландии, ни одной несправедливости по отношению к английскому народу».

В конце 30-х годов британское правительство распространило на Ирландию действие «закона о бедных», отменявшего пособие по бедности и вводившего, как и в Англии, работные дома с суровым режимом принудительного труда. Под действие этого закона подпала почти 1/3 населения. Ирландия была разделена на 130 округов, с работным домом в каждом из них.

Введение рабочих домов было еще одним стимулом для увеличения эмиграции ирландских крестьян. Британская промышленность получила дополнительный приток дешевой рабочей силы.

Начало организованного рабочего движения. Социалист-утопист Уильям Томпсон

Первые, организованные выступления ирландских пролетариев относятся к 20-м годам XIX в. и отражают процесс формирования рабочего класса Ирландии. Более интенсивно этот процесс происходил на севере страны, в Ольстере, где в отличие от остальных районов уже начался промышленный переворот. Льянная промышленность и судостроение, рост которых был обусловлен капиталовложениями английских и шотландских предпринимателей, привлекали тысячи рабочих со всех концов Ирландии. Росло также рабочее население Дублина, Корка и других портовых городов.

Первые объединения рабочих по профессиям — ирландские тред-юнионы появлялись, как в Англии и Шотландии, нелегально и были весьма непрочными. Они распадались, возникали вновь и снова терпели поражение. Но уже в 20-х годах молодой ирландский пролетариат заявил о себе первыми стачками в ряде городов страны. В конце 20-х — начале 30-х годов на севере страны появились тред-юнионы рабочих — прядильщиков хлопка, входившие в Ассоциацию прядильщиков всего Соединенного королевства, во главе которой стоял ирландец Джон Догерти. Будучи в то же время редактором печатного органа Ассоциации газеты «Войс оф пипл («Голос народа»), он много внимания уделял в ней национальному движению, что содействовало популярности газеты среди населения. В 30—40-х годах рабочие Дублина и других городов страны поддерживали чартистское движение в Англии и Шотландии, открыто выражая свое одобрение программе чартистов.

К 20-м годам относится и выступление выдающегося ирландского социалиста-утописта Уильяма Томпсона. Он родился в 1785 году в Корке, в богатой англо-ирландской семье. Свой путь к социализму Томпсон начал под непосредственным воздействием учения Сен-Симона, с которым познакомился в 1814 г. во время путешествия по Франции. После посещения Ирландии Робертом Оуэном в 1822 г. Уильям Томпсон становится его преданным сторонником и учеником, хотя в ряде вопросов пошел значительно дальше своего учителя. Из теории трудовой стоимости Давида Рикардо Томпсон сделал далеко идущие социалистические выводы. В произведениях «Исследование о принципах распределения богатства, более способствующих человеческому счастью» (1824 г.), «Вознагражденный труд, примирение труда и капитала, или Как обеспечить труду весь продукт его усилий» (1827 г.) и других Томпсон резко критиковал систему наемного труда и пытался указать путь, ведущий к избавлению трудящихся от угнетения и нищеты. В «Исследовании» Томпсон излагал свою точку зрения на причины угнетенного положения рабочих, «действительно создающих при помощи науки все богатства», указывал на чудовищную узурпацию капиталистами и лендлордами накопленного человеческим трудом богатства. Томпсон писал: «Пока существует класс капиталистов, общество не может быть здоровым. Любая добыча, вырванная из рук политической власти, будет отниматься другим путем (под названием прибыль) капиталистами, которые, пока они остаются капиталистами, всегда будут законодателями».

Один из способов, ведущих к справедливому распределению богатства, к освобождению трудящихся, полагал Томпсон, состоит в ликвидации их политического бесправия путем введения всеобщего избирательного права для мужчин и женщин. Он возлагал большие надежды на то, что угнетенные слои населения, взявшие власть в свои руки, сами найдут, как «обуздать капиталистов».

Практический путь к решению поставленных вопросов Томпсон вслед за Оуэном видел в развитии кооперативного движения и принял в нем самое активное участие. Он был одним из организаторов общества «Кооператоры-миссионеры», которое в 30-х годах развернуло широкую деятельность в Англии.

В собственном поместье Томпсон организовал опытную ферму для своих арендаторов, создав им самые благоприятные, с его точки зрения, условия труда. В качестве «дополнения к сельскому хозяйству» были созданы промышленные предприятия для производства шелка и льна. Для детей арендаторов была открыта бесплатная школа. Со смертью Томпсона ферма прекратила существование.

Идеи Уильяма Томпсона при всей их утопичности содержали талантливые догадки о будущем социалистическом обществе, характерные для той плеяды социалистов-утопистов 20—30-х годов, выступления которых непосредственно предшествовали появлению марксизма.

Национальное движение 40-х гг. Рипилеры. «Молодая Ирландия»

«Эмансипация католиков» и отмена десятины не удовлетворили широкие круги участников национального движения. По-прежнему лендлорды нещадно грабили крестьян, а террористический режим, установленный Дублинским замком, превратил политические права массы католиков в пустой звук. Наиболее популярным оставалось требование разрыва унии с Англией, объединявшее самые различные круги. К тому же верхи ирландского общества, связанные с партией вигов Личфильдхаузским соглашением, с приходом в 1841 г. к власти в Англии правительства тори, возглавляемого Пилем, лишились ряда преимуществ, оговоренных этим соглашением. Они снова заговорили об отмене унии.

В 1841 г. по инициативе Даниэла О'Коннела была создана Национальная лояльная ассоциация рипилеров (от слова «гереал» - отмена, разрыв), провозгласившая своей целью отмену унии исключительно конституционным путем. Сам О'Коннел, как и его ближайшее окружение, готов был довольствоваться обещанием со стороны правительства установить «хорошее управление» Ирландией и выполнением им обязательств, данных в свое время вигами. Но демократические круги, поддерживавшие Ассоциацию рипилеров, были намерены добиваться полного разрыва унии.

Особенно широко движение рипилеров, охватившее значительные слои ирландского населения, развернулось в 1843 г. Этому способствовало включение Ассоциацией в свою программу требований фиксации арендной платы, расширения избирательных прав для всех ирландцев, уничтожения ценза для депутатов парламента, перераспределения избирательных округов. В каждом графстве и городе, в церковных приходах и поместьях создавались отделения Ассоциации рипилеров, во главе которых обычно стояли представители либо духовенства, либо помещичьих кругов. Еженедельно созывались митинги, где принимались резолюции с требованием отмены унии; об этом же писали ирландские газеты, об этом же говорилось во время церковных служб. В то же время официальные ораторы Ассоциации не забывали повторять слова О'Коннела, что за отмену унии «не должно быть пролито ни капли крови».

В ответ правительство Пилия увеличило английский гарнизон в Ирландии, наводнило страну шпионами, расквартировало вокруг Дублина дополнительные воинские части. Особую тревогу правящей партии тори вызвало совпадение агитации рипилеров с подъемом чартистского движения в самой Англии, Национальная чартистская ассоциация в петиции 1842 г. потребовала уничтожения унии Англии с Ирландией и предоставления ирландскому народу права на самоуправление, таким образом открыто поддержав его движение. Это способствовало вовлечению в чартистское движение тысяч находившихся в Англии и Шотландии рабочих-ирландцев.

Однако лидеры рипилеров выступили против чартистов. О'Коннел, который еще в 30-х годах требовал запрещения тред-юнионов в Ирландии, принял самые энергичные меры, чтобы не допустить союза ирландских масс с британскими рабочими. Чартисты, по его словам, представляли собой «бесчинствующие банды», «толпы убийц» и т.п. Такова же была позиция и высшего католического духовенства.

Летом 1843 г. движение рипилеров достигло апогея. На митингах в Корке, Килкенни, Нине и других городах собирались сотни тысяч ирландцев, готовых выступить по призыву О'Коннела. В августе 1843 г. на одном из таких митингов в присутствии почти полумиллиона человек О'Коннел заявил: час освобождения близок, не пройдет и года, как Ирландия получит свой парламент, даже если Англия откажется отменить унию. Руководители Ассоциации назначили на 5 октября общеирландский митинг, на котором должно было быть принято «последнее обращение» к английским властям. Митинг намечался в пригороде Дублина — Клонтарфе, там, где в 1014 г. была одержана победа над вторгшимися в страну норманнами. Теперь Клонтарф должен был стать местом «бескровной победы» над англичанами. О'Коннел полагал, что под нажимом массового движения британское правительство пойдет на уступки. Авторитет О'Коннела — «освободителям, как звали его в народе, в это время был необычайно высок (этому способствовало и назначение его в 1842 г. на пост лорда-мэра Дублина). Лишь незначительная часть ирландских демократов понимала подлинный смысл политики О'Коннела, его готовность идти на компромисс с партией тори.

Фридрих Энгельс, который в это время находился в Англии, подчеркивал, что О'Коннел вовсе не ставит своей целью уничтожение унии, а только использует разоренный и угнетенный ирландский народ для того, чтобы вырвать у Англии определенные уступки в пользу ирландских имущих классов.

Последовавшие события подтвердили правильность этой оценки. Британское правительство решило положить конец «беспорядкам». Был введен очередной закон, запрещающий хранение и ношение оружия, увеличилась переброска солдат из Англии в Ирландию. Вокруг Дублина была расположена полевая артиллерия.

5 октября 1843 г. за несколько часов до открытия митинга на стенах домов Дублина появилось подписанное главным секретарем по делам Ирландии и командующим военными силами извещение, запрещающее его созыв в Клонтарфе. Дублинский замок поставил руководство Ассоциации рипилеров перед дилеммой: либо не подчиниться и тем самым довести дело до столкновения, либо отказаться от созыва митинга, что было равносильно капитуляции. О'Коннел выбрал второе. Совет Ассоциации срочно разослал своих посланцев по всем дорогам Ирландии с сообщением об отмене митинга. Но британские власти все же арестовали девять руководителей Ассоциации якобы за участие в заговоре «против английской королевы» и «за призыв к мятежу».

В январе 1844 г. Даниэл О'Коннел, его сын Джон, редактор еженедельника «Нэйшн» («Нация») Чарлз Даффи и другие ирландские деятели предстали перед судом. Судьи своим приговором фактически засвидетельствовали несостоятельность обвинений, выдвинутых британским правительством. Все обвиняемые были приговорены лишь к шести месяцам тюрьмы. Но когда 70-летний О'Коннел вышел на свободу, в самой Ассоциации рипилеров уже назрел раскол. Против его политики решительно выступили радикально настроенные демократы.

Еще в октябре 1842 г. в первом номере «Нэйшн» его издатели: Чарлз Даффи, Джон Диллон, Томас Дэвис и поддерживавшие их представители нового поколения демократов, воспитанные на идеях Уолфа Тона и Эммета, отвергли политику сделок и компромиссов с английскими властями. «Можете ли Вы охарактеризовать тон нового журнала? — спросил своего коллегу один из членов Верховного суда Англии “Могу, — ответил тот, — это Уолф Тон”». «Молодая Ирландия» — так стали называть это движение по аналогии с буржуазно-демократическими «Молодой Германией» и «Молодой Италией» — мечтала объединить всех ирландцев в едином независимом государстве. «Молодые ирландцы» говорили и писали о будущей великой, славной, свободной Ирландии.

«Если бы вы дали нам завтра наилучшие в мире условия аренды, — писал в 1844 г. Дэвис, обращаясь к англичанам, — если бы вы дали нам самое полное представительство в вашем парламенте, если бы вы восстановили в правах наших изгнанников, избавили бы нас от долгов и вознаградили за все несправедливо взысканные с нас поборы... мы все же заявили бы вам... что с презрением отвергли бы ваши дары, если бы Ирландия продолжала оставаться английской провинцией... Несмотря ни на что, ни на подкуп, суды, полицию или войну, мы заявляем вам от имени Ирландии, что Ирландия будет независимой...»

В то же время выступления «молодых ирландцев» показали ограниченность их программы, и прежде всего непонимание ими неизбежности классового расслоения ирландского общества. Они полагали, что ирландский народ представляет собой некое «единое целое».

Складывание революционной ситуации. Ирландская конфедерация

В результате колониальной политики Англии над ирландским народом постоянно висела угроза голода. В середине 40-х годов эта угроза стала ужасной реальностью. В течение трех лет не был собран урожай основного продукта питания ирландских крестьян — картофеля. И хотя в 1845 г. в стране еще было достаточно мяса, молочных продуктов и зерна, эти продукты были недоступны ирландским трудящимся. Они шли на продажу ради внесения арендной платы, вывозились в Англию. Так, в 1845 г. в Англию было вывезено 3250000 квартеров пшеницы, большое количество масла, бекона, а также скота и др. Вывоз продолжался и в последующие годы, несмотря на возрастающую смертность населения от голода. В 1845 г. погибло 500 тыс. ирландцев, в 1848 г. — более 300 тыс. Спутники голода — болезни также косили людей. Только в 1847 г. от тифозной лихорадки погибло более 250 тыс. человек.

«Люди умирали целыми семьями, оставаясь лежать в своих нищенских хижинах, разлагаясь, — писал Джон Конноли. - В отдаленных частях страны путешественники часто наталкивались на деревни, все население которых умерло от голода». А агенты лендлордов по-прежнему выколачивали ренту, требовали уплаты недоимок. Ответом крестьян был «аграрный террор».

Резко возросло число «преступлений» — свидетельство стихийного протеста крестьянина против условий его существования. По официальным данным, в эти годы было отдано под суд: в 1844 г. — 19448 человек, в 1847 г. — 31209, в 1848 г. — 38522, в 1849 г. — 41389, в 1850 г. — 31326 человек.

Обострение классовой борьбы вызвало размежевание внутри самого национального движения. Более радикально настроенная часть «молодых ирландцев» требовала разрыва с Ассоциацией рипилеров и выступления с самостоятельной программой. После смерти в 1845 г. Томаса Дэвиса видную роль в левом крыле стал играть молодой журналист Джон Митчел, который открыто заявлял, что «худшим врагом Ирландии после британского правительства является О'Коннел».

В конце 1846 г. «молодые ирландцы» официально порвали с Ассоциацией рипилеров и объявили о создании Ирландской конфедерации, руководящее ядро которой составили Смит О'Брайен, Томас Даффи, Мигер, Дохени, Джон Диллон, Джон Митчел и др. К концу 1847 г. Ирландская конфедерация насчитывала около 11 тыс. человек, но фактически ее поддерживало гораздо большее число людей. В нее входили мелкие торговцы, служащие, интеллигенция, рабочие; к ней примыкала часть средних помещиков и либеральных буржуа. Внутри самой Конфедерации не было единства по вопросу о целях и методах борьбы. Ее умеренное направление, возглавляемое Смитом О'Брайеном, сформулировало свою позицию в резолюциях, предложенных им в начале 1848 г. на собрании дублинских конфедератов. В них говорилось, что организация должна силой убеждения и сотрудничества всех классов добиться законодательной независимости Ирландии.

Конфедерация, подчеркивалось в резолюциях, отказывается от любого намерения вовлечь страну в гражданскую войну и категорически возражает против призывов к оружию, рассматривая это как осуждение народа на гибельные для него последствия. Она безоговорочно осуждает советы крестьянам отказываться от платежа налогов или арендной платы.

Против этой программы выступало более радикальное направление, во главе которого стояли революционные демократы Лалор, Митчел, Рейли и др. Они указывали, что осуществление этих требований означало бы по существу сохранение лендлордизма со всеми вытекающими отсюда политическими и экономическими последствиями.

Идейным вдохновителем революционной демократии 40-х годов был Джеймс Финтан Лалор (1808—1846 гг.), «проницательнейший ирландский ум того времени», как характеризовал его Дж.Конноли. Сын арендатора из графства Куинс, Лалор одним из первых в Ирландии понял органическую связь между национальным освобождением Ирландии и решением ее социальных проблем. Лозунг «Ирландия для ирландцев», писал он, прежде всего означает, что земля должна быть возвращена ее подлинным хозяевам — крестьянам, а лендлордизм должен быть уничтожен. «Земля вместе со всем, что она производит, — говорил Лалор, — есть свободная и общественная собственность, принадлежащая всему народу. Все люди равны, и никто не имеет права захватывать в свою собственность какую-либо часть земли; отказ от уплаты арендной платы есть законный акт. Рента должна уплачиваться самому народу для общественных целей и для выгоды и пользы всего народа в целом. Нельзя дожидаться, пока британский парламент согласится с требованием Конфедерации, а следует самим завоевывать свое право быть свободным. Надо вовлечь в движение массы крестьян, методом борьбы должен стать отказ от внесения арендной платы и всех недоимок, сопротивление выселению».

Лалор, Митчел и их сторонники представляли будущую Ирландию только как независимую демократическую республику. «Моя цель, — писал Лалор, — не отмена унии, а завоевание независимости, не назад к 1782 г., а вперед к 1848 год, не восстановление старой конституции, а создание новой нации».

Ревностным сторонником Лалора стал журналист Джон Митчел. Он родился в 1815 г. в семье священника, в которой глубоко чтили традиции революционной национальной борьбы. Отец Джона был участником движения «Объединенных ирландцев», и Митчел вырос убежденным республиканцем, сторонником вооруженной борьбы за независимость Ирландии. Полностью разделяя взгляды Лалора, он попытался применять их на практике.

1848 год в Ирландии

Революционная ирландская демократия восприняла февральскую революцию 1848 г. во Франции как сигнал к действиям и обратилась с призывом к народу готовиться к вооруженному восстанию. Митчел выступил с открытой агитацией за независимую республиканскую Ирландию «на весьма широкой демократической основе». Он заявлял, что добиться независимой республики можно только одним путем — через вооруженное восстание. Революция, с его точки зрения, являлась неизбежной, а поэтому надо к ней готовиться. «Лозунг «агитируйте и голосуйте», — писал он, — должен быть заменен теорией и практикой гражданской войны как единственным, действительно надежным методом для возрождения Ирландии, столь долго усыпляемой легальным обманом; вместо лозунга «агитируйте, агитируйте» надо выдвинуть другой лозунг: «вооружайтесь, вооружайтесь»». Весной 1848 г. Митчел от «имени своей партии» провозгласил основной целью вооружение народа подготовку восстания для свержения власти лендлордов. И хотя Джон Митчел и его ближайший сторонник Девин Рейли обращались преимущественно к крестьянам, они уже отмечали особые интересы «рабочих классов», подходили к пониманию необходимости уничтожения тирании капитала, видели противоположности интересов рабочих и имущих классов. Большое влияние оказали на них в этом отношении выступления чартистов в Англии и рабочих во Франции.

Французская революция конца XVIII в. была, заявил Митчел на митинге в Дублине, революцией «французских фермеров», 1830 год — «революцией республиканской буржуазии», а февральская революция 1848 г. «носит на себе печать человека, который ее совершил, и эта печать гласит: Альбер, рабочий». Ирландии необходимо, считал Митчел, совершить все три указанные революции одновременно.

Убежденность Митчела в возможности осуществления в Ирландии всех «трех революций» одновременно свидетельствовала об утопичности его воззрений. Ирландская революционная демократия не могла уяснить подлинного характера освободительного движения рабочего класса, считала социалистические цели противоречащими национальным задачам страны. Неразвитость классовых отношений в самой Ирландии мешала даже лучшим из революционных демократов 40-х годов приблизиться к пониманию органического единства борьбы за социализм и национальную независимость. И все же, несмотря на теоретическую путаницу, непонимание классовых взаимоотношений, революционные демократы сделали большой шаг вперед. Их программа — полная независимость Ирландской республики, предоставление земли крестьянам, решение «рабочего вопроса» — была самой передовой программой ирландского национального движения первой половины XIX в.

В 1848 г. в Ирландии вступил в действие очередной «исключительный закон», вводивший во многих графствах страны осадное положение. Но карательные меры не сломили нараставшую революционную борьбу. Ее организационным центром стал еженедельник, выходивший с 12 февраля 1848 г. под названием «Юнайтед айришмен» («Объединенный ирландец»). Его редакторы Джон Митчел, Девин Рейли и Джон Мартин подчеркивали, что они являются преемниками, продолжателями дела революционных демократов конца XVIII в. Девизом газеты служили слова Уолфа Тона: «Мы должны добиваться независимости любыми средствами. Если собственники не поддержат нас, они должны погибнуть; мы найдем поддержку у многочисленного класса общества, людей, не имеющих собственности».

Конфедераты торжественно отпраздновали провозглашение Французской республики. На многочисленных митингах ораторы призывали следовать «французскому примеру».

Джон Митчел и его друзья нашли союзника в левом крыле чартистов, возглавляемом членами Союза коммунистов Джулианом Гарни и Эрнестом Джонсом. Впервые в истории национальной борьбы Ирландии в 1848 г. был установлен непосредственный контакт между ирландской революционной демократией и чартистами в Англии. На встрече с представителями Национальной чартистской ассоциации в Дублине Митчел говорил: «Нет ничего более страшного для английского правительства, чем союз между ирландским и английским народами». Во многих английских городах создавались клубы Ирландской конфедерации, открыто поддерживавшие чартистов. Представители Ирландской конфедерации присутствовали на заседаниях чартистского Конвента. 10 апреля 1848 г. около 5 тыс. ирландских конфедератов участвовали в Лондоне в чартистской демонстрации. На их знаменах было написано: «Хартия и отмена унии», «Каждый человек должен иметь свою родину».

После неудачи демонстрации 10 апреля 1848 г. Митчел и Рейли осудили «петиционные» методы руководителей чартистов. «Я полагаю, — говорил Митчел на встрече с их представителями в Дублине при обсуждении дальнейшего плана совместных действий, — что английские чартисты выучат урок, данный им 10 апреля, и никогда больше не будут подавать петиций... Когда демократы любой страны стремятся низвергнуть аристократию, то они не нуждаются ни в петициях, ни в голосовании; существует единственное средство — оружие». Сближение чартистов и ирландских революционеров пробивало брешь в той стене антагонизма между ирландскими трудящимися и английским пролетариатом, которую так тщательно возводила английская буржуазия.

Весной 1848 г. левое крыло Ирландской конфедерации открыто взяло курс на развязывание вооруженной борьбы. В городах Ирландии возникали новые клубы отделения Конфедерации. К лету только в Дублине 40 клубов объединили более 12 тыс. человек.

Клубы стали открытыми центрами подготовки вооруженного восстания. В них закупалось и распределялось оружие, проводились военные занятия. В марте 1848 г. была создана специальная Национальная гвардия.

Митчел и его соратники намечали восстание на сентябрь, после уборки урожая, и призывали активно готовиться к нему. «Чтобы завоевать свои права, — говорил Митчел на митинге в Дрогеде, — ирландский народ должен сделать то, что сделали демократы во Франции... Мы должны последовать примеру французских рабочих. Организуйте клубы, вооружайтесь, только тогда мы сможем следовать за «французской модой». Ура в честь французских баррикад! Ура в честь взятия дворцов! Ура в честь сожжения трона!»

Подобные призывы находили большой отклик в народных массах. Подготовка восстания шла совершенно открыто. «Юнайтед айришмен» опубликовал подробный план атаки на Дублин, разработанный еще Эмметом. В каждом номере еженедельника помещались заметки о ходе подготовки и рекомендации, как лучше готовиться к вооруженной борьбе. Во Францию был послан представитель Конфедерации для изучения опыта постройки баррикад.

Революционное демократическое крыло ирландского национального движения ориентировалось на крестьянство, на трудящихся и мелкую буржуазию города, на ирландцев в армии и студентов. Митчел и его друзья были убеждены в том, что только широкая гласность позволит вовлечь в движение народные массы, что тайная подготовка погубит дело. Однако, справедливо выступая против тайных заговоров, они впадали в другую крайность, пренебрегая всякой конспирацией.

Подготовка к восстанию, вооружение масс, непрекращающиеся выступления крестьян и, казалось, реальная угроза соединения ирландского движения с чартизмом вызывали тревогу в правящих кругах Англии. Буржуазная пресса требовала «Варфоломеевской ночи для конфедератов», «не допускать никакие полумеры» и т.п.

12 мая 1848 г. британское правительство нанесло первый удар: был арестован Джон Митчел. Известие о его аресте всколыхнуло всю революционную Ирландию.

В Дублин и другие города стекались вооруженные конфедераты, требовавшие немедленно выступить на защиту Митчела. Клуб св.Патрика, председателем которого был Митчел, принял решение о немедленном переходе к вооруженной борьбе, поддержанное представителями других клубов, и договорился с революционными чартистами об одновременном выступлении в Дублине и Лондоне 29 мая, в день, когда ожидалось вынесение приговора Митчелу. Предполагалось, что освобождение Митчела явится сигналом к всеобщему восстанию. Но ранним утром 27 мая на улицы Дублина был выведен 10-тысячный английский гарнизон, а затем суд огласил приговор Митчеллу — 14 лет ссылки в Тасманию. Закованный в кандалы, сопровождаемый полком кавалерии, Джон Митчел был немедленно отвезен на судно, тут же отплывшее по назначению.

28 и 29 мая в Дублине произошли стихийные, разрозненные выступления, в рабочих кварталах появились баррикады. Но все выступления были быстро подавлены. Такие же неудачные выступления чартистов и ирландцев произошли 29 мая и в Лондоне.

Несмотря на неудачи майских выступлений и арест руководителя движения, оставшиеся на свободе ирландские демократы продолжали готовиться к восстанию. Вместо закрытого «Юнайтед айришмен» стала выходить новая газета, демонстративно названная в честь осужденного Митчела «Айриш филон» («Ирландский государственный преступник»). Чартистская «Норсерн стар» («Северная звезда») писала 29 июня 1848 г., что статьи в «Айриш филон» «более похожи на прокламации, издаваемые.. в городе, из которого изгнаны вражеские войска, чем на статьи газеты, выходящей под королевской цензурой».

8 июля была опубликована большая статья Джемса Лалора «Кредо государственного преступника», в которой излагалась программа революционного крыла национального движения и критиковалось стремление официальных руководителей Конфедерации искать соглашения с британскими правящими кругами. Лалор заканчивал статью следующими словами: «Человечество еще станет хозяином земли. Право народа создавать законы — вот что вызвало первое великое современное землетрясение, скрытые колебания которого еще и сейчас чувствуются в глубинах общества. Право народов владеть землей — вот что вызовет следующее землетрясение».

Летом 1848 г. движение продолжало разрастаться, появлялись новые кубы, которые принимали названия, демонстративно свидетельствовавшие об их намерениях:

«Общество восстания», «Клуб государственного преступника», «Клуб 98-го года», «Клуб Эммета» и т.п. Из номера в номер газета печатала статьи Лалора, призывавшего крестьян к борьбе против лендлордов, к решительной битве за землю и свободу. Но и его выступлениям был скоро положен конец. В июле 1848 г. британские власти бросили тяжелобольного и почти ослепшего Лалора в каторжную тюрьму, где он и умер через год.

Кабинет министров принял экстренные репрессивные меры. С 24 июля были отменены гарантии личной безопасности (приостановлено действие Хабеас корпус акта). Начались массовые аресты, изымалось оружие. А совет Ирландской конфедерации все еще не решался начать открытую борьбу и посылал своих представителей в различные графства лишь «для выяснения обстановки».

Было очевидно, что в Дублине, куда прибыли из Англии новые контингента войск, любое выступление обречено на неудачу. Единственным возможным оставалось восстание в провинции. К этому решению совет Конфедерации пришел лишь после того, как стал известен приказ Дублинского замка об аресте всех официальных руководителей движения. В газетах были напечатаны приметы руководителей Конфедерации, за арест О'Брайена, Мигера, Диллона, Дохени и других была обещана большая награда. Только тогда было решено призвать народ к восстанию. Центром восстания был избран город Килкенни, удаленный от моря и недостижимый для военных кораблей. Здесь восставшие могли рассчитывать на поддержку 4—5 тыс. вооруженных конфедератов из ближайших городов. Но время уже было упущено.

Пока совет Конфедерации колебался, на местах начались разрозненные выступления. В Каррике и Уэксфилде появились баррикады, и правительственные войска были вытеснены за город. Активная роль принадлежала городской бедноте и рабочим. В ряде пролетарских кварталов Лимерика произошли столкновения с войсками. Однако это были отдельные, разрозненные вспышки.

О'Брайен, к которому стекались вооруженные конфедераты, переезжал из одного южного графства в другое. Тщетно некоторые члены совета пытались заставить его дать бой правительственным войскам, что послужило бы сигналом к общему выступлению. Но О'Брайен приказывал не нападать на английские войска и запрещал рубить деревья для баррикад без разрешения владельцев садов и парков.

В то же время высшее католическое духовенство, поддерживавшее Ассоциацию рипилеров, усилило свою агитацию против вооруженного восстания, воздействуя тем самым на религиозно настроенное крестьянство.

Руководители движения О'Брайен и его сторонники придерживались позиции, занимаемой ими с момента образования Ирландской конфедерации. Боязнь революционного выступления, стремление ограничить борьбу исключительно агитационными методами, неоднократные попытки заключить соглашение с той частью ирландской буржуазии и помещиков, которая находилась в союзе с английскими вигами, — таковы были характерные черты поведения официальных лидеров ирландских конфедератов. Они фактически отступили, как только дело дошло до решающего этапа движения. Последующие аресты и эмиграция лишили национальное движение его наиболее активной части.

Подавив восстание, английская полиция подвергла Ирландию «ограблению, осквернению, злодейским зверствам».

VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

Ирландия после 1848 г.

Социальное бедствие, обрушившееся на Ирландию в виде «великого голода», и политические потрясения, пережитые ею в 1848 г., глубоко отразились на положении страны в последующие годы. Ф.Энгельс, посетивший Ирландию в мае 1856 г., был поражен зрелищем всеобщей хозяйственной деградации и запустения, сочетавшихся с явными признаками полицейского произвола, социального, политического и духовного гнета, тяготевшего над ирландским народом. «Жандармы, попы, адвокаты, чиновники, дворяне-помещики в приятном изобилии, и полное отсутствие какой бы то ни было промышленности, так что трудно было бы понять, чем же живут все эти паразиты, если бы соответственную противоположность этому не являла собой нищета крестьян, — делился он своими впечатлениями с Марксом в письме от 23 мая 1856 г. — «Карательные мероприятия» видны повсюду, правительство суется во все; так называемого самоуправления нег и следа. Ирландию можно считать первой английской колонией, и притом колонией, которая, вследствие своей близости к метрополии, управляется еще непосредственно по старому методу...»

Однако ирландский народ не согнулся под тяжестью обрушившихся на него новых испытаний. Спад национально-освободительного движения оказался кратковременным.

Вскоре начался новый этап национально-освободительной борьбы. Этому содействовали экономические и социальные процессы, развернувшиеся в Ирландии с середины XIX столетия.

Аграрный переворот

Голод 1845—1847 гг., обескровивший население страны, привел к значительным демографическим сдвигам. Резко сократилась численность мелких арендаторов. Основа, на которой покоилась прежняя, и без того терпевшая кризис система кабальной нищенской аренды, была существенно подорвана. Эксплуататорские классы стали искать иные, более эффективные способы извлечения прибылей из своих ирландских владений. С другой стороны, с отменой хлебных законов (высоких пошлин на импорт заграничного зерна) в 1846 г. сбыт ирландского зерна на английском рынке утратил свои выгоды. Цены на зерно сильно понизились. В то же время резко возросли потребности в сырье для английский шерстяной и кожевенной промышленности, а также в мясных и молочных продуктах. Скотоводство становилось более перспективной и прибыльной отраслью сельского хозяйства для лендлордов и крупных арендаторов. В развитии его в Ирландии оказались заинтересованы и промышленные магнаты Англии, решавшие таким путем проблему дешевого сырья и понижения стоимости рабочей силы за счет удешевления массовых продуктов потребления.

В Ирландии начался интенсивный переход от мелкого земледельческого к крупному пастбищному хозяйству. Площади, отведенные под пшеницу, с 1849 по 1914 г. сократились с 697646 до 36913 акров, под овес — с 2061185 до 1028645 акров, под ячмень — с 290690 до 179824 акров. За это же время поголовье крупного рогатого скота увеличилось с 2771139 голов в 1849 г. до 5051645 в 1914 г., овец — с 1777111 голов до 3600581, свиней — с 793463 до 1303638, домашней птицы — с 6328001 до 26918749 штук.

Аграрный переворот был связан с переводом сельского хозяйства на новые, капиталистические рельсы. Процесс этот продолжался в течение всей второй половины XIX и начала XX столетия. Однако начальная его стадия, охватывавшая первые десятилетия этого периода, когда капиталистическая перестройка сельского хозяйства сопровождалась крутой ломкой старых социальных отношений, была особенно мучительной для крестьянских масс.

Колониальная Ирландия превращалась в скотоводческое ранчо метрополии путем концентрации земель в руках крупных землевладельцев за счет обезземеливания и фактического лишения средств к жизни целых поколений мелких арендаторов. В условиях аграрного переворота, подчеркивал Маркс, угнетение Ирландии английскими господствующими классами по существу приняло «истребительный характер», породив и более острые формы сопротивления.

Еще во время голода лендлорды использовали вынужденный уход бедняков в поисках пропитания для концентрации в своих руках заброшенных участков. Эта «очистка имений» еще более интенсивно продолжалась после голодных лет. Раньше к подобной практике лендлорды и земельные посредники прибегали в целях повышения платы или замены «строптивного» арендатора более покладистым. Теперь же она стала средством вытеснения непосредственных сельских производителей для того, чтобы заменить карликовое земледельческое хозяйство крупной скотоводческой экономией, а некоторую часть их самих превратить в наемных рабочих. Сгон арендаторов с земли нередко производился с помощью полицейских отрядов, сносивших жалкие жилища крестьян. Бывший арендатор и его семья в большинстве случаев сразу превращались в пауперов, так как все согнанные с земли не могли применить свой труд в пастбищном хозяйстве, а для скудной местной промышленности постоянно существовал избыток рабочих рук. Даже английская промышленность не обеспечивала занятость всей массы экспроприированных ирландцев, и для многих из них оставался единственный выход — переселиться за океан.

Массовая эмиграция из Ирландии, достигшая небывалых размеров уже в голодные годы, продолжалась и после этого. Лишь с мая 1851 по декабрь 1866 г. из Ирландии выехало свыше 1700 тыс. человек. Главный эмиграционный поток ирландцев направлялся в США и отчасти в Канаду. Уже в 1860 г. ирландцы составляли 38,9% всех эмигрантов в Соединенных Штатах Америки. Это была наиболее крупная из иммиграционных этнических групп.

Прибываете в США ирландские бедняки, лишённые средств для участия в освоении западных земель и, как правило, не имевшие технической квалификации, брались за любую, самую тяжелую работу. Их использовали в качестве землекопов при прорытии каналов, чернорабочих при сооружении железных дорог и на других стройках, портовых грузчиков, домашней прислуги, обслуживающего персонала гостиниц, питейных заведений, батраков на хлопковых плантациях Юга. Лишь немногим удавалось выбиться в ряды фермеров или городских буржуа средней руки. Сравнительно тонкий слой составляли эмигранты из ирландской интеллигенции — журналисты, адвокаты, преподаватели и т.д., многие из которых уезжали в Америку по политическим мотивам. Положение большинства ирландских переселенцев в США было крайне тяжелым. Возникавшие в крупных городах — Бостоне, Чикаго и т.д. — ирландские кварталы отличались особой скученностью и антисанитарией.

Проходившие в Америке суровую школу наемного труда, ирландцы не утрачивали связей со своей родиной. Многие из них продолжали жить ее интересами, сохраняя ненависть к угнетателям и стремясь внести свой вклад в борьбу за ее освобождение.

В результате эмиграции, сокращения рождаемости и ухудшения здоровья народа население Ирландии, возраставшее до середины XIX в., несмотря на всю тяжесть социальных условий, стало численно падать. Ирландия превратилась в одну из немногих (если не единственную) стран Европы с постоянной, систематической убылью населения. Общую динамику этого процесса выражают следующие данные, приведенные Марксом в I томе «Капитала»: в начале XIX в. в Ирландии проживало 5319867 человек, к 1841 г. численность ее населения достигла 8222664 человек, а к 1866 г. она упала до 5,5 млн., почти до уровня 1801 г. В 1911 г. в Ирландии оставалось всего 4390219 жителей — почти вдвое меньше, чем в 1841 г.

Аграрный переворот дал толчок расслоению крестьянства. В 1866 г. около 31800 зажиточных арендаторов (аренда свыше 100 акров земли) располагало 8209549 акрами, в то время как у 565828 остальных уцелевших еще к тому времени арендаторов земли было всего на 1/3 больше — 12110375 акров. Наблюдался и рост батрацкой аренды, что свидетельствовало о процессе формирования ирландского сельского пролетариата.

Образование и пополнение класса ирландской сельской буржуазии происходило и за счет разорения той части ирландского дворянства, которая не сумела приспособиться к новым условиям. Этому способствовали издававшиеся с 1849 г. акты о продаже обремененных долгами имений, согласно которым специальная палата производила продажу с аукциона имений задолжавших и неплатежеспособных помещиков. В результате часть дворянских земель перешла в руки представителей фермерской верхушки, а также ростовщических элементов — земельных посредников (мидлмэнов), ранее наживавшихся на сдаче земельных площадей в субаренду, а теперь начинавших обзаводиться собственным хозяйством. Однако эти новые земельные собственники составляли пока еще сравнительно небольшой слой сельской буржуазии. Ее главной массой являлись прежде всего зажиточные фермеры, арендовавшие крупные участки земли у аристократов.

Внутри класса лендлордов также происходили перемены. Ирландский сквайр прежнего типа, промотавшийся и обанкротившийся прожигатель жизни, сходил со сцены. Меньшую роль начинал играть и «отсутствующий лендлорд», т. е. проживавший в Англии крупный аристократ. На первый план среди крупных землевладельцев все больше выдвигался богатый помещик-скотовод, хозяйственный лендлорд.

Являясь формой капиталистического преобразования сельского хозяйства, аграрный переворот в ирландских условиях приобрел характер односторонней ломки аграрных отношений, сводившейся в основном к экспроприации мелких арендаторов. Крупное землевладение лендлордов, образовавшееся в результате колониального захвата ирландских земель, оказалось в целом непоколебленным, несмотря на частичный переход земельной собственности в руки местной сельской буржуазии. Аграрные преобразования не сопровождались ростом промышленного производства.

В Ирландии не существовало какой-либо крупной промышленности, за исключением судостроения, сосредоточенного в Белфасте. Но и эта отрасль долгое время развивалась на доиндустриальной основе, и лишь с 60-х годов XIX в. здесь стали строиться океанские суда из металлических конструкций. Располагая по меньшей мере 14 первоклассными по природным условиям гаванями, Ирландия обладала крайне примитивными портовыми сооружениями и торговым флотом, пригодным преимущественно лишь для каботажного плавания. Не многим лучше обстояло дело с железнодорожным транспортом, хотя потребность в дешевых перевозках скота стимулировала строительство здесь железных дорог. Их протяженность в 1867 г. составляла всего 1928 миль, менее 1/5 протяженности железнодорожной сети одной Англии, без Шотландии (10037 миль).

В легкой промышленности существенное развитие получило лишь производство льняных тканей, которые до середины XIX в. в основном изготавливались кустарным способом. Только в 1850 г. появился первый механический ткацкий станок. Однако с тех пор число льноткацких фабрик стало быстро расти, главным образом в Ольстере, в районе Белфаста. В 1860 г. их насчитывалось уже 100, а в 1868 г. — 143 с 51 тыс. занятых на них рабочих. Зато жалким образом выглядели другие отрасли текстильной промышленности. Производство шерстяных тканей резко сократилось в результате английской конкуренции еще в начале XIX в. В 1868 г. во всей Ирландии работало всего 13 хлопчатобумажных фабрик с 4203 занятыми на них рабочими, в то время как в хлопчатобумажной промышленности Англии и Уэльса действовало 2405, а в Шотландии 131 фабрика; число рабочих в этой отрасли в Англии и Уэльсе достигало 357052, а в Шотландии — 39809 человек.

Однобоко развивалась ирландская пищевая промышленность. На первом месте здесь стояло пивоварение (знаменитая фирма Гиннеса) и спиртоводочное производство. Промышленная обработка продуктов скотоводства получила слабое развитие, преобладал вывоз, преимущественно в Англию, живого скота. Лишь в последней четверти XIX в. стало налаживаться производство бекона, появились крупные — частные и кооперативные — маслобойни.

Промышленное развитие Ирландии тормозилось вследствие потребности в привозном топливе (каменный уголь), оборудовании, во многих случаях и в сырье (металл, хлопок и др.), а также получения кредитов у английских банкиров. Экономическая зависимость Ирландии от английского капитала все время возрастала.

Развитие сельского хозяйства — главной национальной отрасли производства Ирландии — получило односторонний характер. Английские эксплуататорские классы отвели Ирландии, отмечал Маркс, единственную роль в хозяйственной жизни — роль «страны овец и пастбищ для Англии».

Не затронув основ аристократического землевладения, аграрный переворот не устранил тем самым и пережитков феодализма в ирландском аграрном строе. Давно назревшая радикальная аграрная реформа в Ирландии искусственно тормозилась английскими правящими кругами, задерживавшими падение полуфеодальных институтов, ставших историческим анахронизмом.

Борьба крестьян против сгона с земли

Ответом крестьянских масс на «очистку имений» было усиление их стихийного движения против лендлордов, земельных посредников и местных властей. В середине XIX в. оно продолжало развиваться в традиционных формах, восходящих ко временам деятельности «белых ребят». В различных местностях страны возникали небольшие тайные организации крестьян, использующие заговорщический ритуал. Посылались угрожающие письма лендлордам, распорядившимся произвести сгон арендаторов, управляющим, мидлмэнам и зажиточным арендаторам, обнаружившим готовность взять участки сгоняемых или согнанных с земли бедняков. По отношению к наиболее ненавистным лицам совершались акты народной мести. Число этих «аграрных преступлений» — террористических актов, поджогов усадеб и крупных ферм и т.д. — с середины XIX в. постоянно росло. Особенно часто мятежные крестьяне стали теперь прибегать к угону и калечению скота, принадлежавшего крупным скотоводам.

Большая часть этих крестьянских тайных обществ действовала под именем «риббонитов» (от слова «ribbon» — лента зеленого цвета, которую они прикрепляли к одежде). Некоторые из них носили клички «белоногие», «черноногие», «люди капитана Скалы», «люди капитана Лунный свет» угрожающие предупреждения лендлордам в этих двух случаях подписывались: «кэптн Рок», «кэптн Мунлайт»).

При всей своей примитивности и локальной ограниченности крестьянские тайные организации сыграли важную роль в развертывании революционного движения в Ирландии. Они поддерживали традиции активного протеста среди ирландского крестьянства, что способствовало в дальнейшем участию крестьян в массовой борьбе

Попытки решить аграрный вопрос конституционным путем.

Лига защиты прав арендаторов

Пережитки докапиталистических отношений в аграрном строе Ирландии, неограниченный произвол крупных землевладельцев и юридическая беззащитность арендаторов мешали как буржуазным элементам деревни и города, так и зажиточным фермерам-арендаторам. Стремясь устранить эти препятствия для «свободного» развития капитализма, некоторые ирландские деятели давно вынашивали планы аграрной реформы. При этом сторонники политики умиротворения видели в аграрных преобразованиях буржуазного толка средство предотвращения революционной вспышки.

В начале августа 1850 г. в Дублине группой ирландских политических деятелей была основана Лига защиты прав арендаторов. Главным ее организатором был Чарлз Гаван Даффи, в прошлом видный деятель радикальной группы «Молодая Ирландия», редактор патриотического органа «Нация», издание которой он возобновил после событий 1848 г. Однако если и ранее Даффи принадлежал к умеренным элементам, не одобрявшим революционные методы борьбы за независимость Ирландии, то теперь он окончательно ограничил задачи ирландского движения частичными преобразованиями англо-ирландских отношений. Достичь этого Даффи надеялся путем создания в английском парламенте фракции ирландских «независимых депутатов», которая, используя соперничество между правящими партиями, добилась бы проведения соответствующих реформ.

Аграрная программа Лиги отвечала прогрессивным в ирландских условиях буржуазным принципам перестройки аграрных отношений. Она сводилась к требованиям, во-первых, запрещения произвольного расторжения арендных договоров лендлордами, увеличения срока аренды (в Ирландии нередко он равнялся всего одному году), выплаты компенсации за мелиоративные работы при аннулировании аренды или отказа продлить ее землевладельцами, во-вторых, установления «справедливой», основанной на определенной стоимостной оценке земли арендной платы, в-третьих, признания за арендатором права передавать аренду путем свободной продажи. Эти требования, получившие известность как **программа «три F» — «fixity of tenure» (прочность аренды), «fair rent» (справедливая арендная плата) и «free sale» (свободная продажа или отчуждение в другой форме участков арендаторами)**, — были поддержаны широкими кругами ирландского крестьянства. За них высказались не только католики-арендаторы, но и протестантские арендаторы Ольстера, имевшие много случаев убедиться в том, что и «ольстерский обычай» далеко не всегда гарантирует мелких фермеров от хищнических посягательств лендлордов.

Либеральная половинчатость руководителей Лиги сказалась прежде всего в применении тех тактических средств, с помощью которых они пытались провести программу в жизнь. Главные усилия были сосредоточены на участии в избирательной кампании. Лига готова была войти в контакт с кандидатами любой политической ориентации, обязывавшимися содействовать проведению аграрной реформы. На этой платформе она пошла на сближение с последышами обанкротившегося правого крыла рипплеров, с лидерами Ассоциации защиты католиков (адвокатом Кьюу, банкиром Садлером) — организации, в целом совершенно чуждой ее целям. Последняя была создана клерикальными буржуазно-помещичьими кругами и католическим духовенством, поддерживавшими притязания папы Пия IX назначать по своему усмотрению католических епископов для Британских островов.

На выборах 1852 г. Лига добилась известных успехов. Многие ирландские депутаты были избраны главным образом голосами ее сторонников. В парламент прошел и сам Даффи. В палате общин свыше 40 ирландских депутатов образовали так называемую независимую оппозицию, не примыкавшую ни к тори, ни к пилитам (отколовшейся от тори группе сторонников уступок промышленной буржуазии), ни к вигам. В декабре 1852 г., присоединившись к противникам торийского министерства Дерби—Дизраели, ирландская оппозиция способствовала его падению. Создалась ситуация, при которой голосами ирландцев можно было опрокинуть любой однопартийный кабинет. Это давало Даффи и его приверженцам надежду на проведение нового аграрного билля об урегулировании отношений между лендлордами и арендаторами.

Однако союз Лиги с ирландскими клерикальными парламентариями оказался непрочным. Правящим кругам Англии удалось нейтрализовать верхушку ирландской фракции («ирландской бригады», как ее продолжали называть). Кьюу, Садлер и другие были подкуплены назначением на второстепенные, но выгодные посты в коалиционном (пилиты и виги) кабинете Абердина «Независимая оппозиция» оказалась расколотой. Аграрный билль, и без того урезанный по сравнению с программой Лиги, подвергался пересмотру в интересах лендлордов на каждой парламентской инстанции, а после ряда проволочек был сдан в архив.

В то же время католические пастыри Ирландии, возглавляемые назначенными папой на высшие духовные должности ультрамонтанами, стали всемерно разжигать распри между католиками и протестантами. Католической иерархии вторили Кью, Садлер и другие политические дельцы, прозванные в народе «духовым оркестром римского папы». Главари реакционных протестантских организаций вроде магистра «Ордена оранжистов» отвечали антикатолической истерией. При этом как католические, так и протестантские реакционеры яростно обрушились на Лигу защиты прав арендаторов.

Сторонники Лиги отвечали разоблачениями продажности и предательства лидеров «ирландской бригады». На дополнительных выборах 1853 г. им удалось провалить кандидатуру Садлера. Однако основные цели Лиги не были достигнуты. Отчаявшись добиться хотя бы умеренной аграрной реформы, Даффи в 1855 г. сложил с себя парламентские полномочия и уехал в Австралию. Небольшая группа его сторонников в палате окончательно распалась в 1859 г.

Движение фениев

С конца 50-х годов в национальном движении Ирландии вновь возобладали революционные элементы. Эти сдвиги были обусловлены прежде всего аграрным переворотом и его влиянием на социальную обстановку в стране. Претерпевал изменение социальный состав участников национально-освободительной борьбы. Все более активную роль в ней начинали играть радикальные и демократические слои: мелкобуржуазная интеллигенция (учителя, журналисты, конторские служащие), рабочие, ремесленники и мелкие торговцы городов, а в деревне — батрацкие и полубатрацкие элементы. Именно на эти общественные силы опиралось движение фениев.

Инициаторами его были молодые участники революционных событий 1848 г., принадлежавшие к радикальному крылу Ирландской конфедерации. В противовес некоторым амнистированным деятелям 1848 г. (например, Смиту О'Брайену и др.), которые отреклись от идеи национально-освободительной революции, представители революционной молодежи не оставляли мысли о возобновлении борьбы за освобождение своей родины с оружием в руках. Одним из инициаторов возрождения революционного движения стал сын банковского клерка из Килкенни Джеймс Стефенс. 24-летним юношей он принял участие в восстании 1848 г., был ранен в схватке с солдатами и едва избежал ареста. Распространение слухов о его смерти и инсценировка похорон, устроенная отцом, помогли ему скрыться. Вместе с другим повстанцем, учителем Майклом Дохени, он в течение нескольких месяцев тайно жил в Ирландии, а затем эмигрировал во Францию. В Париже Стефенс сошелся с Джоном О'Махони, революционно настроенным ученым-кельтологом. Оба считали, что причиной поражения восстания 1848 г. являлось отсутствие у ирландцев политической военизированной организации. В создании такой организации по образцу французских, в том числе бланкистских, и итальянских тайных революционных обществ они видели необходимое условие успешной борьбы за независимость.

Дохени и О'Махони вскоре уехали в США с целью наладить революционную работу среди ирландских эмигрантов. Стефенс осенью 1853 г. совершил длительную поездку по Ирландии, подготавливая почву для основания революционной организации и вербуя сторонников. Разработанный им план предусматривал создание военизированной и строго законспирированной системы. Всем руководителям присваивались воинские звания — от сержанта до полковника, старший назначал нижестоящего. Члены организации приносили присягу. Имена их засекречивались: они должны были фигурировать под условной латинской буквой.

Стефенс и его соратники опирались на уцелевшие кое-где после распада Ирландской конфедерации местные клубы. Одним из первых шагов в этом направлении было превращение в 1856 г. литературного клуба в Скиберине (графство Корк в южной провинции Манстер) в тайное общество «Феникс». Название символизировало стремление возродить революционную борьбу.

Во главе его стал один из будущих руководителей фениев — Джеримая О'Донован, прозванный Россой (по названию его родного городка и цвету огненно-рыжих волос). Осенью 1858 г. общество «Феникс» было выдано полиции местным священником, узнавшим о его существовании на исповеди. Последовали аресты и судебный процесс. Один из лидеров был приговорен к десяти годам каторжной тюрьмы. Осужден был и О'Донован, но в результате общественного протеста в 1859 г. освобожден из тюрьмы.

Тем временем в США уже в 1854 г. была основана «Ассоциация памятника Эммету». Под «памятником», согласно предсмертной воле ирландского патриота, подразумевалось завоевание независимости Ирландии. К 1858 г. как в США, так и в самой Ирландии окончательно оформилась организация фениев. Кличка «фении» вела свое происхождение от легенд о воителях древней Ирландии, составлявших дружину героя ирландского эпоса Финна Мак-Кала. В ирландских анналах и памятниках древнего права фениями назывались вольные члены септов и кланов. В документах организации первоначально отсутствовало какое-либо официальное название. Говорилось о «нашем движении», «обществе», «братстве». Только в середине 60-х годов утвердилось наименование **Ирландское революционное братство, сокращенно ИРБ**. Многие участники движения расшифровывали эти буквы как Ирландское республиканское братство.

Хотя американских и ирландских фениев объединяла общая цель — освобождение Ирландии, в характере и формах их деятельности имелись существенные различия. У ирландской и американской ветвей Фенианского братства было по существу самостоятельное руководство. «Главным центром» американских фениев являлся О'Махони Стефенс признавался американскими фениями «главной исполнительной властью», «верховным организатором ирландской нации» и формально по своему положению ставился выше О'Махони. Но на деле соподчинение отсутствовало. В условиях США деятельность фениев была в значительной мере легальной. Они устраивали публичные собрания и митинги, созывали съезды, обсуждали многие свои дела в печати. Главной задачей они считали содействие освобождению Ирландии путем сбора денежных средств на нужды революционного движения, снабжения его участников оружием, подбора военных кадров. В Ирландии же фении действовали в основном подпольно. Непосредственно готовя восстание, они проводили секретное военное обучение, устраивали тайные военные сборы, нередко под видом присутствия на скачках, футбольных матчах и т.п., приобретали огнестрельное и изготавливали холодное оружие. Большое значение придавалось вербовке в организацию военных ирландского происхождения. Стефенсу и его соратникам удалось создать секции среди ирландцев, проживавших в Англии и Шотландии. В свою очередь американские фении распространили свою агитацию на ирландских эмигрантов в Канаде.

Структура ирландской организации фениев (окончательно она сложилась в начале 60-х годов) была сугубо конспиративной. Глава ее, Стефенс, был наделен диктаторской властью. Совет при нем состоял из семи «провинциальных центров» (для четырех провинций Ирландии, Северной и Южной Англии и Шотландии). «Провинциальным центрам» подчинялись «окружные центры». Первичной ячейкой являлся кружок из десяти человек. Кружки были связаны между собой только через руководителей. Для борьбы с провокаторами и предателями позднее был учрежден особый Комитет общественной безопасности. Специальные организаторы ведали «фабриками оружия», изготавливавшими по преимуществу пики, и мастерскими взрывчатых веществ.

Осенью 1858 г. Стефенс прибыл в США. Его пятимесячная пропагандистская поездка по различным штатам имела значительный успех. Однако Стефенсу не удалось вовлечь в ряды фенианского руководства таких ветеранов освободительной борьбы, как Мигер и Митчел (последний бежал в Америку с тасманийской каторги). Оба революционных деятеля отнеслись с недоверием к заговорщическим планам фениев.

Тем не менее известную поддержку их движению они оказали. Митчел, находясь впоследствии в Париже, выполнял некоторые их поручения, Мигер возглавил ирландскую бригаду в период Гражданской войны в США, состоявшую почти сплошь из фениев.

Когда в апреле 1861 г. началась эта грандиозная, продолжавшаяся до весны 1865 г. битва прогрессивных сил американского народа против рабовладельческой системы южных штатов, тысячи ирландцев пошли добровольцами в армию Севера. Были сформированы специальные ирландские подразделения. Некоторая часть проживавших на территории юга ирландцев была мобилизована в армию Южной конфедерации или завербовалась в нее, поддавшись демагогической пропаганде южан. Но независимо от того, на чьей стороне им довелось воевать, ирландские участники Гражданской войны стремились использовать приобретенный военный опыт для будущей борьбы за освобождение своей родной Ирландии. Фении надеялись, что дипломатические осложнения между правительством Линкольна и английскими правящими кругами, оказывавшими всяческую поддержку южным мятежникам, перерастут в военный конфликт, и это создаст благоприятные условия для вооруженного выступления в самой Ирландии.

В годы Гражданской войны агитация американских фениев за национальное освобождение Ирландии неустанно продолжалась. По их инициативе была проведена и публичная манифестация в самой Ирландии. Поводом послужила смерть весной 1861 г. в Сан-Франциско участника ирландского восстания 1848 г. Теренса Белью Мак-Мануса. Фении решили перевезти его останки в Ирландию и организовать там торжественные похороны. Гроб с прахом Мак-Мануса в середине сентября с побережья Тихого океана был доставлен в Нью-Йорк, а затем на специально зафрахтованном судне привезен в конце октября в Корк. Здесь, несмотря на противодействие католического духовенства, обрушившегося с церковными проклятиями на участников тайных обществ, он был провезен по всем главным улицам города и отправлен поездом в Дублин. По дороге на всех станциях собирались толпы людей, многие приходили с оружием. 10 ноября 1861 г. состоялись похороны Мак-Мануса на Гласневинском кладбище в Дублине. За гробом шло не менее 5000 фениев.

Стремление придать движению более массовый характер отразилось на съезде американских фениев, созванном в октябре 1863 г. в Чикаго. Съезд открыто объявил целью движения провозглашение независимой Ирландской республики. Был даже утвержден ее государственный флаг. В структуру организации вносились известные демократические элементы. «Главный центр», пользовавшийся ранее неограниченными полномочиями, подлежал теперь избранию съездами. Наряду с ним съезд избрал полноправный Центральный совет. В 1865 г. на съезде в Филадельфии была сделана попытка построить фенианскую организацию по образцу государственного устройства США, но вскоре от этой идеи американские фении отказались.

В 1865 г. в США действовало 613 местных организаций фениев, насчитывавших в целом около 184000 членов. Внутри движения, однако, продолжали жить традиции заговорщических обществ, нашедшие здесь выражение в тяготении к авантюристическим тактическим формам борьбы. О'Махони и его сторонникам, больше других склонявшимся к агитации в массах, противостояли «люди действия», не считавшиеся с обстановкой и требовавшие немедленных военных акций.

В самой Ирландии по-прежнему преобладали заговорщические тенденции, хотя объективное развитие движения нередко побуждало его лидеров искать пути обращения к массам.

Таким образом, к середине 60-х годов фенианство окончательно сложилось как политическое течение. В социальном отношении оно не было однородным, объективно выражая чаяния наиболее радикальных элементов национальной буржуазии, и в первую очередь мелкобуржуазных слоев ирландского города и деревни, а также не отделившегося еще тогда от них ирландского пролетариата.

Фении выступили знаменосцами борьбы за требование, в котором в то время концентрировались интересы всех прогрессивных классов ирландской нации, а именно полного освобождения Ирландии от господства английских землевладельцев и капиталистов. Как мелкобуржуазные революционеры народнического толка, фении не отличались четкостью и выдержанностью идейных позиций. Им в той или иной степени были свойственны национальная ограниченность, политические блуждания, догматизм и узость в выборе тактических средств борьбы. Не все лидеры движения ясно представляли себе будущее политического устройства независимого ирландского государства. Существовал даже проект провозглашения Ирландии монархией во главе с французским маршалом Мак-Магоном в качестве основателя национальной династии. В брошюре «О будущем ирландском государстве» (1863 г.) Стефенс склонялся к введению президентской республики с пожизненным президентом. Однако большинство фениев стояли за перенесение на ирландскую почву более демократичных республиканских учреждений США.

Одним из проявлений национализма фениев было индифферентное отношение к борьбе английского рабочего класса за радикальную парламентскую реформу, от которой не могла не выиграть и Ирландия. Здесь фении отошли от традиции ирландского революционного демократа Митчела, понимавшего значение союза борцов за независимость Ирландии с английскими чартистами. Отсутствовала у фениев и разработанная программа по аграрному вопросу, хотя провозглашенное ими требование ликвидации английского господства объективно открывало путь к революционным преобразованиям в аграрном строе. Весьма затрудняла создание массовой базы движения и заговорщическая тактика руководителей фениев.

И тем не менее, несмотря на все его слабости, движение фениев явилось важной ступенью в развитии национально-освободительной борьбы ирландского народа. Фении вновь, после поражения восстания 1848 г., направили национальное движение в революционное русло, доказав порочность либеральной половинчатости. Своей деятельностью они способствовали также размежеванию с клерикальными элементами. Достижением фениев было создание революционной организации, приспособленной к действиям в нелегальных условиях.

Характеризуя сильные стороны фенианства, Маркс указывал на его связь с социальным протестом ирландского крестьянства против сгона с земли. Именно поэтому движение фениев «пустило корни в народных массах, в низших классах». Маркс отмечал также антиклерикальные тенденции движения фениев, его разрыв с соглашательским парламентаризмом о'коннеловского типа, республиканские устремления, широкую сферу его распространения, охватывающую Ирландию, Америку и Англию.

«Ирландский народ». Репрессии против фениев

С 28 ноября 1863 г. в Дублине начала выходить газета «Айриш пипл» («Ирландский народ»). Ее издание свидетельствовало о том, что, несмотря на заговорщическую атмосферу, руководители движения почувствовали потребность открытого общения с массами через печать. В США фении располагали рядом органов печати. Налаживание же регулярного выпуска легальной революционной газеты в Ирландии, где английские власти поддерживали полицейский режим, требовало значительно больших усилий и способностей. В редакционный штаб вошли видные лидеры фенианского движения. Главным редактором официально числился Стефенс, но вскоре руководство ее фактически сосредоточилось в руках остальных редакторов — Томаса Кларка Лаби, Джона О'Лири, Чарлза Джозефа Кикема. Административными делами ведал О'Донован Росса. Редакция «Ирландского народа» выполняла не только издательские функции. Она сделалась по существу одним из руководящих центров фениев, организатором их конспиративных совещаний, хранительницей архива, в ее помещении находился даже один из тайных складов оружия.

Статьи, публиковавшиеся в газете, отражали программные и тактические принципы движения фениев. Они показывали, что их требование установления независимой Ирландской республики имело социальную подоплеку. «Ирландский народ» обличал не только политическое, но и социальное угнетение ирландских масс, систему лендлордизма. Сгон арендаторов с земли, подчеркивала газета, является результатом заговора правительства и крупных землевладельцев, грозящего Ирландии национальной катастрофой.

Через многие номера проводилась мысль о завоевании независимости революционным путем как единственном способе избавления ирландского народа от социальных бедствий. У Ирландии «больше нет другого выбора либо искоренение, либо свобода», — говорилось в статье «Сейчас или никогда», напечатанной 12 декабря 1863 г. Позднее газета писала: «Наша прекрасная и плодородная земля превратится в иноземную пастбищную ферму, а остатки нашей нации станут рассеянными по всему миру бродягами и париями, если с английским господством над Ирландией не будет покончено. Революция — вот наша единственная надежда». Никакие реформы, проводимые английским парламентом, никакие аграрные билли не смогут прекратить обезземеление ирландских крестьян и создать условия для развития ирландской промышленности, разоряемой английской конкуренцией, — указывала газета 19 декабря 1863 г. в статье, автором которой был Лаби. Вообще, подчеркивал он, добиваться улучшений для Ирландии при сохранении английского господства — значит ставить телегу впереди лошади. Любой акт, проведенный чужеземным законодательством, неизбежно будет надувательством. Утвердить крестьянскую собственность в Ирландии может только независимый ирландский законодательный орган. Нельзя ждать освободительных актов и от местных капиталистов и лендлордов. «Это — иноземный гарнизон в нашей стране, существование которого служит преградой для ее процветания... Всякая попытка сделать из них ирландских националистов столь же рациональна и практически осуществима, как попытка заставить гиену играть роль комнатной болонки».

В то же время расплывчатый, недифференцированный подход фениев к самому понятию «народ», вера в чудодейственную силу крестьянской парцеллы свидетельствовали о мелкобуржуазной природе их мировоззрения.

На страницах «Ирландского народа» фении вели страстную полемику с представителями ирландского либерального конституционализма, в частности с А.-М.Салливаном, Диллоном, Смитом О'Брайеном, который, кстати, публично раскаялся в своем участии в революции 1848 г. В ответ на обвинения своих оппонентов в приверженности к насилию фении разоблачали методы парламентского лавирования либералов, доказывали несостоятельность этой тактики на примере провала Лиги защиты прав арендаторов.

Разумеется, в ориентации фениев исключительно на вооруженное восстание в известной мере проявился сектантский отказ от использования других средств борьбы за независимость, в том числе парламентской трибуны, а также непонимание того, что выбор тактических средств определяется конкретной ситуацией. Однако в такой момент, когда национальное движение особенно страдало от конституционных иллюзий, от деморализующего влияния соглашательского курса либералов, пропаганда фениями революционного образа действий, их идея национальной революции имели весьма позитивное значение.

Газета «Ирландский народ» опровергала инсинуации в адрес фениев ирландского высшего духовенства, разоблачая его псевдопатриотизм. В то же время фении заявляли о своей верности католической религии. Это религиозное чувство иногда увлекало ирландских революционеров на ложный путь. Некоторые из них, например, осудили гарибальдийцев за то, что их действия угрожали светской власти римского папы. В 1871 г., находясь в США, О'Донован Росса неодобрительно отзывался о парижских коммунарах, главным образом за расстрел — в ответ на зверства версальцев — нескольких заложников, в том числе парижского архиепископа. В целом же фении проявляли солидарность с революционным движением других стран, особенно с борцами за национальную независимость. В 1863 г. «Ирландский народ» горячо приветствовал участников польского восстания.

Революционный тон газеты, ее большой тираж (до 30 тыс. экземпляров) чрезвычайно обеспокоили английские власти. Полицейская акция против нее была подготовлена с помощью провокаторов, одному из которых, учителю Наглу, удалось в качестве служащего проникнуть в издательский аппарат.

В ночь с 15 на 16 сентября 1865 г. полиция ворвалась в помещение редакции, конфисковав все ее имущество. В Дублине, а вслед за тем в Корке были произведены массовые аресты фениев. Лаби, О'Лири, О'Донован Росса оказались за решеткой. Через два месяца в предместье Дублина был арестован Стефенс, а вместе с ним и Кикем. Процесс над лидерами фениев был назначен на конец ноября 1865 г. Но за два дня до предстоящего открытия судебных заседаний Стефенс совершил побег из Ричмондской тюрьмы, среди надзирателей которой фении имели своих сторонников.

Судебная расправа с остальными арестованными фениями не замедлила последовать. Председателем суда, начавшего 2 декабря 1865 г. рассмотрение дела редакторов и сотрудников «Ирландского народа», был бывший лидер «ирландской бригады» Кью. В качестве одного из свидетелей выступал предатель Нагл. Несмотря на блестящую защиту, проведенную адвокатом Исааком Баттом, будущим основателем Лиги гомруля, все обвиняемые были осуждены как государственные преступники. Тот же состав суда особо рассматривал дело О'Донована Россы, отказавшегося от адвоката. На суде Росса применил обструкцию, которой позднее ирландские деятели стали широко пользоваться в парламенте. Судьи и присяжные были прямо-таки взбешены поведением обвиняемого, часами невозмутимо зачитывавшего протоколы Чикагского съезда фениев, различные документы, статьи из «Ирландского народа», в том числе те, в которых разоблачались неблагоприятные поступки в прошлом председателя суда. Росса устроил настоящий допрос «свидетелю» Наглу, изобличив его как платного агента полиции. Суровость приговоров фениям ошеломила даже английскую публику. О'Донован Росса был приговорен к пожизненному заключению в каторжной тюрьме, Лаби и О'Лири — к 20 годам, Кикем — к 15 годам, остальные — на сроки от 10 до 2 лет тюремного заключения.

Восстание 1867 г.

Одним из последствий разгрома «Ирландского народа» было усиление сектантско-авантюристических тенденций в фенианском движении. Сторонники немедленного восстания стали все больше оттеснять наиболее трезвых руководителей. Усилились разногласия среди американских фениев. У.-Р.Робертс и другие «люди действия» выдвинули план вторжения в Канаду с целью спровоцировать войну между Англией и США. О'Махони решительно возражал против этого плана. В Фенианском братстве в Америке произошел раскол. Однако и сам О'Махони санкционировал другое авантюристическое предприятие — попытку высадки на расположенном у северо-восточного побережья США острове Кампо-белло (находился в частном владении) и провозглашения на его территории Ирландской республики с дальнейшим использованием острова как базы для военно-морских операций против Англии. Посланная в Кампо-белло в апреле 1866 г. экспедиция фениев потерпела полную неудачу.

«Партия Робертса» в свою очередь в конце мая 1866 г. отправила отряд вооруженных фениев во главе с молодым офицером О'Нилом в Канаду. Отряд перешел границу в районе Ниагары у Буффало. Фении захватили пограничный военный форт, перерезали телеграфные провода и разрушили железнодорожный мост, чтобы затруднить передвижение канадским гарнизонам, и даже нанесли поражение высланному против них усиленному батальону. Но приближение новых частей противника заставило отряд, не имевший артиллерии и достаточных боеприпасов и не дождавшийся подкреплений, спешно отступить на американскую территорию, где участники экспедиции были арестованы местными властями.

Провал этой авантюры не помешал сторонникам Робертса предпринять в мае 1870 г. и в апреле 1871 г. новые попытки вторгнуться на канадскую территорию, окончившиеся столь же безуспешно.

Идею освобождения Ирландии путем военного набега на Канаду не разделяли даже многие сторонники немедленных действий. Они жаждали начать вооруженную борьбу на самой ирландской почве. От Стефенса требовали ускорить выступление. Особенно настаивали на этом прибывшие еще в 1865 г. в Ирландию офицеры — участники Гражданской войны. Среди них выделялся Томас Келли, один из организаторов побега Стефенса из Ричмондской тюрьмы. В начале 1866 г. Стефенсу с большим трудом удалось добиться перенесения срока восстания на три месяца. Но вскоре со стороны правительства последовал новый удар, расстроивший планы фенианского руководства. 17 февраля 1866 г. в Ирландии был отменен Хабеас корпус акт. Снова начались повальные аресты участников движения. Ненадежные воинские части, подозреваемые в связях с фениями, были выведены из Ирландии.

В мае 1866 г. Стефенс вновь приехал в США с целью восстановления единства среди американских фениев. Ему не удалось ликвидировать раскол, но с помощью Келли он добился известного сплочения сторонников «ирландского варианта» восстания. Сам он сменил ушедшего в отставку О'Махони на посту «главного центра» и в американской организации. Однако неуверенность Стефенса в успехе восстания, его стремление отложить его вызывали растущее недовольство военных руководителей. 21 декабря 1866 г. произошло бурное объяснение, в результате которого на следующий же день Стефенс был смещен. Руководство подготовкой восстания целиком сосредоточилось в руках Келли, ставшего «главным центром», и других военных.

Восстание было назначено на 11 февраля 1867 г. План его был разработан с помощью французского республиканца Гюстава Кюзере, будущего военного делегата Парижской коммуны. Предусматривалось одновременное выступление в ряде графств Ирландии, образование подвижных повстанческих отрядов, базирующихся в неприступных местностях, развертывание партизанской войны, пока какое-нибудь международное осложнение или помощь со стороны американского флота не позволят перейти к военным действиям более крупного масштаба. В случае если повстанцам удалось бы образовать крупное воинское соединение, Кюзере выразил согласие его возглавить. Сигналом к восстанию должны были послужить захват арсенала в Честерском замке (Северо-Западная Англия) и быстрая доставка оттуда оружия к берегам Ирландии.

Однако подготовка этой операции и дальнейшие намерения фениев стали известны английским властям через провокатора Коридона, и охрана Честерского замка была усилена. Собравшиеся для нападения на него фении вынуждены были поспешно скрыться. Руководители решили перенести срок выступления на 5 марта, но это решение не удалось довести до сведения всех местных организаторов восстания, и в графстве Керри, например, оно было поднято преждевременно. Здесь отряд фениев совершил успешное нападение на помещение береговой охраны и на полицейский патруль. Однако, не получив известий о выступлении в других местах, фении рассеялись.

Поскольку у фениев не было прочных связей с массами, их выступление 5 марта 1867 г. не вызвало широкого отклика среди населения. Им не удалось создать крупные повстанческие отряды, действовавшие по общему плану. Восстание свелось к разрозненным, локальным вооруженным выступлениям в 11 восточных и южных графствах, в том числе в графствах Дублин, Килдар, Килкенни, Уотерфорд, Типперэри, Клер, Лимерик и Корк. Восставшие захватили несколько полицейских казарм и участков. В графстве Лимерик им даже удалось на короткое время овладеть г. Киллмалок. Но существенных результатов повстанцы не достигли. Во многих местах их атаки были отбиты полицией и войсками. Многие из участников восстания были схвачены, некоторым удалось избежать ареста.

Спустя месяц после подавления восстания, 12 апреля, у западного побережья (графство Слайго) появилась бригантина «Джолимер», в пути из Америки переименованная в «Надежду Ирландии», с оружием для повстанцев. Однако выгрузить оружие не удалось, а высадившихся нескольких американских фениев власти арестовали.

Расправа с повстанцами была суровой. Из 169 арестованных только 7 было помиловано. Больше половины из них были приговорены к долгосрочной каторге, остальные — к заключению в тюрьмах.

«Манчестерские мученики»

После поражения восстания в фенианской организации усилились разброд и разногласия. Пытаясь их преодолеть, собравшийся в начале сентября 1867 г. съезд в Кливленде решил предложить пост председателя Фенианского братства Митчелу, который отказался его принять, осудив заговорщическую тактику фениев В Ирландии и Англии попытки восстановить единство предпринимал Келли, прибыв с этой целью в Ланкашир, где проживало много ирландцев. 11 сентября 1867 г. он был вместе со своим помощником Тимоти Дизи схвачен полицией в Манчестере

18 сентября, днем, когда тюремная карета, в которой среди других заключенных находились Келли и Дизи, проезжала, возвращаясь из следственного полицейского суда в тюрьму, под железнодорожным мостом, группа вооруженных фениев совершила на нее нападение. Обратив в бегство охрану, фении освободили заключенных. Взламывая дверь, один из участников нападения выстрелил в замочную скважину. Пуля смертельно ранила находившегося внутри сержанта полиции.

Власти города начали настоящую охоту на фениев. В Манчестере и окрестностях хватали всех заподозренных. За несколько дней было арестовано свыше 50 человек. 26 заключенных, среди которых преобладали ирландские рабочие, были преданы суду по обвинению в преднамеренном убийстве и мятеже.

Масштабы репрессий, явная пристрастность полицейских и судебных властей вызвали сочувствие к фениям радикальных кругов. Защиту обвиняемых взяли на себя несколько известных своим свободомыслием английских адвокатов. Готовность выступить защитником выразил бывший лидер левого крыла чартизма Эрнест Джонс, не раз солидаризировавшийся с угнетенной Ирландией.

28 октября началось слушание дела, а 13 ноября был объявлен приговор. Из 26 обвиняемых пятеро — Уильям Филипп Аллен, Майкл Ларкин, Майкл О'Брайен, Эдвард Кондон и Томас Мегвайр были приговорены к смертной казни, семеро — к каторжной тюрьме, остальные либо к менее длительным срокам тюремного заключения, либо оправданы.

Генеральный Совет Первого Интернационала охарактеризовал приговор как акт «политической мести». На суде так и не было доказано, кем был произведен роковой выстрел, случайно убивший полицейского сержанта. Один из приговоренных, Ларкин, вообще не участвовал в нападении на тюремную карету. И тем не менее, несмотря на многочисленные протесты против готовящегося политического убийства, высшие судебные инстанции помиловали только Мегвайра; Кондону, как подданному США, по ходатайству американских властей заменили смертную казнь пожизненным заключением. Для остальных смертный приговор был оставлен в силе.

23 ноября 1867 г. состоялась публичная казнь. Эшафот был установлен на стене тюрьмы перед площадью, на которой собралась большая толпа народа. И на суде

И во время казни осужденные держались с редким мужеством. В своих предсмертных письмах они заявили, что готовы умереть во имя освобождения своей родины. «Я уверен, — гневно сказал на процессе О'Брайен, — что моя кровь с умноженной во сто крат силой падет на тиранов, считающих уместным подобный акт насилия».

Реакция общественного мнения на казнь была чрезвычайно бурной. В Ирландии был объявлен национальный траур. Повсюду устраивались панихиды, митинги, манифестации. Особенно внушительная демонстрация была организована 8 декабря 1867 г. в Дублине. Под звуки траурного марша процессия в 60 тыс. человек провезла через весь город по заполненным народом улицам три пустых гроба.

Манчестерская трагедия пробудила сочувствие к борцам против угнетения Ирландии и среди широких слоев английского народа. Однако сами фении не воспользовались наметившимся переломом в настроении английских масс. Движение фениев все больше направлялось их лидерами на путь, далекий от массовой борьбы. Их деятельность стала сводиться к организации диверсионных и террористических актов.

13 декабря 1867 г. группа фениев произвела взрыв в стене лондонской Клеркенуэллской тюрьмы, чтобы дать возможность совершавшим в это время прогулку ирландским заключенным бежать через пролом. Взрыв большой силы повредил и расположенные поблизости постройки. Несколько человек было убито, около 120, в том числе женщины и дети, получили ранения. Но побег заключенных не удался, так как предупреденное тюремное начальство не выпустило в этот день узников на дневную прогулку. Клеркенуэллская акция нанесла ущерб фенианскому движению. Она дала пищу для неистовых выпадов против фениев буржуазной печати.

Движение за амнистию ирландским заключенным

Энергия масс, пробуждению которой способствовали фении, искала выхода в более эффективных формах проявления народного недовольства. Одной из таких форм сделалась массовая кампания за амнистию ирландским заключенным, распространившаяся и на Англию. В течение нескольких лет в различных городах созывались собрания и митинги, выдвигавшие требования освобождения ирландских революционеров. Производились сборы средств в пользу заключенных и их семей. В печати и на собраниях распространялись сведения о тяжелых условиях, в которых находились узники, об обращении с ними как с закоренелыми уголовными преступниками. В многочисленных петициях от правительства требовали назначения комиссии для расследования положения в тюрьмах.

Во многих местах создавались комитеты борьбы за амнистию. В 1868 г. была основана общеирландская Ассоциация борьбы за амнистию, возглавляемая Исааком Баттом.

Движение за амнистию приобрело характер протеста против карательной политики английских правящих классов и солидарности с ирландскими революционерами. В этом смысле показательно было избрание «политического каторжанина» О'Донована Россы в палату общин на дополнительных выборах в графстве Типперэри 25 ноября 1869 г. Результаты выборов были, разумеется, аннулированы, но сам этот факт был равносителен открытому вызову угнетателям Ирландии. Энгельс надеялся, что успех заставит фениев «отказаться от бесплодного конспирирования и фабрикации мелких путчей ради практической деятельности такого рода, которая, несмотря на кажущуюся легальность, несравненно революционнее всего, совершенного ими со времени их неудачного восстания». Однако фенианское руководство не сумело извлечь из выборов в Типперэри должных уроков.

Накаленная обстановка в Ирландии заставила английские правящие круги, как это уже не раз бывало, прибегнуть наряду с репрессиями к более гибким способам «умиротворения» страны — реформам и мелким по дачкам. Провозвестником этой «новой» политики выступил лидер либералов Гладстон, заявивший во время выборов 1868 г.: «Моя миссия — успокоить Ирландию».

Придя к власти, Гладстон в 1869 г. с большой помпой провел церковный билль для Ирландии, ликвидировавший привилегии англиканской церкви и поставивший ее в отношении правового положения и финансирования на равную ногу с католической и пресвитерианской. В 1870 г. был принят земельный акт. Закон вводил некоторые, легко преодолимые лендлордами юридические ограничения сгона с земли арендаторов. Для этого теперь требовалось постановление суда, удостоверившегося в том, что арендатор не выполняет своих обязательств.

Установив правило о выплате сгоняемым арендаторам известной компенсации за мелиоративные работы, закон обходил вопрос о размерах арендной платы, продолжавшей зависеть от произвола лендлордов. В целом акт свидетельствовал о намерении английских либералов по возможности затормозить проведение назревших аграрных преобразований, осуществляя их мелкими дозами, сохраняя все, что только можно было сохранить, в интересах крупных землевладельцев.

Не отказался Гладстон и от сочетания уступок с полицейскими мерами, от той политики, которая в Ирландии образно называлась «политикой затрещин и полупенсов». Проведению земельного билля он предпослал новый исключительный закон для Ирландии. Предвыборные обещания амнистии были забыты. Филантроп и гуманист на словах, Гладстон медлил с ее объявлением, обставлял унижительными для ирландских политических заключенных условиями, требуя от них публичного покаяния и отказа от участия в национально-освободительной борьбе.

И все же правительство Гладстона не смогло воздвигнуть достаточно прочные барьеры, которые оградили бы его от возрастающего давления народных масс в вопросе об амнистии. В этой борьбе ирландское национально-освободительное движение обрело надежного союзника в лице руководимого Марксом Международного Товарищества Рабочих.

Первый Интернационал и борьба за независимость Ирландии. Ирландские секции Международного Товарищества Рабочих

Первая в истории массовая международная организация пролетариата выступила знаменосцем интернациональной солидарности английского и международного рабочего класса с борющейся Ирландией. Маркс, руководя Генеральным Советом Интернационала, прилагал все усилия к тому, чтобы немецкие рабочие выступили в поддержку движения за независимость Ирландии, стремился пробудить у них симпатии к фениям, преодолеть великодержавные, шовинистические предрассудки, которыми особенно были заражены реформистские лидеры тред-юнионов.

Свою интернационалистскую позицию Генеральный Совет подкреплял конкретными делами. 20 февраля 1866 г. Генеральный Совет направил делегацию к министру внутренних дел с требованием произвести расследование режима в Пентонвиллской каторжной тюрьме, где томилось много ирландских заключенных. Во время манчестерского процесса осенью 1867 г. руководство Интернационала через своих представителей в Лиге реформы организовывало митинги протеста против судебной расправы над фениями. Обращением в министерство внутренних дел, принятым на чрезвычайном заседании 20 ноября 1867 г., Генеральный Совет пытался остановить руку палача, занесенную над тремя осужденными фениями.

19 и 26 ноября 1867 г. Генеральный Совет провел публичную дискуссию по вопросу об отношении к фенианскому движению. В своих выступлениях члены Совета Лесснер, Юнг, Дюпон, Морган, Уэстон, Фоке дали отпор попыткам буржуазных радикалов и разделявших их точку зрения тред-юнионистов Лекрафта, Оджера и др. опорочить фенианство, осудить его представителей за проповедь принципа «физической силы». Угнетенный народ, подчеркивали ораторы, имеет право отвечать на гнет и произвол революционным насилием. «Те английские рабочие, которые осуждают фениев, — говорил Эжен Дюпон, — совершают нечто большее, чем просто ошибку, ибо у обоих народов одно и то же дело, они должны побороть одного и того же врага — земельную аристократию и капиталистов».

16 декабря 1867 г. с докладом по ирландскому вопросу в Лондонском просветительном обществе немецких рабочих (секции Интернационала) выступил Карл Маркс. Он всесторонне обосновал позицию Генерального Совета, раскрыл классовые корни угнетения Ирландии Англией и его тяжелые последствия, показал подлинно освободительный, революционный характер движения фениев.

В качестве программы английского рабочего класса Маркс выдвигал требования отмены англо-ирландской принудительной унии, предоставление Ирландии полной независимости, право самой решать вопрос отделиться ли от Англии или остановить с ней федеративные отношения. Английские рабочие должны поддержать и аграрную революцию, готовую вспыхнуть в Ирландии, а также меры защиты национальной экономики от английской конкуренции

В Англии Генеральный Совет был подлинной душой кампании за амнистию ирландским заключенным. При активном участии членов Совета в Лондоне 24 октября 1869 г. была проведена 200-тысячная демонстрация под лозунгами. «Справедливость для Ирландии», «Свободу ирландским заключенным!» В связи с кампанией в Совете в ноябре этого года была проведена новая дискуссия по ирландскому вопросу. В ходе ее Маркс и его соратники Юнг, Эккартс, бывший чартист, ирландец Милнер дали бой Оджеру и другим либеральным тред-юнионистам, пытавшимся взять под защиту ирландскую политику Гладстона. Маркс доказывал, что колонизаторская и угнетательская сущность английского управления Ирландией остается неизменной, независимо от того, осуществляется ли оно консерваторами или более гибкими либералами, политика которых еще коварнее, так как она маскирует насилие фальшивыми обещаниями Резолюция, принятая Советом, была напечатана не только в рабочей печати Англии, но и в органах Интернационала на континенте.

Маркс использовал эти органы, а также европейскую демократическую печать для того, чтобы придать кампании в защиту ирландских революционеров международный размах. Он опубликовал в немецкой социалистической газете «Фольксштаат» и в бельгийской «Интернациональ» материал, разоблачающий полицейскую расправу с фениями В марте—апреле 1870 г. целая серия разоблачительных статей на эту тему появилась в парижской газете «Марсейез» за подписью Дж.Уильямса (псевдоним старшей дочери Маркса — Женни). Факты свирепого обращения с ирландскими заключенными получили широкую огласку. Правительство либералов не смогло далее противиться напору общественного мнения. Было проведено инспектирование тюрем, подтвердившее разоблачения левой печати. В 1871 г. значительная часть ирландских заключенных была амнистирована. Большинство из них уехало в США.

Выступления Генерального Совета Первого Интернационала в поддержку национально-освободительного Движения Ирландии привлекли внимание к Интернационалу многих ирландцев. Ряд видных фениев, в том числе Стефенс, заявили о своем желании присоединиться к Интернационалу. Особенную тягу к нему обнаружили ирландские рабочие. С 1869 г. стали создаваться ирландские секции Международного Товарищества Рабочих — показатель пробуждения классового сознания ирландского пролетариата.

Этот процесс был сильно затруднен экономической отсталостью страны, полуремесленной структурой ирландской промышленности, эмиграцией трудящихся, аполитичностью и цеховой замкнутостью ирландских тред-юнионов. И все же боевой дух ирландских рабочих находил выход. Так, еще до основания Интернационала, в 1858—1860 гг., в Ирландии происходили серьезные волнения среди подмастерьев и учеников пекарей, добивавшихся отмены ночной работы. Устраивались стачки и в других отраслях. В Англии и США ирландские рабочие составляли значительный отряд пролетариев, и, хотя многие из них не принадлежали к категории квалифицированных и не были организованы в тред-юнионы, они активно участвовали в стачках и в массовых кампаниях

Первые секции Интернационала в Дублине и Корке просуществовали недолго. Но в 1871 г. в этих городах были созданы более стабильные секции и началось их повсеместное образование как в Ирландии, так и в промышленных центрах Англии и США. В Лондоне действовали четыре ирландские секции; были основаны секции в Ливерпуле, Шеффилде, Мидлсбро и других местах Генеральный Совет учредил должность секретаря-корреспондента для Ирландии, на которую был избран ирландский рабочий, один из организаторов кампании за амнистию Джозеф Патрик Мак-Доннел.

В апреле 1872 г. он провел в Лондоне конференцию представителей ирландских секций. Секция в Корке в контакте с местным тред-юнионом организовала весной 1872 г. крупную стачку каретников. Ряд секций в своих уставах наряду с объединением рабочих выдвинул задачу борьбы за освобождение страны.

Секции Интернационала в Ирландии подверглись по лицейским преследованиям и травле со стороны как националистических буржуазных элементов, так и католического духовенства. Представители реформистского крыла Британской федерации Интернационала противились образованию самостоятельных ирландских секций в Англии и возражали против требований национальной независимости Ирландии. По инициативе Маркса и Энгельса эти шовинистические посягательства были решительно осуждены на заседании Генерального Совета 14 мая 1872 г.

Ирландские секции Международного Товарищества Рабочих, хотя их существование и было кратковременным, положили начало приобщению ирландского пролетариата к идеям пролетарского интернационализма и социализма. Они в зародышевой форме обозначили будущность ирландского рабочего движения. Их деятельность показала, что перспективным для него может быть только путь классового сплочения и укрепления солидарности с пролетариатом других стран, сочетания экономической и политической борьбы, защиты интересов трудящихся с отстаиванием национальных интересов.

К новым рубежам освободительной борьбы

К началу 70-х годов движение фениев находилось на закате. Хотя Ирландское революционное братство было в 1873 г. реорганизовано, хотя его существование продолжалось еще несколько десятилетий, прежней роли в ирландском освободительном движении оно уже не могло играть. Упадок фенианства отнюдь не был результатом спада национально-освободительной борьбы. Происходила закономерная смена ее форм. Фенианская организация с ее узкоконспиративной тактикой и заговорщическими методами не отвечала потребностям широких массовых действий, развернувшихся на этом новом этапе.

И в то же время эта новая фаза национально-освободительного движения была бы невозможна без предшествующей деятельности фениев, подготовившей ее наступление. Фении пробудили революционную активность городских и сельских низов. Они возродили и сделали популярным в массах лозунг независимой Ирландской республики. Своей борьбой как в Ирландии, так и за ее пределами фении привлекли широкое внимание к социальным и политическим нуждам ирландского народа. В рядах фениев прошли школу революционной деятельности многие будущие радикальные лидеры ирландского национального движения.

IX. Ирландия в последней трети XIX в.

Обострение ирландского вопроса в 70-е годы XIX в. Гомрулеры. Чарлз Парнелл

Аграрный вопрос и в 70-е годы оставался в центре социальной жизни Ирландии. Земля находилась в собственности 12 тыс. лендлордов, в числе которых были крупнейшие земельные магнаты, 1400 лендлордов владели 3 млн. акров земли. Аграрный переворот середины века не уничтожил полностью мелкую и мельчайшую аренду. Из полумиллиона арендаторов 145 тыс. располагали участками размером не более 5 акров, а 119 тыс. — от 5 до 15 акров. Несмотря на закон 1870 г., величина арендной платы и сроки аренды по-прежнему зависели исключительно от лендлордов, а все улучшения, производимые крестьянами, немедленно вызвали повышение арендной платы.

На экономике Ирландии тяжело сказался затяжной кризис сельского хозяйства Великобритании. Наводнение британского рынка зерном и мясом из США и других стран привело к резкому снижению цен на сельские продукты как в метрополии, так и в ее колонии — Ирландии.

Это отразилось на положении ирландских арендаторов, сказалось в известной степени и на доходах ирландских лендлордов. Свои убытки последние стремились возместить посредством дальнейшего повышения арендной платы и еще более усиленного выколачивания недоимок. Продолжался и сгон арендаторов с земли: в 1877 г было выселено со своих участков 980 семей, в 1880 г. — 2110.

Начиная с 1876 г. четырехлетие неурожая привели к тому, что в конце 70-х годов ирландские крестьяне стояли перед реальной угрозой повторения бедствий 40- годов. Ухудшение положения крестьянских масс и, как следствие, рост числа «аграрных преступлений» против лендлордов и их агентов свидетельствовали о том, что в Ирландии сложились предпосылки для нового подъема национального движения. Необходимость решения задач антиколониальной революции, уничтожения остатков феодализма становилась все более настоятельной.

После поражения фениев главную роль в ирландском национальном движении в 70-х годах стали играть сторонники установления в Ирландии самоуправления (гомруля) конституционным путем. В 1870 г. была создана Ирландская лига гомруля, члены которой обязались добиваться в парламенте предоставления Ирландии самоуправления. На парламентских выборах 1874 г. в палату общин было избрано 60 сторонников гомруля во главе с протестантским адвокатом И.Баттом. Ирландская фракция в палате общин включала представителей различных общественных слоев: помещичьих кругов, буржуазии, интеллигенции и мелкой буржуазии, в ее составе были либералы и бывшие фении, протестанты и католики.

В 1874 г. Энгельс писал по поводу выступления гомрулеров: после того как возможность восстания в Ирландии была исключена на долгие годы, оставался «только путь легального движения, которое и началось под знаменем гомруля, «господства в собственном доме». Основное требование заключалось в том, чтобы королевский парламент в Лондоне передал законодательство по всем чисто ирландским вопросам особому ирландскому парламенту в Дублине... Это движение... приобрело такую силу, что к нему вынуждены были присоединиться ирландские депутаты самой различной партийной окраски... Со времен О'Коннела впервые снова появляется в парламенте сплоченная ирландская партия...»

Новая национальная партия, главной ареной политической борьбы которой была палата общин, применила такой чисто парламентский метод действия, как обструкции: внесение бесконечных поправок, выступления с многочасовыми речами на посторонние темы, не имеющие касательства к повестке дня, и т.п., что затягивало рассмотрение вопросов и принятие решений. Существовавшая в британском парламенте процедура создавала весьма благоприятные условия для широкого применения этого метода. [Депутаты палаты общин могли выступать на любую тему при обсуждении того или иного вопроса в течение любого времени. Ни само обсуждение каждого вопроса в целом было ограничено определенными временными рамками.] Инициатива применения обструкций не ходила от ирландского депутата Джозефа Биггара, белфастского оптового торговца, члена Высшего совета Ирландского революционного братства (его роль в фенианском движении была неизвестна большинству гомрулеров). Четырехчасовая речь Биггара о заболеваниях свиней сорвала переход к очередному пункту повестки дня.

Сначала обструкции применялись только несколькими депутатами-гомрулерами, но с избранием в парламент нового ирландского депутата Чарлза Парнелла обструкции превратились в эффективное средство, которым широко стала пользоваться вся фракция.

30-летний протестантский землевладелец из Уиклоу Чарлз Стюарт Парнелл принадлежал к той категории ирландских помещиков, в семьях которых из поколения в поколение сохранялась верность освободительным идеалам. Дед Чарлза Парнелла по материнской линии был вице-адмиралом, участвовавшим в войне 1812 г. США против Англии. Другой его дед командовал отрядами волонтеров, поддерживал Граттана. Чарлз Парнелл был убежденным сторонником самостоятельности Ирландии, решительно отвергая при этом фенианские методы борьбы, какие-либо вооруженные действия.

Будучи сторонником конституционных методов, Парнелл разделял взгляды гомрулеров и на решение аграрного вопроса. Он считал необходимым установление определенного уровня «справедливой» арендной платы, устойчивого срока арендного договора, разрешения свободной продажи земли. Эта программа, выдвигавшаяся еще в 50-е годы Лигой защиты прав арендаторов, составляла в то время максимум требований гомрулеров по аграрному вопросу. В то же время Парнелла, как и других гомрулеров, не могла не беспокоить усилившаяся в 70-е годы эмиграция. Они считали, что осуществление их аграрной программы принесет крестьянам необходимое облегчение. После смерти Батта в 1877 г. Парнелл был избран председателем **Лиги гомруля**.

К концу 70-х годов гомрулеры выступали как организованная политическая сила ирландского национального движения. Вне парламента их поддерживали состоятельные слои ирландской эмиграции в США, а в самой Ирландии — зажиточное городское и сельское население, а также часть либерально настроенных землевладельцев. Основная масса населения не знала о том, что происходит в стенах палаты общин, а сторонники фениев, особенно революционная эмиграция в США, открыто обвиняли гомрулеров из-за их отказа от революционных методов борьбы в «предательстве национальных интересов».

Новая программа национального движения. Майкл Девитт

Резкое ухудшение положения широких масс крестьян создало почву для вовлечения их в национальное движение. Но для этого требовалась такая программа, которая отвечала бы их жизненным интересам, сплачивала бы на борьбу против лендлордов. У гомрулеров такой программы не было, а доктрина революционных демократов 1848 г. о сочетании борьбы за землю с борьбой за национальное освобождение Ирландии была фактически предана забвению.

О необходимости вернуться к программе 1848 г. заговорили в начале 70-х годов в ирландских секциях Первого Интернационала в Нью-Йорке. Ее горячим сторонником стал секретарь секции № 7 Джон Девои, виднейший - участник фениевского движения. Этому способствовала постановка ирландского вопроса в Международном Товариществе Рабочих. Выдвинул эту доктрину в качестве основы национального движения этих лет бывший фениев Майкл Девитт.

Сын изгнанного в 1852 г. арендатора из графства Мейо, Майкл Девитт прошел трудный жизненный путь. Он с раннего детства был вынужден работать на фабрике в английском городе Гаслингене, а в 11-летнем возрасте ему ампутировали до плеча руку, изуродованную машиной. Совсем молодым Майкл Девитт примкнул к фениев. В конце 60-х годов он уже был организатором отрядов фениев на севере Англии и обеспечивал снабжение их оружием. В 1870 г. 24-летний Девитт был осужден английским судом на 15 лет каторги и лишь в 1877 г. условно освобожден по амнистии. Он вышел из тюрьмы с твердым намерением предложить ирландскому движению «новый курс». Свои взгляды Девитт изложил осенью 1878 г. бывшим единомышленникам — фениев в США. Программа действий, которую он разработал вместе Девоем, определялась прежде всего отказом от подготовки восстаний путем заговоров, убеждением в необходимости вовлечения в борьбу в первую очередь крестьян, создания широкого национального объединения. Основной задачей должна была стать борьба против лендлордизма крах которого привел бы к возвращению земли ее на стоящим владельцам. Выступая в сентябре 1880 г. на митинге в Канзасе (США), Девитт заявил: «Объявив аграрную войну ирландским лендлордам с целью ликвидации их гарнизона в Ирландии, мы подготавливаем путь к ее полной независимости...»

Девитт и Девои предложили создать единую организацию, которая охватила бы сельское и городское население, гомрулеров и фениев, католиков и протестантов. Ее должны поддержать многочисленные ирландские эмигранты в Англии, США, Австралии, Новой Зеландии. Предполагалось, что эта эмиграция, значительно влиявшая на формирование общественного мнения в самой Ирландии, обеспечит и финансовые нужды движения.

Предстояло организовать противодействие изгнанию арендаторов, вести борьбу против повышения лендлорда ми арендной платы и оказывать финансовую помощь нуждающимся. В качестве конечной цели выдвигалось установление независимой Ирландской республики. Однако ближайшая задача ограничивалась достижением самоуправления Ирландии, что должно было привлечь к движению и гомрулеров. Такая широкая программа, ставившая в центре внимания отношения между лендлордами и крестьянами, сочетавшая национальные и социальные задачи, отвечала интересам различных классов и политических группировок Ирландии, объективным потребностям национальной борьбы. Она могла поднять на борьбу широкие крестьянские массы, для которых господство лендлорда олицетворяло и экономический и национальный гнет. Согласие фениев, в том числе Высшего совета НРБ, поддержать этот план обуславливалось тем, что он не исключал вооруженное восстание на высшей ступень борьбы. Многие фении уже понимали, что на успех можно рассчитывать только в случае, если в движение будут вовлечены широкие массы народа.

Новую программу, изложенную Девиттом и его сторонниками на митингах и собраниях в городах США, одобрили тысячи ирландцев. Она была изложена также в специальном послании к Парнеллу, которому Девитт, Девой и их друзья предложили встать во главе общенациональной ирландской организации. Хотя ответ не был получен, Девитта, Девоя это не обескуражило. Позднее Парнелл утверждал, что послание не дошло до него.

В целом «новый курс», разработанный ирландскими демократами, был весьма близок к сформулированным Марксом в качестве платформы Первого Интернационала по ирландскому вопросу задачам антифеодальной и антиколониальной революции в Ирландии. Это свидетельствовало о жизненности и актуальности новой платформы ирландского национального движения.

Ирландская национальная земельная лига.

Вступление в борьбу широких крестьянских масс (1879—1882 гг.)

Весной 1879 г. группа ирландских демократов во главе с Майклом Девиттом приступила к реализации своих планов в западных графствах Мейо, Слайго, Голуэй и др., наиболее страдавших от неурожая и произвола лендлордов. Это были районы самой мелкой аренды.

20 апреля 1879 г в Айриштауне (Мейо) был созван первый митинг арендаторов землевладельца Берка, объявившего незадолго до этого о значительном повышении арендной платы. Выступали как приехавшие из Дублина, так и местные ораторы (преимущественно бывшие фении). Была принята написанная Девиттом резолюция, призывавшая покончить с лендлордизмом и провозглашавшая боевой лозунг: «Земля Ирландии — народу Ирландии!» После окончания митинга все семь тысяч его участников прошли мимо дома Берка с возгласами: «Долой лендлордов!», «Земля — крестьянам!» На другой день Берк снизил арендную плату на 25%. Митинг в Айриштауне положил начало самому массовому в XIX в. выступлению ирландских крестьян, организованному на основе широкой программы.

Затем последовали митинги в других городах и поселках с участием тысяч крестьян. На 10-тысячном митинге в Уэстпорте впервые выступил и Парнелл, призвавший противодействовать выселениям, росту арендной платы и одобливший, таким образом, наконец начавшееся движение. В условиях ожесточенных нападков светской и церковной реакции на «организованный бандитизм» крестьян выступление Парнелла имело весьма большое значение. Движение усилилось к концу лета, когда в результате затяжных дождей крестьяне Западной Ирландии лишились не только основной пищи — картофеля, но и основного вида топлива — торфа. Надвигалась голодная и холодная зима.

18 августа 1879 г. на многолюдном митинге Майкл Девитт и его друзья сообщили о создании Земельной лиги графства Мейо. Вскоре, 21 сентября, была основана Ирландская национальная земельная лига. Ее президентом стал Чарлз Парнелл. Майкл Девитт был избран почетным секретарем Исполнительного комитета, в который вошли представители гомрулеров и фениев; среди последних были Патрик Эган (казначей Лиги), Бреннан и Секстон. Официальная программа Лиги включала требования снижения несправедливой арендной платы и фиксации сроков арендных договоров, прекращения сгона арендаторов, предоставления стране самоуправления и создания автономного парламента. Но в то же время сохранялась более радикальная программа Лиги Мейо, которая требовала полного уничтожения лендлордизма и возвращения земли крестьянам, а также создания независимой Ирландской республики. Все революционно-демократическое крыло Земельной лиги фактически придерживалось именно этой программы, рассматривая решение аграрного вопроса только как ступень в борьбе за полную независимость страны. В 1884 г. Девитт писал в открытом письме в газету «Нью-Йорк уорлд»: «Земельная лига была основана для полного уничтожения ирландского лендлордизма, во-первых, как системы, ответственной за нищету и голод в Ирландии, постоянно терзающих ее, во-вторых, потому что лендлордизм является британским гарнизоном, преграждающим путь к национальной независимости страны».

По согласованию с Парнеллом и другими гомрулерами вопрос о будущем политическом устройстве Ирландии не был включен в программу. Это давало возможность объединить все национальные силы Ирландии — от крестьян до либеральных землевладельцев. В свою очередь гомрулеры получали теперь широкую поддержку вне парламента.

Была выработана структура Земельной лиги, принят Устав. Уже к концу года насчитывалось около 200 отделений Лиги, зарегистрированных в ее Исполнительном комитете в Дублине. Они возникали при больших поместьях, в которых было много арендаторов, в поселках и городах, объединяя здесь также и другие трудовые слои населения. Отделения регулярно созывали митинги, на которых до сведения тысяч присутствующих доводились намерения того или иного лендлорда повысить плату или выселить арендаторов, принимались соответствующие резолюции. Через отделения распределялись получаемые из Дублина средства для оказания помощи изгнанникам и семьям арестованных. Ораторы Исполнительного комитета Лиги разъясняли значение борьбы против лендлордов.

Вскоре Земельная лига смогла продемонстрировать на практике свои возможности: в январе 1880 г. она выиграла так называемую «битву в Карраре». Деревню Каррару, как и все соседние деревни глухого полуострова Коннемары, расположенного на крайнем западе Ирландии, населяли рыбаки и беднейшие арендаторы, обрабатывавшие неплодородные земли. Безлесные горы, скалистые обрывы, ущелья, болота, торфяники, сотни озер и узкие долины — такова была земля, которая должна была кормить тысячи людей. Кромвелевский генерал, один из завоевателей Ирландии, побывав на Коннемаре, заявил: «Там нет дерева, чтобы повесить ирландца, и нет земли, чтобы потом его похоронить».

В конце 1879 г. многие жители Каррары получили предупреждение о том, что в ближайшее время им будет вручено официальное извещение о выселении за недоимки. Тогда на помощь пришли местные отделения Земельной лиги. В начале января по призыву их руководителей двухтысячная толпа крестьян в течение нескольких дней преграждала доступ агентам лендлордов к хижинам подлежащих выселению арендаторов. Вооруженная охрана агентов не могла пробиться к домам, к тому же в деревнях никто не соглашался ни за какие деньги снабжать солдат продуктами. Не было помощи и извне, поскольку все дороги, ведущие к деревням, были перекрыты и охранялись крестьянами. В результате лендлорд был вынужден отказаться от выселения арендаторов. Отчет о событиях в Карраре обошел многие газеты Ирландии, Англии, США, Канады и Австралии и содействовал дальнейшему развитию движения. Сам факт, что впервые в истории Ирландии удалось поднять на совместные действия забитое сельское население Коннемары, свидетельствовал о правильности курса Земельной лиги.

Аналогичные выступления крестьян происходили и в других районах страны. При этом стал широко применяться такой метод борьбы, как бойкот (название происходит от фамилии управляющего поместьем лорда Эрн Капитана Бойкотта, к которому впервые успешно был применен этот метод). В январе 1880 г. на митинге в графстве Куинс Девитт предложил бойкотировать всех тех, кто берет в аренду ферму изгнанного арендатора. Об этом же пространно говорил на митинге в Эннисе 19 сентября 1880 г. и Парнелл. Бойкотирование стало настолько эффективным средством крестьянской борьбы, что уже летом 1880 г. на митинге ирландцев в Бостоне (США) Девитт заявил: «Сегодня не найти в Ирландии человека, который осмелился бы арендовать землю изгнанного арендатора. Если бы такой и нашелся, то он не смог бы жить здесь. Ему не будут продавать, у него не будут покупать; в церкви никто не сядет рядом с ним. Пустые фермы остаются пустыми и служат неплохим предостережением лендлордам...»

Применение бойкота способствовало преодолению разобщенности крестьян, установлению единства их действий, дальнейшему подъему движения. Приезжавшие из Дублина агитаторы Комитета Лиги вместе с представителями местных отделений решали, кого надо подвергнуть бойкоту, кому понадобится финансовая помощь. После каждого митинга на дверях лавок, гостиниц и даже церкви появлялись списки торговцев, ремесленников, владельцев средств транспорта, гостиниц, постоянных дворов и др., т.е. всех тех, кто продолжал обслуживать бойкотируемого лендлорда, с предупреждением, что если они не поддержат Земельную лигу, то будут сами подвергнуты бойкоту. Такой метод революционизировал движение.

Ирландская пресса осенью 1880 г. писала о миллионе участников движения против лендлордов, о том, что к западу от реки Шаннон Земельная лига сделала фактически невозможным изгнание арендаторов. В труднодоступных местах Ирландии ее отделения — к началу 1881 г. и насчитывалось в стране около тысячи — фактически превращались в органы местного самоуправления. Благодаря постоянному притоку средств из США и Австралии, а также взносам более имущих членов Лиги. Исполнительный комитет Земельной лиги к концу 1880 г. ежемесячно расходовал на движение около 1 тыс.ф.ст.

Практически деятельностью Лиги руководил Майкл Девитт. Его знали во всех отделениях Лиги. Он постоянно находился в разъездах, выступал на митингах, публиковал статьи в американской и ирландской печати. Девитт не раз пересекал океан, чтобы агитировать в США за поддержку движения в Ирландии. С его помощью ирландские эмигранты в США и Австралии основали земельные лиги. Девитт подвергался ожесточенным нападениям со стороны британской реакции, высшего духовенства. И в то же время он пользовался глубоким уважением всех прогрессивных сил Ирландии, Великобритании, США. «Карл Маркс и его семья всегда очень высоко и с большим одобрением отзывались о мужественном поведении Майкла Девитта, когда он вел великую борьбу за освобождение Ирландии», — вспоминал близкий друг Маркса Фридрих Лесснер.

Успех движения во многом определялся участием в нем Чарльза Парнелла. Постоянно выступая на митингах в разных концах страны, он призывал добиваться облегчения участи крестьян. Увлеченный общей атмосферой подъема национального движения, Парнелл пропагандировал идею бойкота лендлордов и их агентов, угрожая в случае отказа от удовлетворения требований арендаторов призвать крестьян к полному отказу от внесения арендной платы. Для развития общенационального движения в эти годы большое значение имела и тесная связь Парнелла с верхами ирландской эмиграции в США, что обеспечивало постоянную финансовую поддержку с ее стороны. Особенно содействовало росту его популярности то, что, будучи протестантом, он решительно осуждал все виды религиозного гнета и религиозную рознь, призывая к объединению протестантов и католиков.

К концу 1880 г. Ирландия представляла арену своеобразной крестьянской войны, разбившей страну на два враждебных лагеря.

На одной стороне находились все революционные силы национального движения и сочувствующие им прогрессивные круги ирландских землевладельцев и буржуазии, на другой — вся реакция, объединенная вокруг Дублинского замка, лендлорды, высшее католическое и протестантское духовенство. За их спиной стоял и папа римский, не раз осуждавший в многочисленных энциikliках борьбу ирландского народа. Британская реакционная пресса подогревала настроения «Положение в Ирландии, — писала в начале 1881 г. одна из лондонских газет, — становится все более напряженным, правительство наводнило остров войсками, побережье охраняет морская пехота, однако ирландский народ слушает только одного Майкла Девитта, практического руководителя Земельной лиги».

В декабре 1880 г. английский премьер Гладстон заявил о своем намерении внести на рассмотрение палаты общин новый закон о введении в Ирландии чрезвычайного положения (обострение борьбы в Ирландии совпало по времени с агрессией Великобритании в Южной Африке и поражениями, которые армия терпела там от буров).

В этих условиях левое крыло Земельной лиги сочло своевременным перейти к следующей стадии борьбы — полному отказу крестьян от платежа арендной платы. Наиболее решительно настроенная часть революционных демократов предполагала, что эта новая фаза станет прологом к давно ожидаемому вооруженному восстанию. Майкл Девитт предложил Парнеллу и другим членам Исполнительного комитета Земельной лиги призвать с февраля 1881 г. всех крестьян к всеобщей забастовке против лендлордов. Девитт и его сторонники были убеждены, что под нажимом крестьянских масс Дублинский замок в конечном счете капитулирует. Но поскольку парламент, несомненно, будет форсировать принятие нового чрезвычайного закона для Ирландии, то ирландские депутаты, считали они, должны покинуть Вестминстер и явочным порядком созвать в Дублине самостоятельный ирландский парламент, провозгласив его единственным правительством страны.

Однако это предложение Девитта и других встретило решительное противодействие со стороны почти всех гомрулеров, включая и самого Парнелла, полагавшего, что это заведет национальное движение «слишком далеко». 2 февраля 1881 г. большинство Исполнительного комитета Лиги отвергло предложенный план. А 3 февраля был арестован Майкл Девитт, которого немедленно отправили отбывать «оставшийся» после амнистии 8-летний срок каторжных работ. В палате общин была введена новая процедура, запрещающая обструкции, и 2 марта 1881 г. в срочном порядке через парламент был проведен закон, вводивший в Ирландии на неопределенный срок военное положение.

Одновременно правительство Гладстона, придерживаясь политики «кнута и пряника», провело новый земельный акт, представлявший собой еще один шаг к урегулированию условий аренды в духе известного требования «три F». Устанавливался пятнадцатилетний срок арендного договора, вводилось нечто вроде таксации арендной платы, размеры которой определялись специальными земельными судами и др. Как и предыдущий аграрный акт 1870 г., этот закон 1881 г. содержал такое количество оговорок, поправок, исключений в пользу лендлордов, что на практике установленные им правила в ряде случаев оказывались невыполнимыми. В частности, закон разрешал сгонять арендаторов с земли за недоимки, а лендлордам предоставлялись значительные ссуды на выгодных условиях для покрытия «убытков» от недоимок.

Маркс писал по поводу этого закона: «Гладстон проделал очень тонкий трюк... в момент, когда должно произойти обесценение земли в Ирландии (как и в Англии) вследствие ввоза хлеба и скота из Соединенных Штатов, он предоставил в этот самый момент в распоряжение земельных собственников государственное казначейство, чтобы они могли продать ему эти земли по цене, которой они уже не стоят!»

Акт 1881 г. носил двойственный характер. Он был, безусловно, уступкой национальному движению, вырванной Земельной лигой у правящих классов. Но в то же время эта реформа раскалывала движение, усиливала стремление его более умеренного крыла к поискам дальнейших компромиссов. Аграрный акт 1881 г. нанес сильный удар и по самой Земельной лиге. От нее стали отходить зажиточные слои арендаторов, уже тяготившиеся своим, часто вынужденным угрозой бойкота участием в движении, отражавшемся на их доходах.

Левое крыло руководства Лиги отрицательно отнеслось к закону 1881 г., справедливо полагая, что эта реформа мало что дает крестьянам.

Идя на известные уступки ирландцам в аграрном вопросе, правительство Великобритании с исключительной жестокостью применило закон о военном положении. Сотни руководителей местных отделений Лиги были брошены в тюрьмы.

В это время в национальное движение впервые вступила новая сила — ирландские женщины, организованные в самостоятельную Женскую земельную лигу, созданную в январе 1881 г. по инициативе двух сестер Чарлза Парнелла — поэтессы Фанни Парнелл, которая жила со своей матерью в США, и Анни Парнелл, находившейся в Ирландии. Их горячо поддержал Майкл Девитт, сумевший убедить в целесообразности самостоятельной организации женщин многих ее первоначальных противников, в том числе и самого Чарлза Парнелла.

Деятельницы Женской лиги заменили арестованных членов Исполнительного комитета. Женщины собирали и распределяли средства, поддерживали связь с отделениями основной Земельной лиги, помогали изгнанным арендаторам и семьям арестованных. В ирландских городах возникла сеть отделений Женской земельной лиги. В значительной степени благодаря участию женщин продолжалась борьба в условиях усиливавшейся реакции.

Однако британское правительство стало прибегать к еще более жестоким мерам. В октябре 1881 г. кабинет министров лишил Парнелла и некоторых других гомрулеров парламентской неприкосновенности, после чего они были отправлены в тюрьму. Ирландский народ ответил на это «аграрным террором».

Оставшиеся на свободе члены Исполнительного комитета Лиги, а также их сторонники в США продолжали настаивать на объявлении всеобщей забастовки крестьян. С этим же предложением обратился к Парнеллу и находившийся в каторжной Портлендской тюрьме Девитт. После длительного обсуждения Парнелл, Девитт и другие члены Исполнительного комитета подписали манифест под названием «Нет — арендной плате», опубликованный в ирландской прессе. Манифест призывал крестьян отказаться от внесения всякой арендной платы, пока не будут удовлетворены требования возвращения ирландскому народу его земли, прекращения репрессий, восстановления конституционных прав и освобождения арестованных. В ответ правительство немедленно запретило Земельную лигу, причислив ее к «преступным обществам».

Если правые гомрулеры были обеспокоены этим ходом событий, выведившим движение за рамки конституционных действий, то бывшие фении рассматривали манифест как прелюдию к вооруженному восстанию, которого они с таким нетерпением ожидали. Их убеждение, казалось, подтверждал развернувшийся почти по всей стране «аграрный террор», который осуществляли снова активизировавшиеся после ареста лидеров Лиги тайные крестьянские общества, такие, как «дубовые ребята», «кленовые ребята», «люди капитана Лунного света» и др. В свою очередь осенью 1881 г. Дублинский замок открыто провоцировал восстание крестьян, рассчитывая посредством применения закона военного времени потопить его в крови.

Элеонора Маркс, выражая взгляды своего отца и Энгельса, писала в октябре 1881 г. Лауре Лафарг: «Правительство толкает ирландцев к открытому восстанию, которое будет раздавлено. Ирландцы должны держать себя в руках и не позволять себя провоцировать...»

Крестьянские массы объединялись в значительной степени вокруг местных отделений Земельной лиги, являвшихся их единственными защитниками от произвола лендлордов. Их поддерживали остававшиеся пока на свободе члены Исполнительного комитета обеих земельных лиг, хотя власти стали уже арестовывать и ирландских женщин. Однако массовое движение крестьян разворачивалось медленнее, чем можно было ожидать. С августа 1881 г., когда вступил в действие земельный акт, обеспеченная прослойка крестьян-арендаторов стала все чаще обращаться в организованные правительством земельные суды, надеясь на удовлетворение своих требований. С другой стороны, наиболее радикально настроенные участники борьбы, главным образом молодежь, все больше поворачивали на путь террора, требуя вооруженного выступления против лендлордов.

Такова была обстановка, когда в апреле 1882 г. представители правительства Гладстона начали переговоры с президентом Земельной лиги Парнеллом. Переговоры привели к заключению в конце апреля соглашения (оно вошло в историю как Килмейнхеймское соглашение по названию тюрьмы, в которой находились лидеры гомрулеров), согласно которому Гладстон обязался отменить закон о военном положении и освободить арестованных, а также оказать государственную помощь при мерно 100 тыс. арендаторов в уплате недоимок. В свою очередь Парнелл согласился на роспуск обеих земельных лиг и обещал принять меры к прекращению массового крестьянского движения, а также содействовать либералам в пресечении «аграрных преступлений». К вопросу о гомруле предполагалось вернуться позднее, когда будут выполнены основные пункты соглашения. Гомрулеры считали, что Килмейнхеймское соглашение открывает перспективу достижения самоуправления Ирландии конституционным путем. Таким образом, это соглашение знаменовало собой поворот буржуазной партии гомрулеров от союза с крестьянскими массами к политике компромисса с правящими классами Великобритании и возвращение большей ее части к прежней, исключительно парламентской тактике борьбы.

В то же время соглашение являлось и определенной уступкой самих правящих классов Великобритании национальному движению, на которую они пошли в условиях непрекращавшейся крестьянской борьбы и продолжавшегося обесценения земли. После его подписания правительство освободило из тюрем руководителей Земельной лиги и всех участников движения.

Хотя Земельная лига не довела свою борьбу до конца, но те результаты, которых она добилась, имели исключительные последствия для дальнейшей судьбы Ирландии «Ирландская земельная лига, — писал Конноли, — сломила сопротивление ирландского лендлордизма».

В начале 80-х годов в Ирландии складывалась революционная ситуация, решающим фактором которой были пришедшие в движение широкие крестьянские массы, без последовательного руководства движением со стороны либо рабочего класса, либо прогрессивной национальной буржуазии эта ситуация не смогла перерасти в подлинную антифеодальную или антиколониальную революцию. Правящие круги Великобритании, вовремя оценившие обстановку, пошли на соглашение с умеренным крылом ирландского национального движения. Они перехватили инициативу в решении аграрного вопроса в Ирландии, начав осуществлять его сверху, и заложили основы последующей, более гибкой аграрной политики.

Первая попытка введения гомруля. Оранжезм (1885—1886 гг.)

Соглашение, заключенное между либералами и гомрулерами, не было полностью реализовано. Через несколько дней после его подписания, 6 мая 1882 г., в дублинском Феникс-парке террористы из тайного общества «Непобедимые» убили только что назначенного правительством нового секретаря по делам Ирландии лорда Кавендиша и его заместителя Берка. Убийство положило начало серии террористических актов против британской администрации как на территории Ирландии, так и в городах Англии. Последыши фенианства стали, по выражению Энгельса, на путь «своеобразного бакунизма». Их центр, находившийся в США, объявил британскому правительству «динамитную войну».

Со своей стороны определенные британские круги провоцировали эти террористические акты, чтобы получить «оправдание» для репрессий против ирландского народа Гладстон снова обрушил на Ирландию новые карательные меры.

Основной ареной национальной борьбы опять становится парламент, в котором Парнелл по-прежнему возглавлял сплоченную фракцию гомрулеров. И все же партия гомрулеров не могла игнорировать и продолжавшееся стихийное движение арендаторов. Чтобы ввести это движение в определенные рамки, осенью 1882 г. под эгидой Парнелла и других гомрулеров была создана легальная Национальная лига, программа которой включала предоставление Ирландии гомруля, усовершенствование аграрного закона 1881 г. с целью добиться перехода арендуемых земель в частную собственность крестьян, введение местного самоуправления и поощрение национальной промышленности. Это была программа достаточно широкого буржуазного преобразования Ирландии, исключавшая революционные действия. Национальная лига объединяла во второй половине 80-х годов более 150 тыс. местных отделений, как правило, образованных на базе прежних отделений Земельной лиги. Невозможно было вытравить сразу и прежние методы борьбы, в частности попытки организовать противодействие выселению арендаторов и т.п. Но руководство этими отделениями переходило постепенно в руки более зажиточной прослойки арендаторов. К тому же и Исполнительный комитет Национальной лиги не поощрял «неконституционные действия».

Весной 1886 г. либеральное правительство Гладстона внесло в палату общин законопроект о предоставлении Ирландии самоуправления. Этот шаг был сделан либералами под воздействием ряда факторов. В результате осуществленной в Великобритании избирательной реформы 1884 г. в палате общин значительно увеличилось число ирландских депутатов, среди которых усилилась демократическая прослойка. После выборов 1885 г. фракция гомрулеров насчитывала 89 человек. Вместе с 249 консерваторами они составляли блок, способный провалить любой законопроект либерального правительства. Эту зависимость от голосов ирландцев Гладстон реально ощутил после того, как еще в середине 1885 г. гомрулеры, проголосовав вместе с консерваторами, заставили уйти его в отставку, а через шесть месяцев, убедившись в непримиримом отношении тори к гомрулю, присоединились снова к либералам и способствовали возвращению их к власти.

Другим фактором, который не могли игнорировать либералы, была растущая критика ирландской политики правительства в самой Англии со стороны радикальных клубов и других прогрессивных организаций, требовавших прекращения репрессий в Ирландии, предоставления гомруля, решения аграрного вопроса в этой стране. И наконец, непрекращавшиеся волнения крестьянских масс служили постоянным напоминанием о возможности новой вспышки массового движения против лендлордов. В апреле 1886 г. либеральное правительство представило палате общин проект гомруля, предусматривавший восстановление автономного двухпалатного ирландского парламента по образцу парламента, существовавшего в конце XVIII в., при сохранении в то же время за британским правительством контроля над экономикой страны (включая прерогативу устанавливать таможенные пошлины) и всех внешнеполитических, военных и полицейских функций.

Но и этот весьма умеренный проект вызвал ожесточенное противодействие со стороны различных реакционных кругов Великобритании, английских консерваторов, части либералов, оранжистов Ольстера и высшего духовенства. Мелкобуржуазного обывателя, средние городские слои и рабочую аристократию запугивали «гибельными последствиями отпадения Ирландии», перспективой развала Британской империи. В процессе борьбы вокруг гомруля произошел раскол в самой либеральной партии: в июне 1886 г. 95 ее депутатов в палате общин, сторонников сохранения унии (так называемые либерал-юнионисты), во главе с Джозефом Чемберленом выступили вместе с консерваторами против законопроекта.

Непримиримыми врагами законопроекта были оранжисты Ольстера. Земельные магнаты и буржуазия этой провинции, которые вели за собой мелкобуржуазные городские слои, квалифицированных рабочих-протестантов, занятых в лучше оплачиваемых отраслях экономики (строителей, котельщиков, судостроителей, металлургов, электриков, машиностроителей Белфаста и других северных городов), зажиточных фермеров, подстрекаемых высшим протестантским духовенством, были фанатичными сторонниками сохранения унии между Англией и Ирландией. Уния обеспечивала им контакт с буржуазией метрополии и возможность получения крупных прибылей, откуда извлекала выгоду и рабочая аристократия. Во главе ольстерской реакции стояли миллионеры — владелец судовой верфи Дж.Корри, льняной магнат У.Эварт и др. Эти реакционные круги были теснейшим образом связаны с британскими консерваторами. Представитель партии тори Рандольф Черчилль, специально прибывший в феврале 1886 г. в Белфаст для встречи с магнатами Ольстера, от имени своей партии обещал им полную поддержку в борьбе против гомруля.

Этот союз реакционных сил разжигал религиозную рознь, терроризируя посредством Оранжистского ордена католическое население провинции (католики составляли здесь 83% сельских жителей и менее из жителей городов, преобладая среди батраков, чернорабочих, домашней прислуги и т.п.) Летом 1886 г. оранжистская реакция организовала в северных городах погромы католического населения. Было убито 32 человека и ранено более 400 человек.

Билль о гомруле был провален во время второго чтения в палате общин; против него был подан 241 голос, за — 211. Парламент был распущен. К власти пришло правительство консерваторов во главе с крупным землевладельцем маркизом Солсбери.

Наступление реакции (1887—1891 гг.). Гэльская лига

Правительство Солсбери начало свою деятельность с наступления на ирландское национальное движение. В марте 1887 г. в палату общин был внесен очередной законопроект об усилении репрессий против «террористов», под действие которого подпали по существу все выражавшие недовольство ирландцы. 17 июня 1887 г. парламент принял закон о введении в Ирландии на неопределенный срок чрезвычайного положения; приравнивалось к преступлениям проведение митингов и демонстраций. Хотя между Англией и Ватиканом не существовало дипломатических отношений, тем не менее по просьбе британского правительства папа римский одобрил этот закон, о чем широко сообщалось во время церковных служб и в официальной прессе.

Одновременно британский официоз, газета «Таймс», развернула клеветническую кампанию против лидеров Земельной лиги. В «Таймс» в течение трех месяцев 1887 г. печатались статьи под общим названием «Парнеллизм и преступление», обвинявшие Парнелла и других лидеров Земельной лиги в организации террористических актов, начиная с убийства Кавендиша и Берка 6 мая 1882 г. В марте 1887 г. «Таймс» опубликовала фальшивое факсимиле письма Парнелла от 15 марта 1882 г., которое якобы содержало «неопровержимые доказательства» его руководящего участия в событиях 6 мая в Феникс-парке и его связи с «Непобедимыми». Фальшивка появилась в газете именно в тот день, когда в палате общин шло чтение билля о введении в Ирландии чрезвычайного положения. Девитт и другие руководители крестьянского движения обвинялись в государственной измене. Этот удар должен был, по замыслам его вдохновителей, привести к расколу национального движения, отходу от него умеренных элементов, дискредитации его руководства в глазах широких масс британского населения, а также к подрыву нараставшего в самой Англии движения в поддержку требований ирландских демократов. Расследованием обвинений больше года занималась специальная комиссия, в которую входили представители самых реакционных кругов, в том числе и генеральный прокурор Великобритании. Комиссия провела 128 заседаний, заслушала 450 свидетелей. На заседании с многочасовой обличительной речью, опубликованной затем британскими социалистами в виде брошюры под заголовком «Защита Земельной лиги», выступил Девитт. Он привел много документов, доказывавших полную непричастность Парнелла и других к террористическим актам, указал на истинные цели Земельной лиги.

Комиссии не удалось добиться подтверждения «фактов», опубликованных в «Таймс», и она была вынуждена признать невиновность Парнелла и других руководителей национального движения. Вопреки замыслам организаторов кампании против ирландских деятелей она еще больше подняла авторитет Парнелла, Девитта и других среди многих ирландцев и прогрессивных слоев британского общества.

Понимая, что Парнелл неуязвим в глазах народных масс как руководитель общеирландской национальной борьбы, что на его стороне также симпатии прогрессивных сил Великобритании, реакция решила использовать обывательские предрассудки, которые усиленно подогревались католическим духовенством, опорочить его моральный облик. На этот раз было возбуждено обвинение в «сожительстве» Парнелла с Катрин О'Ши, с которой он с 1881 г. состоял в фактическом браке и имел троих детей. В декабре 1889 г. по наущению реакционных кругов в суд поступило заявление бывшего мужа Катрин капитана О'Ши с прошением о разводе и привлечении к ответственности Парнелла. Дело было представлено в суд теми же поверенными, которые представляли интересы «Таймс» во время прошлого разбирательства. Судебный процесс Парнелла сопровождался дикой травлей его со стороны оранжистов и фанатичного духовенства, поддерживаемых мещанскими кругами городской мелкой буржуазии, отсталыми слоями крестьянства, идущими за своими духовными «наставниками». Этот процесс фактически разделил всю Ирландию и Англию на два лагеря — сторонников и противников Парнелла. Его поддерживали рабочие, трудящиеся городов, мелкие и средние арендаторы. В свою очередь шоная партия решила использовать обстановку в собственных политических целях. Гладстон потребовал отставки Парнелла с поста лидера партии гомрулеров, угрожая в противном случае отказом поддерживать гомруль. К Гладстону присоединилась и правая часть гомрулеров. В результате партия гомрулеров раскололась: 45 депутатов ирландской фракции в английском парламенте потребовали отказа Парнелла от лидерства.

Смысла реакционной кампании против Парнелла не понял такой испытанный борец за свободу Ирландии, как Девитт, до сих пор опровергавший ранее нападки «Таймс». Теперь же в связи с бракоразводным процессом он счел необходимым чтобы Парнелл отказался от лидерства. И хотя Девиттом руководили отнюдь не ханокские мотивы, а усилившиеся в последние годы разногласия с Парнеллом по «рабочему вопросу», тем не менее объективно его позиция способствовала расколу в ирландском национальном лагере.

Парнелл, не отличавшийся хорошим здоровьем, не выдержал колоссального нервного напряжения. Он скончался 9 октября 1891 г. в местечке Стеннинг близ г.Брайтона гроба, установленного в сити-холле в Дублине, стоял военный караул, держа, по траурному обычаю ирландцев, винтовки прикладом вверх. На кладбище в Гласневин его провожали тысячи людей.

Со смертью Парнелла и расколом гомрулеров ирландское национальное движение оказалось значительно ослабленным. Партия гомруля не смогла организовать новую широкую кампанию в поддержку автономии Ирландии после того, как палата лордов отклонила в 1893 г. второй билль о гомруле Гладстона (в 1892—1894 гг. он вновь возглавлял кабинет), принятый палатой общин.

Неудача на политическом поприще, известный временный спад национально-освободительной борьбы усилил проявлявшуюся и ранее у части ирландской буржуазной интеллигенции тенденцию искать средства развития национального самосознания прежде всего в сфере духовной жизни, в области культуры и литературы. 31 июня 1893 г. писателем Дугласом Хайдом, историком Э.Мак-Нилом и другими была основана **Гэльская лига** — организация, поставившая своей целью возрождение почти вымершего в результате многовековой колонизаторской политики ирландского языка (гэльский) и кельтско-шотландской культуры. Благодаря усилиям Лиги в Ирландии стала выпускаться литература, включая периодические издания, на ирландском языке. Широко публиковались памятники ирландской культуры, основывались специальные кельтские школы, кельтский язык начал преподаваться в средних и высших учебных заведениях.

Деятели Лиги добивались потребления его в делопроизводстве, торговле, почтовом ведомстве, церковной службе и т.д. Позднее по инициативе Гэльской лиги проводились национальные фестивали. Она содействовала развитию национальной литературы, музыки, театра открытию в 1908 г. в Дублине Национального ирландского университета. Основатели и участники Лиги не были свободны от националистических предубеждений. Однако позднее некоторые из них выступали как активные борцы за независимость своей страны.

Союзники ирландского народа в Англии

С начала 80-х годов у ирландского национального движения появился союзник в самой метрополии — леворадикальное крыло либеральной партии, к которому примыкала часть членов различного рода клубов и складывавшиеся в 80-х годах социалистические организации. В программы радикальных клубов и социалистических групп включалось требование предоставления Ирландии самоуправления и решения аграрного вопроса в интересах ирландского крестьянства. Наиболее определенно программа по ирландскому вопросу была изложена созданной в июне 1881 г. Демократической федерацией. Через своего руководителя Гаиндмана и других Федерация была тесно связана с Земельной лигой Ирландии. По ее инициативе были образованы отделения Земельной лиги в самой Англии Шотландии и Уэльсе. Членом Исполнительного комитета Демократической федерации стал и Майкл Девитт. Ирландский вопрос занял большое место в деятельности основанной в 1884 г. Социал-демократической федерации и небольшой еще в то время группы марксистов. Британские социалисты, отмечал Конноли, были в течение ряда лет главными пропагандистами и защитниками принципов Земельной лиги перед британскими массами.

После выхода в мае 1882 г. из тюрьмы Майкл Девитт начал активно пропагандировать союз британских рабочих и ирландского народа, обличая их общего врага — британский лендлордизм и буржуазию. Девитт систематически выступал на митингах перед рабочими Англии Шотландии, Уэльса, на собраниях радикалов и социалистов, участвовал в рабочих демонстрациях, печатал статьи в социалистической и радикальной прессе. По поводу одного из выступлений Девитта Элеонора Маркс, присутствовавшая на собрании в Лондоне, писала затем, что «этот фений, этот мятежник, этот выпущенный на волю каторжник встречается британской публикой бурным овациями».

Британские социалисты весной и летом 1887 г. проводили многотысячные митинги и демонстрации, протеста против нового карательного закона. На митингах в Гайд-парке вместе с социалистами не раз выступал и Майк Девитт. В сентябре 1887 г. Элеонора Маркс писала Лауре Лафарг: «Здесь большое волнение в связи с Ирландией. Повсюду проходят митинги, и впервые британский рабочий класс поддерживает ирландский народ. В прошлую среду мы с Эдуардом (Эвелингом — В.К.) выступали на замечательном митинге в Ист-Энде в поддержку ирландского движения за гомруль и разоблачали политику правительства».

О наметившемся повороте в сознании передовой части британских рабочих и пробудившихся у них симпатии к Ирландии писал и Фридрих Энгельс.

Аграрная реформа

Вынужденные под давлением массового крестьянского движения, вызванного к жизни Земельной лигой, начать преобразования ирландского аграрного строя, британские правящие круги должны были под постоянно висевшей угрозой возобновления революционных выступлений крестьян продолжать постепенное проведение аграрных реформ. В этом оказались заинтересованными многие лендлорды, терявшие из-за продолжительного аграрного кризиса значительные доходы.

Между 1881 и 1885 гг. было принято несколько поправок к акту 1881 г, а в 1885 г либеральное правительство Гладстона провело новый закон, предоставивший арендаторам дополнительную возможность для покупки земли.

В 1887 г., на этот раз правительством консерваторов был проведен закон о снижении задолженности по аренде. Около 150 тыс. арендаторов получили государственную ссуду для погашения недоимок и выкупа земельных участков; этим воспользовалась в основном только зажиточная прослойка фермеров. Чтобы «успокоить» крестьян, было проведено снижение (в среднем на 28%) арендной платы. Но сами лендлорды ничего не теряли - они получали государственную субсидию на весьма выгодных условиях. Затем последовал закон 1891 г. о выделении 30 млн ф.ст. для выкупа государством земли у лендлордов с целью перепродажи ее мелким арендаторам и малоземельным крестьянам. Последние становились должниками государства и должны были вносить ему выкупные платежи с соответствующими процентами. Взимание этих обременительных платежей продолжалось в течение последующих десятилетий.

В результате этого акта землевладельцы с помощью государства ликвидировали ставшую невыгодной земельную собственность и получили суммы, далеко превосходившие ее подлинную стоимость. С другой стороны, за 30 лет — с 1870 по 1900 г. — примерно около 20 тыс. арендаторов превратились в собственников. Этот процесс сопровождался усиленной дифференциацией ирландского крестьянства: формировалась сельская буржуазия, скупавшая через подставных лиц участки у малоимущих крестьян. Аграрные реформы были крайне мучительны для бедного и среднего крестьянства Ирландии. В.И. Ленин в 1914 г. отмечал, что правящие классы Великобритании, в первую очередь либералы, «на полвека растянули» освобождение ирландского крестьянина от полуфеодальной зависимости от лендлордов «Ирландский крестьянин только в XX веке стал превращаться из арендатора в свободного владельца земли, но гг. либералы навязали ему выкуп по «справедливой» оценке».

Реформы в Ирландии носили двойственный характер: вырванные у британского правительства в результате классовой борьбы трудящихся, они в то же время способствовали ее ослаблению, препятствовали последовательному и радикальному решению аграрного вопроса.

Ирландия на рубеже XX в. Рабочее движение. Начало распространения идей марксизма

В конце XIX—начале XX в капиталистические отношения утверждались не только в сельском хозяйстве Ирландии. Хотя и медленно, но развивалась и ее промышленность, решающие отрасли которой находились в полной зависимости от британского капитала. В целом развитие Ирландии шло крайне неравномерно. В конце XIX в экономически развитому Ольстеру с его судостроением и машиностроением противостоял отсталый аграрный Юг. На белфастские фабрики и заводы сырье поступало из Англии, Шотландии, Уэльса, в них вкладывались капиталы британских магнатов, белфастские банки полностью зависели от лондонского Сити. Буржуазия Ольстера и экономически и политически была тесно связана с классом капиталистов Великобритании, фактически являясь его частью. Национальная буржуазия формировалась в основном на базе мелкого производства, работавшего на местный рынок.

В конце века ускорилось формирование ирландского пролетариата, происходившее в условиях быстрого расслоения крестьянства и вытеснения его из деревни. Специфика промышленного развития колониальной Ирландии сказалась и на структуре рабочего класса. Основные промышленные кадры зарождались на севере страны в плотной промышленности, судостроении, машиностроении, на транспорте, где работали десятки тысяч рабочих. Текстильная промышленность в конце 90-х годов насчитывала 118 тыс. рабочих. Значительной была и категория чернорабочих, пополнявшаяся за счет безземельных крестьян; за 50 лет она выросла с 31 до 144 тыс. человек. Квалифицированные протестантские рабочие тяжелой индустрии Ольстера превращались в противостоящую остальному ирландскому пролетариату прослойку рабочей аристократии. Ольстерская буржуазия, умело использовавшая в своих интересах религиозную рознь между рабочими—протестантами и католиками, создавала более привилегированные условия для первых, используя вторых на значительно хуже оплачиваемой работе.

В 80-х годах появились и профессиональные объединения рабочих. Тред-юнионы Севера, объединявшие в основном рабочую аристократию страны, как правило, входили в соответствующие тред-юнионы Англии, а на Юге возникали самостоятельные объединения типа Союза сельских рабочих. Менее квалифицированная часть ирландских рабочих выступала совместно с английскими «новыми тред-юнионами», вместе с ними вела борьбу за 8-часовой рабочий день и повышение заработной платы. Особую роль играл Национальный союз рабочих газовых предприятий и чернорабочих Великобритании и Ирландии, возникший в 1889 г. и объединявший около 100 тыс. рабочих. В его организацию много сил вложила Элеонора Маркс, являвшаяся членом Исполнительного комитета Союза, и генеральный секретарь Союза, рабочий-социалист Уильям Торн. В 1894 г. в Ирландии возникло отделение Независимой рабочей партии Великобритании. В том же году состоялся первый съезд **Ирландского конгресса тред-юнионов (ИКТЮ)**. Но главным признаком роста сознательного классового движения пролетариата явилось создание в 1896 г. Ирландской социалистической республиканской партии, тесно связанной с деятельностью выдающегося ирландского пролетарского революционера и борца за независимость Ирландии Джеймса Конноли.

Дж.Конноли (1868—1916 гг.), сын батрака, рано начал свою трудовую жизнь рабочим, проявив в то же время незаурядные журналистские и литературные способности, яркий талант организатора и пропагандиста. Уже в молодые годы он активный участник социалистического движения Англии и Шотландии. Приобщившись к марксистским идеям, он становится их горячим поборником, пионером марксизма в Ирландии. Для него было характерно стремление творчески применять марксистскую теорию к ирландским условиям, осмысливать с марксистских позиций историю своей многострадальной родины, находить пути сочетания защиты классовых интересов ирландского пролетариата с борьбой за национальное освобождение и возрождение Ирландии.

29 мая 1896 г. группой передовых рабочих, возглавляемой Дж.Конноли, в Дублине была основана первая марксистская организация в Ирландии — **Ирландская социалистическая республиканская партия (ИСРП)**. В написанном Конноли манифесте ИСРП провозгласила своей целью создание Ирландской социалистической республики, а ближайшими задачами — завоевание национальной независимости Ирландии, борьбу за всеобщее избирательное право, 8-часовой рабочий день и другие требования в пользу трудящихся. Несмотря на свою немногочисленность, ИСРП сыграла важную роль в пропаганде марксизма в стране и формировании классового сознания ирландского пролетариата. С 1898 по 1902 г. она издавала свой печатный орган «Уоркерс рипаблнк» («Республика рабочего»). Руководимая Конноли пролетарская организация развивала идею объединения всех прогрессивных сил национальной движения. Она участвовала в общенациональных кампаниях, в частности в праздновании 100-летнего юбилея восстания 1798 г. Во время англо-бурской войны 1899—1902 гг. ИСРП заняла интернационалистскую позицию, выступая с разоблачением английского империализма.

С отъездом в августе 1903 г. Конноли в США деятельность ИСРП, не сумевшей преодолеть известную организационную слабость, прекратилась. Однако из ее рядов вышло немало организаторов и активных участников последующей пролетарской и национально-освободительной борьбы.

Х. Ирландия в 1900—1918 гг.

Назревание освободительной революции

Экономические и социально-политические сдвиги в ирландском обществе в начале XX в.

С конца XIX в. существенно изменяются формы и методы колониальной эксплуатации Англией соседнего острова. С переходом к империализму увеличивается изъятие из Ирландии все большей части прибавочного продукта путем навязывания ей тесных неравноправных экономических связей. По мере осуществления аграрной реформы падает значение земельной ренты, однако весьма усиливается налоговый пресс, выкачивание средств путем взимания процентов по земельным ссудам.

Возрастающие прибыли приносят метрополии неэквивалентный обмен промышленных товаров на продукцию ирландского сельского хозяйства, эксплуатация на ее заводах и фабриках сотен тысяч ирландских иммигрантов.

Ирландия становится немаловажной сферой приложения британского капитала, развивается банковское и страховое дело, судостроение, текстильная, хлебопекарная промышленность, пивоварение. Вместе с тем значительная часть национального капитала привлекается из Ирландии в метрополию посредством контролируемой империализмом банковской системы. «Бегство капиталов» становится хронической болезнью ирландской экономики

Значительным стимулом складывания сельской национальной буржуазии служили аграрные реформы конца XIX—начала XX в. Лендлордам, заинтересованным в условиях аграрного кризиса и падения цен на сельскохозяйственные продукты в выгодной ликвидации своего хозяйства, государство-посредник выплачивало солидные суммы (с 1903 по 1921 г. — 86,3 млн.ф.ст.), взыскивая их затем с процентами с крестьян в виде долгосрочных выкупных платежей. «Пик» аграрной реформы пришелся на десятилетие 1904—1914 гг. Классовый характер этого законодательства глубоко вскрыл В.И.Ленин, писавший об ирландском крестьянине: «Миллионы и миллионы дани платит он и будет платить еще долгие годы английским помещикам в награду за то, что они несколько столетий грабили его и доводили до постоянных голодовок. Английские либеральные буржуа заставили ирландских крестьян отблагодарить за это помещиков чистыми денежками...»

Несмотря на колониальный характер аграрных преобразований, они создавали благоприятные условия для развития капитализма в сельском хозяйстве, расширения внутреннего рынка и усиления спроса на рабочую силу. Что касается специализации ирландского сельского хозяйства, то его стержнем оставались первичный откорм и продажа в Англии телят и крупного рогатого скота, затем шло производство масла, а уже потом земледелие, причем площадь обработанной земли в стране продолжала сокращаться. В среднем в начале XX в. по всей Ирландии пастбища занимали не менее 80% всей используемой земли.

Важным показателем капиталистического роста Ирландии конца XIX—начала XX в. явилось развитие ряда отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья; появляются беконные, табачные, свечные фабрики, мукомольные предприятия и т.д. Особенно большое значение в этот период приобретает ирландское маслоделие, опиравшееся на широкое развитие в стране сельскохозяйственной кооперации. Объединяясь в кооперативы, ирландские фермеры сообща боролись с хозяйственной отсталостью, недостатком капитала, за отвоевание «своей» доли английского рынка у таких конкурентов, как Голландия, Дания, Канада. К началу первой мировой войны в стране насчитывалось до 1 тыс. кооперативных обществ с членством в 105 тыс. человек

На этой общей основе в ирландской деревне формируется национальная буржуазия, интересы которой в ту пору совпадали в основном с общенациональными интересами. Эта буржуазия была кровно заинтересована в свободном развитии производительных сил, в самостоятельной эксплуатации своего внутреннего рынка.

Вместе с тем положение этого слоя было весьма противоречивым. Значительная часть его продолжала сохранять известные связи с империализмом. Главная цель этих хозяев заключалась в обеспечении наиболее благоприятных условий для сбыта своей продукции на английских рынках.

Экономический рост в сельскохозяйственной сфере привел к некоторому оживлению, а затем и довольно заметному скачку в области промышленности, хотя и происходил он неравномерно. В начале XX в. капиталистический уклад в промышленности состоял из двух главных секторов — английского, англо-шотландского, т.е. великобританского, и теснейшим образом с ним связанной части местного капиталистического предпринимательства (главным образом крупные и значительная часть средних ирландских фирм) и собственно национального буржуазного предпринимательства.

Первый из этих секторов был вызван к жизни прежде всего потребностями британского капитализма в более эффективной эксплуатации соседнего острова. Он был представлен в основном фирмами среднего (реже крупного — по европейским меркам) масштаба в сфере транспорта и мореходства, торговли, банковского и биржевого кредита, страхования, а также в промышленности (особенно в такой провинции, как Ольстер).

Национальное предпринимательство, возникавшее и развивавшееся помимо и вопреки британскому и англо-ирландскому капиталу, имело своей главной опорой ирландскую деревню. В городе капиталистическое производство, ориентирующееся главным образом на внутренний рынок, было представлено лишь мелкими фабриками и мастерскими мануфактурного типа.

Не имевшие ни достаточных капиталов, ни государственной поддержки, лишённые каких бы то ни было перспектив при сохранении английской промышленной и финансовой гегемонии, мелкие национальные промышленники самой жизнью подводились к необходимости борьбы с колониализмом и империализмом.

В ещё более тяжёлом положении находились многочисленные ремесленники. К ним примыкала армия мелких розничных торговцев, мелких лавочников и т.д. Важную роль играла национальная интеллигенция, главным образом мелкобуржуазная.

Начавшееся в 40—70-х годах XIX в. обезлюдение Ирландии продолжалось и в начале XX в. Главным образом пострадала от этого ирландская деревня, население которой за период с 1840 по 1914 г. сократилось в 2,5 раза. Эмигрантом становился практически каждый третий житель острова.

Данные всеирландской переписи 1911 г. рисуют картину, характерную для колониальной страны, уже существенно продвинувшейся по пути капиталистического развития. Из 800 тыс. самостоятельного сельскохозяйственного населения фермеры составляли примерно 50%. Численность же сельского пролетариата в собственном смысле этого слова не достигала и 9% (всего 69 тыс.). Зато так называемые семейные рабочие и сезонники, сплошь и рядом хозяева мелких и мельчайших «нерентабельных» ферм, все ещё составляли около 40% (300 тыс. человек).

Из 0,5 млн. занятых в промышленности и на транспорте наёмных рабочих 40% составляли чернорабочие и транспортники. Крайне неравномерно выглядело их распределение по регионам: если промышленный Ольстер имел 250 тыс. рабочих, т. е. 50% всего числа, то на западе, в Конноте, их было всего 20 тыс. (4%). 200—220 тыс. человек составляли так называемые городские средние слои: мелкая городская буржуазия и разного рода мелкие служащие; число служащих и интеллигенции (включая 7 тыс. студентов и 22 тыс. учителей) достигало 40—45 тыс. человек.

В 1911 г. 74% населения страны (3,3 млн. человек) являлись католиками. Протестанты составляли 24,5% (1,08 млн. человек). Значительные массы протестантского населения были сосредоточены на северо-востоке (60% в Ольстере и 13% в Ленстере). Протестантский, колонизаторский в первую очередь, элемент находился в более привилегированном положении по сравнению с остальной массой населения.

Однако вес протестантского меньшинства в хозяйственной и политической жизни страны был непропорционально велик; здесь ему принадлежали все или почти все ключевые позиции. Протестантские фирмы решительно преобладали в деловой жизни Дублина, Корка, Лимерика, Уотерфорда и других крупных городов Ирландии, особенно Белфаста, где это преобладание было безраздельным. Они господствовали в банковском, страховом деле, на транспорте, в оптовой экспортно-импортной торговле. Протестанты во многих регионах страны, не говоря уже об Ольстере, составляли основную часть инженеров, юристов, банковских служащих, значительное большинство квалифицированных промышленных рабочих, обеспеченных наиболее высокими заработками (судо- и машиностроители, печатники, металлисты, столяры и т.п.).

Католики составляли 82% всех фермеров и 83% сельскохозяйственных рабочих, они преобладали среди журналистов, учителей, мелких торговцев, из них рекрутировалась основная масса неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих и транспортников. Результат длительной, целеустремленной политики британского колониализма в Ирландии сказался в том, что социально-политический водораздел в стране в основном, как и прежде, совпадал с религиозным.

Основные политические группировки в Ирландии начала XX в.

В Ирландии существовали и скрещивали оружие на политической арене четыре основные политические группировки. На крайне правом крыле находились юнионисты, выступавшие за сохранение без изменений унии, т.е. старых колониальных порядков, и нерушимость имперских связей. В те годы их поддерживало 25—30% населения Ирландии: вся основная часть средней буржуазии, остатки лендлордов и часть наиболее зажиточных крестьян, верхи интеллигенции и служащих, протестантские массы Северо-Востока.

Главной политической силой ирландского буржуазного национализма вплоть до 1916—1917 гг. оставалась **Ирландская парламентская партия (ИПП)**, или гомрулеры. Они монополизировали львиную долю ирландского парламентского представительства в Вестминстере (90 из 120 депутатских мест), их поддерживала основная часть сельскохозяйственного населения, католическая мелкая буржуазия города и мелкобуржуазная интеллигенция. С начала 1890 по 1918 г. бессменным лидером партии являлся представитель одной из немногих крупнобуржуазных католических семей Джон Редмонд.

Со времен Парнелла эта партия значительно поправела. Выступая с умеренных позиций против засилья британского империализма в Ирландии, гомрулеры и не помышляли о полном отделении от Англии, о строительстве независимой национальной экономики. Они требовали лишь гомруля, т.е. ограниченной автономии, скорейшего завершения выкупа крестьянских земель и некоторых других второстепенных реформ. Их лидеры не доверяли народным массам, активно подавляли вспышки массовой борьбы, упоая на парламентские комбинации, на союз с британскими либералами. По мере нарастания национально-освободительного движения гомрулеры все больше отставали от времени, лишались широкой массовой базы, которая неизбежно становилась опорой более радикальных группировок.

Рост и укрепление в Ирландии нового слоя — национальной буржуазии, а также национальной интеллигенции нашел свое выражение в политической сфере в создании в 1905 г. новой группировки **Шин-фейн (по-ирландски — «мы сами»)**, которая через три года, в 1908 г, смогла впервые в истории страны сформулировать и выдвинуть в качестве программы действий развернутую платформу свободного экономического развития с опорой на собственные средства. Резкая критика шинфейнерами осторожного курса гомрулеров, выдвижение на первый план требований активного промышленного развития под защитой протекционистских тарифов, создания национальной банковской и страховой систем, своего торгового флота, эффективной разработки местных природных ресурсов и т.д. привлекали к Шин-фейну сторонников более решительных действий против колониальной эксплуатации страны.

Вместе с тем уже в эти годы четко проявились классовая ограниченность и половинчатость программы и тактики шинфейнеров. Лидеры организации намеревались создать свободную Ирландию, не порывая политически с метрополией, путем преобразования Англии и Ирландии в двуединую монархию под общей короной британских королей. Таким путем они рассчитывали добиться лояльности юнионистского меньшинства. Своих целей деятели Шин-фейна надеялись достигнуть посредством организации массовых кампаний ненасильственного сопротивления.

Резко отрицательно относились шинфейнеры к массовым выступлениям трудящихся за свои социальные права, к классовой борьбе. Они противопоставляли этому идеи надклассового, «национального единства» всех ирландцев перед лицом чужеземного британского империализма.

Наиболее известным и популярным вождем партии Шин-фейн был Артур Гриффитс — плодовитый политический публицист, вошедший в историю под названием «апостол ирландского капитализма».

До мирового кризиса 1914—1918 гг. Шин-фейн еще не был в состоянии создать свою массовую базу. После 1916 г все коренным образом изменилось.

На левом крыле ирландской политической жизни находилось радикально-мелкобуржуазное, республиканское течение, возглавляемое подпольной организацией — нео-фенианским **Ирландским революционным братством (ИРБ)**. Олицетворяя собой весьма давнюю в ирландской политике традицию, связанную своими корнями с низшими слоями городского и сельского населения, оно выступало за создание независимой Ирландской республики путем вооруженного восстания. Вместе с тем ИРБ отличалась расплывчатостью социально-экономической платформы. В организацию входили и умеренные элементы, и ярко выраженные революционные демократы. Среди последних следует выделить национального героя Ирландии, убежденного сторонника глубоких демократических преобразований в интересах широких трудящихся масс Падрейга Пирса (1876—1916 гг.), а также героя антиимпериалистической борьбы 1919—1922 гг. Лизма Меллоуза. Общая численность ИРБ была невелика — примерно 3 тыс. членов, однако она пользовалась немалым влиянием, которое все возрастало по мере усиления революционного подъема.

Массовое движение в начале XX в.

Политическую армию и массовую основу ирландского национально-освободительного движения составляла наиболее угнетенная и страдающая часть ирландского народа — городские рабочие, ремесленники, мелкие фермеры, батраки, а также многочисленный слой низших служащих. Их активное вовлечение в общественную жизнь давало новый мощный импульс борьбе против империализма способствовали размежеванию в национально-буржуазном лагере, поляризации в нем революционных и умеренных элементов.

С конца первого десятилетия XX в. происходит консолидация разрозненных отрядов преимущественно доиндустриального (за исключением Ольстера) ирландского пролетариата в ирландское рабочее движение в современном значении этого слова. Этот процесс протекал в период беспримерного в ирландской истории подъема стачечной борьбы 1907—1911 гг. Его организационной основой явилось сплочение масс неквалифицированных рабочих и транспортников в профсоюзы, построенные по прогрессивному, производственному принципу. В ходе этой борьбы, достигшей своего апогея в дублинской стачке 1913—1914 гг., ирландский пролетариат конституировался как сила национального значения.

Большое внимание этому повороту в массовой борьбе ирландских трудящихся уделил В.И. Ленин. «Классовой войне» в Дублине 1913—1914 гг. он посвятил несколько работ, в которых отмечал неукротимый боевой дух рабочих и указывал, что в борьбе ирландского рабочего класса открылся новый этап. В эти годы претерпел значительные изменения характер и состав старых ирландских профсоюзов, прежде являвшихся замкнутыми объединениями высококвалифицированных рабочих и ремесленников. С 1894 г., когда в Дублине состоялся первый съезд Ирландского конгресса тред-юнионов (ИКТЮ), и до начала второй декады XX в. в нем задавали тон весьма умеренные деятели, ценившие превыше всего «классовый мир», убежденные противники политической борьбы рабочего класса.

В то же время классовое сознание городского пролетариата в основном еще только зарождалось, его политические идеалы были весьма туманны: преобладали концепции ирландского буржуазного национализма. Социалистическая струя в рабочем движении была слабой. Большинство ирландских пролетариев принадлежало к той категории рабочих мелких предприятий, о которой В.И. Ленин писал как о низшем слое пролетариата с трудом и далеко не во всех случаях воспринимавшей идеи социализма, борющейся отчаянно, но часто действующем необдуманно, впадающем в авантюризм.

Сельскохозяйственный пролетариат был еще очень далек от осознания своих классовых интересов. Батраки боролись стихийно, разрозненно. Первые успешные попытки их организации были сделаны лишь в 1913 г.

Ирландское рабочее движение не получало должной помощи от организованного рабочего движения британской метрополии. Британские рабочие лидеры-реформисты «снимали» ирландскую национальную проблему, объявляли «реакционными» все справедливые национальные требования ирландского народа.

В этих условиях широкое распространение получила местная разновидность так называемого революционного синдикализма (в Ирландии по аналогии с США его часто называли «производственным юнионизмом»). К началу второго десятилетия XX в. последний решительно возобладавал в рабочем движении основной части страны (кроме Ольстера). Ирландские синдикалисты ставили превыше всего экономическую борьбу, абсолютизировали так называемое прямое действие и идею всеобщей стачки как путь к установлению профсоюзного государства — «индустриальной демократии». Вместе с тем в отличие от аналогичных течений на Европейском континенте и в США ирландские синдикалисты не отвергали безоговорочно политическую борьбу, хотя и рассматривали ее всего лишь как «отражение» экономической борьбы. Крупнейшим представителем ирландского революционного синдикализма являлся председатель основанного в 1909 г. **Ирландского союза транспортных и неквалифицированных рабочих (ИСТНР)**, а позднее — ИКТЮ Джим Ларкин (1876—1947 гг.).

На первых порах, в условиях отсталой Ирландии, революционный синдикализм оказался способным дать определенный импульс подъему массовой борьбы. Однако преобладание синдикалистов в ирландском рабочем движении имело для него и неблагоприятные последствия. Оно привело к умалению его роли в условиях роста национально-освободительной борьбы.

Рабочий класс Ирландии был лишен внутреннего единства, протестантский промышленный пролетариат Северо-Востока действовал обособленно. Его политические симпатии определялись приверженностью к империи, традициями социал-реформизма и религиозной нетерпимости. В целом ирландский пролетариат был еще не готов взять на себя миссию гегемона национально-освободительной борьбы.

Вместе с тем продолжалось начатое в конце XIX в Ирландской социалистической республиканской партией распространение идей научного социализма в Ирландии, в первую очередь усилиями Джеймса Конноли. В 1903—1910 гг. он находился в США, где выступал на левом фланге социалистического движения. Вернувшись на родину, он вместе с Ларкиным встал во главе «нового ирландского юнионизма», а после отъезда последнего в 1914 г. являлся наиболее авторитетным руководителем ирландского рабочего движения. Дж.Конноли выступил с рядом марксистских трудов по истории Ирландии, рассматривая ее в свете классовой борьбы. Им было впервые разработано учение о социалистической революции в Ирландии, проходящей через две последовательные ступени: национально-демократическую и собственно социалистическую. Отражая в известной мере общую отсталость ирландского рабочего движения тех лет, Дж.Конноли допускал и отклонения от марксизма, уступки анархо-синдикализму (например, известная недооценка политической партии пролетариата).

Тем не менее в 1912 г. по его инициативе в Ирландии была создана **Ирландская лейбористская партия (ИЛИ)**, которая вскоре слилась в единую организацию с Конгрессом тред-юнионов под общим названием **ИЛП—ИКТЮ**. Перевес в ней, однако, в дальнейшем получили реформистские элементы. В целом в Ирландии тех лет еще не созрели условия для соединения научного социализма с массовым движением. Поэтому влияние буржуазии в идеологической сфере оставалось в общем непоколебленным.

Основным направлением аграрных выступлений в ирландской деревне была борьба за ускорение темпов и скорейшее завершение аграрной реформы на наиболее выгодных для ирландского фермерства условиях. Лозунги радикальной очистки ирландской деревни от лендлордизма и перехода на рельсы свободного фермерского хозяйства имели превалирующее значение. Вместе с тем уже в эти годы в ирландской деревне нарастает новый антагонизм — разрозненная, неразвитая политически и идейно, неорганизованная масса безземельных и малоземельных крестьян — плбтраков и «фермерских сыновей» начинает, хотя еще и достаточно смутно, осознавать несхожесть своих интересов с интересами зажиточного крестьянства и фермерской буржуазии.

Завершение формирования ирландской нации. Ольстерский кризис 1912—1914 гг.

В начале XX в. в прямой связи с происходившими в стране социально-экономическими процессами, с ростом местного капитализма окончательно завершается процесс складывания ирландской нации. В своих основных чертах она сформировалась в XIX столетии, однако сам процесс, проходивший в условиях колониального порабощения и активной ассимиляторской политики Великобритании, был существенно задержан, деформирован, приобрел специфические черты.

Этнической основой ирландской нации явилось кельтское население острова, в основном ассимилировавшее пришлый англо-нормандский и более поздний, собственно английский элемент. В конце XIX—начале XX в. развернулось широкое движение за возрождение национальной культуры. В этот период активно развиваются ее основные жанры — национальная литература, национальная драма. Растет национальная историография, интенсивно исследуются и публикуются эпические произведения ирландского прошлого. Большую роль играли и общие для всей страны традиции национально-освободительной борьбы. В то же время для национальной буржуазии были характерны националистические идеи в духе «теории» национальной исключительности, «особого пути» Ирландии.

В особом положении находился Ольстер. Развитие в специфических условиях привело к складыванию здесь так называемой ольстерской этнотерриториальной группы, которая, однако же, не образует особую нацию и в нормальных условиях имеет очень мало шансов сохранить свою самобытность. В ее основе лежали английский и шотландский колонизаторские элементы. Большое значение для ее консолидации имел протестантизм.

Искусно используя особенности социально-экономического развития ирландского Северо-Востока в XVII—XX вв. (наличие здесь развитой промышленности, в основном интегрированной в северобританский промышленный район), умело играя на консерватизме и религиозной нетерпимости ольстерских протестантов, на их страхе перед мнимой «угрозой с Юга», правящие круги Великобритании сумели превратить Ольстер в плацдарм для сохранения своего господства над всей Ирландией. К началу XX в. здесь среди основной части протестантского населения развернулось движение за сохранение Ирландии как британской колонии,

Столпами этого движения являлись реакционные местные дворяне-землевладельцы и промышленные магнаты Белфаста. Политическую армию составили отравленные ядом шовинизма и джингоизма протестантские рабочие, фермеры и мелкая буржуазия. Когда в начале 1912 г. британские и ольстерские консерваторы-юнионисты вновь совместно выступили против намерения либералов — сторонников более гибкого курса в ирландских делах — предоставить стране ограниченную автономию (третий билль о гомруле), их ударным кулаком стали реакционные протестантские силы Северной Ирландии. К осени 1913 г. ими были созданы многотысячные воинские формирования (так называемый ольстерский добровольческий корпус), а также подпольное временное правительство «протестантской провинции Ольстер» во главе с Э.Карсоном, включавшее представителей крупного местного бизнеса и земельной знати. Оно объявило о своем намерении в случае принятия британским парламентом гомруля для всей Ирландии, опираясь на «добровольцев», захватить власть на севере страны.

Кризис достиг апогея весной 1914 г., когда высшие офицеры расквартированных в Центральной Ирландии регулярных британских войск отказались повиноваться приказу военного министра либерального кабинета выступить на Белфаст и пресечь назревающий мятеж. Либеральное правительство проявило слабость и отступило. Северные графства Ирландии были фактически исключены из сферы действия закона о гомруле.

В.И. Ленин вскрыл реакционный, классовый смысл кампании против гомруля, заключающийся в стремлении англо-ирландской реакции сохранить в неприкосновенности свои колониальные привилегии, задержать развитие национально-освободительной борьбы.

В 1913 г., в самый разгар борьбы за гомруль, национальными кругами на Юге страны, в Дублине, была создана массовая военизированная организация — так называемые Национальные волонтеры. Ее руководство провозгласило целью организации защиту гомруля. В короткое время численность составила 100 тыс. человек.

Усиление эксплуатации Ирландии британским империализмом в годы империалистической войны. Созревание предпосылок национально-освободительной революции

1 августа 1914 г., в день начала военных действий, усеченный гомруль (действие его не распространялось на шесть по преимуществу протестантских графств Северо-Востока) стал наконец законом. Была, однако, сделана одна существенная оговорка — ирландская автономия должна была стать реальностью лишь по окончании войны.

ИПП и стоявшая за ней часть торгово-ростовщической сельскохозяйственной и промышленной буржуазии немедленно отказалась от оппозиционности: 14 сентября Редмонд призвал способных носить оружие ирландцев вступить в британскую армию.

В первые месяцы войны более 100 тыс. ирландцев оказались в британских вооруженных силах. Мутный поток джингоизма захлестнул страну. Только небольшая группа ирландских социалистов-интернационалистов во главе с Дж. Конноли да республиканская оппозиция смело выступали против течения, однако силы их были чересчур ограничены, а голос слаб. Казалось, британская политика в Ирландии бесповоротно восторжествовала. Но прошло всего лишь три года, и ситуация в Ирландии в корне изменилась — лоялизм уступил место новому, еще более мощному подъему антиимпериалистических чувств, местная буржуазия, отрезвленная суровым уроком, вновь перешла в оппозицию. Парламентская партия из ведущей силы превратилась в политический труп.

В годы войны потерпели полный крах расчеты ирландской буржуазии существенно укрепить и расширить с помощью государства национальную промышленность. Ирландские заказы британского военного и военно-морского министерств почти целиком локализовались на Северо-Востоке страны, в протестантском Ольстере. Значительно усилилось финансовое ограбление Ирландии посредством чрезмерного налогообложения. Согласно данным ирландских национальных кругов, в одном лишь 1916 г. таким способом из страны было выкачано 8 млн. ф. ст., а в 1917 г. эта сумма возросла до 15 млн. ф. ст. В условиях роста государственно-монополистической тенденции английские правящие круги все больше использовали государство как главное орудие колониального ограбления соседнего острова. К концу войны английское правительство взяло под свой контроль по существу всю промышленность и транспорт (путем регламентации объема промышленной продукции в целом ряде отраслей и цен на нее, новых капиталовложений, снабжения оборудованием, сырьем и т. д.). В этот период начиналось прямое поглощение британскими монополиями ирландских компаний и фирм.

Война ускорила созревание предпосылок национально-освободительной революции, складывание которых в Ирландии происходило с начала XX в. Она особенно отчетливо показала, что дальнейшее сохранение империалистического господства в стране приходит во все большее противоречие с нуждами и потребностями молодого ирландского национального капитализма, всего ирландского народа.

Дублинское восстание 1916 г. и его последствия

Отправной точкой нового подъема национально-освободительного движения явилось ирландское восстание конца апреля 1916 г., получившее в народе имя «Красной» или «Кровавой пасхи». Идея восстания вынашивалась в национально-революционных кругах, близких к неогренианскому Ирландскому республиканскому братству, и оно осуществлялось под его эгидой. В качестве главной ударной силы должны были выступить Ирландские волонтеры (отколовшаяся в 1914 г., после начала мировой войны, и отказавшая в поддержке британскому империализму часть прежних Национальных волонтеров) и Гражданская армия — красная гвардия ирландских рабочих. Она насчитывала несколько сот человек и была создана Дж.Конноли в ходе всеобщей забастовки 1913-1914 гг. для защиты забастовщиков от произвола властей.

По замыслам политических вождей и главных военных руководителей дублинского восстания Падрейга Пирса и Дж.Конноли, восставшие должны были захватить ряд важнейших стратегических пунктов ирландской столицы. Это послужило бы сигналом к восстанию на периферии. Вожди восстания полагали, что пример повстанцев приведет к общенациональному взрыву и в условиях, когда основные вооруженные силы Англии были скованы на фронтах мировой войны, к освобождению страны от колониального рабства. 24 апреля 1916 г., в первый день восстания, премьер-министр созданного повстанцами правительства и главнокомандующий их силами П.Пирс объявил о создании независимой Ирландской республики. Его заместителем и командиром дублинских подразделений повстанцев был Дж.Конноли.

Основной документ восстания — Республиканская декларация, — буржуазно-демократический по своему характеру, был обращен ко всему ирландскому народу и имел целью способствовать созданию общенациональной, антиимпериалистической коалиции. Декларация явилась плодом союза радикально-демократического крыла национально-освободительного движения с авангардом ирландских рабочих. Авторы ее — Пирс и Конноли — призывали народ к оружию во имя его права «неограниченно и полно владеть своей страной и распоряжаться ее судьбами». Они обещали ирландцам всю полноту демократических свобод, счастье и процветание всей нации.

Планам восставших не суждено было сбыться. Идею восстания в последний момент отказалось поддержать официальное руководство Ирландских волонтеров. В результате из их общего числа — 15—18 тыс. человек в боевых действиях приняло участие немногим более 1 тыс. человек. Несмотря на это, повстанцы в Дублине в течение недели (с 24 по 30 апреля) героически сражались против многократно превосходящих сил противника. После разгрома восстания сдавшиеся вожди были зверски расстреляны британскими карателями. Несколько тысяч человек были брошены в концлагеря. В стране воцарились насилие и террор. «Я навсегда отобью у ирландцев охоту бунтовать», — заявил командующий британскими карательными силами в Ирландии генерал Дж.Максуэлл. Массовые репрессии против деятелей национально-освободительного движения продолжались и в последующие годы.

Восстание 1916 г. произошло в момент, когда в Ирландии еще не сложилась революционная ситуация, в связи с чем, не считая нескольких относительно слабых вспышек на периферии, восстание локализовалось в Дублине и не приняло массового характера.

Тем не менее ирландское восстание 1916 г. сыграло особую роль в подготовке национально-освободительной революции; после его подавления революционный процесс продолжал неуклонно развиваться, захватывая все более широкие массы народа.

Большое значение этому событию придавал В.И.Ленин, который отстаивал закономерность и историческую прогрессивность ирландской «Красной пасхи». Выступая против несостоятельных попыток объявить ее «путчем», В.И.Ленин отмечал: «Ирландское национальное движение, имея за собой века, проходя через различные этапы и сочетания классовых интересов, выразилось, между прочим, в массовом ирландском национальном конгрессе в Америке... высказавшемся за независимость Ирландии, — выразилось в уличных битвах части городской мелкой буржуазии и части рабочих, после долговременной массовой агитации, демонстраций, запрещения газет и т.п. Кто назовет такое восстание путчем, тот либо злейший реакционер, либо доктринер, безнадежно неспособный представить себе социальную революцию как живое явление».

В первых попытках угнетенных наций стряхнуть с себя империалистическое колониальное иго, используя крайнее обострение всех империалистических противоречий, В.И.Ленин различил новую, очень важную тенденцию мирового развития. Предвидя мощный подъем национально-освободительного движения и как его итог распад колониальной системы империализма, он предлагал рассматривать подобные выступления как часть мирового революционного процесса, важный компонент революционного преобразования старого мира. В.И.Ленин был убежден, что ирландское восстание 1916 г. сыграло свою позитивную роль в общем натиске передовых общественных сил на империализм.

Восстание 1916 г. явилось мощным импульсом усиления процесса консолидации ирландской нации, фактором быстрого роста национального самосознания. Пример героев 1916 г. значительно радикализировал широкие массы, заставив даже умеренные элементы считаться с возможностью вынужденного перехода к более решительным формам борьбы. Ранее незаметный Шин-фейн, сократившийся в первые военные годы до маленькой группки наиболее близких единомышленников и друзей Гриффитса, неожиданно зажил новой, небывалой жизнью. Под знамена этой организации, которой англичане создали своеобразную рекламу, необоснованно объявив восстание делом рук Шин-фейна, потянулись десятки и сотни тысяч людей. Уже в 1917 г. в городах и сельских округах Ирландии действовало 1,2 тыс. (но другим данным — 2 тыс.) местных отделений Шин-фейна. К ним причисляло себя 250—300 тыс. человек. Курс гомрулеров на «полное сотрудничество и объединение военных усилий Ирландии и Англии» доказал свою полную несостоятельность.

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция в России и Ирландия.

Спадение национальной антиимпериалистической коалиции

Большое влияние на развитие революционного процесса в Ирландии оказывали в эти годы события в революционной России. Уже революция 1905—1907 гг. вызвала отклики среди ирландских трудящихся, способствовала развертыванию стачечного движения среди ирландских рабочих. Огромное воздействие на антиимпериалистические слои ирландского общества сказал Великий Октябрь. Опыт Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. воспринимался Ирландией как пример победоносного восстания наиболее униженных и угнетенных социальных слоев во главе с пролетариатом, открывшего путь к строительству нового, справедливого общества без эксплуатации и угнетения. Глубокое впечатление на самые широкие слои ирландского народа произвели первые декреты Советского правительства о земле, о мире и особенно ленинская политика предоставления народам, входившим в бывшую Российскую империю, права самостоятельно решать свою судьбу. «Нигде большевистскую революцию не приветствовали с таким энтузиазмом, как в Ирландии», — писал очевидец и активный участник национально-освободительной борьбы, видный шинфейнеровский публицист Ут де Блоком.

Распространение опыта Великого Октября завоевывало тысячи новых сторонников лозунга «Рабочей республики». В ноябре—декабре 1917 г. в Дублине состоялись крупные массовые митинги и демонстрации трудящихся в поддержку героической борьбы пролетарских и крестьянских масс в далекой России. На августовском и ноябрьском съездах ИЛП—ИКТЮ (1918 г.) делегаты единогласно принимали резолюции поддержки основных принципов русской революции, указывали на их прямую связь с учением и заветами Дж.Конноли. Солидаризуясь с пролетариатом России, делегаты одновременно резко осудили империалистическую агрессию против Страны Советов.

В первые год-два после победы Октября официальные ирландские рабочие лидеры, вынужденные считаться с ярко выраженным настроением масс, нередко прибегали к «революционной» фразе. Однако по мере развития ирландской революции и классового конфликта в самом ирландском обществе этот показной радикализм тускнел, уступая место извращению опыта русской революции, злобным на нее нападкам (например, на Коркском съезде ИЛП—ИКТЮ в августе 1920 г.).

Влияние Октября выразилось прежде всего в мощной тяге пролетарских масс к организации, консолидации во имя достижения общих целей, в значительном подъеме социальной борьбы в городе и в деревне, подчас принимавшей невиданные здесь ранее формы («советское движение»), в укреплении позиций сторонников более решительных методов антиколониальной, национально-освободительной борьбы.

Наращение недовольства широких масс ирландского народа приводило ко все большему обострению антиимпериалистической борьбы. Ирландские народные массы сорвали в 1918 г. попытку правительства Ллойд Джорджа распространить всеобщую воинскую повинность на Ирландию. С весны 1918 г. по всей стране (за исключением Северо-Востока) прокатилась кампания бойкота товаров британского производства.

1917—1918 годы стали временем сплачивания в анти империалистическую коалицию ряда социально неоднородных национальных группировок.

Разгром восстания 1916 г. и гибель наиболее последовательных руководителей пролетарского авангарда и радикально-демократических кругов вывели на политическую авансцену в качестве лидеров «нового» (в отличие от старого — «гриффитовского») Шин-фейна уцелевших руководителей «Красной пасхи», ведущих деятелей подпольных республиканских клубов и волонтерского движения. Новое лидерство отражало наличие в ирландском освободительном движении тех лет двух главных тенденций — национал-реформистской, стоявшей в целом на позициях «старого» Шин-фейна, и более радикальной. Однако «осторожная оборонительная тактика, предпочтение мирным методам действия, недоверчивое отношение к выступлениям трудящихся за свои социальные права были типичны и для части республиканских лидеров, вставших у кормила «нового Шин-фейна».

25 октября 1917 г. на первом съезде «нового Шин-фейна» его президентом был избран один из немногих оставшихся в живых военных руководителей «Красной пасхи» Имон Де Валера — сын испанского эмигранта в США и ирландской крестьянки, преподаватель математики, весьма даровитый и тонкий политик, сочетавший стойкий патриотизм с немалым консерватизмом в социальных вопросах. Его заместителями стали А.Гриффитс и священник республиканец М.О'Фленеган.

Принятая съездом программа «нового Шин-фейна» явилась плодом компромисса между умеренными и левым крылом и в течение длительного времени давала почву для различных толкований. Конечной целью организации провозглашалось «обеспечение международного признания Ирландии в качестве независимой республики», после чего путем референдума ирландский народ должен будет сам установить удобную ему форму правления. Программа предусматривала созыв ирландского учредительного собрания, строительство «явочным порядком» ядра национальной экономики, системы образования, судебной системы и т.д. В этом съезд повторил почти без корректив позицию «старого» Шин-фейна. Трудящимся Ирландии была обещана «достаточная для жизни» заработная плата.

Что касается провозглашенных в программе принципов будущего государственного устройства Ирландии, то каждая сторона вкладывала в них свой смысл: Гриффитс и его последователи стремились использовать их для осуществления своей давней мечты — дуалистической монархии и равноправного с английским ирландского парламента. Последовательные республиканцы — К.Бругга, К.Маркевич, О.Стэк и др. — отказывались воспринимать их иначе как прямое и полное подтверждение республиканских принципов 1916 г. Сторонников компромисса, Имона Де Валеру в первую очередь, заботило сохранение организационного единства национального лагеря. Точно так же обстояло дело и с выраженные в программе намерением «прибегать к любым средствам». Несмотря на антиимпериалистический и антиколониальный в целом характер своей программы и деятельности, «новый Шин-фейн» много сделал для сдерживания революционной самостоятельности масс, разобщения национального и социального аспектов борьбы, суживания, ограничения перспектив ирландской революции. В 1917—1918 гг. среди лидеров преобладала вера в мирную перспективу движения. Основная часть его руководства в то время питала иллюзии, что судьба Ирландии будет благоприятно решена не на поле битвы в самой стране, а за столом переговоров в ходе близившейся мирной конференции по послевоенному устройству мира. Особые надежды возлагались на позицию США и лично на президента В.Вильсона.

В декабре 1918 г. национальные силы во главе с Шин-фейном одержали полную победу на первых послевоенных парламентских выборах. Успех Шин-фейна был тем более впечатляющ, что партия действовала полулегально, в обстановке жестоких репрессий. Предвыборный манифест Шин-фейна содержал сокрушительную критику Ирландской парламентской партии как силы, враждебной подлинным национальным интересам. В манифесте утверждалось, что Шин-фейн выступает не от имени какой-либо политической группировки, но как выразитель чаяний всей ирландской нации.

В итоге выборов Шин-фейн завоевал 73 из 105 мест в ирландских парламентских округах. Число парламентских мандатов Ирландской парламентской партии сократилось с 80 до 6 из 26 избранных юнионистов 23 да Ольстер. Подавляющее большинство ирландского народа, таким образом, высказалось за независимость, республику, разрыв с империализмом.

Организация Ирландских волонтеров — ядро национальной повстанческой армии

Военной опорой «нового Шин-фейна» стала организация **Ирландских волонтеров (ИВ)**, построенная по территориальному признаку добровольческая милиция. Со времени своего учреждения в 1913 г. ИВ претерпела значительную трансформацию. К 1916 г. 90% волонтеров по призыву Редмонда вступили в британскую армию. А из отказавшихся сражаться за интересы британского империализма (15—18 тыс. человек) лишь небольшая часть встала под ружье за дело революции в славные дни «Красной пасхи».

В 1917 и особенно в 1918 г. на волне нового подъема освободительной борьбы членство ИВ начало быстро расти. Летом 1918 г. оно поднялось до 100 тыс. человек.

Социальный состав волонтеров был довольно пестрым. Рабочие и служащие, студенты, торговцы, безработные, иногда предприниматели (в городе), батраки, фермеры и фермерские сыновья (в деревне) — так выглядело членство местных подразделений ИВ. Трудящиеся города и деревни составляли, таким образом, основную силу волонтеров, однако общий дух организации был «чисто национальный». В целом Ирландские волонтеры складывались как народная армия, преследующая близкие и понятные широким массам населения общенациональные цели борьбы за свободу.

В конце 1917 г на общенациональном съезде ИВ глава Шин-фейна Имон Де Валера был избран также и президентом Ирландских волонтеров. Командные должности в организации заняли и многие другие представители Шин-фейна. Это в немалой степени помогало руководству Шин-фейна навязывать волонтерам свою пассивную, выжидательную тактику. В противовес этому среди волонтерской массы на местах зрело сознание необходимости более решительного курса. Выразителями этой тенденции явились молодые, радикально настроенные офицеры Дэн Брин (из Типперэри), Лизм Линч, Томас Барри (Корк) и некоторые другие.

До реорганизации Ирландской республиканской армии (так с лета 1919 г. стали называться Ирландские волонтеры) весной 1921 г. самым крупным воинским соединением ИВ была бригада Она включала от семи до десяти территориальных батальонов, которые в свою очередь членились на 10—15 территориальных рот. Все эти подразделения имели, как правило, разное число бойцов (в роте — 50—100, в батальоне — 500—800, в бригаде — несколько тысяч человек).

Наиболее остро стояли перед ИВ проблемы вооружения и военного обучения. В среднем на одну бригаду приходилось несколько десятков боевых винтовок и карабинов, остальное оружие составляли револьверы и охотничьи ружья. Волонтеры почти не имели транспортных средств, средств связи, инженерного оборудования и располагали весьма ограниченными запасами взрывчатки. Но и с имеющимся боевым оружием умели обращаться лишь немногие, главным образом бывшие военнослужащие английской армии. Основную массу бойцов составляли так называемые частичные солдаты, днем занятые на фабриках и фермах, в конторах и мастерских, а вечерами или ночью несколько раз в неделю занимавшиеся военной подготовкой.

Рабочее и крестьянское движение в последние годы первой мировой войны

Национально-освободительное движение в Ирландии развивалось на фоне неутихавших социальных конфликтов и классовой борьбы трудящихся масс, нередко переплетавшихся с антиимпериалистическими выступлениями. Обострению этой борьбы способствовали углубление противоречий мирового империализма, резкое усиление нищеты в связи с военными трудностями и наступлением капиталистов на жизненный уровень трудящихся. Стоимость жизни в Ирландии по сравнению с довоенным периодом выросла вдвое. Многие десятки тысяч ирландских тружеников не имели работы. Все это привело к значительному увеличению численности профессиональных организаций ирландского пролетариата. Если в 1914 г. рабочих—членов профсоюза было менее 90 тыс., то к весне 1918 г их стало около 140 тыс. человек. К 1921 г. в профсоюзы вступило примерно 315 тыс. рабочих, т.е. до 60% всех лиц наемного труда в стране.

Крупнейшим и наиболее влиятельным ирландским союзом в 1918 г. оставался Ирландский союз транспортных и неквалифицированных рабочих (ИСТНР), насчитывающий до 50 тыс. членов, за ним шли два «британских» союза (т.е. ирландские филиалы общебританских союзов) — железнодорожников и машиностроителей, а также строителей, учителей, клерков и т.д. Старые цеховые союзы окончательно уступили место новым массовым организациям.

Вместе с тем приток в профсоюзы новых масс трудящихся, не обладавших, как правило, ни политическим опытом, ни достаточно развитым классовым сознанием, а также тысяч «белых воротничков» сделал ирландское рабочее движение еще более доступным для насаждения в нем буржуазных и мелкобуржуазных влияний, особенно националистической идеологии Шин-фейна. Еще более усложнилась задача изживания анархо-синдикалистских тенденций, что было насущно необходимо в условиях, когда рабочее движение наряду с Шин-фейном становилось одной из двух наиболее могущественных национальных сил.

После гибели Дж.Конноли наиболее видную роль в ирландском рабочем движении играл Т.Джонсон — многократный председатель Исполкома ИЛП—ИКТЮ, автор важнейших документов ирландского рабочего движения тех лет. По отзывам его приверженцев, он был пацифист, а по своим политическим убеждениям — гомрулер и всегда оставался сторонником действий, не выходящих за конституционные рамки. Джонсон и его ближайшие сподвижники — У.О'Брайен, К.О'Шаннон, Т.Форан — много сделали для того, чтобы связывать руки массовому рабочему движению, превратить его в политическом отношении в придаток Шин-фейна. Клятвы в верности заветам Дж.Конноли на деле оборачивались синдикалистской панацеей «борьбы в экономической сфере» вкупе с типичной для британских социал-реформистов «сдержанностью» в проведении стачечных боев

Яркий пример больших возможностей ирландского пролетариата дала победоносная всеобщая политическая стачка в апреле 1918 г., проведенная по всей стране (исключая Ольстер) в знак протеста против угрозы принудительного воинского набора. Однако выводы, которые сделали из нее официальные рабочие вожди, еще больше усилили в рабочем движении преклонение перед «всемогуществом» анархо-синдикалистских рецептов.

С особой силой проявились органические слабости ирландского рабочего движения в ноябре 1918 г. На специальном съезде ИЛП—ИКТЮ, собравшемся с целью наметить курс этой организации на грядущих парламентских выборах. В эти дни официальное руководство рабочего движения подвергалось сильнейшему давлению со стороны Шин-фейна. Первоначальное намерение лейбористов самостоятельно выступить на выборах было воспринято им как «антипатриотический акт». 29 октября 1918 г. национальный съезд Шин-фейна потребовал, чтобы каждый лейбористский кандидат был подвергнут «строгому испытанию» на предмет его преданности национальному делу.

В ответ на это унижительное требование Национальный исполком ИЛП—ИКТЮ принял беспрецедентное решение отказаться от участия в избирательной борьбе. Выступая на съезде от имени Исполкома, Т.Джонсон заявил: «Для ирландских рабочих гораздо более важно организовать в промышленной сфере для борьбы против класса капиталистов, чем захватывать политическую власть». Отказываясь от участия во всеобщих выборах, отстраняясь тем самым и от участия в формировании высших законодательных и административных учреждений новой республики, ИЛП—ИКТЮ по существу отдавала всю сферу политической жизни в стране в руки национально-буржуазного шинфейнеровского руководства. Это было более чем на руку шинфейнерам, стремившимся во что бы то ни с гало блокировать рост социальной борьбы, перевести развитие освободительной революции на рельсы «чисто национального» конфликта.

Шин-фейну по существу удалось одержать бескровную победу над ирландским рабочим движением, что фактически означало сужение целей и ограничение перспектив ирландской революции. Самоустранение с политической арены (хотя частичное и вынужденное) единственной организованной массовой силы, способной толкать эту революцию влево, не могло не отразиться весьма тяжело на всем ходе антиимпериалистической борьбы и ее итогах.

Завершающий период мировой войны стал для Ирландии также и временем обострения борьбы аграрной. На нищем Западе, который стал главным очагом аграрных выступлений, в центре борьбы стоял мелкий фермер, стремившийся к скорейшему разделу и использованию сохранившихся здесь многочисленных помещичьих латифундий, а также скотоводческих ранчо, с ним смыкались полубатрацкие элементы — коттеры и собственно батраки, не оставлявшие надежды вернуться на землю самостоятельными хозяевами.

В конце 1917—начале 1918 г. в стране стала реальностью угроза повторения «великого голода» 40-х годов XIX в. В этих условиях Шин-фейн в союзе с организованным рабочим движением осуществил широкую и эффективную кампанию за ограничение и контроль над экспортом продовольствия из Ирландии. На первых порах была провозглашена распашка части пастбищных земель, остававшихся до сих пор в руках лендлордов.

Вначале кампания проходила организованно. Проводилась она местными отделениями Шин-фейна. Экспроприируемые лендлорды получали небольшую компенсацию. Но очень скоро крестьяне начали делить землю самочинно. К началу весны 1918 г. аграрная война захватила ряд графств Запада и Юго-Запада. Такие действия все чаще задевали не только лендлордов, но и крупных рэнчеров — скотоводов.

Британские власти поспешили прийти на выручку напуганным земельным собственникам. В марте 1918 г. Клер, Роскоммон и другие графства Запада оказались на военном положении. Крупные британские воинские части жестоко расправились с участниками аграрных выступлений.

Подобное развитие событий напугало и шинфейнеровское руководство; последнее специальным циркуляром запретило дальнейшее осуществление аграрных захватов как «не отвечающее интересам ирландской нации».

XI. Ирландская национально-освободительная революция 1919—1923 гг.

Англо-ирландская война 1919—1921 гг.

Этот важнейший период национальной истории Ирландии распадается на два неразрывно связанных между собой этапа — Англо-ирландскую войну 1919—1921 гг., называемую иногда также ирландской Войной за независимость, и последовавшую за нею с лета 1922 г. Гражданскую войну. В ходе последней левые силы ирландского общества боролись за то, чтобы углубить развивающийся революционный процесс, противостоять намерениям правобуржуазных кругов остановить ирландскую революцию. Национально-освободительная, антиимпериалистическая революция в Ирландии завершилась весной 1923 г. поражением левореспубликанских сил и утверждением у власти умеренных кругов местной национальной буржуазии.

В эти годы ирландский народ, поднявшись вновь на решительную борьбу с намного превосходящими силами врага, проявил поразительную стойкость, мужество и самоотречение. Могущественный британский империализм, недавний победитель в первой мировой войне, был вынужден отступить, существенно пересмотрев свои отношения с «мятежным» островом. Блестяще подтвердился ленинский прогноз о неизбежности, прогрессивном характере и шансах на успех национально-освободительных войн в новую, империалистическую эпоху. Основной причиной развязывания вооруженной борьбы явилась жестокая, бескомпромиссная политика в Ирландии британского правительства. Тон в ней задавали упоенные военной победой твердолобые консерваторы. Лишь за период с 1 января по 8 ноября 1919 г. британские оккупационные войска и королевская ирландская жандармерия произвели в стране 11 тыс. вторжений в жилища ирландцев под предлогом обысков, облав и т.д.; было вынесено около 1 тыс. судебных приговоров, из них треть — военными трибуналами. У ирландцев не было другого выбора, кроме обращения революционными методами борьбы.

21 января 1919 г. близ местечка Солохедбег в Типперери группа волонтеров с Д.Брином во главе атаковала полицейский эскорт, охранявший груз взрывчатки. Последняя была захвачена, двое жандармов убиты на месте. Этим событием обычно датируют начало Англо-ирландской войны, которая к лету 1920 г. охватила значительную часть страны.

В тот же день, 21 января, в Дублине 29 из общего числа 73 избранных на недавних парламентских выборах шинфейнеровских депутатов (остальные находились в британских тюрьмах) собрались в здании ратуши и провозгласили себя полномочным законодательным учреждением — парламентом (по-ирландски — **Доиллом**). На своей первой, длившейся всего два часа сессии Доилл принял три важных документа: Декларацию Независимости, Призыв к народам мира и Демократическую программу. Время созыва самочинного ирландского парламента было выбрано не случайно: тремя днями раньше в Париже начала заседать конференция по послевоенному устройству мира. К ней-то в первую очередь и апеллировал нелегальный ирландский Доилл.

В первых двух документах провозглашалась суверенная Ирландская республика, содержалось требование вывода из страны всех иностранных (т.е. английских) оккупационных войск. Дойл обращался с призывом ко всем народам и правительствам признать Ирландию как независимое государство и обеспечить ее представительство на Парижской мирной конференции. В призыве к народам мира констатировалось «существующее состояние войны между Ирландией и Англией, которое будет продолжаться до тех пор, пока страну не покинут британские вооруженные силы».

В Демократической программе утверждалось неотъемлемое право ирландского народа самостоятельно распоряжаться всеми национальными ресурсами, было записано также, что гарантированное право частной собственности должно быть, однако, подчинено интересам нации в целом.

Значительное место в программе заняло изложение экономической политики Шин-фейна. Речь шла об использовании местных природных ресурсов, развитии мореплавания, торговли, поощрении промышленного прогресса «на плодотворных и прогрессивных путях кооперации». Таким образом, программа нацеливала усилия ирландского народа на борьбу за построение независимой национальной экономики — ориентация, объективно носившая антиколониалистский, антиимпериалистический характер. Социальные требования в программе были сформулированы весьма неопределенно. Первоначальный набросок текста, который руководство Шин-фейна доверило написать лейбористскому лидеру Т.Джонсону, подвергся правке шин-фейнера Э.О'Мелли, в результате чего были исключены пункты о поощрении рабочего контроля на производстве, о национализации собственности антинациональных и контрреволюционных элементов, иными словами, требования, навеянные примером революционной России, а также практикой ирландского «революционного синдикализма».

Одной из первых внешнеполитических акций нелегального ирландского парламента явилась посылка специальной делегации в Париж для защиты интересов страны на мирной конференции. Однако Ирландия не была признана суверенной страной, ее делегаты не получили слова на широком международном форуме, их отказался принять В.Вильсон.

Не была удачной и продолжавшаяся около полутора лет миссия первого премьер-министра Ирландской республики И. Де Валеры в США (он отбыл туда в середине июня 1919 г., оставив А.Гриффитса своим заместителем). Она была предпринята с целью склонить американское правительство и руководство обеих главных политических партий к мерам в пользу ирландского национального дела. Де Валере удалось способствовать притоку в Ирландию из США финансовой помощи. Однако добиться большего он не смог. «Разочарование — не то слово» — так охарактеризовал настроение возвращавшегося домой ирландского премьера сопровождавший его видный республиканец Л.Меллоуз.

Справедливая борьба ирландского народа встретила сочувственный отклик в Советской России, верной ленинским принципам солидарности с прогрессивными национально-освободительными движениями. Определяя главные направления борьбы мирового коммунистического движения, В.И.Ленин писал: «...необходима прямая помощь всех коммунистических партий революционным движениям в зависимых или неравноправных нациях ...» Одной из первых в списке значилась Ирландия. Летом—осенью 1920 г, в момент разгара боевых операций в Ирландии, советские дипломаты в США начали переговоры с представителями борющейся страны. Был представлен проект договора между РСФСР и Ирландской республикой. Оба государства, говорилось в нем, преследуют общую цель «положить конец империалистической эксплуатации, обеспечить свободу мировых торговых путей, добиться всеобъемлющего разоружения... обеспечить мир всем народам земли». Советское правительство брало на себя обязательство сделать все, что в его силах, для обеспечения признания Ирландии суверенным государством другими странами, препятствовать поставкам оружия и военных материалов для борьбы с ирландской революцией. Однако намечавшемуся сближению не было дано развиваться и окрепнуть. Де Валера отказался дать своим представителям полномочия для подписания договора.

Находясь в предельно тяжелых условиях, отражая третий поход Антанты, Советская Россия явилась единственным государством, протянувшим руку помощи восставшим ирландцам. Но национально-буржуазное руководство, проявив классовую узость, отказалось от этого союза. Империалистическое кольцо вокруг Ирландии не было ослаблено.

В годы Англо-ирландской войны под эгидой ирландского Дойла предпринимались безуспешные попытки строительства явочным путем ирландской государственности. 2 апреля 1919 г. Дойлом был сформирован кабинет министров: кроме премьера в него вошли десять руководителей министерств (внутренних дел, обороны, иностранных дел, труда, промышленности, финансов, местного самоуправления) и управлений (по сельскому хозяйству, пропаганде и торговле). Однако в условиях военной оккупации Ирландии британскими войсками деятельность их в общенациональном масштабе не могла быть широкой и достаточно эффективной. Кроме самого Дойла, активно действовали **Ирландская республиканская армия**, созданные при министерстве внутренних дел республиканская полиция и республиканские суды, арбитражная система министерства труда и ведомство национальных займов при министерстве финансов.

Весьма успешно работали республиканские суды, тайные сессии которых проходили даже в таких переполненных войсками и полицией городах, как Дублин и Корк. Их деятельность по существу означала крах британской судебной системы на территории Ирландии. Активно шла мобилизация средств на нужды ирландской революции путем выпуска Дойлом национального займа.

Отношения, сложившиеся между Дойлом и созданным им временным правительством Ирландской республики во главе с И. Де Валерой и Ирландской республиканской армией, носили противоречивый характер. ИРА считалась национальной армией, действовавшей под эгидой Дойла, однако на деле она боролась независимо. В августе 1919 г. военный министр К.Бругга (последовательный республиканец) потребовал, чтобы все члены ИРА приняли присягу на верность Дойлу, но добиться этого ему не удалось. Очень многие солдаты и офицеры ИРА опасались умеренного курса Дойла, многие влиятельные лидеры которого, и в первую очередь А.Гриффитс, мечтали о мирной, конституционной революции.

В марте 1919 г. под нажимом Гриффитса Исполком Шин-фейна призвал к «мирному отвоєванию Ирландии» — перестройке явочным порядком аппарата власти на местах, подчинению населения законам и распоряжениям Дойла. В этом же духе была выдержана и принятая на заседании Дойла 10 апреля 1919 г. декларация о политике Ирландской республики в отношении британских оккупационных властей. Согласно этому документу, главный удар должен был быть направлен против королевской ирландской жандармерии (в это время ее численность достигала 13 тыс. человек). К ней предлагалось применять старое оружие ирландцев — бойкот. В декларации ни слова не говорилось о вооруженной борьбе.

Летом того же года английские власти решили форсировать военное решение ирландской проблемы. Численность войск и полицейских подразделений на острове была доведена до 60 тыс. человек. Были приведены в полную боевую готовность военные лагеря и рассеянные по всей стране укрепленные жандармские посты. 12 сентября Дойл был объявлен вне закона, а участие в его заседаниях приравнено к политическому преступлению. По всей стране начались жестокие репрессии против шинфейнеров, членов Гэльской лиги, рабочих союзов и других прогрессивных и патриотических организаций. Это было равносильно объявлению войны ирландскому народу, ведущейся террористическими методами. В ответ на репрессии с осени 1919 г. ИРА усилила военные действия против полиции и английских оккупационных войск.

Осмысление уроков 1916 г. способствовало тому, что идея «прямой конфронтации» повстанческих отрядов с британской армией уступила место более гибкой и реалистичной концепции «ирландской герильи», осуществляемой силами мелких подвижных партизанских отрядов. Бойцы ИРА не стремились к крупным сражениям во избежание лишних жертв.

ИРА не рассчитывала на помощь извне и полагалась всецело на свои силы. У нее не было достаточно крупных воинских формирований и оружия для войны в полевых условиях, однако хватило сил, чтобы противопоставить английским оккупационным войскам весьма эффективное и грозное оружие — партизанскую народную войну.

«Войной по-ирландски» руководили главным образом командиры местных подразделений ИРА — рот, батальонов и бригад, очень часто действовавшие на свой страх и риск, без достаточной координации с соседними формированиями и находившимся в Дублине Главным штабом. В ходе боев выросли кадры талантливых военных руководителей. Среди них командиры манстерских бригад ИРА генералы Т.Барри и Л.Линч, командиры повстанцев Типперэри Д.Брин, Э.О'Мэлли и многие другие.

Наряду с военными действиями в сельской местности повстанцы нападали на английские войска, полицию и чиновников колониальной администрации в городах, совершенствуясь в искусстве уличной борьбы мелкими мобильными группами. Так, для этой цели в Дублине было создано специальное мобильное соединение

Лкгишю велась война между тайными агентами обеих сторон, в ходе которой выдвинулся молодой министр финансов временного правительства и одновременно один из высших офицеров ИРА генерал М.Коллинз. Сын фермера из Корка, которому позже суждено было стать «Наполеоном ирландской революции», он сочетал большую личную храбрость и редкий организаторский дар с крайним национализмом.

До осени 1920 г. ИРА придерживалась тактики неожиданных, хорошо подготовленных атак на казармы, жандармские посты, патрули, постоянно держа в руках тактическую инициативу. Часто устраивались завалы на дорогах, взрывы мостов, разрушения телефонных линий, что выводило из строя вражеские коммуникации, затрудняло быстрое перемещение войск противника. Весной 1920 г. королевской ирландской жандармерии было приказано оставить на произвол судьбы свои посты в сельской местности и сконцентрироваться в городах. В результате целые обширные районы страны оказались фактически под контролем ИРА. В этом же году произошла ее реорганизация: главной ударной силой становятся так называемые летучие колонны — отборные, боевые группы разной численности, создававшиеся на базе территориальных батальонов и бригад.

В этих условиях британские власти решили сделать ставку на вновь созданные ими почти исключительно из англичан — участников мировой войны, главным образом отставных офицеров и унтер-офицеров британской армии, — специальные карательные формирования — так называемых «вспомогательных» и «чернопегих» (названы так за обмундирование, представлявшее собой смесь полицейского мундира с формой военнослужащего британских вооруженных сил). Осенью 1920 г. их насчитывалось уже 15—16 тыс., и фактически они заменили развалившуюся королевскую жандармерию.

Новые отряды высокооплачиваемых (им платили от 10 шилл. до 1 фунта за день «работы») наемников британского империализма, проникнутых духом шовинизма и расизма, за короткое время превратили Ирландию в царство насилия, разбоя, беспримерного кровавого террора.

В так называемой «войне чернопегих», развернувшейся осенью 1920 г., ИРА пришлось видоизменить свою тактику. Небольшие вражеские отряды, организованные по типу коммандос, передвигались с большой скоростью на вооруженных тяжелыми пулеметами военных грузовиках. Они быстро реагировали на действия республиканских «летучих колонн». Бойцы ИРА вынуждены были перейти к обороне, их главным тактическим средством стала теперь засада.

В это время Исполком британской Лейбористской партии прислал в Ирландию специальную комиссию в составе А.Гендерсона и У.Адамсона для ознакомления с обстановкой в стране. Будучи убежденными противниками революционной, освободительной борьбы ирландского народа, представители лейбористской верхушки в отличие от британского правительства занимали, однако, более гибкие позиции, выступали за прекращение военного террора, за переговоры с республиканцами.

В этом духе и был составлен пространный отчет, содержащий тяжкие обвинения в адрес британского правительства и его оккупационных сил. Шесть главных рубрик отчета говорят сами за себя: «Общий терроризм и провокации», «Поджоги», «Преднамеренное истребление собственности», «Грабежи», «Насилия над личностью», «Расстрелы». Подчеркивая силу и эффективность сопротивления ИРА, авторы отчета отмечали, что «без сочувствия и поддержки огромного большинства населения она не могла бы существовать».

Ирландский рабочий класс в борьбе за независимость страны. Классовая борьба в период Англо-ирландской войны

В годы Англо-ирландской войны большого размаха достигло массовое движение. Оно развивалось и как широкие массовые акции в поддержку национальных лозунгов, против политики британского империализма и колониальных властей в Ирландии, и как классовая борьба ирландских рабочих и крестьян — организованных и неорганизованных — за свои социальные права, против английских собственников в Ирландии и местной буржуазии.

Обострение классовой борьбы стимулировали развивавшиеся в годы военной разрухи и опустошений экономический кризис и безработица (летом 1920 г. в Ирландии насчитывалось более 100 тыс. безработных, составивших почти 20% всего городского и сельского пролетариата). Вновь резко подскочила стоимость жизни. В деревне усилилось аграрное перенаселение, резко обострился земельный голод, ожесточилась борьба за участки.

Развитие классовой борьбы находилось в прямой связи с социальной политикой ирландского Дойла. Несмотря на усилия имевшихся в нем радикальных депутатов, его умеренное большинство не собиралось реализовывать даже более чем скромные обещания Демократической программы. В целом же социальный курс Дойла определялся формулой премьер-министра Де Валеры, использованной им 11 апреля 1919 г. в ходе обсуждения вопроса о социальной политике его кабинета: «Рабочий класс обязан ждать».

Вместе с тем руководство Шин-фейна, действуя в интересах сохранения капиталистического строя, стремилось распространить в массах иллюзии о «надклассовом характере» своей организации и проводимой ею политики. Во имя этого представители ирландской национальной буржуазии порой шли на вынужденные уступки народным массам, иногда за счет отдельных капиталистических собственников.

Массовые выступления ирландского рабочего класса, проходившие под национальными лозунгами, являлись важнейшей частью антиколониальной борьбы. Наиболее эффективным, апробированным оружием была всеобщая политическая стачка. С декабря 1919 по февраль 1920 г. продолжалась всеирландская (исключая ольстерский Северо-Восток) забастовка шоферов и автомехаников. К ним присоединились железнодорожники и докеры. В портах с прибывших из Англии судов не разгружались военные грузы, воинские составы замирали на рельсах, колонны военных грузовиков не могли покинуть гаражи. Причиной стачки явилась попытка британских властей превратить ирландских транспортников в своих пособников по борьбе с ИРА.

17 апреля 1920 г. Объединенный исполком Лейбористской партии и Ирландского конгресса тред-юнионов обратился с призывом ко всем рабочим Ирландии прекратить на следующий день работу и продолжать стачку до освобождения британскими властями более 100 пленных республиканцев, заключенных в Маунтджойской тюрьме. В ответ на этот призыв трудящиеся повсюду, за исключением района Белфаста и некоторых других ольстерских районов, прекратили работу, остановился транспорт. Через два дня колониальные власти освободили заключенных, жизнь которых висела на волоске.

А за неделю до этого вспыхнула политическая стачка против произвола местной военной администрации и полицейских властей в графстве Лимерик. Здесь рабочие в течение нескольких дней удерживали в своих руках крупный город Лимерик с округой.

Положение контролировали рабочие комитеты или советы. Совет Лимерика успел даже выпустить свои банкноты. Совет центра Восточного Лимерика города Килмаллок взял под свой контроль запасы и распределение топлива и продовольствия, транспортные средства, охрану порядка и т.д.

Эта стачка также окончилась победой. Однако, и это весьма характерно для практики ирландского анархо-синдикализма, по достижении непосредственно поставленных целей все органы рабочей власти тут же самораспустились

Крупнейшей по масштабам, длительности, по своим последствиям явилась начавшаяся в мае 1920 г. по призыву ИСТНР и продолжавшаяся более чем полгода стачка против ввоза вооружений. Начало ее совпало с переброской в Ирландию первых отрядов «вспомогательных» и «чернопегих». В этот момент ирландские транспортники — докеры, железнодорожники, шоферы отказались сгружать и перевозить английские военные грузы, а также отряды полиции и оккупационные войска. В течение долгого времени английское правительство вынуждено было использовать на этих работах военнотружущих.

Борьба ирландских транспортников ограничивала мобильность английской полиции и воинских подразделений, их боеоборудование, сковывала их возможности с необходимой быстротой реагировать на атаки ИРА. «Шин-фейн без рабочего класса лишь обломал бы свои крылья о тюремные решетки», — писала в дни этой стачки лондонская газета «Дейли ньюс».

В 1920 г. эффективную поддержку борющейся Ирландии оказывали отдельные отряды британского пролетариата, в среде которого пробивал себе дорогу лозунг «Мир с Ирландией! Руки прочь от Ирландии!». В апреле 1920 г. прекратили работу 20 тыс. портовиков Ливерпуля, солидарные с лозунгами всеобщей политической забастовки в Ирландии. Летом того же года отмены военного положения в Ирландии потребовали шотландские горняки, а в июле к этому требованию присоединился английский конгресс тред-юнионов, выступавший от имени 5,3 млн. своих членов. Однако правым лидерам британского рабочего движения удалось резко ограничить развертывавшуюся кампанию солидарности с Ирландией.

В борьбу в защиту справедливых национальных требований ирландского народа включилась только что созданная Коммунистическая партия Великобритании. Это была единственная политическая организация метрополии, выдвинувшая и последовательно отстаивавшая требование полного, ничем не ограниченного самоопределения Ирландии.

Классовый конфликт в Ирландии достиг наибольшей остроты весной—осенью 1920 г. Борьба велась главным образом за экономические требования (увеличение заработной платы, сокращение рабочей недели, предоставление оплачиваемых отпусков и т.д.), большинство стачек заканчивалось победой рабочих. На волне стачечной борьбы росло число организованных рабочих, значительно увеличивались членство и авторитет ИСТНР.

В апреле 1920 г. организованное рабочее движение одержало крупную победу: осуществленный под его эгидой контроль над вывозом в Англию ирландского скота заставил представителей британской колониальной администрации и ирландских предпринимательских союзов согласиться на продажу в Ирландии 30% предназначенного к вывозу скота по согласованным с Исполкомом ИЛП—ИКТЮ ценам. А в середине этого месяца в городе и округе Ноклонг (гр.Лимерик) в ответ на отказ администрации компании «Кливз» удовлетворить требования рабочих об увеличении зарплаток и смещении ненавистного управляющего рабочие захватили маслобойни и организовали самостоятельное производство под контролем руководителей местного отделения ИСТНР. К работе приступило 13 «советских маслозаводов». Через пять дней фирма «Кливз» удовлетворила все требования забастовщиков.

После того как был одержан успех, совет объявил о самороспуске, отметив, что захват предприятий — это новая форма борьбы, к которой в случае необходимости будут прибегать ирландские рабочие. Идея эта — плод внедрения в Ирландию опыта русских рабочих и популярности старого, отстаивавшегося Дж.Конноли принципа рабочего контроля на предприятиях. Позже ему стремились следовать шахтеры, пекари, рабочие беконных фабрик; особенно горячо он был поддержан сельскохозяйственными рабочими и мелкими крестьянами. Классовая борьба в Ирландии вступала в новую фазу.

С марта 1920 г. начался бурный подъем аграрного движения: впереди шли батраки, безземельные и малоземельные фермеры и арендаторы — члены ИСТНР. Всю вторую половину марта продолжалась победоносная всеобщая стачка батраков графства Дублин. В апреле в Голуэе тысячи батраков и мелких крестьян начали сгонять с пастбищ скот лендлордов и рэнчеров, разрушать изгороди, захватывать участки. В мае движением была охвачена вся Западная Ирландия — Коннот. Затем волна аграрной борьбы распространилась на Юг. К концу мая произошло около 100 случаев захватов земли общей площадью 18,5 тыс. га. Кое-где были сделаны попытки организовать сельскохозяйственное производство на общественных основах. Массовый характер принял отказ вносить плату английскому правительству в счет покрытия долга за выкупленные участки.

Во главе аграрного движения на Западе и Юге, как правило, стояли комитеты или советы, где руководящую роль играли мелкие фермеры и батраки. Советы вступали в переговоры с собственниками земли и рэнчерами, предъявляли им требования от имени трудящихся масс, назначали состав самочинных аграрных «судов справедливости» и приводили в исполнение их приговоры. «Советское движение» стало важным фактором в жизни обширных районов сельской Ирландии, оно внушало страх руководству Шин-фейна, немало тревожило и официальных лидеров ирландского рабочего движения.

Происходивший в условиях все ускоряющегося развала аппарата британской колониальной власти подъем массового движения весной—летом 1920 г. наглядно продемонстрировал огромные потенциальные возможности ирландского рабочего движения, и в первую очередь его организованной части во главе с ИСТНР. Его натиск почти повсеместно привел к существенному повышению заработной платы, уменьшению рабочей недели, улучшению условий труда. В ту пору резко выросла боевитость ирландских рабочих, поднялось их классовое самосознание. Обладая они тогда последовательным революционным руководством, ирландская национально-освободительная революция могла бы продвинуться значительно дальше.

В этих условиях решающее слово мог сказать собравшийся в начале августа в Корке 26-й очередной съезд Ирландского конгресса тред-юнионов и Лейбористской партии, на который прибыло 250 делегатов.

Этот съезд в известной степени отразил возросшую силу ирландского рабочего движения. В своей речи председатель Объединенного исполкома Ирландского конгресса тред-юнионов и Лейбористской партии Т.Фаррен отметил, что внушительные успехи ирландских рабочих в последние годы вплотную подводят их к ликвидации капитализма и замене его новым, «кооперативным строем экономической свободы, основанным на рабочем контроле над промышленностью».

Фаррен разоблачил интервенцию империалистических держав против Советской России, высказал от имени ирландских рабочих восхищение победами русских братьев и призвал рабочих всех стран следовать по их пути. Резко осудив террор и насилие, установленные в Ирландии британским империализмом, он заявил, что ирландские рабочие сделают все, чтобы положить этому конец. Съезд с энтузиазмом встретил приветствие молодой Компартии Великобритании.

В то же время на съезде произошла жаркая схватка между левыми и умеренными делегатами по вопросу об отношении к Коминтерну. Резолюция Дублинского совета тред-юнионов о желательности присоединения к Коммунистическому Интернационалу была лишь «принята к сведению». Вторая, более умеренная резолюция, призывавшая иметь такую возможность в виду, была отвергнута 97 голосами против 54. Среди поддержавших были объявившие себя в то время «коммунистами» оппортунистические лидеры созданной в 1918 г. небольшой Социалистической партии Ирландии К.О'Шаннон и У.О'Брайен, изгнанные из нее осенью 1921 г., в момент образования Компартии Ирландии.

В связи с этим речь от имени большинства членов Объединенного исполкома произнес Т.Джонсон. Она отличалась клеветническими выпадами в адрес революционного пролетариата Советской России, международного коммунистического движения и беззастенчивой апелляцией к мещанской узости, национальному самодовольству отсталой части ирландского рабочего класса.

Принятое съездом требование вывода британских войск, полиции, упразднения колониальной администрации, предоставления Ирландии права самой решать свою судьбу было истолковано реформистскими лидерами как призыв отстаивать обычную буржуазную республику. Съезд не дал должного направления развивавшейся классовой борьбе. В области экономики он и вовсе в духе Шин-фейна ограничился принятием резолюции в поддержку национальной промышленности и кооперативных предприятий, включая рабочие кооперативы.

Капитулянтская линия оппортунистических лидеров массовой рабочей организации позволила Шин-фейну укрепить свое влияние в рабочих массах, облегчая буржуазным националистам проведение политики сдерживания классовой борьбы, локализации и смягчения классовых конфликтов. Для этих целей наряду с декларированием некоторых частных социальных мероприятий, трактовавшихся как выполнение постулатов Демократической программы, Шин-фейн учредил в городах и сельских местностях Ирландии десятки так называемых арбитражных судов (промышленных и земельных). В ходе разбирательства конфликтов в промышленности эти суды чаще всего стремились вынести компромиссные решения, лишь частично удовлетворявшие справедливые претензии рабочих.

Буржуазная природа Шин-фейна особенно раскрылась во время его участия в непосредственно затрагивавших права собственности спорах о земле. Шинфейнеровские земельные суды с полной нагрузкой работали в десяти западных графствах. До конца 1920 г. они «уладили» более 400 дел о захвате помещичьих и рэнчерских угодий. Очень часто суды выносили приговоры, благоприятные для собственников земли. Против недовольных нередко использовалась республиканская полиция и местные подразделения ИРА. «Виновные» арестовывались, подвергались заключению. Так Шин-фейн поставил ирландскую народную армию на защиту частной собственности. К началу 1921 г. аграрное движение спало, уменьшился накал борьбы в городах.

Крупную роль в торможении революционного процесса в Ирландии играла ирландская католическая церковь. В годы Англо-ирландской войны она всеми имевшимися в ее распоряжении средствами выступала против «крайностей»: вооруженной борьбы, социальных конфликтов, захватов частной собственности. Хотя некоторые священники и принимали участие в освободительной борьбе, входили в состав Шин-фейна, тем не менее католическое духовенство, широко используя идеи «социального католицизма», в своей значительной части проповедовало умеренно-реформистский курс.

Англо-ирландский договор 6 декабря 1921 г. и образование Ирландского свободного государства

К весне 1921 г. военные действия в Ирландии приняли широкий размах и достигли особого ожесточения. ИРА перешла к операциям крупного масштаба против английских войск и колониальной администрации. К концу апреля этого года по всей стране было уничтожено или приведено в негодность до 800 полицейских постов, войсковых казарм и укрепленных пунктов, число убитых, раненых и пропавших без вести с британской стороны приближалось к 1 тыс. человек. К лету 1921 г. общая численность ИРА достигла около 100 тыс. бойцов.

К этому времени правящим империалистическим кругам Великобритании стало ясно, что «лобовая атака» на ирландский народ на этот раз безнадежно провалилась: пришло время поиска новых путей. Экономический и финансовый кризис в самой Англии, угрожающее падение промышленного и сельскохозяйственного производства, резкое увеличение безработицы сочетались с нарастанием социальной напряженности. Война с ирландским народом стоила британскому казначейству 1,5 млн.ф.ст. в неделю, в ней участвовало более 100 тыс. английских солдат и полицейских.росло сопротивление и в других колониях, потрясенной амритсарской резней Индии, Египте.

Каждый месяц войны увеличивал силы английских сторонников замирения с Ирландией; ими были лейбористы, значительная часть либералов. Активную работу во имя признания справедливых прав ирландского народа проводили британские коммунисты.

Летом 1921 г. авторитетные британские военные специалисты считали, что условием полной победы может явиться лишь посылка в Ирландию новой сотысячной армии. Но на это в 1921 г. британский империализм уже решиться не мог. Военно-политический крах ирландской политики Великобритании был очевиден. «Теперешние «победители» в первой империалистской войне не в силах победить даже маленькой, ничтожно маленькой Ирландии...» — отмечал В.И. Ленин.

Среди шинфейнеровского руководства также имелось немало лиц, стремившихся скорее покончить с затянувшейся войной. Их тревожил в первую очередь подъем классовой борьбы в лишенной твердой власти стране, растущая угроза основам собственности и буржуазного правопорядка. 25 января 1921 г. в Дойле во время дискуссии об англо-ирландских отношениях два депутата — Р.Суитмен и Л. де Ройст — выступили с требованием форсирования заключения перемирия. Тем не менее значительное большинство принявших участие в дискуссии депутатов, включая некоторых министров, резко и определенно возражали против прокламировавшегося капитулянтского курса. К ним присоединился в своем заключительном слове премьер-министр Де Валера. В конце марта 1921 г. Дойл наконец официально объявил Англии войну от имени Ирландской республики. Однако 11 июля по предложению британского правительства военные действия были прекращены. Наступило перемирие, во время которого обе стороны вели активные дипломатические переговоры.

Они происходили в условиях нового серьезного обострения социальной борьбы в Ирландии. Экономическое положение в связи с кризисом и военной разрухой стало еще более тяжелым. Число безработных равнялось 120 тыс. человек, более полумиллиона жителей были официально признаны голодающими. Вновь начались захваты предприятий, продолжавших работу под контролем рабочих. В августе 1921 г. изгнали хозяев и самостоятельно в течение некоторого времени осуществляли производство горняки одного из немногих ирландских угольных месторождений — Аригны (графство Лейтрим). В сентябре рабочие советы взяли под контроль сталелитейный завод в г. Дрогеда, хлебозаводы Брури. По всей стране развернулась интенсивная стачечная борьба.

В начале октября 1921 г. в Дублине начала выходить новая рабочая газета «Уоркерс рипаблик» (по имени газеты, основанной в 1898 г. Дж.Конноли и выходившей до 1902 г.). Вокруг нее сплотилось революционное, марксистское ядро Социалистической партии Ирландии. Оппортунистические элементы были изгнаны из партии. С начала ноября газета начала выходить с подзаголовком «Официальный орган Коммунистической партии Ирландии. Орган III Интернационала». Призывая ирландских рабочих к борьбе за Рабочую республику, за государство Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, газета вместе с тем подчеркивала: «Поскольку Ирландская республика является целью значительной части рабочих масс, еще не вполне осознавших разницу между Рабочей и Ирландской республикой, мы будем активно участвовать в этой борьбе. ...Создать Ирландскую республику — значит помочь в разгроме одного из аванпостов Британской империи и открыть путь к разрушению величайшей и наиболее ненавистой из всех существовавших тираний».

Первые ирландские коммунисты были небольшой группой беззаветно преданных пролетарскому делу, бесстрашных революционеров. Им довелось бороться в исключительно трудных условиях, их влияние в массах, воздействие на ход событий были невелики. Однако они мужественно шли в авангарде ирландского рабочего класса.

В шинфейнеровском руководстве не было единодушия по вопросу о том, на каких условиях подписывать мирное соглашение с Англией. Если правые, наиболее умеренные националисты во главе с Гриффитсом (к ним присоединился и М.Коллинз) были готовы пожертвовать полной политической независимостью и удовлетвориться предлагавшимся Англией статусом члена Содружества — доминиона, то более последовательные (Де Валера, К.Бругга, О.Стэк и большинство военных руководителей) не хотели мириться с подобной уступкой.

Однако полного единства среди последних не было: Де Валера, например, по своему обыкновению предлагал «третий путь» — план «внешней ассоциации» полностью независимой во внутренних делах Ирландии с Британским содружеством. Многие твердо и бескомпромиссно стояли на республиканской платформе.

Драматически протекавшие в напряженной обстановке английского военного шантажа (Д.Ллойд-Джордж грозил ирландским делегатам во главе с Гриффитсом и Коллинзом «новой ужасной войной») и растущих противоречий в лагере Шин-фейна переговоры завершились подписанием 6 декабря 1921 г. Англо-ирландского договора. Согласно Договору, Ирландия (без шести северо-восточных графств) становилась британским доминионом под названием «Ирландское свободное государство». Английского вице-короля должен был сменить генерал-губернатор (символ сохранения британского верховенства), ирландские парламентарии должны были приносить присягу английской короне. В трех ирландских портах сохранялись британские военно-морские базы, на доминион ложились тяжелые финансовые обязательства: выплата возмещения по земельным ссудам и т.д. Шесть графств Ольстера — промышленный Северо-Восток Ирландии — отторгались от нее.

Договор явился плодом компромисса между слабеющим британским империализмом и опасавшимися собственного народа ирландскими национально-буржуазными лидерами, которые торопились свернуть освободительную, антиимпериалистическую борьбу. Он не принес полной политической независимости, сохранял многие преграды к завоеванию экономической независимости, фиксировал хозяйственный и политический раскол страны.

Вместе с тем Договор зафиксировал вынужденное отступление британского империализма, его отказ от методов прямого колониального хозяйничанья, переход, впервые в его истории, к неоколониалистской схеме. Народ Ирландии получал куда большую, чем прежде, возможность строить и развивать свою национальную жизнь.

Пристально следивший за освободительной борьбой в Ирландии В.И.Ленин называл события 1921 г. «усеченной революцией», проведенной по ллойд-джорджевскому методу (без смены общественной системы). Вместе с тем он считал ее шагом вперед в развитии ирландского народа, важным сдвигом, осуществление которого было бы желательно и в отношении других колониальных народов и стран.

Второй этап революции. Гражданская война 1922—1923 гг.

Как и следовало ожидать, Договор, его основные статьи и перспектива проведения их в жизнь встретили сопротивление части ирландского народа.

Против объективно и субъективно трансформировавшихся в союзников иностранного империализма поборников «режима Договора» из лагеря правого Шин-фейна (за ними стояла практически вся крупнособственническая Ирландия — более крупная городская и сельская буржуазия, буржуазная интеллигенция, духовенство, бывшая юнионистская часть населения) выступила часть средних и мелких национальных предпринимателей в городах, мелких и средних фермеров, рабочих и батраков. Активны по эту сторону баррикады были представители национальной мелкобуржуазной интеллигенции, мелкие служащие, значительная часть (75—80%) офицеров и бойцов ИРА. Участие этих общественных слоев во вспыхнувшей вскоре Гражданской войне в Ирландии, явившейся прямым продолжением национально-освободительной революции, объективно было неудавшейся в конечном счете попыткой продвинуть ее дальше и углубить.

Вместе с тем в стране имелись значительные слои населения, по разным причинам избравшие нейтралитет. Речь идет об отсталой, наименее политически развитой части трудящегося населения, а также промежуточных средних слоев. Безмерно устав от военных тягот, лишений и жертв, они оказали поддержку Договору, который обещал мир, определенную возможность покончить с разрухой. Большую роль сыграла здесь политика официального лейбористско-профсоюзного руководства.

Заняв ретроградную позицию «над схваткой» двух буржуазных группировок, они провозгласили броский лозунг: «Чума на оба ваши дома!» Он дезориентировал рабочих и сельских тружеников, увлекая их от участия в борьбе, и был на руку проимпериалистическим силам. Но тем не менее именно значительная часть рабочих, мелких фермеров, мелких служащих, батраков составляла боевое ядро встававших на защиту республики так называемых иррегулярных, или «красных», соединений ИРА.

Силы, выступавшие за углубление освободительной революции в Ирландии, не были едины. В период Гражданской войны наиболее четко произошло размежевание двух ведущих тенденций в республиканском лагере, разрыв между «чистыми республиканцами», боровшимися за одну лишь политическую независимость, и теми, кто стремился к широким социально-экономическим преобразованиям в интересах трудового народа. «Чистые», или «политические», республиканцы — шинфейнеровские радикалы во главе с И. Де Валерой и настроенными еще более воинственно и непримиримо высшими армейскими офицерами были чаще всего весьма консервативны во всем, что касалось социальных проблем, и особенно «священного» с их точки зрения права частной собственности.

Симптомами назревавшей, хотя и не получившей реализации тяги к слиянию политической и социальной тенденции явились активное участие ряда подразделений ИРА, иногда вместе со своими офицерами, в аграрной войне, вновь летом—осенью 1922 г. захватившей Запад и Юг Ирландии, осознание некоторыми военными руководителями и политическими деятелями республиканцев (Л.Меллоуз, П.Ратледж) насущной необходимости отказа от «чисто политического» подхода к антиимпериалистической борьбе. Однако эти тенденции не были преобладающими, и они не в состоянии были переменить общее направление событий.

Позиция сторон с предельной ясностью проявилась во время «дебатов о Договоре» в ирландском Доиле, начавшихся спустя неделю после его подписания, 14 декабря 1921 г., и продолжавшихся до 10 января 1922 г. Голосование по итогам этих дебатов зафиксировало раскол Шин-фейна на сторонников «режима Договора», т.е. Ирландского свободного государства (так называемые фристеитеры), и их противников — республиканцев. Потерпевший поражение республиканский лидер И. Де Валера уступил пост премьер-министра А.Гриффитсу. Заместителем последнего и главнокомандующим создававшейся заново в противовес непокорной ИРА при решающей помощи англичан армии нового доминиона стал М.Коллинз.

Обе противоборствующие стороны испытывали страх перед угрозой «анархии» и «хаоса», т. е. развертывания социальной борьбы. Основное различие заключалось в том, что правые твердо решили положить конец развитию революции, тогда как республиканцы жаждали полной политической независимости. Первые были решительнее, жестче, увереннее в своих силах: за их спиной стояла Англия, они были убеждены в поддержке значительного большинства уставшего от войны ирландского народа.

Главной опорой фристейтеров в Ирландии была наиболее богатая восточная провинция Ленстер, где преобладали крупные кулацкие хозяйства, скотоводческие ранчо, тесно связанные с Великобританией торгово-промышленные круги.

Республиканской твердыней оставался в основном Манстер и в меньшей степени Коннот, население которых, в основном мелкие и средние фермеры, по традиции шло в передних рядах освободительной борьбы. Здесь был главный оплот ирландского национального капитализма, заинтересованного в ничем не ограниченном свободном развитии.

К маю 1922 г. обстановка в Ирландии обострилась до предела: в стране сложились два военно-политических лагеря, готовых скрестить оружие. Однако если республиканское руководство до последней минуты колебалось, то фристейтеры сознательно форсировали события. Их активно подталкивала к этому Великобритания, щедро финансировавшая новый режим, экипировавшая и вооружившая его 60-тысячную армию, в рядах которой служило немало бывших ирландских королевских жандармов и «чернопегих».

Британское правительство в этот период проявило жгучую заинтересованность в развязывании Гражданской войны в Ирландии. В ее огне, как полагали английские правящие круги, сгорит всякая — умеренная и «крайняя» — оппозиция «режиму Договора».

Первым сражением Гражданской войны стала развязанная фристейтерами при поддержке английских войск битва за Дублин (28 июня—5 июля 1922 г.). Республиканцы были разгромлены, их командир, бывший военный министр первого ирландского правительства, генерал К.Бругга героически погиб. Остаткам сконцентрированных в столице республиканских частей удалось вырваться на юг, в Манстер, где были сосредоточены главные силы защитников республики — 1-я дивизия ИРА во главе с ее командующим, национальным героем Ирландии генералом Л.Линчем, коркские бригады под командой грозы «чернопегих», популярного в ирландском народе генерала Т.Барри, соединения из Типперэри, главой которых был генерал Д.Брин (за его голову англичане неоднократно устанавливали награду). Бывший премьер-министр Де Валера находился в действующей армии в чине майора.

В середине июля военные действия переместились на юг, к границам провинции Манстер (иногда ее называли «Республика Манстер»). Практически центром военного руководства и власти на республиканских территориях выступал Исполком ИРА во главе с Л.Линчем. Он придерживался в основном оборонительной тактики: ряд видных республиканцев во главе с Де Валерой полагали, что именно она даст возможность вынудить фристейтеров к мирным переговорам.

Этой ошибочной тактикой воспользовалось временное правительство, сосредоточив против своих противников крупные военные силы. В их распоряжении были английские военные грузовики с пулеметами, броневики, бронепоезда, артиллерия, средства связи. Противостоять этим силам можно было, только подняв народную войну.

В это же время Ирландию потряс новый взрыв классовых противоречий. Значительная часть крестьян была вовлечена в аграрные волнения: угон скота, захваты и дележ земель помещиков и рэнчеров. В городах ширилось стачечное движение, в ходе которого возникали десятки «рабочих советов», временно осуществлявших контроль над производством. Однако, как и прежде, республиканские лидеры и руководство ИРА относились к «советскому движению» и другим проявлениям классовой борьбы весьма неприязненно.

Первый период Гражданской войны, когда ИРА противостояла фристейтерам в полевых условиях, опираясь на наспех создаваемые укрепленные районы и крупные города Юга, продолжался примерно месяц — с середины июля до середины августа. Он характеризовался стремительным наступлением войск временного правительства в сочетании с морскими десантами из порта Дублин в города-порты Трейли (столица графства Керри на юго-западе Манстера) и Корк. Республиканцам лишь один раз удалось задержать врага на более или менее длительный срок: упорнейшие бои в районе г.Килмаллок (графство Лимерик) продолжались с 23 июля по 3 августа. К середине августа все значительные города Манстера попали в руки фристейтеров. 19 августа главнокомандующий ИРА Линч отдал приказ рассредоточиться, уходить в горы и продолжать войну испытанными партизанскими методами.

Республиканское руководство полагало, что, перенеся борьбу в труднодоступные горные районы графств Керри и Корк, ИРА окажется способной развернуть сопротивление с новой силой. Оно, однако, просчиталось в главном: на его стороне не было теперь той самоотверженной, решающей поддержки, которая одна сделала возможной успех в Англо-ирландской войне, — поддержки широких масс ирландского народа. Сказалось разочарование в лозунгах и практике республиканцев.

Свою значительную лепту в поражение ИРА внесла католическая церковь. Дважды — в сентябре и октябре 1922 г. — ее столпы в специальных посланиях к верующим клеймили бойцов ИРА как «богоотступников» и «убийц». Ее сторонникам грозили карами небесными, а на земле — отказом в отпущении грехов.

Вместе с тем последний, второй этап затяжной Гражданской войны, захвативший осень—зиму 1922 г. и отчасти весну 1923 г., предоставлял республиканцам новую возможность завоевать доверие масс, содействуя углублению национально-освободительной революции путем охвата ею социально-экономической сферы. Осенью—зимой 1922-23 г. аграрная война на Юге, а также в ряде районов Запада достигла невиданной остроты. В ней принимала участие в порядке индивидуальной инициативы часть республиканцев — бойцов ИРА. Чрезвычайно обострился конфликт в городах. Знаменем времени явился возникший в Типперэри «Манстерский Совет», осуществлявший рабочий контроль над маслозаводами в десятках городов и населенных пунктов Манстера. Аналогичные советы были образованы железнодорожниками Корка, газовщиками Лимерика, мукомолами Брури и рабочими ряда других городов.

В этот период, несмотря на военные успехи, временное правительство находилось в весьма сложном положении. Успехи доставались дорогой ценой и чередовались с чувствительными поражениями. Росли потери. В конце августа в схватке с засадой ИРА погиб М.Коллинз, в это же время умер премьер Гриффитс. Последнего заменил бывший министр по делам местного самоуправления в первом министерстве ирландского Дойла весьма консервативно настроенный Уильям Косгрейв. Преемником Коллинза стал единомышленник Косгрейва молодой юрист Кевин О'Хиггинс. Оба они проявили себя жестокими исполнителями воли правых кругов ирландской национальной буржуазии. Вместе с тем по отношению к своим покровителям — британским правящим кругам — они всегда демонстрировали лояльность.

Новые лидеры Ирландского свободного государства превратили страну в арену разнузданного террора, который по своей интенсивности и зверствам мог соперничать с наихудшими временами «чернопегих». Бойцы ИРА, а также участники аграрных волнений были объявлены «врагами нации». В случае поимки им грозила смертная казнь. По всей стране действовали десятки военных трибуналов, выносивших многочисленные смертные приговоры. Тысячи арестованных еще в начале войны сторонников республики томились в концлагерях.

6 декабря, в годовщину подписания Англо-ирландского договора, ирландский парламент, переизбранный летом 1922 г. и состоявший исключительно из правых шинфейнеров и «лояльной оппозиции» в лице 16 лейбористов во главе с Т.Джонсоном (депутаты-республиканцы не признавали новый Дойл и бойкотировали его заседания), одобрил конституцию нового доминиона.

Наиболее последовательно боролась за осуществление соединения национально-освободительного движения с социальной борьбой трудящихся масс молодая Коммунистическая партия Ирландии. Однако реальные перспективы создать вокруг этих лозунгов массовую опору в то время отсутствовали. Тем не менее первые ирландские коммунисты самоотверженно боролись оружием и пером, активно участвуя в вооруженной и стачечной борьбе, составляя наиболее идейно, классово и политически зрелый отряд освободительного фронта. Они решительно разоблачали ограниченный характер Англо-ирландского договора, доказывали жгучую необходимость сближения политической платформы республиканцев с классовой борьбой.

В августе 1922 г. газета «Уоркерс рипаблик» опубликовала весьма важный документ, известный как «Социальная программа Коммунистической партии Ирландии». В ней предусматривались: национализация крупной промышленности, банков и железных дорог; конфискация владений лендлордов и рэнчеров; безвозмездный раздел экспроприированных земельных угодий между малоземельными фермерами и батраками; государственное обеспечение безработных; вооружение народа во имя защиты революции.

Этот документ не был по достоинству оценен в штаб-квартире республиканцев. Тем не менее некоторые наиболее дальновидные, освобождавшиеся от классовой узости умы в их среде восприняли «Социальную программу КПИ» как единственно верную программу действий. Находившийся в это время в тюрьме убежденный революционный демократ, член Исполкома ИРА генерал Лизм Меллоуз в своих предсмертных (вскоре после этого он был расстрелян фристейтерами), адресованных Исполкому «Записках из Маунтджойской тюрьмы» писал:

«Пора поставить точки над «и». Свободное государство — это капитализм, индустриализм, Британская империя. Республика — это рабочие, труд». Однако это не поколебало решимости Л.Линча, И. Де Валеры и других республиканских вождей.

Отчаянное, но безнадежное сопротивление республиканцев продолжалось до мая 1923 г. 10 апреля в бою пал Л.Линч. 27 апреля премьер созданного в подполье правительства Ирландской республики Де Валера обратился к соединениям ИРА с призывом прекратить борьбу и спрятать оружие в ожидании наступления лучших времен.

Ушла в подполье Ирландская республиканская армия, за ней последовал исключивший из своего состава фристейтеров левый Шин-фейн. Обе эти силы не признавали Ирландское свободное государство и Договор 1921 г. и ставили их ликвидацию целью своего существования.

Итоги ирландской революции

Продолжавшаяся в общей сложности около четырех с половиной лет, ирландская национально-освободительная, антиимпериалистическая революция прошла сложный и противоречивый путь. В целом она развивалась по восходящей линии. Ее наивысшей точкой, несмотря на то что к этому времени общенародная поддержка ее лозунгов значительно ослабла, явился заключительный этап Гражданской войны (осень 1922— зима 1923 г.), когда происходило максимально возможное в тех условиях сближение двух основных потоков освободительной борьбы: политического и социального. Именно в это время ирландская революция подошла ближе всего к тому рубежу, за которым она могла перейти в революцию национально-демократическую. По известным причинам этого не произошло.

Революция, хотя и незавершенная, стала важнейшим событием, «точкой отсчета» в ирландской истории новейшего времени. В ходе ее были заложены основы и созданы условия для складывания национальной государственности, создания в будущем политически независимой буржуазно-демократической Ирландской республики. Весной 1923 г. власти доминиона пошли на вынужденную уступку: была осуществлена широкая аграрная реформа, почти покончившая с пережитками британского лендлордизма в Ирландии (с сохранением, однако, сниженных выплат английскому правительству). Ирландский рабочий класс получил новую, куда более благоприятную, чем прежде, возможность развивать свою организацию. Революция произвела типичную для успешных антиимпериалистических революций новейшего времени перестановку: круги, олицетворявшие в Ирландии прямое колониальное господство Великобритании над Ирландией, сменил у власти новый класс — ирландская национальная буржуазия в лице ее наиболее умеренного крыла. Важным итогом революции явилось серьезное изменение всей системы британского господства над Ирландией: прямое колониальное угнетение сменил неокOLONиалистский вариант в первую очередь экономического господства, предоставлявший ирландской нации значительно больше возможностей всесторонне развивать свою национальную жизнь.

Вместе с тем ирландская национально-освободительная революция осталась незавершенной. В тот период не было достигнуто полной политической независимости и, что особенно существенно, не произошло глубокой социально-экономической перестройки фундамента ирландского общества, способной вырвать с корнем заложенные в экономической сфере основы империалистического господства. Результатом происков империализма явился раскол страны, отрыв от национальной территории ее наиболее экономически развитой части. Опыт ирландского революционного пятилетия наглядно показал, что в новых условиях только революция социальная, проведенная в интересах и при самом деятельном участии широких масс трудового народа, способна подорвать глубинные основы власти империализма в колониях, подготовить почву для перехода к борьбе за социализм.

Ольстер в период революции. Раскол Ирландии

Подъем антиимпериалистической борьбы лишь в малой степени захватил Ольстер и не поколебал здесь сколько-нибудь серьезно прочные позиции британского колониализма и местной реакции. Причинами этого явились экономическая интеграция высокоспециализированной ольстерской промышленности в хозяйственную структуру метрополии, более высокий, чем в остальной Ирландии (хотя и ниже, чем в Англии), уровень жизни, наличие больших масс населения (включая фермеров и квалифицированных рабочих), обладавших в той или иной степени колониальными привилегиями и заинтересованных в сохранении колониального порядка. Именно это большинство отличалось схожестью этнических, религиозных и культурных признаков с населением метрополии и являлось на протяжении длительного времени объектом неослабевающей изоцированной идеологической обработки со стороны английской и местной реакции.

Специфика его положения в сравнении с католическим населением остальной Ирландии подчеркивалась и тем, что оно в большинстве своем продолжало оказывать поддержку обанкротившейся на Юге Парламентской партии (гомрулерам), выступавшей против радикальных целей Шин-фейна и предлагавшихся им средств. Проживавшее же здесь угнетенное католическое население в те годы в своей массе было забитым, политически отсталым, до предела терроризированным оранжистами. Вместе с тем и в Ольстере сражались сформированные главным образом из числа местных уроженцев-католиков соединения ИРА. Однако и по численности (8,5 тыс. бойцов во всех девяти графствах), и по боевой активности эти подразделения не могли идти ни в какое сравнение с теми частями, которые сражались в других районах страны. Их главной целью оставалась защита католического населения от бесчинств погромщиков-оранжистов.

Значительную роль в том, что освободительная борьба в Ольстере не получила большого размаха, сыграла слабость рабочего движения на Севере. Относительно многочисленная рабочая аристократия и смежные с ней слои состояли здесь почти исключительно из протестантов-юнионистов, часто членов Ордена оранжистов. Более половины ольстерских рабочих являлись членами британских тред-юнионов, по традиции культивировавших нигилистическое отношение к национальным требованиям Ирландии. Многие представители протестантского крыла ольстерских рабочих в эти годы входили в откровенно реакционные массовые организации (Ольстерская юнионистская рабочая ассоциация, президентом которой стал вождь ольстерской реакции Э.Карсон, Ольстерская рабочая партия и т.д.). Эти организации слепо повиновались местной буржуазно-помещичьей верхушке, сплошь и рядом выступали зачинщиками антикатолических погромов и убийств. Во многом благодаря этим особенностям массового движения на Севере английские правящие круги и реакционная ольстерская верхушка смогли в удобный для них момент форсировать раскол непокорной Ирландии.

Преддверием к этому явились бурные события 1919—1920 гг. В феврале 1919 г. Белфаст парализовала всеобщая стачка судостроителей и машиностроителей, в ходе которой наметилось единство действий католиков и протестантов. Это чрезвычайно обеспокоило ольстерских капиталистов, заинтересованных в углублении раскола местного рабочего движения. Искусно используя в своих реакционных целях изменившуюся экономическую ситуацию — тяжелый кризис 1920—1921 гг., наступивший после относительно благоприятной экономической конъюнктуры, они смогли вскоре спровоцировать новый взрыв братоубийственной вражды.

В момент резкого спада производства, угрожающего роста безработицы оранжисты развернули яростную антикатолическую кампанию. Основными ее лозунгами были: «оборона» протестантского Ольстера от наступления Шин-фейна и ИРА, вытеснение «врагов Ольстера» с рабочих мест и по возможности из пределов провинции.

Начало очередному ольстерскому кризису положило выступление Э.Карсона перед оранжистским сборищем в Белфасте 12 июля 1920 г., в один из «священных» для протестантской реакции дней — в 230-ю годовщину победы Вильгельма Оранского над католиками на р.Бойн. «Я устал от слов, не подкрепленных делом», — заявил этот воинственный подстрекатель. Через несколько дней протестантские рабочие-оранжисты обрушились на немногих занятых в белфастском судостроении рабочих-католиков и силой изгнали их с рабочих мест, нанеся большинству из них тяжкие увечья. Июльское избиение на судоверфях открыло полосу оранжистского, антикатолического террора. Всего с июля 1920 по июль 1922 г. в одном только Белфасте было убито 455, ранено более 2 тыс. человек.

Еще в марте 1920 г. был опубликован так называемый «Акт об управлении Ирландией», согласно которому на Юге и в Ольстере должны были быть учреждены два равных по прерогативам, зависимых от Вестминстерского автономных парламента. Народ Ирландии повсюду, кроме Ольстера, отверг этот план, прозванный «актом о расколе». Однако на Северо-Востоке летом 1921 г. в обстановке жесточайшего террора и репрессий были проведены сепаратные выборы, на которых, как и планировала реакция, подавляющее большинство (80% мест) получили юнионисты. Остальные мандаты достались представителям Парламентской партии гомруля. Вскоре после этого в пригороде Белфаста английский король открыл первую сессию первого сепаратного североирландского парламента, названного по его местонахождению Стормонтом. Раскол Ирландии стал свершившимся фактом.

Юрисдикция Стормонта и созданного им однопартийного юнионистского правительства, где ведущую роль играли Э.Карсон и Дж.Крейг, не распространялась на всю (состоящую из девяти графств) ирландскую историческую провинцию Ольстер. Под нее попадали лишь шесть графств, где в совокупности протестанты имели большинство. Всего в рассматриваемый период здесь проживало 820 из 890 тыс. протестантов Ольстера и более полумиллиона католиков. Три остальных ольстерских графств, где католики имели подавляющее большинство, в новое протестантское «государство» не включались. Так возникла Северная Ирландия — «автономная провинция» Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, которую иногда называют Шестью графствами. Всего Северная Ирландия занимала около 20% территории Ирландии, в ней проживала примерно 1/3 населения острова.

Создание «автономной провинции» подчеркивало незавершенность национально-освободительной революции в Ирландии: на ее Северо-востоке закреплялся империалистический форпост. В Шести графствах оставались значительные массы коренного католического населения, обрекаемые на бесправие, жестокий колониальный гнет, безжалостную дискриминацию. Получая Шесть графств в качестве «заложника», британские правящие круги сохраняли в своем арсенале мощное средство постоянного империалистического давления на освобождающуюся Ирландию, на ее народ.

XII. Ирландия 20—50-х годов.

Попытки обрести независимость на капиталистическом пути Ирландия под властью Кумман на Гэл 1923—1931 гг.

Последующее развитие Ирландии можно подразделить на два хронологически неравных периода: 1923—1931 и 1932—1957 гг. На первом этапе власть в стране осуществляли победители в Гражданской войне — представители правого крыла ирландской национальной буржуазии, организовавшие в политическую партию **Кумман на Гэл** (**Гэльская лига** — название, сходное с именем возникшей в 90-х годах XIX в. культурно-просветительской организации), которую возглавил У.Косгрейв. Ее ядро составляли крупные и отчасти средние собственники в городе — бывшие правые шинфейнеры и примкнувшие к ним юнионисты, в деревне — крупные капиталистические фермеры-кулаки и рэнчеры-скотоводы. Вокруг новой партии сплотилось католическое духовенство, чиновники, армейское, а также полицейское офицерство.

Основной целью социально-экономического и политического курса **Ирландского свободного государства (далее ИСГ)** являлось упрочение позиций наиболее умеренных группировок ирландской национальной буржуазии, заинтересованных в сохранении тесных связей с британским империализмом, обеспечение ограниченного, «участкового» развития национального капитализма с упором на близкую к монокультурной экономической специализацию (преимущественное производство скота и молочных продуктов для нужд Англии). Опираясь на новый, консервативный, объективно проимпериалистический блок внутри страны и на поддержку британских правящих кругов, «новые хозяева» Ирландии надеялись надолго задержаться у власти. Они стремились превратить созданную с английской помощью государственную машину ИСГ в важнейшее орудие для подобной «страховки».

Эта машина отличалась четко выраженной гипертрофией судебно-полицейских функций. Она сплошь и рядом проявляла свой репрессивный характер, направленный против республиканской оппозиции и прогрессивных организаций ирландских трудящихся.

Наиболее радикально, антиимпериалистически настроенные элементы, в том числе и в экономической сфере, принадлежали, как правило, к побежденному в недавней войне республиканскому лагерю и практически находились вне закона. Они подвергались слежке, частым репрессиям, их инициатива грубо подавлялась во всех областях национальной жизни.

В условиях отсталой, да к тому же еще разоренной войной Ирландии, страны, где не было ликвидировано засилье империализма, положение могло изменить лишь активное и целенаправленное вмешательство государства в экономическую жизнь. Более чем насущной являлась задача возведения таможенной стены для защиты ирландской промышленности от британской конкуренции, успешного развития существующих отраслей и создания новых. Перспективы роста здесь во многом зависели от государственной политики в области финансов, и в частности от промышленного кредитования. Ирландские банки продолжали занимать антинациональную позицию, служили насосом для перекачки ирландских денежных средств в Англию и ее колонии. От этого ирландская буржуазия получала немалую прибыль (лишь в Дублин ежегодно из-за моря шли дивиденды в размере 10 млн.ф.ст.). Всего же, по некоторым данным, в середине 20-х годов в метрополии и ее владениях было вложено 90 млн.ф.ст. ирландских денег — сумма, вдвое превышавшая английские капиталовложения в Ирландии. Отсталая, зависимая Ирландия активно участвовала своими капиталами в послевоенном возрождении британского империализма. В этих условиях лишь курс государства на мобилизацию необходимых средств и предоставление их во имя развития промышленной инициативы, создание элементов госсектора в «неприбыльных» областях, которые традиционно игнорировал частный капитал, был способен сдвинуть с мертвой точки дело строительства национальной промышленности.

Кое-какие шаги предпринимались в этом направлении, однако по своим масштабам, характеру и последствиям это были скорее декларативные меры. Так, в 1923 г. после оживленных прений Дойл большинством голосов принял так называемый закон о защите промышленности, введивший небольшие пошлины на ввоз в страну автомобилей, сигарет, музыкальных инструментов, часов. В следующем году была создана государственная корпорация промышленного кредита с более чем скромным денежным фондом — 750 тыс. ф. ст. Однако и распределяемые ею ссуды выдавались с таким разбором и так неохотно, что к 1927 г. с момента принятия упомянутого закона было удовлетворено лишь 15 просьб.

В целом «промышленное строительство» в ИСГ свелось к сооружению нескольких мелких фабрик: мебельной, кондитерской, обувной, а также бойни в Дрогеде. Практически единственным крупным мероприятием, оставившим след в сфере промышленного развития, явилось начало строительства в 1925 г. на р.Шаннон крупной гидроэлектростанции, положившей начало созданию государственной энергосистемы.

Пользуясь инертностью ирландских властей, британские фирмы в ряде случаев легко обходили таможенные кордоны. Помогало и то, что многочисленные ирландские филиалы британских компаний продолжали функционировать и расширяться, а ограничений на деятельность иностранного капитала не было введено. Британские монополии чувствовали себя в Ирландии почти так же вольготно, как и до революции, а число мелких и средних промышленных предприятий продолжало сокращаться с угрожающей быстротой. Так, если, по данным обследовавшей ирландскую экономику американской комиссии, в 1922 г. их было около 2 тыс., то через четыре года министерство промышленности Ирландии показало цифру 1516.

Вместе с тем правительство ИСГ, пытаясь сдвинуть с мертвой точки проблему промышленного роста, стремилось «интернационализировать» эксплуатацию страны и ее недр иностранным капиталом путем привлечения в Ирландию фирм других, кроме Англии, капиталистических стран. Приманкой тогда служили обильная и дешевая рабочая сила, один из самых низких в Европе подоходный налог, а также специальные правительственные льготы.

В области сельского хозяйства правящие круги ИСГ с самого начала взяли курс на фермера-кулака, поддержка которого во многом была решающей в годы Гражданской войны. Фермеры и рэнчеры всегда располагали щедрыми кредитами сдержанных во всех других случаях ирландских банков, безоговорочной и всесторонней поддержкой министерства сельского хозяйства. Государство активно способствовало капиталистической концентрации в сельском хозяйстве, а также максимальной его рационализации, с тем чтобы удешевить издержки производства, поднять качество ирландского сельскохозяйственного экспорта, сделать его более конкурентоспособным на британских рынках.

В том же русле развивалась правительственная политика в отношении сельскохозяйственной кооперации. ИСГ делало откровенную ставку на крупные, мощные кулацкие кооперативы, по существу значительные капиталистические предприятия. Им оказывалась техническая помощь, предоставлялись кредиты. Государство поворачивалось спиной к мелким и отчасти к средним кооперативам, способствовало их поглощению более крупными, консолидации обществ в национальные кооперативные альянсы типа Организации по реализации масла, способные успешно выступать на внешнем рынке.

В 1927 г. государство учредило Сельскохозяйственное кредитное общество с капиталом в 0,5 млн.ф.ст. Однако условия предоставления займов (относительно высокий ссудный процент и требование гарантировать займ закладной на участок и скот) обычно лишали доступа к ним мелких и отчасти средних фермеров.

Резко усилился процесс капиталистического расслоения в ирландской деревне. В этот период 60% от общего числа ферм, на которых было сконцентрировано 70% всего сельскохозяйственного населения, располагали всего 23% полезной площади страны. Значительная часть мелких ферм не достигала размера 30 га, т.е. они были нерентабельными. За кредитом мелкий фермер мог обращаться чаще всего лишь к обдирале-ростовщику. Медленными темпами шла намеченная законом 1923 г. ликвидация остатков помещичьего землевладения. В стране оставались десятки тысяч арендаторских участков, рента лендлордам составляла 1,5 млн. ф.ст. в год. Вдвое большую сумму отнимали у ирландских крестьян ежегодные земельные платежи британской короне. Последние, так же как и разорение все увеличивающегося числа мелкофермерских хозяйств, были причиной возобновившихся с половины 20-х годов среди мелких фермеров и батраков аграрных волнений, направленных против рэнчеров, банков, государственных налоговых учреждений.

В области внешней политики правительство ИСГ покорно следовало в фарватере Великобритании. Вступив в 1923 г. в Лигу наций, ИСГ практически ни разу не проявило себя как страна, обладающая своими собственными, отличными от Англии интересами.

В 1924 г., уступив давлению английских правящих кругов и военного шантажа ольстерских оранжистов, У.Косгрейв подписал в Лондоне официальный документ об отказе Ирландии от всяких претензий на спорную часть североирландской территории, в том числе на два из шести ольстерских графства — Тирон и Фермана, на 70% населенных католиками. Этот акт национального предательства был с негодованием встречен значительной частью ирландского народа.

Таким образом, политика правящей верхушки ИСГ была в основных чертах проимпериалистической, антинациональной. Острие этой политики было направлено против ирландских трудящихся, значительной части мелких собственников, мелких и отчасти средних национальных предпринимателей.

Основная часть городского и сельского рабочего класса ИСГ находилась в чрезвычайно тяжелом положении. Крупнособственническая Ирландия, вынужденная в период революции пойти на значительные уступки рабочему классу (главным образом в виде повышения оплаты труда), не преминула использовать консолидацию своего господства для яростного наступления на жизненный уровень пролетариата. Недельный прожиточный минимум (4,5 ф.ст.) имела ограниченная часть рабочих: каменщики, судостроители, железнодорожные машинисты и кочегары. Остальные же, включая батраков и часть конторских служащих, зарабатывали меньше. От 15 до 25% семейного бюджета уходило на оплату жилья, очень часто лишенного всяких удобств. От 20 до 25% трудящихся постоянно не имело работы. Масштабы эмиграции были пугающими: ежегодно страну покидало 40—50 тыс. человек. Самым нищим, обездоленным отрядом ирландских трудящихся являлись 160 тыс. сельскохозяйственных рабочих.

Против ирландских трудящихся был направлен выброшенный правительством Косгрейва лозунг: «ИСГ— ирландское дешевое государство». В ходе «борьбы за экономию» резко сокращалась сфера применения закона о пособиях безработным, снижались пенсии по старости, зарплата низшим государственным служащим, учителям.

Массовая борьба против режима Косгрейва

Наступление предпринимателей вызвало яростный отпор рабочей Ирландии; массовые стачки, рабочие демонстрации, пикетирование практически с первых месяцев его существования вошли в жизнь доминиона. Значительная часть рабочих выступлений были «дикими»: официальное рабочее руководство, члены лейбористской «парламентской партии» стремились по возможности не обострять отношений с правительством. Исполком ИЛИ не выдвигал альтернативной социально-экономической и политической программы, однако его призывы развивать государственный сектор, форсировать промышленное строительство во имя борьбы с безработицей и уменьшения эмиграции имели позитивное значение, выражая общенациональный интерес.

Попыткой внести боевое руководящее начало в массовую стачечную борьбу, создать революционную, с позиций классовой борьбы, альтернативу официальному курсу лейбористских лидеров явилось возникновение летом—осенью 1923 г. при решающем участии вернувшегося из США Дж. Ларкина Ирландского рабочего союза (в него вошло 35 тыс. бывших членов ИСТНР, порвавших с его официальным лидерством) и Ирландской рабочей лиги. В 1924 г. Лига, вобравшая в себя коммунистические группы, — пролетарская политическая организация передовых ирландских рабочих — вступила в Коминтерн.

В течение нескольких последующих лет эти организации шли во главе ирландских рабочих, препятствуя намерениям ирландской буржуазии сделать Ирландию заповедным полем предпринимательского произвола. Но условия для крутого поворота ирландского рабочего движения на путь последовательной революционной стратегии и тактики еще не созрели. Рабочая лига не смогла создать своим лозунгам массовую опору; ее вожди не стремились усвоить научную теорию классовой борьбы, часто оказывались в хвосте стихийных экономических выступлений.

Стойкая анархо-синдикалистская традиция, укоренившаяся в рабочей массе, оставляла широкую брешь для проникновения буржуазного влияния.

К 1927 г. Ирландская рабочая лига начала терять свою и без того небольшую членскую массу. С другой стороны, разочарованные рабочие массы покидали Лейбористскую партию, крупнейшие тред-юнионы (почти 1/3 членов потерял старый ИСТНР). Росли потенциальные резервы для быстрого развития новой восходящей политической силы — созданной И. Де Валерой оппозиционной партии **Фианна фойл**, что означало **«солдаты судьбы»**.

Ее «внезапное» (весной 1926 г.) появление на политической арене как массовой силы и грозного соперника партии Кумман на Гэл было отчетливым признаком того, что широкие массы ирландского народа вновь пробуждаются к антиимпериалистической борьбе. С другой стороны, это означало раскол в среде шинфейнеров-республиканцев; для многих из них, так же как и для подпольного штаба ИРА, призыв Де Валеры и его единомышленников — Ш.Лемасса, Ф.Эйкена и др. — перейти к легальным формам борьбы, войти в Дойл и померяться силами с Косгрейвом на конституционной почве означал бы признание ИСГ. Де Валера тщетно убеждал многих своих сторонников, что в сложившейся ситуации пренебрегать Дойлом было бы неразумно. Раскол стал свершившимся фактом: «непреклонные» оставались в подполье, готовясь к возобновлению вооруженной борьбы.

В новую партию вступали рабочие, мелкие и средние фермеры, более близкая к народу часть интеллигенции (по преимуществу мелкобуржуазная), мелкие национальные предприниматели. Политический водораздел между правящей и оппозиционной партиями, таким образом, усугублялся водоразделом социальным.

Из тактических соображений Де Валера считал возможным не включать в программу новой партии требование республики. Было решено ограничиться требованием введения жестких защитных пошлин, активной индустриализации страны и пересмотра соглашения о земельных платежах.

Под этими лозунгами партия провела избирательную кампанию 1927 г. и набрала немногим меньше голосов, чем Кумман на Гэл. Однако необходимость присягать английской короне не позволяла депутатам от Фианна фойл занять свои места в парламенте. Но вскоре сторонники Де Валеры перешагнули и через это. 10 июля 1927 г. бойцами ИРА был убит вице-премьер О'Хиггинс, оплаканный реакционной ирландской и английской прессой. В ответ Дойл принял драконовский закон «О соблюдении общественной безопасности», по существу ставивший страну в осадное положение. 12 августа депутаты от Фианна фойл принесли присягу, предварительно оговорив, что считают ее простой формальностью, и вошли в Дойл: иллюзорная лейбористская оппозиция сменилась реальной и внушительной силой — объединившимся под национальными, антиимпериалистическими лозунгами политическим блоком трудящихся и мелкособственнических элементов.

Охвативший Ирландию (с 1930 г.) мировой экономический кризис стал причиной резкого обострения всех социально-политических противоречий.

Резкое падение цен на сельскохозяйственную продукцию при стабильных суммах земельных выплат, налогов и долгов вынесло смертный приговор десяткам тысяч мелких и средних ферм. Конфискация скота, имущества, выселение за долги прочно вошли в жизнь ирландской деревни. Предприниматели вновь развернули наступление на рабочих, стремясь переложить на их плечи издержки кризиса; точно так же поступали со своими батраками и крупные фермеры. В результате локауты и закрытия предприятий к 1931 г. около 100 тыс. промышленных рабочих и транспортников оказались без работы. Безработица приняла формы национальной трагедии. Ряд крупных ирландских фирм — дублинские верфи, коркское и дублинское пароходства и др. — попали в руки соответствующих британских монополий.

В этих условиях трудящиеся ирландских городов и сельских местностей развернули активную социальную борьбу. Забастовочное движение охватило все основные промышленные центры страны.

Однако по преимуществу оно было стихийным и преследовало исключительно экономические цели. К этому времени прекратила свое существование Рабочая лига, во многом утратил позиции в массах Ирландский рабочий союз.

Весьма острые формы приняло аграрное движение в деревне. Крестьяне объединялись в отряды, нападали на судебных исполнителей и полицию, отбирали и возвращали владельцам конфискованный скот. Во многих местах отряды мелких фермеров и батраков успешно препятствовали выселению за долги. Крестьяне требовали отмены земельных выплат, недоимок по долгам, раздела оставшихся помещичьих угодий, активного государственного вмешательства для спасения мелкофермерских хозяйств. Кое-где начали возникать «комитеты трудящегося фермерства», бравшие в свои руки руководство аграрным движением. В 1930 г. в крупнейшем городе Запада Голуэе собрался первый общеирландский съезд трудящегося фермерства. В некоторых местах изучался и пропагандировался советский опыт, все чаще в массах проявлялось недовольство «национальным капитализмом».

На волне нового подъема массовой борьбы в стране передовыми рабочими делаются попытки возобновления начавшегося в 1921 г. коммунистического движения. В Дублине, Белфасте, Корке и некоторых других городах возникают **Революционные рабочие группы (РРГ)** — связанные единым руководством марксистские ячейки. Их члены, наиболее сознательные, теоретически подготовленные рабочие, шли в первых рядах аграрного движения и стачечной борьбы. Лозунги РРГ: «Долой режим Косгрейва — царство голода и террора!», «Землю безземельным!», «Работу и хлеб голодным!», деятельная пропаганда достижений Советской России проникали в сознание ирландских трудящихся. Однако для успешной реализации предлагавшейся ими программы широких социально-экономических преобразований необходима была массовая пролетарская партия, крепкий союз между трудящимися города и деревни.

В этот период намечается отчетливое размежевание в рядах подпольных Шин-фейна и ИРА, выделение из ее рядов левого крыла, выдвигающего прогрессивные социальные лозунги, сближающегося с классовой борьбой широких масс. В сентябре 1931 г. в Дублине 150 делегатов от различных соединений ИРА на своем тайном съезде учредили организацию **«Саор Эйре» («Свободная Ирландия»)**. Ее целью провозглашалось создание революционного рабоче-крестьянского руководства во имя ликвидации гнета британского империализма и ирландского капитализма и создания народной республики, где будут обобществлены средства производства, распределения и обмена. Однако связей с передовыми рабочими организациями «Саор Эйре» не имела, ее лидеры запрещали членам вступать в профсоюзы, обещали осуществлять будущее переустройство Ирландии на основах «новой социальной христианской религии».

Значительное большинство ирландского народа продолжало, однако, придерживаться мнения, что единственной надежной гарантией успешного продвижения к высшим национальным целям, спасения разоренного мелкого фермера и умирающего с голода рабочего может стать лишь приход к власти партии Фианна фойл.

Лидеры этой партии, ее депутаты в Доиле и представители на местах, гибко реагируя на обстановку в стране и учитывая характер своей массовой базы, делали краеугольным камнем своей агитации «фабрику и ферму». Они сочетали выдвижение прогрессивных для того времени политических требований (отмена присяги ирландских парламентариев британской короне, ликвидация английских военно-морских баз) с обещанием целого комплекса социально-экономических мероприятий, способных ослабить зависимость от империализма, обеспечить широкое развитие национальной экономики, спасти трудящихся Ирландии от голода и крайней нищеты. Новая роль при этом отводилась национальному государству; последнее должно было стать стимулятором и гарантом успешного национального развития.

Подвергая резкой критике правительство ИСГ, Де Валера указывал, что выполнение первоочередной задачи Фианна фойл — форсирования промышленного развития под прикрытием высоких протекционистских пошлин — должно привести к образованию многих новых отраслей производства, отвоеванию внутреннего рынка у британских монополий, созданию значительного числа новых рабочих мест, способных рассосать безработицу и сократить эмиграцию.

Конечной целью объявлялась независимая Ирландская республика. Мелким фермерам была обещана государственная поддержка, пересмотр системы земельных выплат. Вместе с тем многим старым и новым сторонникам Фианна фойл импонировали резкие выпады Де Валеры и его ближайшего окружения против коммунизма, преданность доктрине католицизма и принципу частной собственности. Лидер партии обещал сделать Ирландию «идеальной христианской страной».

Программа, выдвинутая Фианна фойл, являла собой манифест левого крыла ирландской национальной буржуазии, не связанной в тот период с империализмом и остро нуждавшейся в поддержке широких народных масс. Ее главные требования были направлены против чужеземного империализма. Этим требованиям Фианна фойл, за которыми стояла значительная часть ирландского народа, Кумман на Гэл не смогла противопоставить новой, позитивной программы. В январе 1932 г. на всеобщих выборах, происходивших в условиях острейшей политической борьбы, вооруженных столкновений ИРА с полицией и бандами сторонников «режима Договора», партия Косгрейва потерпела поражение. К власти, хотя и с небольшим перевесом голосов, пришла Фианна фойл. Де Валера сформировал первое (в полном смысле этого слова) национально-буржуазное правительство Ирландии.

Национально-буржуазные преобразования и социально-политическая борьба в первой половине 30-х годов

В первые же месяцы пребывания у власти правительство Де Валеры отменило чрезвычайное положение, освободило многочисленных политических заключенных; по его настоянию Дойл постановил изъять из конституции статью о присяге депутатов английской короне. Из подполья вышла ИРА, ее отряды вновь появились на улицах ирландских городов, восторженно приветствуемые населением.

Некоторые изменения произошли и в социально-экономической области. Был увеличен подоходный налог, налог на корпорации, снижены оклады высшим категориям государственных служащих. По бюджету 1932 г. 2 млн.ф.ст. было выделено для оказания помощи мелким фермерам и как пособия для безработных. Были немедленно установлены высокие таможенные пошлины на ввоз в страну большого числа товаров, которые могли производиться или добываться в Ирландии. Все эти мероприятия с энтузиазмом восприняло значительное большинство ирландцев.

В середине июня 1932 г. ирландский Дойл большинством голосов принял далеко идущее решение прекратить в одностороннем порядке перечисление в Англию ежегодных земельных выплат в размере 3 млн.ф.ст. Это была прямая атака на установления Англо-ирландского договора 1921 г. В ответ английское правительство приняло решение начать против ирландского доминиона экономическую войну, введя двойные добавочные пошлины на ввоз в Великобританию ирландского сельскохозяйственного экспорта. В середине июля «закон о военных пошлинах» был принят палатой общин.

Предпринимая эту акцию, правящие круги Великобритании надеялись быстро добиться отставки кабинета Де Валеры и смирить ирландский народ. Учитывалось, что в предыдущем году на английский рынок шло 92% ирландского экспорта, на 3/4 состоявшего из крупного рогатого скота, свиней, овец. В этих условиях «военные пошлины» должны были вести к полной дезорганизации ирландской экономики, больно ударить по значительным слоям населения, направить их гнев против правительства Фианна фойл.

Однако уверенная в поддержке масс партия Де Валеры рискнула пойти еще дальше. Через три дня после акции англичан Дойл принял так называемый закон о чрезвычайных пошлинах; они устанавливались на ввоз британского угля, кокса, стали и железа, электрооборудования, сахара и цемента. Одновременно правительство принимало меры по переориентации односторонне нацеленной на Англию ирландской внешней торговли; делались попытки найти выход ирландскому экспорту на рынки Европы, заменить импорт английской промышленной продукции и промышленного сырья товарами из Германии, Бельгии, Польши.

Однако эти попытки предпринимались в трудные годы мирового экономического кризиса и ограничивались узким кругом капиталистических государств. Эти обстоятельства обрели их на неуспех.

В конце 1932 г. Дойл принял новый закон о контроле над промышленностью, направленный против проникновения иностранного капитала во вновь создававшиеся промышленные отрасли. Основать промышленную фирму теперь можно было только по правительственной лицензии, большинство пайщиков и главная часть капитала должны были быть ирландскими. Была образована государственная Корпорация промышленного кредита с капиталом в 5 млн.ф.ст., выдававшая крупные (до 100 тыс.ф.ст.) займы на строительство и оборудование промышленных предприятий.

В этих благоприятных условиях ирландские национальные предприниматели энергично взялись за дело индустриализации страны. В одном только 1932 г. в стране появилось 160 новых промышленных фирм. Начали активно развиваться отрасли, ранее неизвестные в Ирландии: промышленная разработка торфа, электротехническая, химическая и некоторые другие. Наряду со строительством новых предприятий модернизировались старые. Все это происходило в годы кризиса и было наглядным свидетельством скрытых резервов национального развития.

В конце 1932 г., продолжая продвижение по намеченному пути, правительство предложило на утверждение Дойла два новых закона, которые после бурных дебатов и резких демаршей правой оппозиции были приняты. Один из них устанавливал правительственный контроль над ценами на товары первой необходимости, фиксировал твердые расценки на товары новых отраслей. За ним последовал закон о минимуме заработной платы и условиях труда в промышленности. Оба этих закона означали вторжение государства в святая святых капиталистического производства, грозили известными ограничениями капиталистической прибыли. Фианна фойл оказалась вынужденной вмешаться в эту сферу, чтобы смягчить нарастание классового конфликта.

Подобные акции вызвали страх и замешательство реакционных элементов. Их представители в парламенте обвиняли Де Валеру и его единомышленников в «большевизме». Ряд крупных фирм (ирландские филиалы табачного треста «Галлахер», кондитерского треста «Кэдбери» и некоторые другие) закрылись, начал демонтаж предприятий бисквитный король Джекобс.

Государственные мероприятия распространились и на область сельского хозяйства. Одним из наиболее важных компонентов развивавшейся Де Валерой концепции «самообеспечивающейся Ирландии» была идея о необходимости перестройки ее аграрной экономики со скотоводческого профиля на зерновой. Правительство Фианна фойл потребовало от фермеров обязательного увеличения запашки, гарантируя им при этом, несмотря на кризис, твердые цены на пшеницу. Одновременно принимались меры в целях поощрения убоя скота. Попытка потеснить монокультуру осуществлялась в благоприятный момент: к 1933 г. цены на продукцию животноводства упали почти на 60% от уровня последнего докризисного 1928 года, а традиционный рынок был наглухо замкнут «военными пошлинами». Особенно благоприятно встретили правительственный курс осуществлявшие, как правило, смешанное хозяйство мелкие фермеры, а также батраки. Их жестоко эксплуатировали скотоводы, грабили экспортеры скота. Намерение правительства превратить пастбища центральной равнины в житницу страны воспринималось ими как начало реализации их вековых чаяний и полной ликвидации всех форм латифундизма и переделе земли. В течение года площади под запашкой возросли на 1/3, что было невиданным в условиях Ирландии скачком.

Отношение широких масс ирландского народа к политическому курсу Фианна фойл выдержало проверку на новых парламентских выборах в конце января 1933 г. Партия Де Валеры обещала двигаться дальше по намеченному курсу, а также принять новые, эффективные меры по оказанию помощи мелким фермерам. «Ирландия против Англии!», «Ирландец! Выбирай собственное правительство сам, не дай Джону Булю сделать это за тебя!» — под такими лозунгами шли на выборы сторонники Фианна фойл.

Все́му этому Кумман на Гэл была способна противопоставить лишь обещания возродить «былую сердечность» англо-ирландских отношений, восстановить на британском рынке позиции крупных скотоводов. Ее представителями были пущены в ход и поток инсинуаций и клеветы в правой ирландской и английской прессе (Фианна фойл имела в своем распоряжении по существу лишь одну газету, созданную в 1930 г. по инициативе И. Де Валеры, — «Айриш пресс»), и политические убийства, избиения и похищения политических соперников. Тем не менее ирландский народ в своем значительном большинстве санкционировал антиимпериалистический курс: Фианна фойл получила 77 мандатов в парламенте, Кумман на Гэл — 48, еще больше упало представительство лейбористов, многие сторонники которых предпочли Фианна фойл.

В этом успехе сыграло свою роль и сокращение безработицы в результате промышленного скачка, умелое изыскивание средств на нужды экономического роста (использование значительно возросших таможенных сборов, подоходного налога и секвестрованных с лета 1932 г. сумм земельных выплат). В целом выдвинутая в 1932—1933 гг. программа Фианна фойл отвечала общенациональным интересам и по этой причине получила одобрение трудовых масс.

Вместе с тем почва для развития классового конфликта сохранялась и в эти годы: батраки так и не получили земли, мелких фермеров вынуждали вносить непосильные земельные платежи, хотя теперь уже не британской короне, а национальному государству, продолжались выселения и продажа скота за недоимки. Острые конфликты возникали и в промышленности, включая ее новые, «национальные» отрасли. «Новая Ирландия» — страна равенства и справедливости, за которую ратовал И. Де Валера, с самого начала обнажила свою неприглядную капиталистическую изнанку. Жестокая эксплуатация женского и детского труда, почти неограниченный рабочий день, не обеспечивающая жизненного минимума заработная плата — вот что принесли первые шаги ирландской индустриализации. В 1932 г. в стране произошло 70 забастовок, в которых приняло участие более 4 тыс. человек. Некоторые стачки (например, на производящем стройматериалы предприятии фирмы «Гуд») продолжались длительное время, хотя общий уровень забастовочной борьбы был ниже, чем в предыдущие годы.

В момент высокого накала национальной и социальной борьбы был сделан новый важный шаг на пути возрождения ирландского коммунистического движения. 4—5 июля 1933 г., собравшись в столице Ирландии, 45 делегатов от Революционных рабочих групп Дублина, Белфаста, Корка, Голуэя, Уотерфорда, Слайго и ряда других мест учредили общеирландскую Коммунистическую партию. Ее первым генеральным секретарем стал стойкий марксист ленинец, активный участник революционной, антиимпериалистической борьбы ирландского народа Шон Мэррей. Создание **КПИ** было свидетельством роста авторитета коммунистов в рабочих массах, завоеванного в годы кризиса, в ходе массового движения безработных Дублина и Белфаста, весенней стачки 1933 г. ирландских железнодорожников и других классовых боев.

Главным документом съезда явился манифест «Путь Ирландии к социализму», в котором содержалась глубокая характеристика социально-экономической и политической обстановки в мире: резкое ослабление позиций империализма, включая британский империализм, нарастание революционного и национально-освободительного движения. Манифест призывал к полному отделению Ирландии от Англии и Британского Содружества, разворачиванию революционной, классовой борьбы против капитализма на Севере и Юге, к установлению в стране республики трудящихся. Только так ирландский рабочий класс, подчеркивалось в манифесте, в союзе с трудящимся фермерством может довести борьбу за освобождение ирландского народа до конца. Во имя этой цели перед ирландскими коммунистами ставилась задача завоевать массовую опору в среде рабочих и крестьян.

Однако в конкретных условиях Ирландии, страны с недостаточно развитым рабочим движением, в которой сохранялись весьма актуальные задачи национально-освободительной революции, а прямой связи с оплотом всех прогрессивных сил — Советской Россией не существовало, практическая реализация этой важнейшей задачи в то время оказалась неосуществимой.

Что же касается партии Фианна фойл, то коммунисты решительно выступали против прокапиталистической направленности ее политики, справедливо ставили ей в вину жестокую эксплуатацию тысяч рабочих на заводах и фабриках, недостаточное внимание к нуждам мелких фермеров и батраков, непоследовательность в проведении антиимпериалистического курса, боязнь массовых выступлений. Но они практически не делали различия между двумя главными партиями ирландской национальной буржуазии — Фианна фойл и Кумман на Гэл, объединяя их и стоявшие за ними силы под одним общим названием «класс ирландских капиталистов», характеризовали правительство Де Валеры как неспособное к борьбе против империализма. Эта односторонняя в целом оценка Фианна фойл явилась реакцией на классовую ограниченность ее руководства, на его резкие выпады против прогрессивных рабочих организаций, нередкие случаи репрессивных действий правительства против забастовщиков и участников рабочих митингов и демонстраций. Играла свою роль и недостаточная разработанность в то время в международном коммунистическом движении проблемы национальной буржуазии и ее места в антиимпериалистической борьбе.

В результате положительные стороны деятельности Фианна фойл, ее авторитет в народе недооценивались. Это осложняло путь КПИ к рабоче-фермерской массе. Правильно и четко определив основную стратегическую линию и конечные цели ирландского освободительного движения и его пролетарского авангарда, КПИ в тот момент еще не достигла полной ясности в вопросе о месте и роли в условиях Ирландии национально-освободительной революции, о путях подхода к революции социалистической.

Наглядным показателем подъема классовой борьбы и роста активности широких масс явились процессы, происходившие в тот период в рядах Ирландской республиканской армии. Многие рядовые члены и часть офицерского корпуса явочным порядком принимали участие в повседневной борьбе рабочих и фермерских масс. Сохранявшее, несмотря ни на что, верность принципам «чистого» (политического) республиканизма официальное руководство ИРА всячески противодействовало развитию этой тенденции. Резко критикуя правительство Фианна фойл за то, что оно не провозгласило немедленно Ирландскую республику, не ввело войска в Северную Ирландию, не объявило об аннулировании Англо-ирландского договора 1921 г., командование одновременно с порога отвергало все требования активного вовлечения членов ИРА в социальную борьбу. Состоявшийся в 1933 г. общеармейский съезд по настоянию командования вынес решение, запрещающее членам ИРА высказываться устно или письменно по социальным или экономическим вопросам.

Результатом явился выход из армейского Исполкома ряда революционно настроенных офицеров, по своим убеждениям близких борющейся мелкофермерской массе и пролетарским организациям. Среди них были члены КПИ, участники национально-освободительной борьбы 1919—1923 гг. Пэддер О'Доннел, Фрэнк Райян, а также Майкл Прайс и некоторые другие. Они развернули широкую кампанию за созыв республиканского конгресса, способного стать руководящим центром массовой национально-освободительной и социальной борьбы.

Состоявшийся в конце сентября 1934 г. в Дублине конгресс собрал около 200 делегатов: от тред-юнионов, движения безработных, левых политических организаций Севера и Юга Ирландии, включая Компартию, от Североирландской социалистической партии, Антифашистской лиги, Ирландской гражданской армии (отколовшиеся ввиду несогласия с официальным курсом командования подразделения ИРА).

Огромное большинство делегатов единодушно высказалось за соединение сил республиканского и рабочего движения, за решительное и полное искоренение империалистического господства над Ирландией, за ликвидацию капиталистической системы и создание нового, свободного от эксплуатации общества. Отмечалось, что имевшая место конфронтация «части ирландских капиталистов» с британским империализмом не может изменить этого общего подхода: ирландская буржуазия неизбежно пойдет на компромисс с империализмом. Главной целью борьбы провозглашалось установление Рабочей республики.

Одной из основных причин конечного неуспеха конгресса явился раскол делегатов на две фракции. Одна из них во главе с майором М.Прайсом стремилась незамедлительно поставить лозунг учреждения Рабочей республики в порядок дня. В конкретных условиях Ирландии она выражала левацкую, сектантскую по существу тенденцию, с неизбежностью обрекавшую движение на отрыв от масс. Среди активно выкупавших против этой опасности делегатов выделялись участвовавшие в конгрессе руководители и члены КПИ.

«Майкл Прайс утверждает, что нам никогда не избавиться от британского империализма, если предварительно не будет уничтожен капитализм. Я же полагаю, — говорил Генеральный секретарь КПИ Мэррей, — что главным условием избавления от капитализма в нашей стране может стать лишь освобождение от империализма». В преддверии VII конгресса Коминтерна ирландские коммунисты успешно корректировали свою позицию. В противовес сторонникам Прайса предлагалось создать широкий народный единый фронт, который, действуя под пролетарским руководством, мог бы обеспечить достижение целей ирландского освободительного движения. Сделать этого, однако, в тех условиях не удалось: КПИ была малочисленной и не располагала достаточным влиянием в массах; основная часть трудящихся шла за Фианна фойл.

В 1933 г. эта партия предприняла конкретные шаги по реализации своих предвыборных обещаний ирландским мелким фермерам. Суммы выплат по земельным платежам были сокращены вдвое, на недоимки объявлен длительный мораторий, приостановлены выселения и продажа имущества за долги. Осенью 1933 г. Доил принял новый земельный закон о принудительном выкупе неарендованных земель и ускорении раздела имений (в первую очередь скотоводческих ранчо размером более 100 акров) для увеличения мелких ферм и наделения землей батраков. Одновременно возобновлялись выселения за неуплату новых, уполовиненных земельных платежей.

В промышленности правительство Де Валеры не без успеха применяло гибкую тактику уступок, чередовавшуюся порой с репрессивными акциями против рабочих-активистов, применением против стачечников полиции и войск (например, в ходе подавления мартовской всеобщей стачки транспортников в 1935 г.). Рабочие добились 48-часовой рабочей недели, шестидневного оплачиваемого отпуска, в законодательном порядке запрещался ночной женский труд. Правительство стремилось установить постоянные контакты с руководством профсоюзного движения, использовать его в качестве орудия установления в промышленности «классового мира».

Национал-реформистскую, «неклассовую» позицию занимала официальная Лейбористская партия Ирландии. Ее конференция 1934 г. провозгласила в качестве цели организованного рабочего движения страны «установление основанного на христианском учении социального порядка» и резко осудила «антихристианский коммунизм».

Ирландский фашизм и его крах

Первая половина 30-х годов в Ирландии была отмечена также развитием фашистского движения «синерубашечников». В 1933—1934 гг. оно стало массовой силой, и его представители предприняли попытки захватить власть и установить в стране тоталитарную диктатуру континентального образца (чаще всего ирландские фашисты старались заимствовать «опыт» Муссолини и его приспешников). «Синерубашечники» действовали как наиболее откровенная, неприкрыто антинациональная агентура британских монополий в Ирландии.

Выступавшая против углубления национально-освободительного процесса ирландская реакция по-разному использовала «синие рубашки»: до 1933 г. преимущественно как охранные и штурмовые отряды при основной политической организации правых сил — партии Кумман на Гэл, затем с 1933 по осень 1934 г. в качестве авангарда и главной ударной силы. Вместе с тем лидеры правых неизменно заботились о том, чтобы не упускать возможность в случае необходимости вернуться на конституционную почву.

По своим масштабам и реальным возможностям претворить программу в жизнь «синие рубашки» уступали континентальному фашизму. Социальный диапазон «синих» был куда более узким: у них не было массовой опоры в лице основной части мелкой буржуазии и других промежуточных слоев. Продвижение Ирландии вперед по пути реализации программных установок Фианна фойл обещало этим слоям конкретные и вполне реальные социально-экономические выгоды; из них рекрутировалась новая национальная буржуазия.

Родоначальницей фашистского движения явилась созданная весной 1931 г. так называемая Ассоциация товарищей по оружию, насчитывавшая до 3 тыс. членов организация ветеранов армии и полиции. Во главе Ассоциации стоял бывший начальник военно-медицинской службы армии доминиона, брат убитого в 1927 г. вице-премьера, полковник О'Хиггинс. С ней были связаны влиятельнейшие члены кабинета Косгрейва Р.Мэлкахи (военный министр) и Э.Блитс (министр финансов).

«Ветераны» провозгласили своей целью «борьбу против распространения коммунизма». Их отряды оберегали предвыборные митинги Кумман на Гэл, нападали на собрания ее политических противников, на прогрессивные рабочие и мелкофермерские организации, совершали террористические акты. Подобного рода деятельность продолжалась и в 1932 г., т.е. после прихода к власти Фианна фойл, и вызвала одобрение английской реакционной прессы. «Ветеранов» с энтузиазмом приветствовала лондонская «Тайме». В ответ газета ИРА «ан облахт» («Республика») бросила клич. «Вернем доктора О'Хиггинса в его больницу!» Прогрессивные силы Ирландии с самого начала не строили себе иллюзий относительно подлинного характера и целей этой организации.

После повторного, на этот раз сокрушительного поражения реакционных сил на парламентских выборах начала 1933 г. отношение правых кругов к парламентаризму начало меняться. В партийном органе Кумман на Гэл газете «Юнайтед айришмен» появляется статья, отрицавшая буржуазную демократию и парламентаризм. Статью заключал призыв «покончить с грязным политиканством» путем создания в Ирландии «органического корпоративного государства фашистского типа». Весной 1933 г. Ассоциация товарищей по оружию избирает себе нового главу, прозванного «ирландским дуче», уволенного со своего поста правительством Де Валеры, бывшего начальника полиции доминиона генерала Эойна О'Даффи. Тогда же по предложению ярого фашиста майора К.Кронины «ветераны» оделись в синие рубашки. К этому времени их численность достигала уже нескольких десятков тысяч человек, главным образом за счет крупных фермеров и членов и семей, богатых торговцев, служащих и т.п.

С июля 1933 г. фашисты начинают именовать себя «национальной гвардией». Они объявляют «общенациональную кампанию» за привлечение в свои ряды максимального числа молодых ирландцев. В своих выступлениях их вожаки открыто провозглашают свое намерение в короткий срок установить в стране вариант фашистского государственного устройства, связывая это с «неспособностью» правительства Фианна фойл совладать с «нарастающей коммунистической угрозой», с его якобы «ведущим к экономическому и социальному хаосу» политическим курсом. У.Косгрейв и его единомышленники в ирландском Доиле развернули активную кампанию поддержки и пропаганды принципов «национальной гвардии».

С начала лета 1933 г. фашисты открыто, в большом числе, в форме, вооруженные различным оружием, выходят на улицы ирландских городов и сел, проводят шествия, парады, марши, совершают нападения на помещения прогрессивных организаций, осуществляют многочисленные террористические акты против их членов. Активизация «синих рубашек» встречает решительный отпор со стороны бойцов Ирландской республиканской армии, тред-юнионистов, членов КПИ. Правительство до поры до времени активно не вмешивалось в конфликт. Однако оно проявило достаточную твердость, когда О'Даффи объявил о намерении провести 22 августа, в годовщину смерти М.Коллинза, в Дублине общеирландский смотр членов фашистской организации, под видом которого готовился заговор с целью захвата власти.

Компартия Ирландии обратилась с призывом к ирландскому народу остановить фашизм. Командование ИРА объявило мобилизацию всех своих сил и выразило твердую решимость силой подавить фашистский мятеж. В этих условиях правительство Де Валеры стянуло в столицу сильные контингенты полиции и войск, а затем запретило фашистский смотр. О'Даффи не рискнул принять вызов и отступил. Однако он приказал провести 20 августа фашистские парады по всей стране, обещая вывести на улицу 100 тыс. человек. Дальнейшее обернулось жалким фарсом. «Обещали поднять 100 тыс., а откликнулось в сто раз меньше, да и то очень тихо, либо рано утром, либо поздно вечером, на окраинах городов и деревень», — сообщала республиканская пресса. 22 августа правительство объявило «национальную гвардию» вне закона.

Сокрушительное поражение фашистов не помешало ирландской реакции поставить на «синюю карту» еще раз. В сентябре 1933 г. в Дублине было объявлено о создании новой политической организации — **Партии объединенной Ирландии**. В нее вошли Кумман на Гэл, недавно созданная кулацкая **Партия центра** и фашисты, именовавшие теперь свою лигу «Молодой Ирландией». Весьма характерной была программа новой партии. Провозглашалось, что она стремится к добровольному объединению всей Ирландии в «единое, независимое государство, являющееся без какого-либо ограничения национальным суверенитетом членом Британского Содружества». Предусматривались урегулирование «торговой войны» с Англией путем прямых переговоров, отмена перевода в Англию земельных выплат и их общее сокращение вдвое, эффективное с помощью государства развитие промышленности и сельского хозяйства. Все это свидетельствовало о том, что в середине 30-х годов началось сближение платформ обеих основных группировок ирландской буржуазии. Благодаря самоотверженным усилиям ирландского народа возврат на позиции Договора 1921 г. стал немыслимым. Вместе с тем в программе имелось, хотя и довольно туманное, упоминание о корпоративной системе, использование которой могло якобы избавить Ирландию от «крайностей» капитализма и социализма.

«Синерубашечники» заняли ведущее положение в новой партии. Ее лидером стал Э.О'Даффи. Но правобуржуазные круги и в этих условиях оставили лазейку для того, чтобы отмежеваться от «синих рубашек». «Молодая Ирландия» входила в новое политическое объединение на автономных началах; ее члены автоматически становились членами более широкого, общего целого, но отнюдь не наоборот.

Весь промежуток времени до осени 1934 г. был заполнен активной борьбой ирландского народа против фашистской угрозы. В жарких схватках на улицах и площадях ирландских городов и деревень, на сельских дорогах, где нередко применялось огнестрельное оружие, в большинстве случаев верх брали защитники демократии. Очень большую роль в искоренении фашизма сыграла ИРА — массовая военная организация, способная и стремившаяся предпринять эффективные и решительные действия против врагов демократии и национального дела. В первых рядах бойцов-антифашистов были ирландские коммунисты. В гуще схваток и на страницах газеты «Айриш уоркерс войс» они самоотверженно боролись с этой наиболее опасной в то время угрозой. КПИ явилась инициатором создания Антифашистской лиги, в которой рука об руку выступали коммунисты, тред-юнионисты, республиканцы, члены Фианна фойл.

Что же касается правительства, то оно стремилось не допустить чрезмерного обострения ситуации, оставить за собой возможность сказать решающее слово. Оно «дозировало» репрессивные акции против «синерубашечников», перемежая их с мерами против ИРА и прогрессивных организаций рабочего класса. Однако в конце лета—начале осени 1934 г., когда крупные фермеры-«синерубашечники» на юго-востоке Ирландии попытались организовать широкое антиправительственное выступление под флагом отказа от внесения земельных выплат в государственную казну и практически взяли в осаду столицу региона Корк, правительство подавило мятеж вооруженной силой.

В ходе этих событий, когда поражение «синих» не вызывало сомнений, Косгрейв и его единомышленники поспешили отмежеваться от «одержимого» О'Даффи. Последний был отстранен от лидерства партии и выдворен из ее центрального совета. Фашистская организация была вновь поставлена вне закона, и на этот раз уже не было сделано попытки возродить ее под новым именем. Правительство проявляло готовность пойти на мировую с потерпевшим поражение противником. Уже в декабре 1934 г. были выпущены на свободу 115 принимавших участие в антиправительственных выступлениях фашистов. Вскоре «синерубашечникам» были возвращены находившиеся некоторое время под секвестром государственные пенсии. Со своей стороны **Объединенная партия** (с середины 30-х годов ее стали называть по-ирландски — **Фине гэл**; это название вторая партия ирландской буржуазии носит и по сей день) всеми средствами начала отрешиваться от своего недавнего прошлого, делать вид, что ей незнаком синий цвет.

Всесторонняя, самоотверженная поддержка ирландского народа позволила национально-буржуазному правительству Де Валеры удержаться у власти и ликвидировать фашистскую опасность.

Ирландия накануне второй мировой войны

К середине 30-х годов вопреки прогнозам английской и местной реакции «ирландский эксперимент» доказал свою жизнестойкость. Лобовые атаки империализма в политической и экономической сферах были отражены. Продолжался довольно интенсивный промышленный рост: в 1936 г. в Ирландии насчитывалось почти 2,6 тыс. промышленных фирм с капиталом более чем 68 млн. ф.ст., из них 261 государственная или действующая с участием государства фирма. Страна производила теперь много новых наименований товаров, главным образом в сфере легкой и пищевой промышленности. Развивались и новые отрасли: машиностроение, химия, нефтепереработка и т.д. Мелкий национальный промышленник — главная опора Фианна фойл — умножал свои капиталы, становился все более «рентабельным».

В деревне усиливался процесс капиталистического расслоения, укреплял свои позиции поддерживающий Фианна фойл средний капиталистический фермер. На сторону этой партии начали переходить некоторые прежние поклонники Фине гэл — представители крупной городской и сельской буржуазии. По мере того как Фианна фойл упрочивала свои позиции, эти элементы начинали видеть в ней основную защиту от «угрозы слева». Открылся длительный и сложный процесс социальной и политической метаморфозы партии Фианна фойл, ее известных сближений со своим главным оппонентом — Фине гэл.

В поисках средств для удовлетворения всевозрастающих потребностей экономического роста правительство Де Валеры частично пересмотрело свою прежнюю позицию в отношении к британскому империализму. Ситуация оставалась сложной. Ирландские банки по-прежнему запирали свои сейфы, а крупные собственники, как и прежде, отказывались финансировать долгосрочные, не обещавшие немедленных прибылей проекты развития металлургии, машиностроения, энергетики. Как и 10 лет назад, крупные суммы уплывали за рубеж, по преимуществу в Англию и страны Содружества.

Не помогала найти выход из положения и внешняя торговля, новая промышленная продукция шла почти исключительно на внутренний рынок, тогда как главными статьями ирландского экспорта оставались предназначенные для Англии продукты животноводства. Новые же «торговые партнеры» Ирландии — Германия, Испания, Франция и ряд других капиталистических государств — принимали не более 5% ирландского экспорта.

Выход мог быть найден лишь на пути нового, более смелого вторжения в частнособственническую сферу. В порядке дня стоял вопрос о национализации основного бастиона империализма в стране — ирландской банковской системы, о введении суровых ограничений на «экспорт капитала». Но на эти шаги Де Валера и его помощники не решались. Не отказываясь в принципе от поисков пути независимого развития, Фианна фойл встала на дорогу, которая все дальше уводила ее от реализации национальных и социальных чаяний трудящихся и в конечном счете обрекала на сделку с империализмом, на серьезные уступки ему.

Важную роль играла и замкнутость Ирландии в узком кругу капиталистических стран, нежелание ее правительства расширить свой дипломатический и внешнеторговый диапазон за счет Советской страны.

С конца 1934 по 1938 г. доминион и метрополия поддерживали контакты по торговым вопросам, результатом которых явилось заключение ряда соглашений. Вначале Англия пошла на заключение так называемого пакта об угле и скоте. Обе стороны согласились взаимно поднять квоты на экспорт этого рода товаров. В дальнейшем соглашение регулярно возобновлялось, постепенно расширялось, включая и некоторые другие виды товаров. Логическим развитием этого процесса явилось соглашение, подписанное в Лондоне 25 апреля 1938 г., которое подвело черту под «экономической войной».

Ирландская задолженность Англии по земельным платежам сокращалась со 100 до 10 млн. ф. ст., однако она подлежала немедленной выплате. Метрополия отменяла «военные пошлины», доминион снижал тарифные барьеры на многие британские промышленные товары. Кроме того, Англия согласилась ликвидировать свои военноморские базы в Ирландии, которыми она располагала согласно Договору 1921 г.

Соглашение 1938 г. не было равнозначно капитуляции Ирландии перед Англией. Напротив, само его заключение могло стать возможным лишь после того, как Ирландия, ее народ и правительство проявили стойкость и выдержку и смогли выстоять под напором превосходящих сил внешней и внутренней реакции. Англия нуждалась в урегулировании конфликта по экономическим причинам. Не меньшую, если не большую роль играли стратегические соображения: в условиях назревающего мирового конфликта правящие круги Великобритании не могли себе позволить пренебрегать столь близким, расположенным на уязвимом фланге соседом.

С другой стороны, ослабление противодействия британскому империализму со стороны правящей ирландской буржуазии сопровождалось и наступлением ее на интересы трудящихся и борьбой против левых сил внутри страны.

Бюджет 1935 г. был назван в народе «бюджетом богачей». Он предусматривал увеличение налога на предметы массового потребления, снижение пособий по безработице, пенсий сиротам и вдовам. Твердые цены на мясо были отменены, цены на масло, хлеб, уголь возросли. Это вызвало новое обострение классовой борьбы.

В 1936 г. правительство Фианна фойл пошло на объявление вне закона Ирландской республиканской армии. Последняя вновь ушла в подполье, подтвердив свое намерение добиться воссоединения Ирландии насильственным путем, любой ценой обеспечить установление в стране независимой республики.

В 1937 г. была обнародована новая конституция Ирландии — детище Де Валеры. По замыслу она была призвана перечеркнуть статьи Договора 1921 г. Конституция объявляла ирландский доминион «суверенным, независимым демократическим государством Эйре» (гэльское название Ирландии), сохраняющим лишь внешнюю связь (представительство английского короля на внешнеполитической арене) с Англией.

Северная Ирландия в конституции была названа «частью национальной территории Ирландии, на которую в настоящее время ее юрисдикция не распространяется». В одной из статей оговаривалось «особое положение» католицизма как национальной церкви. Конституция брала под защиту свободную конкуренцию в Эйре, но вместе с тем осуждала концентрацию в руках немногих «необходимых для всего общества предметов широкого потребления». Это был отзвук старых идей Де Валеры о «христианском социальном равенстве в новой Ирландии». В целом же ирландская конституция 1937 г. обрисовывала четкий контур отсталой, освобождающейся страны, выбравшей в качестве столбового капиталистический путь развития.

Ирландия в годы второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие

В течение всего военного периода Ирландия сохраняла строгий нейтралитет, явившись единственным исключением среди стран—членов Британского содружества. Ее руководители, и в первую очередь премьер Де Валера, объясняли это продолжавшимся по вине Англии расколом ирландской национальной территории. Ирландское правительство отвергало попытки фашистской Германии втянуть его в конфликт с Великобританией. Подобным же образом отнеслось оно к усилиям руководителей Англии, а затем и США побудить Ирландию предоставить свою территорию, особенно ее порты, в распоряжение вооруженных сил антигитлеровской коалиции. В то же время на протяжении всех тяжелых военных лет Ирландия оставалась ближайшей продовольственной базой, безотказно снабжавшей Великобританию продуктами питания, особенно мясом. До 200 тыс. ирландцев в эти годы сражались в рядах английской армии, вступив туда добровольно, либо трудились на английских военных заводах. (В предвоенные годы в интернациональных бригадах, сражавшихся против фашизма в Испании, было немало ирландских бойцов.) Однако в момент нарастания опаснейшей угрозы для самой человеческой цивилизации, которую нес германский фашизм, Ирландия не выступила плечом к плечу с другими народами для отражения этой угрозы. Именно это в значительной мере предопределило ее известную изоляцию в первые послевоенные годы.

В военные годы страна как бы «замкнулась» в кругу своих собственных всевозрастающих трудностей (отрыв от источников топлива, сырья, почти полное прекращение ввоза машин, удобрений, зерна). Следствием этого явилось закрытие большого числа промышленных предприятий, значительный рост безработицы (до 110 тыс. человек), стоимости жизни. В 1943 г. правительство «заморозило» цены на товары первой необходимости и заработную плату, ввело карточную систему. Тогда же был принят так называемый закон о тред-юнионах, создававший большие трудности на пути организации рабочих в профсоюзы. Мероприятия, направленные на снижение жизненного уровня трудящихся, вызвали в начале и в первой половине 40-х годов рост массового забастовочного движения рабочих Дублина, Корка и других ирландских городов. Выступления эти чаще всего проходили стихийно: социал-реформистское руководство крупнейших ирландских тред-юнионов относилось к ним резко отрицательно, в целом поддерживая правительственный курс.

Острая нехватка топлива и зерна привели к широкому развертыванию торфоразработок в рамках государственного треста Борд на Мона, к резкому расширению площадей под пшеницу. Вместе с тем значительно возрос экспорт в Англию живого скота, что обеспечило Ирландии к концу войны существенный валютный резерв.

В годы войны в Ирландии были созданы концентрационные лагеря, куда были брошены многие члены объявленной вне закона ИРА. В этот период часть членов этой организации, выступая с крайних националистических позиций, требовала объявления войны Великобритании.

В то же время правительство и полицейские власти усилили репрессии против рабочего движения, и в первую очередь против членов КПИ. В 1941 г. Дублинская организация Компартии приняла решение временно приостановить свою деятельность. Руководство партии переехало в Белфаст, а Белфастская организация приняла название **Коммунистическая партия Северной Ирландии**.

Сразу же после окончания войны Ирландия вступила в полосу серьезного экономического кризиса, связанного с дефицитом сырья, износом промышленного оборудования, упадком сельскохозяйственного производства, сокращением народного потребления, резким подорожанием жизни.

Потерпели крах расчеты находившегося у власти до 1948 г. правительства Фианна фойл получить все необходимое из Англии в счет накопленных в годы войны стерлинговых резервов. Имевший хождение в Ирландии английский фунт оказался обесцененным; британская экономика, пребывавшая в тяжелом положении, не могла удовлетворить ирландский спрос. Тем не менее, контролируя ирландские банки, английский империализм смог эффективно воспрепятствовать Ирландии — участнице стерлинговой зоны обменивать свои валютные запасы на доллары. В кризисном 1947 г. прогрессивная печать не раз поднимала вопрос о необходимости установления связей с СССР и народно-демократическими странами Восточной Европы. Но этого не произошло, ирландская национальная буржуазия сделала новый шаг навстречу требованиям Англии. «Хотим мы этого или нет, — заявил заместитель премьера Ш.Лемасс, — Ирландия и Англия находятся в одной лодке».

Осенью 1947 г. правительство Де Валеры пошло на заключение нового торгового соглашения с Англией. В ответ на обещание британской стороны поставлять необходимые промышленные товары и продукты питания Ирландия обязывалась вывозить скот и молочные продукты исключительно в Великобританию и одновременно сократить до минимума расход валюты. В этом же году она решила принять помощь по «плану Маршалла» (всего около 90 млн. долл.), т.е. участвовать в империалистической «Программе восстановления Европы». Стремление получить американские займы, ослабить острейший долларовый дефицит привело к тому, что ирландское правительство взяло на себя обязательство употребить полученные средства главным образом на дальнейшее расширение экспортного животноводства, свернув планы развития торфоразработок и увеличения посевов зерновых. Соглашение об этом было подписано в Дублине летом 1949 г. Тогда же страна вступила в Европейский совет и в Организацию европейского экономического сотрудничества. Так правящая ирландская национальная буржуазия постепенно вступала на путь, противоречащий национальным интересам недостаточно развитой, отсталой страны, путь экономической интеграции в систему высокоразвитых капиталистических стран. В ней Ирландии могло быть уготовлено лишь место зависимого «младшего партнера».

Этот курс, а также меры поощрения частнопредпринимательской деятельности (бюджет на 1946-47 г. снижал ставки подоходного налога, отменял налог на сверхприбыль) привели к значительному росту английских капиталовложений в Ирландии, к «переселению» в страну ряда зарубежных фирм. Вместе с тем в эти годы в Ирландии еще действовал закон о контроле над промышленностью, сохранялись защитные тарифы на ввоз многих видов промышленной продукции. Лозунги создания «самообеспечивающейся Ирландии» еще составляли часть правительственной программы партии Фианна фойл. Однако, придя летом 1951 г. к власти после трехлетнего пребывания в оппозиции, новый кабинет Де Валеры одобрил и поддержал проводившийся его предшественником — коалиционным кабинетом лейбористов и Фине гэл курс на привлечение иностранных капиталов в страну.

В этот период наметился также важный политический сдвиг, отразивший новое соотношение сил в стране. Уверенно опережавшая своих конкурентов на протяжении почти двух десятилетий Фианна фойл начала терять прежнее безоговорочное превосходство. В 1948—1951 и 1954—1957 гг. она дважды уступала власть коалиции Фине гэл и лейбористов.

Усвоив некоторые предметные уроки, данные ей ирландским народом, который отверг ее реакционный курс 30-х годов, Фине гэл несколько перестроилась. В программе этой партии появились новые пункты: сохранение защитных тарифов, поддержка национальной промышленности, увеличение посевных площадей, а также некоторые социальные моменты, например оказание помощи безработным. Идя по этому пути, кабинет, где решающую роль играли представители Фине гэл, в 1949 г. провозгласил Ирландию республикой, порвав последние связи с Британским содружеством наций. Это была большая победа ирландского народа, закономерный итог его самоотверженной, многовековой борьбы.

Результатом социально-политической трансформации, которую претерпела Фианна фойл, а также признаком наличия в ирландском народе желания и воли продолжить антиимпериалистическую борьбу явилось возникновение новых, более радикальных политических партий. Так, в 1947 г., в момент роста массового недовольства линией Фианна фойл, возникла Республиканская партия, которой отдали голоса многие представители радикальной мелкой буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции, часть фермеров и рабочих. Партия требовала воссоединения Севера и Юга страны в единую республику, продолжения незавершенной работы по созданию «самообеспечивающейся ирландской экономики», поощрения и развития госсектора в промышленности, создания своей, отличной от Англии денежной системы. Предусматривался ряд мер по повышению уровня жизни масс. Однако это объединение оказалось непрочным; его мелкобуржуазное руководство не смогло закрепить достигнутый на выборах 1948 г. частичный успех, не настаивало на реализации провозглашенной партией боевой программы. На выборах 1951 г. партия потеряла почти все свои мандаты и вскоре сошла с политической арены.

Более долговечной оказалась созданная в 1957 г. на волне нового экономического и социально-политического кризиса новая республиканская партия, принявшая знаменитое в ирландской истории имя Шин-фейн. Ее социальный состав мало чем отличался от только что прекратившей существование предшественницы. Шинфейнеры требовали прекращения правительственных репрессий против «сражающихся за единство Ирландии» бойцов ИРА, решительного разрыва всех сохранившихся экономических и финансовых связей с Англией, ликвидации засилья в стране иностранных монополий. Они выдвигали программу, направленную на повышение уровня жизни ирландского трудового народа, сокращение катастрофически возросших безработицы и эмиграции. Однако ясных путей для реализации этой объективно передовой, антиимпериалистической программы возглавлявшие Шин-фейн мелкобуржуазные радикалы не видели.

ИРА 50-х годов во многих отношениях была сходна с Шин-фейном, составляя по существу его «военное крыло». В ее составе были рабочие, мелкие служащие, студенты, батраки. Все они были объединены убеждением, что дело ирландской свободы оказалось преданным нынешним политическим руководством страны. Из этого мелкобуржуазное руководство ИРА делало вывод о необходимости возобновления партизанской войны, «войны по-ирландски», как против оранжистов—северян, так и против главного виновника раскола — англичан. В идейном отношении членство обеих организаций было довольно пестрым. Наряду с прогрессивно настроенными людьми в них было немало узких националистов, фанатично настроенных католиков — противников социальных преобразований, антикоммунистов. Рейды ИРА начались в 1954 г., в 1957—1958 гг. ее действия достигли апогея. Всего до конца 50-х годов было проведено до 600 военных акций. Правительство Ирландской республики применило репрессивные меры против бойцов ИРА.

Сразу же по окончании войны активизировали свою деятельность ирландские коммунисты. В 1948 г. на съезде в Дублине они воссоздают свою организацию под именем Ирландской рабочей лиги. Установление сотрудничества между ИРА и Коммунистической партией Северной Ирландии содействовало укреплению антиимпериалистических сил и демократических организаций по обе стороны общеирландской границы.

В конце 40-х—середине 50-х годов ирландские коммунисты приняли активнейшее участие в классовых боях и национально-освободительном движении ирландского народа.

Важнейшей чертой внешнеполитического курса Ирландии в эти годы было сохранение нейтралитета, неприсоединение к военно-политическим блокам. Мотивируя свой отказ от вступления в Североатлантический пакт, ирландский Дойл указывал на продолжавшийся по вине Англии раскол страны. Второй послевоенный кабинет Де Валеры принял решение отказаться от американской «помощи», предусматривавшей участие в «совместных оборонных мероприятиях» западных стран. Вместе с тем в 1948—1951 гг. ирландский коалиционный кабинет вел оживленный, хотя и безуспешный, торг с руководителями западных держав, и в первую очередь США, по вопросу о членстве в НАТО, требуя за это согласия на воссоединение страны. В 1955 г. Ирландская республика была принята в Организацию Объединенных Наций.

Северная Ирландия — колония британского империализма

Смысл создания автономного юнионистского государства на Северо-Востоке Ирландии заключался в стремлении британского империализма и ольстерской колониальной верхушки сохранить за собой как рычаги неоколониального господства над островом в целом, так и возможность прямой колониальной эксплуатации хотя бы части его коренного населения. При этом местным юнионистам на протяжении почти полувека была предоставлена фактически полная свобода распоряжаться внутренними делами Шести графств. Практически до конца 60-х годов они пользовались полным доверием английских правящих кругов. Видимость парламентской демократии (наличие местного парламента и многопартийность) не могла скрыть реальность полицейской диктатуры буржуазно-помещичьей протестантской верхушки. Большую роль в качестве идеологических подпорок режима продолжали играть религиозный фанатизм и оранжизм. Оранжистами являлись поголовно все члены юнионистской политической иерархии, членом ордена был каждый третий мужчина-протестант. Правящая юнионистская партия регулярно обеспечивала себе 85—89% мест в обеих палатах Стормонта — нижней и верхней. Таким же подавляющим было ее превосходство в муниципалитетах.

Подавляющее политическое преобладание юнионистов достигалось разнообразными мерами дискриминации католиков. Специально введенный на выборах в местные органы власти имущественный ценз, антидемократическая система предоставления «множественных голосов» крупным предпринимателям и т.п. оставляли вне избирательных списков большое число малоимущих и неимущих католиков. Махинации по произвольному «кроению» избирательных округов снижали до минимума представительство меньшинства.

Все активные проявления политической оппозиции режиму жестоко подавлялись военизированной ольстерской королевской жандармерией и «специальными силами Б» — многочисленными полувоенными формированиями протестантских экстремистов. Начиная с 1922 г. в Шести графствах постоянно действовали так называемые законы о чрезвычайных полномочиях, сводившие на нет свободу личности, слова, собраний, неприкосновенность жилища и т.п.

Опорой системы дискриминации служил союз обманутых и развращенных колониальными подачками протестантских трудящихся с протестантскими помещиками и буржуазией. Существование такого союза тормозило развитие классовой борьбы, являлось главным условием прочности реакционного режима. Но к концу 60-х годов в связи с общим ухудшением экономического положения провинции колониальные привилегии протестантских трудящихся оказались заметно урезанными. Так, несмотря на то, что в католическом рабочем районе Белфаста Кромаке был значительно меньший процент квалифицированных рабочих, большая (на одну четверть) скученность, гораздо более высокая, чем в протестантском рабочем районе Санди-роу, квартплата, последний также отличался крайне скверными жилищными условиями и низкими заработками жителей (до 20% семей получали менее 10 ф.ст. в неделю).

Тем не менее в протестантских низах сохранялась и культивировалась иллюзия об их принадлежности к «элите», «избранному народу», призванному на века господствовать на ирландской земле.

Имея ключевые позиции в политике и экономике, юнионисты-протестанты (к ним принадлежали почти все крупные и значительное большинство средних предпринимателей) широко распространяли дискриминацию и на сферу социальных отношений. Католиков, как правило, либо вообще не принимали на работу, либо предоставляли им наименее оплачиваемые места; их постоянно обходили при распределении муниципальной жилой площади, чинили всяческие препятствия при повышении профессионального уровня и т.д. Их первыми выставляли за ворота в ходе массовых увольнений. За соблюдением «кодекса дискриминации» бдительно следил Орден оранжистов и некоторые специально для этого созданные экстремистские организации (например, возникшая в 1931 г. Протестантская лига Ольстера).

Положение католической общины в Северной Ирландии усугублялось общей тяжелой ситуацией «автономной провинции» в течение почти всего рассматриваемого периода (исключая годы второй мировой войны, когда местная экономика переживала оживление). Сказывалась односторонняя специализация североирландской экономики на судостроении и производстве льняных тканей, зависимость от рынков, денег и сырья метрополии, отрыв Северо-Востока от хозяйственной системы основной части Ирландии.

После второй мировой войны в связи с развитием научно-технической революции и вторжением в Шесть графств иностранных монополий здесь произошли значительные структурные сдвиги - резкий упадок традиционных отраслей (число занятых здесь сократилось более чем вдвое) и развитие новых — машиностроения и химии в масштабах, которые, однако, не могли компенсировать утрату старых промышленных мощностей. Усилились кризисные явления в сельском хозяйстве, где произошло новое сокращение числа ферм. Социальные последствия этих процессов тяжело отразились на положении широких слоев населения Северной Ирландии, и в первую очередь католического меньшинства.

Весь рассматриваемый период характеризовался очень высоким уровнем безработицы (в среднем 20—25%, а в годы экономического кризиса — 35—40%), массовой эмиграцией. Число безработных в католических районах и местностях было, как правило, в несколько раз выше, чем в протестантских. В Дерри, который иногда называли «столицей несправедливости», постоянно не имело работы до половины мужского населения.

В руках «хозяев» Северной Ирландии имелось достаточно средств, чтобы переложить основные тяготы депрессии на плечи рабочих и фермеров-католиков и одновременно против них же, как якобы «отнимавших» у протестантов рабочие места, обратить недовольство своих малоимущих единоверцев. Неоднократно за этот период (например, летом 1935 г.) имели место кровавые католические погромы. Особую известность как подстрекатель и демагог снискал в конце 50-х годов пресвитерианский священник Я.-Р.Пейсли, выступавший с одинаковой яростью как против католиков, так и против всех тех, кто осуждал крайние формы дискриминации и отстаивал идею реформ.

Основную часть католиков-североирландцев составляли рабочие и отчасти мелкие фермеры. Тонкий слой предпринимателей и интеллигенции сложился здесь главным образом уже в период после второй мировой войны. Проживавшая на территории Северной Ирландии полумиллионная католическая община в своем подавляющем большинстве не признавала законности существовавшего здесь юнионистского правопорядка, стремилась к мирному объединению с соседним Ирландским государством. С этих позиций выступала и ее наиболее влиятельная политическая организация — Националистическая партия. Некоторая часть католического населения продолжала оказывать поддержку радикально настроенной ИРА и близким к ней политическим группировкам.

XIII. Современная Ирландия (конец 50-х—70-е годы)

Внутриполитическая борьба вокруг «нового курса»

Во второй половине 50-х годов экономическое развитие страны затормозилось. Темпы роста промышленного производства не превышали 1% в год. Ирландская сельскохозяйственная продукция не выдерживала на английском рынке конкуренции товаров сельского хозяйства Дании, Новой Зеландии, Нидерландов.

Вновь резко возросли безработица, эмиграция. В 1946—1951 гг. темпы эмиграции составляли в среднем 8,2 человека на 1 тыс. жителей в год, в 1951—1956 гг. они выросли до 13,4, а в 1956—1961 гг. — до 13,8 человека, что перекрывало естественный прирост населения. В 1956—1957 гг. в Ирландии разразился экономический кризис. Во второй половине 50-х годов Ирландия все еще оставалась аграрной страной со слабо развитой промышленностью. Валовой национальный продукт на душу населения в 1958 г. составил 578 долл. По этому показателю Ирландия опережала только Испанию, Грецию и Португалию.

Ведущую отрасль сельского хозяйства по-прежнему составляло животноводство. В 1955 г. в стране было 313 тыс. ферм, из которых 232 тыс. (74%) имели менее 50 акров (20 га). Не располагая средствами для организации на своих участках высокопродуктивного хозяйства, мелкие фермеры занимались откормом свиней и молодняка крупного рогатого скота для продажи его скупщикам. Они подвергались двойной эксплуатации: со стороны торговцев скотом и монополий. Главная причина отсталости ирландского сельского хозяйства — его приспособление к интересам английского рынка.

Промышленность Ирландии во второй половине 50-х годов занимала в экономике страны подчиненное положение. В 1958 г. в обрабатывающей промышленности было занято всего 142 тыс. человек, т.е. в 2,5 раза меньше, чем в сельском хозяйстве. Тяжелая промышленность была представлена металлургическим и автосборочным заводами в Корке, а также несколькими мелкими предприятиями по производству сельскохозяйственных машин. Ко второй половине 50-х годов в руках государства находились гидроэнергетика, добыча торфа, производство сахара, цемента, удобрений, железные дороги, морское и воздушное сообщение, металлургический завод в Корке.

Английский капитал продолжал сохранять прочные позиции в ирландской экономике. Это особенно проявлялось в тесных связях ирландской банковской системы с английской. Под английским и отчасти американским контролем находились целые отрасли ирландской промышленности: мукомольная, резиновая, нефтеперерабатывающая. На торговлю с Англией приходилось, как и прежде, 75—80% всего внешнеторгового оборота Ирландии. Внешнеторговый баланс постоянно сводился с дефицитом в 70—100 млн. ф.ст. Все это наглядно свидетельствовало о невозможности для малой слабо развитой страны добиться полной национальной независимости без крутого перелома в экономическом развитии. А между тем политика ирландских правящих кругов, после 1958 г. вставших на путь проведения так называемого «нового курса», ознаменовала собой поворот вправо, который означал отказ от прежней политики построения независимой экономики с опорой на собственные силы, обращение за помощью к иностранному капиталу, укрепление связей с империализмом.

В феврале 1958 г. министр промышленности Шон Лемасс (вскоре ставший премьер-министром) выступил в Дойле с проектом закона о промышленном развитии страны. Он предлагал ослабить ограничения, поставленные на пути проникновения иностранного капитала. Законом о контроле над промышленностью 1932 г. Лемасс мотивировал необходимость проведения этого курса ссылками на якобы нехватку в Ирландии собственного капитала, технических возможностей и опыта управления крупными предприятиями. Эти недостатки, утверждал министр, стоят на пути широкого промышленного развития, сокращения эмиграции и безработицы. Оппозиция, состоявшая из Фине гэл и блокировавшейся с ней в течение всего послевоенного периода Лейбористской партии, с удовлетворением встретила это заявление.

Весной 1958 г. Т.Утейтекер, тогдашний заместитель министра финансов, опубликовал работу «Экономическое развитие», изданную позже правительством Ирландии в качестве «цветной книги». Роль государства Утейтекер сводил к поощрению развития капиталистической экономики с помощью финансовых рычагов. Он считал необходимым направлять государственные средства в первую очередь в промышленность, сельское хозяйство, энергетику, транспорт и связь, снизив вложения в здравоохранение, жилищное строительство. Инициатива в создании новых промышленных предприятий должна была исходить от частных предпринимателей. Для их поощрения предлагалось проводить снижение налогов на прибыль и капитал. Утейтекер особенно ратовал за привлечение иностранного капитала.

Осенью 1958 г. предложения Утейтекера были рассмотрены кабинетом и положены в основу экономической политики правительства Фианна фойл.

Резкую отповедь намечавшемуся «новому курсу» дали партия Шин-фейн и Ирландская рабочая лига (коммунистическая партия), не имевшие своих представителей в Дойле. Считая, что развитие национальной экономики должно осуществляться с помощью государства и с опорой на местный частный капитал, Шин-фейн отвергал идею привлечения в страну иностранного капитала. С резким осуждением политики правительства выступили ирландские коммунисты. Они требовали полного разрыва с империализмом для достижения подлинной независимости Ирландии. «Мы не можем стать свободной страной до тех пор, пока не будут разрушены экономические связи с империализмом, тиски, в которых он держит нашу банковскую систему, торговлю и большую часть нашей промышленности», — писал орган коммунистов «Айриш уоркерс войс».

Переориентация ирландской экономики на экспорт и упрочение связей с мировой капиталистической системой ставили перед Ирландией вопрос об ее отношении к возникшим в конце 50-х годов европейским экономическим группировкам. Ирландская буржуазия стремилась получить свободный доступ своей продукции на рынки вошедших в эти экономические группировки стран. Но для этого нужно было снять таможенные барьеры и открыть собственный рынок для продукции других государств — меры, в результате которых основная масса национальных фирм в промышленности и большинство фермеров в сельском хозяйстве оказались бы совершенно беззащитными в открытом столкновении с высокомонополизированной экономикой стран Европейского экономического сообщества.

Вопрос о возможности участия в ЕЭС рассматривался ирландскими правящими кругами с учетом позиции, занятой Англией. До тех пор, пока Англия не собиралась вступать в ЕЭС, в Ирландии мало кто думал об этом шаге. Но когда выяснилось намерение Англии добиваться членства в ЕЭС, изменились и настроения у стоящей у власти ирландской буржуазии. В июле 1961 г., после возвращения из Лондона, премьер-министр Лемасс заявил, что зависимость Ирландии от английского рынка не оставляет иного выхода, кроме как следовать за Великобританией, и сообщил о достигнутой с ней договоренности начать консультации по вопросу о членстве в ЕЭС. Выступление было поддержано подавляющим большинством депутатов, включая депутатов-лейбористов.

Участие Ирландии в ЕЭС было выгодно скотоводам, экспортерам сельскохозяйственной продукции, промышленникам, чьи предприятия работали на экспорт, финансистам и рантье, стремившимся выгодно разместить свои капиталы в странах ЕЭС. Вместе с тем оно наносило удар по средним и мелким промышленникам, связанным с внутренним рынком, рабочим, занятым на их предприятиях, мелким фермерам, которым грозило разорение.

В стране росла оппозиция правительственному курсу.

В мае 1962 г. на проходившей в Дублине конференции Лейбористской партии лишь с большим трудом ее лидеры У.Нортон и Б.Кориш сумели провести резолюцию, одобрявшую курс на вступление в ЕЭС. В то же время конференция единодушно выступила против участия Ирландии в НАТО или каком-либо другом военном блоке. Аналогичную позицию занял и проходивший летом очередной съезд ирландских тред-юнионов.

На опасность, таящуюся для Ирландии со вступлением ее в «Общий рынок», указывал Шин-фейн. Партия связывала вопрос о ЕЭС с борьбой за полную независимость, призывала сокращать зависимость Ирландии от английского рынка, переориентироваться на долларовую зону и прежде всего расширять внутренний рынок.

Глубокий анализ проблем, связанных с вступлением Ирландии в ЕЭС, был дан коммунистами. Указывая на ЕЭС как организацию, которая была создана в интересах западноевропейских промышленных монополий, ирландские коммунисты подчеркивали, что вступление Ирландии в ЕЭС будет означать поглощение этими монополиями значительной части ирландской промышленности. Коммунисты обвиняли Фианна фойл в том, что она не только изменяет своему прежнему курсу на создание независимой экономики, но и, следуя за Англией, «выбрасывает за борт саму идею существования Ирландии как политически и экономически независимой нации».

Несмотря на ширившиеся массовые протесты и выступления, Лемасс и его сторонники упрямо шли к своей цели. Но в январе 1963 г. президент Франции де Голль потребовал отсрочить прием Англии в ЕЭС. Это привело к отсрочке приема в ЕЭС и Ирландии.

Социально-экономические и политические проблемы Ирландской республики 60-х—70-х годов

В последние полтора десятилетия экономическое развитие Ирландской республики вплоть до мирового экономического кризиса середины 70-х годов шло относительно быстрыми темпами.

В 60-е годы темпы роста валового внутреннего продукта удвоились. Промышленное производство в эти годы росло в среднем ежегодно на 6%, в 1969—1974 гг. — на 4,8%. Значительно увеличились капиталовложения в промышленность за счет привлечения в первую очередь заемных средств. Стимулируемые государством, заметно расширили свою инвестиционную деятельность банки, страховые компании, строительные общества. В настоящее время Ирландия находится накануне превращения в индустриально-аграрную страну. Вместе с тем процесс этот является противоречивым и сложным. Именно в эти годы внедрение в экономику Ирландии иностранного монополистического капитала происходило бурными, невиданными ранее темпами. В качестве его младшего партнера активно развивался местный монополистический капитал. Страна в целом оказалась еще более прочно втянутой в международное капиталистическое разделение труда, вступив в 1973 г. в ЕЭС и заняв в нем место слабого звена «Общего рынка», объекта политики международных концернов.

По величине приходящегося на душу населения валового внутреннего продукта Ирландия уступает большинству стран «Общего рынка» в 1,5—2 раза. По сравнению с развитыми странами ее хозяйственная структура остается во многом архаичной с относительно высокой долей сельского хозяйства и низкой — промышленности. Вместе с тем производительность ирландского сельского хозяйства стала более высокой. Ведущей его отраслью остается животноводство. По величине поголовья крупного рогатого скота на 100 га угодий Ирландия вышла на одно из ведущих мест, уступая лишь Голландии и Бельгии и опередив Англию. Эта отрасль нацелена на экспорт, высокотоварна. Более половины производимых продуктов питания вывозится из страны (в 1976 г. почти 70% всей молочной продукции).

Произошли заметные сдвиги в структуре ирландской внешней торговли: в ней уменьшилась роль Англии (в 1967 г. туда шло 72% ирландского экспорта, в 1972 г. — 61 в 1976 г. — 48%), возросло значение континентальных стран ЕЭС (с 17% в 1972 г. до 24% в 1976 г.).

По сравнению с довоенным периодом число занятых в промышленности выросло более чем в 1,5 раза, в сельском хозяйстве сократилось почти вдвое. Более всего занятых (по данным на 1974 г. — около 45% общего числа) насчитывается в сфере услуг.

Резко сократилось число независимых предпринимателей, интенсивно идет процесс вымывания средних слоев. Фермеров в Ирландии осталось всего 180 тыс. Число их сокращается ежегодно. Подавляющую часть ирландского общества уже сейчас составляют лица наемного труда.

Показательным для роста промышленного производства явилось удвоение доли промышленной продукции в ирландском экспорте за десятилетие 1965—1975 гг. В 1970 г. вывоз промышленных изделий впервые обошел по стоимости экспортируемую продукцию сельского хозяйства.

В 1973 г. доля промышленности в валовом внутреннем продукте превысила долю сельского хозяйства почти в 2 раза.

Помимо традиционных отраслей легкой промышленности и значительно обгоняя ее по темпам развития растут новые отрасли — химия, приборостроение, металлургия, машиностроение, горнодобыча. Растет опирающаяся на добычу торфа энергетика, активно разрабатываются недавно разведанные богатые залежи полезных ископаемых (в первую очередь свинца, цинка, баритов, серебра, природного газа). Эти сдвиги привели к существенному увеличению численности рабочего класса и, что особенно важно, его отрядов, занятых на крупных, современных предприятиях.

Стержнем экономической стратегии ирландских правящих кругов в ходе выполнения трех так называемых программ экономического развития (1958—1963 гг., 1964—1968 гг., 1969—1972 гг.) явился упор на рост экспортных отраслей при максимальном привлечении иностранного капитала. Льготы, предоставляемые ирландскими правительствами зарубежным инвесторам, в Западной Европе не имеют себе равных. Здесь и освобождение всей производимой на экспорт продукции от налогов на прибыль в течение 15 лет, и безвозмездные ссуды на приобретение земельных участков, на строительство самих объектов, приобретение оборудования, обучение рабочих, на разработку проектов и на проведение изыскательских работ. Иностранным компаниям гарантируется свободная репатриация капиталов из страны.

В этих условиях в Ирландию устремились зарубежные монополии: за период с 1960 по 1972 г. в стране было создано 668 новых промышленных предприятий, из них лишь 212 — ирландских. В последнее десятилетие в ирландской экономике значительно усилились позиции монополий США. Хотя по числу вновь создаваемых предприятий пальму первенства продолжает удерживать Великобритания, в общей сумме капиталовложений на первое место вышли США. Вслед за Соединенными Штатами активно внедряются в Ирландию западногерманские, японские, французские, голландские фирмы. Усилились позиции иностранного капитала в банковском деле: среди действующего в Ирландии банковского капитала на долю местного приходится 57%, английского — 29, американского — 12%.

Указанные процессы подтолкнули монополизацию в ирландской экономике, рост финансовой олигархии. В 1975 г. 32 члена совета директоров Банка Ирландии и Объединенного ирландского банка — двух всевластных ныне в стране банковских концернов — занимали 250 руководящих постов в промышленных и торговых фирмах. Если в 40-х годах в пивоварении и производстве виски подвизалось около ста фирм, то сейчас имеются только три, в текстильном производстве из сотен компаний осталось шесть монополистических фирм, в производстве цемента и бетона — две, в газетно-издательском деле — одна и т.д. В сельскохозяйственном производстве в роли монополий выступает несколько крупнейших капиталистических кооперативных обществ. Намечалась тенденция к проникновению монополистического капитала в предприятия госсектора, к складыванию в Ирландии государственно-монополистического капитала.

Ирландия платила и платит дорогую цену за достигнутый в последнее время интенсивный промышленный рост. Позиции иностранного капитала в стране значительно расширились и укрепились. Иностранные фирмы господствуют в радиоэлектронике, в автомобильной промышленности, имеют сильные позиции в химической и металлообрабатывающих отраслях.

Американский и канадский капитал преобладает в добывающей промышленности, стремится полностью захватить в свои руки добычу серебра, цинка, свинца, а также нефти и газа в районе ирландского континентального шельфа. Это вызывает законное беспокойство демократической общественности, выступающей за охрану местных природных ресурсов от посягательств иностранных монополий.

По подсчетам известного марксистского историка и публициста Д.Гривза, в 60-х годах зарубежные монополии выкачивали из Ирландии до 100 млн. ф.ст. ежегодно. Несмотря на первоочередную для страны потребность в создании новых рабочих мест, многие иностранные фирмы предпочитают использовать неквалифицированный труд, ввозя рабочих со специальной профессиональной подготовкой из своих стран. В момент острого энергетического кризиса 1973—1974 гг. английская фирма «Айриш рифайнинг», под контролем которой находился единственный в стране нефтеперерабатывающий завод в г.Корке, вместо того, чтобы форсировать производство нефтепродуктов для местных нужд, увеличила экспорт.

Опора на иностранные монополии поставила страну в прямую зависимость от колебаний мирового капиталистического рынка. Экономический кризис 1974—1975 гг. отразился на Ирландии с ее экспортной ориентацией сильнее, чем на других странах — членах ЕЭС. В первом кризисном году валовой внутренний продукт вырос лишь на 1,7%, во втором — упал на 1%. Реальное число безработных в стране достигло 180 тыс. человек, т.е. 20% всего активного самодеятельного населения. Продолжаются бегство из деревни, прогрессирующее разорение мелких и отчасти средних ирландских предпринимателей. Бурными темпами нарастает инфляция, повышается стоимость жизни. Если за период с 1960 по 1966 г., в разгар экономического бума, заработная плата в промышленности выросла на 43% при росте потребительских цен на 17%, то в одном лишь 1976 году, в разгар инфляции и в условиях периодического замораживания заработной платы, цены на хлеб, рыбу и маргарин подскочили на 15%, масло — на 30, молоко и сыр — на 20%.

Относительно быстрое развитие ирландской экономики с конца 50-х годов привело к сокращению длительное время опустошавшей страну эмиграции. В 1962 г. впервые за более чем 100 лет не была отмечена убыль населения, а в 1973 г. число иммигрантов несколько превысило число тех, кто покинул страну. Однако сокращение эмиграции в немалой степени связано с массовой безработицей в развитых капиталистических странах, принимаемыми в них мерами по ограничению въезда иностранных рабочих.

Происходившие в Ирландии важные экономические и социальные процессы значительно усилили поправление ирландской национальной буржуазии. Поворот конца 50-х—начала 60-х годов привел к новому существенному укреплению и развитию связей с империализмом, к сращиванию влиятельных группировок ирландской национальной буржуазии с иностранными монополиями. Вместе с тем эти же процессы усилили поляризацию в национально-буржуазном лагере. Среди разоряющихся мелких и отчасти средних предпринимателей, фермеров и т.п. растет недовольство, активизируются поиски новых лозунгов и решений как внутри правящей партии, так и вне ее.

В политической сфере наметилось заметное поправление некогда радикальной Фианна фойл, определенное сближение ее программных установок и, главное, ее политической практики с традиционным оплотом ирландского консерватизма — партией Фине гэл. Наглядное подтверждение этому — фактически двухпартийная политика ирландских кабинетов по таким важнейшим вопросам, как принятие и осуществление «нового курса» и политика в отношении Северной Ирландии.

На протяжении всего периода конца 50-х—начала 70-х годов Фианна фойл твердо удерживала политическое первенство, формировала свои кабинеты сначала во главе с Ш.Лемассом, а с конца 60-х годов — во главе с его преемником в качестве лидера партии Дж.Линчем. Именно в этот отрезок времени был осуществлен крутой поворот в экономической политике, заключено англо-ирландское соглашение 1965 г. о создании так называемой зоны свободной торговли, подготовлено вступление Ирландии в ЕЭС.

В начале 1973 г. в результате увеличивающихся экономических и социальных трудностей, роста недовольства осторожным курсом кабинета в североирландских делах Фианна фойл потерпела поражение на парламентских выборах. К власти вновь пришел возродившийся политический блок Фине гэл и лейбористов. Стремясь любой ценой занять министерские кресла, новые лейбористские лидеры начисто забыли, что в 60-е годы, после ухода своего многолетнего лидера, яркого оппортуниста У.Нортон, новое лейбористское руководство длительное время стремилось создать впечатление «левизны» в сфере социальных требований и декларировало невозвращение к практике блокирования с откровенно консервативными силами. Однако очередной коалиционный кабинет снова оказался недолговечным. Его правление знаменовалось углублением кризисных явлений, дальнейшим ростом безработицы. Весной 1974 г. потерпел фиаско компромисс в североирландском вопросе (соглашение в Саннингдейле), одним из инициаторов которого явился ирландский премьер, лидер Фине гэл Лиэм Косгрейв. На летних выборах 1977 г. коалиция потерпела сокрушительное поражение. К власти вернулась Фианна фойл. Лидером потерпевшей поражение Фине гэл стал бывший министр иностранных дел коалиционного правительства Г.Фицджеральд.

Заметным явлением в политической жизни страны рассматриваемого периода были два национальных референдума 1972 г. Первый, 10 мая, стал завершением охватившей страну в начале 70-х годов острой политической дискуссии на предмет вступления в «Общий рынок». Опираясь на аппарат государственной власти, широко используя средства массовой информации, сторонники присоединения к ЕЭС во главе с правящей группировкой Фианна фойл одержали победу. Они набрали 87% голосов (1 млн.), их противники — КПИ, Шин-фейн, часть лейбористов и представители радикальных национальных кругов собрали 17% (200 тыс. голосов). Исход референдума предопределил вступление Ирландии вслед за Англией в «Общий рынок».

В декабре того же года по инициативе правительственных кругов был проведен второй национальный референдум. Его участники голосовали за или против отмены ст.44 ирландской конституции, фиксировавшей «особый статус» католической религии в стране, по существу отождествлявшей национальную принадлежность с конфессиональной. Статья эта усиливала влияние католической иерархии, служила юридическим обоснованием для ее вмешательства в политику. Непосредственной причиной референдума явилось стремление правящих кругов Ирландии, добивавшихся участия в решении судебных Ольстера, отвести обвинения со стороны северных протестантов и английской общественности в поощрении воинствующего католицизма. Подавляющее большинство принявших участие в опросе высказались за отмену привилегий католической церкви.

Предметом острой внутриполитической борьбы в Ирландской республике явился североирландский вопрос и отношение к террористическому курсу «временной» ИРА (образовалась в конце 1969—начале 1970 г.). Несмотря на то, что основная часть населения резко отрицательно относилась к террору, давала себя знать многовековая традиция «войны по-ирландски», когда террор часто являлся ответом на варварство чужеземных карателей. Однако главным было жгучее возмущение зверствами оранжистов и британских экспедиционных войск на Севере. «Временные» действовали и действуют как не признающая северной границы общеирландская организация со штаб-квартирой в столице республики, имеющая свое легальное «политическое крыло» — так называемый временный Шин-фейн. Некоторые влиятельные представители правящей группировки были не прочь использовать в своих целях «временную» ИРА, в которой им импонировали антикоммунизм, крайний национализм и воинствующий католицизм.

В этих условиях до лета 1972 г. «временные» чувствовали себя на территории республики вполне свободно. Однако после признания английским правительством заинтересованности Ирландии в ольстерских делах руководители «временной» ИРА начали подвергаться арестам, для борьбы с ней были созданы специальные трибуналы. Накануне подписания соглашения в Саннингдейле, в котором наряду с другими пунктами предусматривалось ужесточение борьбы с терроризмом, было возобновлено действие закона о пресечении деятельности, направленной против государства.

По-прежнему актуальной и острой остается в республике проблема сохранения и возрождения национального ирландского языка (гэлика), считающегося, согласно конституции, наряду с английским официальным языком страны. Несмотря на определенные усилия в этом направлении ирландских кабинетов (введение обязательного обучения гэлику в школах, экзаменов по гэлику для занятия определенных должностей на государственной службе и т.д.), число лиц, для которых гэлик был и остается основным, материнским языком, неуклонно уменьшается. По данным 50-х годов, в стране только 35 тыс. жителей постоянно употребляли гэлик как средство общения. Показательна в этой связи судьба области исключительного проживания гэлоразличного населения на крайнем западе Ирландии — Гэлтахта. Число жителей здесь постоянно падает, насчитывая в настоящее время лишь несколько десятков тысяч человек. Причины всего этого — почти исключительное применение английского языка на производстве, в сфере деловых отношений и т.п., его подавляющее преобладание в органах массовой информации, постоянная эмиграция значительного числа ирландцев главным образом в англоязычные страны, давнее утверждение английского языка (вернее, его ирландского диалекта) в качестве главного литературного языка значительного большинства населения Ирландии. Вместе с тем продолжают развиваться поэзия, проза, музыкальное творчество на ирландском языке, имеющие свою устоявшуюся аудиторию в среде ирландской интеллигенции, а также фермерства, среди мелкой буржуазии и рабочих. Возрождение ирландского языка является смыслом существования некоторых массовых организаций, главная из которых — Гэльская лига.

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ

Рабочее движение на современном этапе

Ирландское рабочее движение отличают высокий процент организации рабочих в профсоюзы (более 60% всех лиц наемного труда), ставшие традиционными боевитость и упорство рабочих в ходе классовых конфликтов. Под напором этого движения ирландские кабинеты вынуждены предпринять известные шаги в области социального обеспечения — введение в 60-е годы бесплатной медицинской помощи для неимущих (при этом последние подвергаются унизительной проверке средств к существованию), пособий по безработице (в размере 40% заработка рабочего средней квалификации, т.е. ниже, чем в других европейских капиталистических странах), семейных пособий на детей, пенсий по старости (с 70 лет), а также инвалидам, сиротам, вдовам.

Вместе с тем все еще сохраняется недостаточное развитие политического сознания в ирландской рабочей среде, традиционное и весьма значительное воздействие католицизма и буржуазного национализма. Трагически ослабляют ирландское рабочее движение религиозная рознь, раскол острова на две части. До сих пор продолжает сказываться большое влияние реформистской традиции британского лейборизма; число рабочих социалистических и тем более коммунистических убеждений и сейчас невелико.

Стержневой организацией ирландского рабочего движения является объединяющий в настоящее время до 650 тыс. трудящихся Ирландский конгресс тред-юнионов (ИКТЮ). В связи со спецификой положения на Севере в Белфасте существует наделенный автономными правами Североирландский комитет Конгресса. Создание подобной единой организации — важная победа ирландских рабочих и всех демократических сил этой страны, достигнутая в 1959 г.

Как наиболее массовая демократическая организация в современной Ирландии, профсоюзы играют позитивную роль в решении общедемократических задач. Так, именно профсоюзное движение внесло решающий вклад в борьбу против отмены более передовой в ирландских условиях избирательной системы — пропорционального представительства. Оно постоянно привлекает внимание общественности к таким актуальным и жгучим проблемам, как жилищная, государственного контроля над ценами, благоустройства городов. ИКТЮ не раз выступал с важными инициативами по североирландской проблеме, публиковал документы, отвергавшие путь насилия и террора и призывавшие к мирному, демократическому урегулированию острых проблем на основе предоставления всему населению Шести графств равных возможностей и прав.

В качестве главных целей Конгресса его программа называет защиту прав рабочих на объединение в профсоюз, подъем жизненного уровня рабочего класса, повышение зарплаты, улучшение условий труда. Упоминается также поощрение демократических принципов управления, разработка и выдвижение в интересах рабочего класса широких социально-экономических программ в масштабе всей страны. Было указано также, что Конгресс будет стремиться к осуществлению таких фундаментальных сдвигов в экономической и социальной структуре страны, которые обеспечили бы рабочим равное участие в контроле над производством. Проблемы национально-освободительной борьбы, политической борьбы за власть не упомянуты.

Формально Конгресс поддерживает право рабочих на забастовку в экономических целях. Однако фактически это право стеснено разного рода оговорками и ограничениями (включая необходимость уведомить предпринимателя о готовящейся стачке за 26 дней до ее начала). Проводившаяся длительное время руководством Конгресса политика классового сотрудничества связывала руки ирландским рабочим.

Многочисленные штатные профсоюзные работники широко представляют ИКТЮ в созданных по инициативе и при непосредственном участии буржуазного государства специальных учреждениях по предотвращению конфликтов на производстве: в так называемых рабочих судах, трудовых трибуналах, комиссиях по обследованию и т.д. В 1963 г. был создан Национальный совет по развитию экономики и промышленности, в который вошли представители правительства, предпринимательских союзов и ИКТЮ. В русле всех этих и подобных им буржуазно-реформистских мероприятий проводятся меры по «участию рабочих в прибылях»; в составе директоров некоторых предприятий госсектора в последние годы появились «рабочие-директора».

Реформистский, оппортунистический характер сохраняет в наши дни Лейбористская партия Ирландии. В 60-е годы к ней примкнуло несколько крупных профсоюзных объединений. Тем не менее, по последним данным, на парламентских выборах за нее голосует немногим более 1/3 тред-юнионистов и 1/5 рабочих, не организованных в профсоюз. Свою главную опору лейбористы до сего времени находят в сельской местности, среди дорожных рабочих и батраков. Партия по-прежнему отстраняется от животрепещущих проблем национального единства, антиимпериалистической борьбы под предлогом концентрации внимания на социальных и культурных проблемах. Тот «социализм», о котором иногда не прочь поговорить ее некоторые лидеры, по существу равнозначен «смешанной экономике» и планам достижения «общества благоденствия» с помощью буржуазного государства и развития госсектора.

Вместе с тем в Лейбористской партии долгое время имелось довольно активное левое крыло, стремившееся занять по некоторым важным вопросам пролетарскую позицию. Осенью 1977 г. официальное лейбористское руководство исключило левых из партии. Тогда левые сразу же основали новую политическую организацию — Социалистическую лейбористскую партию.

Несмотря на прочные до сих пор позиции социал-реформизма в рабочем движении Ирландии, господство его не является всеобъемлющим. Доказательство этого — немалое число «диких», т. е. не санкционированных Конгрессом, стачек. В целом подъем стачечного движения в Ирландии в конце 60-х—начале 70-х годов носил общенациональный характер, отличался большим числом стачек солидарности рабочих разных отраслей, выдвижением требований сокращения рабочего дня, увеличения отпусков и пенсий по старости и инвалидности. В значительной своей части эти забастовки были успешными. Зримый подъем забастовочной борьбы наблюдался в Ирландии и в последующие годы.

Активную, самоотверженную борьбу за интересы ирландских трудящихся, всего ирландского народа ведет общеирландская политическая организация авангарда рабочего класса — Коммунистическая партия Ирландии (до 1962 г. — Ирландская рабочая лига, с 1962 по 1970 г. — Ирландская рабочая партия на Юге страны, на Севере до 1970 г. действовала Коммунистическая партия Северной Ирландии).

Важными вехами в разработке марксистско-ленинской теории и практики применительно к конкретным условиям Ирландии и особенностям ее революционного процесса явились программные документы ирландских коммунистов: «Ирландия как она есть» (1962 г.) и «Манифест» (1970 г.) — документ состоявшегося в Белфасте объединительного съезда ирландских коммунистов Севера и Юга страны, воссоздавшего единую КИИ.

В первом из этих документов была обоснована перспектива движения Ирландии к социализму через необходимый промежуточный этап антиимпериалистической, демократической борьбы с образованием прогрессивного правительства, выражающего чаяния широких слоев ирландского народа. Во втором документе определены главные стратегические и тактические задачи КИИ, выдвинута основная цель коммунистов на Севере Ирландии — обеспечение единства рабочего класса, его руководящей роли в борьбе за демократию, в защиту гражданских прав. Дальнейшим плодотворным развитием этих положений в новой бурной обстановке середины 70-х годов явился принятый XIV съездом КПИ в Белфасте (1975 г.) документ «Ирландия в момент кризиса. Ответ коммунистов». Более 30 лет во главе КИИ стоит стойкий марксист-ленинец, авторитетный руководитель, видный деятель ирландского и международного рабочего и коммунистического движения Майкл О'Риордан.

Другой общенациональной организацией, причисляющей себя к ирландскому рабочему движению, является так называемое официальное крыло Ирландского республиканского движения, принявшее на очередном съезде осенью 1976 г. новое наименование — Шин-фейн — рабочая партия. В противовес «временному» — националистическому крылу в ирландском республиканизме «официальный» Шин-фейн многократно высказывался за единую социалистическую Ирландию как результат борьбы ирландского народа с рабочим классом во главе за глубокие антиимпериалистические, демократические преобразования. Еще с весны 1972 г. его военные формирования — «официальная» ИРА — объявили о прекращении вооруженных операций наступательного характера в Ольстере в связи с переходом организации к участию в массовых политических действиях и кампаниях в защиту социальных прав трудящихся.

Подобная позиция вызвала резкие нападки со стороны «временного» крыла и ирландских левозэкстремистских организаций типа Ирландской социалистической республиканской партии. Часто эти нападки и обвинения в «коммунизме» сопровождаются террористическими актами против руководителей и активистов «официального» Шин-фейна. Тем не менее, несмотря на интерес многих членов этой организации к научному социализму, она не встала на научные, пролетарские позиции. В ее среде, в руководстве в последнее время усиливаются мелкобуржуазные тенденции. Они ведут к оппортунизму и сектантству, грозят ослаблением прогрессивного лагеря и антиимпериалистической борьбы ирландских трудящихся.

Внешняя политика Ирландской республики

Внешнеполитический курс Ирландии отражал непоследовательную, противоречивую позицию правящей ирландской национальной буржуазии. В то же время в нем находили определенное отражение некоторые традиции и чаяния широких слоев ирландского народа. Условно его можно подразделить на два неравных периода: конец 50-х—начало 60-х годов (до начала кампании за вступление в «Общий рынок») и весь последующий отрезок времени вплоть до наших дней.

С конца 60-х годов все усиливающееся влияние оказывают на него события в Северной Ирландии.

Первый период отмечается стремлением третьего кабинета Фианна фойл и министра иностранных дел Ф.Эйкена проводить последовательную политику неприсоединения, активно способствовать наметившимся в мире позитивным процессам разрядки. Ирландские делегаты в ООН настойчиво выступали за принятие эффективных мер против распространения ядерного оружия. Ирландия принимала участие в акциях ООН по поддержанию мира в различных районах: на Ближнем Востоке, в Кашмире, на Кипре.

Видный политический и общественный деятель Ирландии К.-К.О'Брайен во время конголезского кризиса являлся специальным представителем ООН в Катанге. Самостоятельный внешнеполитический курс Ирландии в эти годы не раз вызывал недовольство правительств империалистических держав Запада, критику со стороны влиятельных, консервативных ирландско-американских кругов.

Решительный поворот обеих главных партий ирландской национальной буржуазии в сторону «нового курса» и начало его осуществления оказали известное воздействие на внешнюю политику страны.

В 1961—1962 гг. в своих официальных заявлениях о стремлении Ирландии вот и в «Общий рынок» премьер Ш.Лемасс указывал, что это может повлиять на ирландский нейтралитет, подвести страну к вступлению в НАТО. В этом отношении позиция «главного архитектора» ирландского «нового курса» по существу не отличалась от линии лидера Фине гэл Л.Косгрейва, призывавшего к участию Ирландии в «защите» Запада от «коммунистической угрозы». В благоприятную для держав НАТО сторону изменилась позиция Ирландии по ряду важных международных проблем, в частности по отношению к американской агрессии во Вьетнаме. Эти изменения во внешней политике Ирландии не раз подвергались критике со стороны прогрессивных, демократических кругов, указывавших на постепенную утрату страной свободы действий во внешнеполитической сфере, приспособление к политике Англии и особенно США.

Но тем не менее старания консервативных кругов добиться коренного изменения ирландского внешнеполитического курса, отбросить стойкие традиции неприсоединения, нейтралитета, сочувствия пародам, борющимся против империализма и колониализма, стремление жить в мире и добрососедстве со всеми странами до сих пор к успеху не привели. Ирландская республика не стала членом Североатлантического пакта, она вносила и продолжает вносить полезный вклад в дело разрядки международной напряженности. В августе 1976 г. правительство Ирландии вместе с другими государствами — участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подписало в Хельсинки Заключительный акт.

Много преград стояло ранее на пути нормализации отношений Ирландии и СССР: яростный антикоммунизм ирландских консервативных, и в первую очередь влиятельных клерикальных, кругов, оппозиция империалистических сил Англии и США. На протяжении десятков лет Ирландия оставалась одной из немногих европейских стран, не имевших постоянных связей с СССР и другими социалистическими странами.

Перелом наметился в 60-х годах в связи со значительным ростом международного авторитета СССР и всего социалистического содружества, со все новыми успехами миролюбивой внешней политики Советской страны. С конца 60-х годов резко возрастает взаимный обмен в области культуры и искусства, науки и техники. В 1970 г. в Москве состоялись первые советско-ирландские торговые переговоры. В это же время в Дублине открываются торговые представительства и корпункты СССР и ряда других социалистических стран.

Установление в 1973—1974 гг. между Советским Союзом и Ирландией нормальных дипломатических и торговых отношений, взаимное предоставление обеими странами режима наибольшего благоприятствования в сфере торгового обмена — наглядное свидетельство того, что, несмотря на сложность обстановки, Ирландия не остается в стороне от веяний времени.

Новый этап отношений между Ирландской республикой и СССР зафиксирован в совместном советско-ирландском коммюнике, принятом во время официального визита в Москву в декабре 1976 г. министра иностранных дел Ирландии Г.Фицджеральда. Обе стороны подтвердили свое намерение продолжать улучшение и расширение отношений между двумя странами в политической, экономической и других областях на основе мирного взаимовыгодного сотрудничества и поддерживать все мероприятия, направленные на ослабление международной напряженности, ликвидацию угрозы мировой термоядерной войны. 16 декабря 1976 г. в Москве было подписано соглашение между СССР и Ирландией о развитии экономического, промышленного и научно-технического сотрудничества.

В этот период Ирландия установила также дипломатические отношения с рядом европейских социалистических стран.

Довольно пеструю мозаику являли собой отношения Ирландской республики с Северной Ирландией (до роспуска Стормонта в марте 1972 г.) и с Великобританией (по североирландскому вопросу). До середины 60-х годов правительство Ирландии просто-напросто игнорировало стормонтовскую администрацию как незаконный режим, исходя из постулата конституции 1937 г. о том, что это временно пребывающая под чуждой юрисдикцией часть национальной территории. Однако с середины 60-х годов провозвестник «нового курса» Ш.Лемасс, с одной стороны, и тогдашний руководитель североирландской администрации «либеральный юнионист» Т.О'Нейл — с другой, пошли на некоторое сближение. Состоялся ряд встреч двух премьеров, начали налаживаться контакты по совместному развитию рыболовства, гидроэнергетики, туризма и т.д. На деле это было равнозначно признанию Ирландской республикой де факто режима Шести графств.

Североирландский кризис покончил с этим новым развитием. Бурные события на Севере, избиения католиков, сожжение их жилищ, вмешательство в борьбу с 1970 г. подразделений ИРА постоянно и глубоко воздействовали на широкие круги ирландской общественности, на позицию ирландских кабинетов. Летом 1970 г. дело дошло до раскола в правящей партии Фианна фойл, министерского кризиса и привлечения двух министров к суду по обвинению в незаконной переброске оружия ИРА на север через Дублинский аэропорт. В августе 1969 г. Ирландская республика предприняла резкий демарш в ООН против политики Англии в Северной Ирландии, в чем она была решительно поддержана Советским Союзом. В конце января 1972 г., после варварского расстрела британскими парашютистами мирной демонстрации в защиту гражданских прав в Дерри, негодующие дублинцы сожгли английское посольство, а правительство Ирландской республики временно отозвало из Лондона своего посла.

И все же растущая классовая солидарность крупной ирландской буржуазии с монополистическими кругами Великобритании, боязнь распространения массового демократического движения Севера на Ирландскую республику — все это привело к тому, что в целом ирландская политика обеих правящих партий в ольстерских делах была весьма сдержанной. Главное, на что претендовала и чего добилась Ирландская республика, — это признание Англией ее права участвовать в обсуждении североирландской проблемы и выработке позитивных решений. В качестве основной цели ирландские политики добивались осуществления в Шести графствах «разделения власти» между католиками и протестантами, ликвидации дискриминации. Объединение Ирландии вырисовывалось в необозримом далеком будущем в качестве конечной, ныне недостижимой цели. Апогеем этой политики явилось подписанное в конце 1973 г. соглашение в Саннингдейле. Крах Саннингдейла нанес по этой политике сильный удар. Отношения с Великобританией заметно обострились в связи с разбирательством в феврале 1978 г. в Европейском суде в Страсбурге жалобы ирландского правительства на грубое попрание прав человека в Шести графствах, на бесчеловечное обращение британских войск с североирландскими борцами за гражданские права.

Североирландский кризис

В экономической и социальной областях в Северной Ирландии активно происходило вторжение все новых крупных иностранных компаний, по преимуществу американских и многонациональных, дальнейшее развертывание предприятий по производству искусственного волокна, развитие электромашиностроения и некоторых других отраслей. Одновременно продолжалось свертывание традиционных производств, дальнейшее сокращение числа мелких и средних ферм и уменьшение сельскохозяйственного населения, вытеснение мелкого и среднего протестантского бизнеса. Всего, по официальным данным, за двадцатилетие, с 1950 по 1970 г., «не у дел» остались почти 120 тыс. человек (из них 70 тыс. потеряло сельское хозяйство). В среде этих обездоленных широко черпал резервы правый протестантский экстремизм.

Значительную роль в привлечении иностранных монополий в Северную Ирландию играли государственная Североирландская финансовая корпорация и британские субсидии в размере до 400 млн.ф.ст. в год, с помощью которых иностранным монополиям предоставлялись весьма существенные льготы.

Крупные североирландские фирмы все теснее смыкались с филиалами зарубежных монополий. В 1974 г. 44% наемного труда в промышленности было занято на предприятиях 24 дочерних филиалов корпораций Америки и Англии и некоторых других стран (английская «Курто», французская «Мишлен», американские ИТТ, «Дюпон», голландская «Бритиш энкалон» и т.д.).

При этом Северная Ирландия продолжала оставаться депрессивным районом Соединенного Королевства с наиболее высоким уровнем безработицы и самым низким средним доходом на душу населения.

На положение католической общины оказала определенное воздействие проводившаяся в период после второй мировой войны юнионистскими кабинетами вынужденная политика «шагания в ногу» с Англией в сфере социальных услуг. Были введены пособия многодетным семьям, бесплатное медицинское обслуживание и т.п. Находившийся на посту премьер-министра с 1963 по 1969 г. капитан Теренс О'Нейл провозгласил политику «нового юнионизма», претендовавшую на то, чтобы улучшить бедственное положение католиков. Т.О'Нейл сделал шаги к налаживанию отношений с Ирландской республикой, официально признал воссозданный в 1959 г. единый Ирландский конгресс тред-юнионов, использовал полицию против крайностей протестантского экстремизма. Однако для разрешения коренных социально-политических проблем, ликвидации или даже ослабления дискриминации ничего не было сделано. Конфронтация двух общин во всех областях общественной жизни — трудоустройства, собственности, жилья, религии, образования, здравоохранения, быта, обычаев, культуры — приобретала все более острые формы.

Подъем национального и социального движения угнетенного населения Северной Ирландии стимулировался общим ослаблением позиций мирового империализма. В 1967 г. в Шести графствах по инициативе демократической общественности, включая коммунистов, возникла Ассоциация борьбы за гражданские права. Она выдвинула обширную программу социально-политических преобразований, способных покончить с дискриминацией и обеспечить всем жителям Северной Ирландии равные демократические права. Эти требования в сочетании с программой массовых ненасильственных действий поддерживали сотни тысяч человек. К концу 60-х годов на Севере созрели условия для продолжения прерванного в 1921 г. революционного процесса.

Начало возникновению в Северной Ирландии очага наиболее острой антиимпериалистической борьбы в современной Европе положило варварское нападение ольстерской королевской жандармерии на крупную мирную демонстрацию в защиту гражданских прав 5 октября 1968 г. в г.Дерри. Это явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения угнетенного североирландского населения. Начавшиеся осенью того года массовые антиимпериалистические выступления, а затем и вооруженные столкновения охватили Шесть графств. Продолжающийся и в наши дни кризис привел к значительным изменениям в политических институтах в расстановке социально-политических сил.

Политическую хронологию кризиса можно подразделить на два больших периода: первый — с конца 1968 г. до роспуска в марте 1972 г. английским правительством Стормонта и введения в Провинции прямого правления из Лондона через министра по делам Северной Ирландии, второй — с весны 1972 г. по настоящее время. В течение первых трех с половиной лет кризиса произошло «пробуждение» основных слоев угнетенного католического населения к мощным массовым кампаниям политического протеста, банкротство стормонтовского режима перед лицом этих выступлений, дезинтеграция и раскол юнионистской партии на ряд соперничающих группировок, появление в стране значительных контингентов британских вооруженных сил, призванных «твердой рукой» поддержать зашатавшуюся британскую систему господства в Шести графствах.

В этот период в Провинции разгорелась яростная вооруженная борьба между возобновившей с небывалой силой свои атаки «временной» Ирландской республиканской армией и полувоенными формированиями протестантских экстремистов, вымещавшими свой гнев на мирных жителях католических гетто. В эти годы британские кабинеты, как консервативные, так и лейбористские, чередовали жестокие репрессивные меры против борцов за гражданские права с вынужденными частичными уступками демократическому движению.

Наиболее значительными событиями первых лет кризиса были многотысячный марш в защиту гражданских прав жителей Дерри в ноябре 1968 г., январский (1969 г.) мирный поход из Белфаста в Дерри нескольких сот студентов и молодых рабочих во имя популяризации лозунгов движения, «жаркое лето» 1969 г., когда рабочие католических гетто Дерри (в апреле 1969 г. протестантской жандармерией здесь было сожжено более 500 католических жилищ) и Белфаста опоясались баррикадами, а попыткам озверевших оранжистов при поддержке полиции взять эти преграды и разгромить гетто был дан достойный отпор. Тогда же начался кризис и раскол юнионизма: зимой 1968-69 г. в знак протеста против согласия О'Нейла (под нажимом Лондона) провести несколько урезанных реформ его кабинет покинуло несколько министров во главе с будущим политическим вождем крайнего ольстерского экстремизма адвокатом Уильямом Крейгом. Весной 1969 г., видя тщетность своих попыток, ушел в отставку и сам О'Нейл. Его преемники Дж. Чичестер-Кларк и Б.Фолкнер, ярые юнионисты, вынужденные, однако, в новых обстоятельствах встать на путь частичных уступок, уже не имели за собой монолитного фронта протестантских юнионистов. Справа на них постоянно давила отколовшаяся от «официального юнионизма» экстремистская масса со своими собственными лидерами — Я.Пейсли, У.Крейгом и др., выступавшая под старым оранжистским лозунгом «Ни шагу назад!» и требовавшая жесточайшего и полного подавления оппозиционных сил.

Программу экстремистов изложил в апреле 1970 г. на сборище оранжистов Западного Белфаста Ян Ричард Пейсли. Он потребовал положить конец «политике умиротворения» и повести «беспощадную гражданскую войну» против всех противников юнионизма, отставки премьера Дж.Чичестера-Кларка и ряда членов его кабинета, отзыва «терпимого в отношении католиков» главнокомандующего английским экспедиционным корпусом генерала Я.Фриленда, отказа правительства изменить старую систему распределения жилья и прежний порядок местных выборов. У.Крейг также посоветовал премьер-министру «собрать свои пожитки и вернуться в имение». Через год многотысячное духовное и политическое «стадо» пастыря Пейсли объединилось в так называемую Демократическую юнионистскую партию под лозунгами борьбы против «угрозы с Юга». Учитывая прежде всего свою массовую опору из протестантских рабочих, фермеров и мелкой буржуазии, Пейсли прибегал к разглагольствованиям о жилищном кризисе, о проблеме занятости. В качестве стратегической идеи он развивал мысль о полной интеграции Ольстера в Великобританию (подобно Шотландии и Уэльсу).

В январе 1972 г., в момент нового резкого обострения положения в Шести графствах, создал «свою» партию и У.Крейг, близкий к британским неонацистам из так называемого Национального фронта. Сторонники именуют его «вождь». Его Прогрессистская юнионистская партия («Авангард») выступила за сохранение в Северной Ирландии «британского образа жизни» любой ценой, вплоть до отделения от Англии (в случае продолжения реформ) и создания «независимой протестантской республики Ольстер». Эту тенденцию подчеркивает замена в качестве партийной эмблемы британского Юнион Джека ольстерской Красной (Кровавой) рукой. В тактический арсенал партии вошли всевозможные массовые акции — от митингов и маршей до политических локаутов и блокады дорог. «Авангард» имеет большую членскую массу и десятки тысяч сторонников из среды протестантских фермеров, городской мелкой буржуазии и отчасти рабочих. По сути дела его «военным крылом» является созданная летом того же 1971 г. полувоенная террористическая организация Ассоциация обороны Ольстера, насчитывающая до 60 тыс. членов.

Ее методы — убийства, пытки, организация взрывов в католических районах и т.д. В этом с ней «успешно» соперничают другие террористические формирования экстремистов. Ольстерские волонтеры, Ольстерское протестантское действие, «Борцы за свобода» и т.п., а также целая сеть полувоенных групп на местах (так называемые местные ассоциации обороны). Их общий лозунг: «Католик хорош лишь с пулей в спине!»

В середине августа 1969 г., в разгар боев в Белфасте и Дерри, британский кабинет через голову Стормонта обнародовал Декларацию Даунинг-стрит, которая затем была одобрена английским парламентом и трансформировалась в подписанный в декабре того же года билль о реформах в Северной Ирландии. Формально были приняты все основные требования движения за гражданские права, осуждена и «отменена» дискриминация. Однако проведение всего этого в жизнь было возложено на местную юнионистскую администрацию, весьма консервативную и к тому же подвергавшуюся мощному давлению экстремистов. Кое-какие шаги (ропуск военизированной жандармерии и «специальных сил Б», реформа системы местных выборов, создание государственной корпорации жилищного строительства) были сделаны, но они не могли существенно изменить ситуацию. Недовольство росло, волнения продолжались.

Положение значительно усугубилось с лета 1970 г., после прихода к власти в Лондоне консервативного кабинета Э.Хита. Сторонника более гибкого курса в ирландских делах, министра внутренних дел Дж.Каллагэна сменил поборник жесткой линии Р.Модлинг. В это время введенные в середине августа 1969 г. в Северную Ирландию «для выполнения миссии арбитра и стража порядка» крупные подразделения британских войск стали все более откровенно превращаться в терроризирующую католическое население силу подавления движения в защиту гражданских прав. Военные трибуналы, аресты, пытки буквально «загоняли» часть католической молодежи в ряды «временной» ИРА.

С другой стороны, такой курс британских властей вел к эскалации террористических действий со стороны протестантов. В августе 1971 г. правительство Б.Фолкнера с согласия Лондона ввело позорную практику арестов без следствия и суда, интернирования сотен людей на неопределенные сроки в концентрационных лагерях. Это, однако, завело оба правительства в тупик: осенью—зимой 1971/72 г. вооруженные столкновения, убийства, взрывы, террор достигли апогея. Борцов за гражданские права не запугала и варварская расправа английской военщины с демонстрантами в Дерри в январе 1972 г. (ирландское «кровавое воскресенье»). Вся система юнионистской диктатуры в Северной Ирландии, на которой почти полвека зиждилось колониальное и неоколониалистское господство британского империализма, лежала в руинах. Консерваторам пришлось корректировать свой курс: в марте 1972 г. актом вестминстерского парламента стормонтовский парламент и его кабинет были распущены. В Провинции было введено прямое правление из Лондона.

Существенные изменения произошли за эти годы в оппозиционном лагере. В 1970 г. главным образом на базе почти прекратившей свое существование Националистической партии, а также за счет ряда более мелких группировок в Шести графствах возникла новая крупная политическая сила — Социал-демократическая лейбористская партия (СДЛП). Ее лидером стал член североирландского и вестминстерского парламентов, активный участник движения за гражданские права Дж.Фитт. В отличие от националистов, не интересовавшихся социальными проблемами и выдвигавших один лозунг — единство Ирландии, новая партия поставила три главные цели: полная ликвидация дискриминации, национализация важнейших промышленных отраслей и обеспечение полной занятости путем государственного стимулирования промышленного развития. В дальней перспективе говорилось о социализме (в интерпретации британских лейбористов) и об единстве острова. СДЛП заявила, что как основной представитель католической части населения она требует участия в управлении Северной Ирландией и будет добиваться своих целей все ми возможными политическими средствами.

В республиканском движении со второй половины 60-х годов, как уже говорилось выше, в противовес традиционному крену к одним лишь военным акциям во имя воссоединения обеих частей острова получила преобладание социалистическая, антиимпериалистическая струя.

Однако после кровавых событий лета 1969 г. часть республиканцев («временная» ИРА, ее политическое крыло — «временный» Шин-фейн) вернулись к старой тактике террора. Центрами новой «герильи» стали крупные североирландские города, особенно Белфаст и Дерри. Провозгласив своей главной целью заставить Англию вывести свои войска из Северной Ирландии и создать единую Ирландскую республику на принципах «христианского социализма» и общественной собственности на ключевые средства производства, «временные» с 1971 г. обрушили на британские оккупационные силы, ольстерскую полицию и отчасти протестантскую общину серии бомбовых атак, огневых налетов, актов индивидуального террора. «Временных» отличают религиозный фанатизм и антикоммунизм. Их жертвами не раз становились и левые республиканские деятели социалистической ориентации. Кампания, развязанная «временными», имела в целом весьма тяжелые последствия для борьбы за демократию в Северной Ирландии. Она способствовала дальнейшему углублению раскола североирландских трудящихся по конфессиональному признаку, еще большему укреплению в их протестантской части влияния экстремистских лидеров.

Другая часть республиканцев («официальные» Шин-фейн и ИРА) в основном сохранили свою приверженность программе массовых действий в социальной и политической областях во имя построения единой социалистической Ирландии. Однако состав их весьма неоднороден, а в мелкобуржуазном главном образе руководстве имеются тенденции как к оппортунизму, так и к «революционаризму» левацкого толка.

В 1970 г. возникла и Партия альянса, у колыбели которой стоял бывший премьер Т.О'Нейл. Она заявила о защите унии Ольстера и Англии при условии ликвидации дискриминации и привлечения католиков к управлению Провинцией. В составе новой партии — либеральная протестантская буржуазия и интеллигенция, а также наиболее умеренная часть католических средних слоев. Ее лидер — брат бывшего премьера, богатый помещик Фелим О'Нейл.

Таким образом, в ходе первого периода кризиса силам реакции был нанесен серьезный удар. Вместе с тем наметилась дальнейшая поляризация крайних экстремистских сил в обоих лагерях, способствующая дальнейшему обострению и углублению кризиса. Главной же причиной этого оставалось сохранение системы неокOLONиализма и дискриминации.

1972 год принес резкую эскалацию терроризма, вооруженных столкновений британских войск с ИРА, ИРА с протестантскими «боевиками». Число столкновений и актов террора выросло по сравнению с 1971 г. почти в 4 раза, число убитых — вдвое, достигнув 464 человек. Ответом британских властей явилось ужесточение политики в отношении католической общины. В июле в ходе так называемой операции «Мотормен» английские войска, применив броневики и танки, оккупировали гетто крупных городов и провели в них повальные обыски и массовые аресты. К концу года число содержащихся за решеткой заключенных католиков достигло двух тысяч. Варварское обращение английских военнослужащих с католическим населением сплотило против британской политики все угнетенное меньшинство. Начались и продолжались позже массовые кампании по непризнанию новой системы управления, неуплате квартплаты, налогов и т.п. Эти политические акции, осуществлявшиеся под эгидой СДЛП и Ассоциации борьбы за гражданские права, оказались весьма эффективными и поставили в тупик британские правящие круги.

С весны 1973 г. британское правительство вновь сделало главный упор на политическое маневрирование. В марте был принят конституционный закон, «возвращавший» ограниченные прерогативы местной власти законодательному органу — Североирландской ассамблее. Предусматривалось «разделение власти» между обеими общинами, признавалась заинтересованность Ирландской республики в судьбах Ольстера, предполагалось в дальнейшем создать так называемый Совет Ирландии с участием представителей Севера и Юга.

В развитие этого в декабре 1973 г. в Саннингдейле, близ Лондона, три стороны — британский премьер Э.Хит, премьер-министр Ирландии Л.Косгрейв и глава северо-ирландского правительства Б.Фолкнер — подписали Саннингдейлское соглашение, которое вошло в силу в начале 1974 г. Представители СДЛП, а также Альянса получили несколько министерских постов, заместителем главы кабинета стал Дж.Фитт. Эта частичная уступка стала возможной в результате более чем четырехлетней упорной борьбы угнетенного населения Северной Ирландии.

Компромисс, однако, вскоре был сорван. Причиной явилось резкое нарастание экстремистских тенденций в протестантской среде. Если на летних (1973 г.) выборах в Ассамблею экстремисты (лоялисты) получили 35% всех голосов (СДЛП — 22%, «официальные» юнионисты Фолкнера — 26,5, Альянс — 9%), то на февральских (1974 г.) выборах в Вестминстер, вновь приведших к власти лейбористский кабинет Вильсона, за них голосовал уже 51% избирателей Северной Ирландии. Таков был результат яростного наступления против принципов Саннингдейла, развязанного ольстерской оранжистской элитой и ее приспешниками в массовых протестантских организациях.

В мае 1974 г. экстремисты вызвали всеобщую стачку, на длительное время парализовавшую всю экономическую жизнь Шести графств. Главной силой, осуществлявшей стачку, явился так называемый совет рабочих Ольстера, возникший на базе реакционной Ассоциации ольстерских рабочих-лоялистов (руководители — председатель совета Гарри Меррэй, бывший телохранитель Крейга Хью Петри и другие деклассированные протестантские «рабочие вожди»). Ударным кулаком совета стали полувоенные террористические организации протестантов, блокировавшие дороги, проливавшие кровь. Многотысячные британские войска, столь быстрые на расправу с католиками, на этот раз бездействовали. Экстремисты одержали верх: кабинет Фолкнера пал, Ассамблея была распущена, реализация весьма умеренной ограниченной Саннингдейлской программы надолго отложена.

С лета 1974 г. прямое управление в Шести графствах было восстановлено. С того момента и по нынешний день здесь сохраняется обстановка экономической и социальной стагнации, кровавых столкновений и армейских репрессий, хитроумных, но, однако, малоэффективных маневров британских властей. В 1975 г. бесславно провалилась заранее обреченная попытка английского правительства разрядить обстановку созывом так называемого конституционного конвента из представителей всех политических партий Северной Ирландии, избранных на этот раз по принципу «один человек — один голос». Выборы, проходившие в обстановке террора, принесли правым экстремистам 55% голосов и 47 мест из 78. Разумеется, при такой расстановке сил «ольстерская конституанта» принесла лишь дальнейшее углубление тупиковой ситуации. Лишний раз была продемонстрирована несостоятельность британского подхода к ирландским делам.

Единственную реальную альтернативу, соответствующую подлинным интересам трудового народа Северной Ирландии, в эти трудные времена развивает и самоотверженно отстаивает Коммунистическая партия Ирландии, выступающая в союзе с левыми профсоюзными кругами и прогрессивным крылом республиканского движения. Коммунисты справедливо указывают, что добиться подлинного прогресса возможно лишь путем обеспечения единства действий североирландских трудящихся на классовой основе, независимо от их религиозных и политических убеждений, сделать рабочий класс ведущей силой в борьбе за демократию. Во имя этого выдвигается требование билля о правах для Северной Ирландии, который должен быть принят парламентом в Вестминстере.

Он должен включать гарантии свободы политической деятельности для всех североирландских граждан, ликвидации противоречащих правам человека чрезвычайных законов и всех видов дискриминации. После этого должно быть отменено «прямое управление» и на основе демократических выборов избран новый парламент Северной Ирландии (с более широкими по сравнению со Стормонтом полномочиями), обязанный провести эту программу в жизнь. В экономической сфере этот парламент должен будет декретировать создание обширного госсектора, включающего основные судовой верфи и филиалы иностранных фирм, установить государственный контроль над вывозом и ввозом капиталов, товаров, сырья, предпринять необходимые усилия для совместного координированного развития госсекторов на Севере и Юге Ирландии в целях их экономического сближения и создания единого, общеирландского внутреннего рынка.

На пути реализации этой программы много преград. Однако успех возможен и достижим. Положительным симптомом в этой связи является, с одной стороны, провал очередных действий экстремистов под лозунгом возвращения к режиму Стормонта, в частности полный крах попыток Пейсли и других организовать в мае 1977 г. новый всеобщий локаут, а с другой — успех широкой кампании, начатой по инициативе профсоюзного движения под лозунгом «лучшую жизнь для всех» и направленной на урегулирование острых социально-экономических вопросов. Справедливое дело полного освобождения страны, национального воссоединения ирландского народа, социальной справедливости и прогресса, за которое ведут борьбу трудящиеся и все прогрессивные силы Ирландии, неизбежно восторжествует.

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ

Авторский коллектив:

д.ист.н. Л.И.Гольман (гл.5, 6, 8)

д.ист.н. А.Д.Колпаков (гл.10-13)

д.ист.н. В.Э.Кунина (гл.7, 9)

д.ист.н. Ю.М.Сапрыкин (гл.1-4)

М.: Мысль. 1980

VI. Подъем национально-освободительной борьбы в конце XVIII в.

С середины 70-х годов XVIII в. открывается новый период ирландской истории, который Маркс назвал «переходным временем». До самого конца XVIII в. Ирландию потрясали бурные события, национальные конфликты переплетались с острыми классовыми схватками. Нарастание национально-освободительного движения происходило под влиянием войны за независимость американских колоний Англии (1775—1783 гг.) и Великой французской буржуазной революции (1789—1794 гг.). Первая английская колония, в которой давно была подготовлена почва для всеобщего народного возмущения, оказалась в сфере действия этих двух мощных взрывных волн.

В этих условиях мятежная Ирландия, находившаяся в непосредственной близости от метрополии, стала поистине наиболее уязвимым местом Британской империи. Стремясь любой ценой сохранить свою власть над соседним островом и предотвратить превращение его в плацдарм для французов, правящие круги Англии вынуждены были маневрировать, отказываться от наиболее грубых и ненавистных форм угнетения. В то же время их политика в Ирландии приобретала все более изощренные и коварные черты. Отдельные уступки и демагогические посулы сочетались с полицейским террором и провокациями.

Американская война за независимость и Ирландия

В 1775 г. началась американская буржуазная революция. Ослабив Англию, она создала благоприятную обстановку для развертывания национально-освободительного движения в Ирландии. Пример успешной борьбы против колониального рабства вдохновлял ирландцев. В рядах американских повстанцев сражалось не мало выходцев из Ирландии, немало их побывало в Американской республике и после окончания войны. Большое влияние на передовые слои ирландского общества оказали «Декларация независимости», произведения идеологов американской революции Франклина Джефферсона, Томаса Пейна и др., развиваемые им идеи национального суверенитета, политического равенства, права народа на сопротивление тирании.

Еще в период назревания конфликта между Англией и ее североамериканскими колониями большинство ирландцев сочувственно относились к последним. Франклин, посетивший Дублин в 1771 г., отмечал, что у американских колонистов есть много друзей в Ирландии. Когда же начались военные действия, то даже такой английский государственный деятель, как Питт-старший, должен был признать, что ирландцы «все, как один», на стороне Америки.

Английские власти пытались бороться с проявлением солидарности с восставшей Америкой обычными методами. Был установлен строжайший запрет на вывоз из ирландских портов продовольственных товаров в другие страны, приняты меры к прекращению всяких отношений Ирландии с американскими колониями.

Однако возбуждение в Ирландии усиливалось. Опасаясь распространения «мятежного духа» американских колоний на Ирландию, представители вигской оппозиции в Англии — Фокс, Берк и другие стали высказываться за отмену наиболее ненавистных карательных законов.

В октябре 1777 г. американцы заставили капитулировать при Саратоге армию английского генерала Бургойна. Теперь необходимость уступок для Ирландии стала ясна даже для лорда Норта, возглавлявшего кабинет консерваторов. В 1778 г. с согласия английского правительства англо-ирландским парламентом был проведен акт, по которому отменялись законы, запрещавшие католикам арендовать у протестантов землю площадью свыше двух акров, вступать с ними в торговые и кредитные сделки. Этим же актом упразднялось правило о переходе имущества умершего католика лишь к его протестантским наследникам или (в случае отсутствия таковых) о принудительном разделе его между всеми детьми. Стремясь таким путем привязать к себе зажиточные и аристократические слои католического населения, благо их представители в Католическом комитете верноподданически осаждали «американский мятеж», английские власти тем не менее сохранили в силе значительную часть колонизаторского карательного кодекса.

Движение волонтеров

Вступление в войну на стороне американцев Франции (1778 г.) и Испании (1779 г.) не только осложнило положение Англии на американском театре военных действий, но и создало реальную опасность для самой метрополии. Французские, испанские и американские военные корабли стали угрожать портовым городам Англии.

Воспользовавшись растерянностью английских властей, оппозиционно настроенное протестантское население Ирландии под предлогом самообороны стало создавать отряды волонтеров. В них зачислялись представители самых различных общественных слоев крупные землевладельцы, джентри, купцы, фермеры, ремесленники и даже поденщики. Средства на вооружение собирались по подписке. Первое волонтерское подразделение было создано еще в марте 1778 г. в Белфасте. С лета этого года отряды волонтеров стали возникать повсеместно. К концу 1779 г. число волонтеров достигло 42 тыс., а в 1782 г. — 100 тыс. человек. Они были хорошо экипированы.

Угроза вторжения противника побудила английские власти выдать им часть оружия из арсенала Дублинского замка — резиденции наместника. Артиллерия волонтеров в 1782 г. насчитывала 130 орудий. Систематически проводились смотры и учения. Офицеры и генералы избирались волонтерами из своей среды. В 1780 г. разрозненные волонтерские отряды были сведены в крупные соединения по провинциям с единым командованием. Позднее был избран и главнокомандующий всей армии.

В волонтерские войска формально могли вступать только протестанты, поскольку католикам по-прежнему не разрешалось владеть оружием. На практике со времен Семилетней войны 1756—1763 гг. их вербовали в регулярную армию и флот, обходя закон под тем предлогом, что оружие принадлежало казне. Командир артиллерии дублинских волонтеров протестант Джеймс Неппер Танди включил в состав своего подразделения ремесленников-католиков. Этот случай не был единичным. Волонтерское движение было поддержано католическим населением, которое участвовало в сборе средств на снаряжение волонтеров.

Волонтерская организация носила не только военный, но и политический характер. Почти каждый смотр волонтеров превращался в своего рода политический митинг. Устраивались делегатские собрания, созывались провинциальные представительные конвенты, один раз даже был созван общеирландский конвент. Для проведения в жизнь тех или иных решений избирались комитеты. Многие из лидеров парламентской оппозиции были офицерами и генералами волонтеров.

В волонтерском движении было, однако, немало уязвимых мест. Источниками его слабости являлись социальная пестрота состава, противоречивые внутренние тенденции, несамостоятельность радикально-демократических элементов, в то время еще недостаточно зрелых и сплоченных, преобладание либералов, представителей зажиточных протестантских джентри и буржуа.

Командующий волонтерами Ольстера, а затем их главнокомандующий, фрондирующий протестантский лорд Чарлмонт, ханжески отстаивал привилегии англиканской церкви и противился предоставлению католикам политических прав. Политическими руководителями волонтеров были ирландские оппозиционные парламентарии, «ирландские виги», Флад, Граттан, Барри йелвертон и др. Усилия их в равной мере были направлены как на использование движения волонтеров с целью вырвать у английского правительства, так и на то, чтобы не дать этому движению перерасти в вооруженную борьбу по североамериканскому образцу.

Генри Граттан

В центре политической жизни Ирландии конца 70-х и 80-х годов XVIII в. стоит фигура Граттана. Красноречивый адвокат, старавшийся подражать образцам ораторского искусства древних — даже англичане отзывались о нем как об «ирландском Демосфене», — Граттан в 1775 г. (в 29-летнем возрасте) был избран в ирландскую палату общин. От отца, дублинского архивариуса, также члена парламента, друга Свифта, он унаследовал либеральные убеждения. Популярность он приобрел, выступая с критикой английской политики. Вскоре он сделался одним из признанных лидеров «партии патриотов». Его программа сводилась к достижению мирным путем политической автономии Ирландии в пределах Британского королевства и осуществлению ряда внутренних реформ. Идеалом Граттана, как и его друга, лидера английских «молодых вигов» Фокса, были конституционная монархия, полновластный парламент, более равномерное распределение избирательных округов, упорядоченная система управления. Каких-либо изменений в полукрепостническом аграрном строе Ирландии не предусматривалось. Высказываясь за веротерпимость и отмену карательных законов (в этом смысле он шел дальше Флада, противника предоставления католикам избирательных прав), Граттан стоял на страже классовых привилегий имущих. Сторонник компромиссов, он отрицательно относился к идеям революционной борьбы против английского господства.

Немалую роль в политической карьере Граттана играло личное тщеславие, стремление к славе и богатству. Столкновение честолюбивых интересов являлось причиной частых и порой довольно беспринципных распрей между ним и Генри Фладом. В народе их так и называли — «соперничающие Гарри».

В целом роль Граттана в национальном движении была двойственной. Если в начале разворачивания борьбы он способствовал формированию национальной оппозиции, то в дальнейшем его линия стала все больше отражать страх ирландской буржуазно-помещичьей верхушки перед возрастающим влиянием революционного крыла национального лагеря.

ИСТОРИЯ ИРЛАНДИИ

Первые успехи национального движения

Одним из первых требований волонтерского движения стала отмена всех ограничений для ирландской торговли и промышленности. На всех смотрах и собраниях волонтеров в 1779 г. принимались резолюции, требующие свободы экспорта для ирландских товаров, в том числе снятия эмбарго на ввоз их в другие колонии Англии. Кампания за «свободу торговли» сразу же приняла острые формы. По стране прокатился призыв к воздержанию от покупки и потребления английских товаров. Ирландцы были готовы последовать примеру североамериканских колоний, начавших свою борьбу за независимость с бойкота английских товаров.

В октябре 1779 г. при открытии сессии дублинского парламента Граттан внес поправку к верноподданническому адресу Георгу III, в которой говорилось, что единственным спасением от разорения ирландской промышленности и торговли является введение свободы экспорта ирландских товаров. Резолюция оппозиции была принята единогласно. При огромном стечении народа процессия членов палаты проследовала ко дворцу лорда-наместника Бэкингема для вручения ему адреса с поправкой.

Вдоль улиц, по которым она проходила, выстроились вооруженные волонтеры. Поскольку ответ наместника был уклончивым, кампания продолжалась. На смотре волонтеров в Дублине 4 ноября артиллерия Неппера Танди везла укрепленные на жерлах пушек плакаты с надписью: «Свобода торговли или...!» Через несколько дней толпа ремесленников и рабочих мануфактур совершила нападение на дома английских сановников.

Ради сохранения своего владычества в Ирландии английская олигархия должна была принести в жертву почти все принятые ею в прошлом законы, направленные на подавление ирландской промышленности и торговли. В течение декабря 1779—января 1780 г. английский парламент принял постановления, снимавшие за прет с вывоза ирландских шерстяных и стеклянных изделий и разрешавшие ввоз в Ирландию хмеля и ряда других товаров. Ирландским купцам было дозволено торговать с английскими колониями и вступать в компании, ведущие торговлю с Левантом.

Сделанные уступки, разумеется, не избавляли Ирландию от конкуренции гораздо более развитой английской промышленности. И все же вынужденное согласие Англии предоставить ирландцам «свободу торговли» окрылило участников национального движения и побудило их сделать дальнейший шаг. На этот раз лозунгом стало требование «свободного законодательства», независимости ирландского парламента. Ирландцы требовали отмены акта Пойнингса, делавшего недействительными постановления дублинского парламента без санкции английского Тайного совета, а также акта шестого года царствования Георга I (1719 г.), разрешавшего английскому парламенту издавать законодательные акты для Ирландии.

19 апреля 1780 г. в весьма накаленной атмосфере Граттан произнес в палате общин программную речь, в которой сформулировал требование парламентской автономии для Ирландии. Прения продолжались 15 часов и не дали никаких результатов. У английского правительства в дублинском парламенте была сильная опора в лице большинства из англо-ирландских лендлордов.

Но приостановить рост возбуждения в стране английские власти уже не смогли. Наместник Бэкингам характеризовал в своих донесениях настроение умов в Ирландии как «эпидемию безумия».

Представителям «партии патриотов» не хватало мужества обратиться за поддержкой к волонтерам, ответив таким образом на отклонение парламентом предложений об автономии. Больше того, оппозиционные выступления либералов по-прежнему чередовались с выражениями лояльности по отношению к правительству.

Однако давление со стороны волонтеров и других патриотических элементов усиливалось. 15 февраля 1782 г. в Данганноне собрался провинциальный конвент волонтеров Ольстера, на котором присутствовало 242 делегата, принявших «Декларацию о правах и злоупотреблениях». Хотя по содержанию этот документ в целом не выходил за рамки программы Граттана, все же он отличался более боевым духом. Издание законов для Ирландии помимо «короля, лордов и общин» самой страны, а также практика вмешательства английского Тайного совета в законодательную деятельность ирландского парламента объявлялись «неконституционными, представляющими собой злоупотребление». Принятие высшими английскими судебными инстанциями апелляций на приговоры ирландских судов, назначение английским правительством ирландских судей, введение бессрочного «Акта о мятеже», по которому определялось количество регулярных войск в стране, и прочие проявления произвола решительно осуждались как незаконные акты. Конвент провозгласил свое намерение вести борьбу за дальнейшее смягчение карательного кодекса, не выдвинув, однако, требования политического равноправия для католического населения. Данганнонская декларация на какой-то момент стала общей платформой и знаменем движения. Ольстерские волонтеры на своем конвенте избрали комитет для проведения ее в жизнь. Были отправлены делегации в другие местности. Декларация была одобрена на собраниях и конвентах волонтеров во всех графствах и провинциях Ирландии.

Завоевание парламентской автономии

Поражение английской армии в Америке заставило в апреле 1782 г. уйти в отставку правительство Порта. Был образован кабинет, в состав которого вошли представители «молодых вигов» — Фоке, Шеридан, Шелбори (последний вскоре стал премьером). Новое правительство повело переговоры о заключении мира с Американской республикой. В Ирландии накал страстей был настолько велик, что сам Граттан должен был предупредить прибывшего в апреле 1782 г. в Дублин нового наместника герцога Портленда о невозможности дальнейших проволочек с введением автономии ввиду угрозы «анархии».

К моменту открытия сессии дублинского парламента — 16 апреля 1782 г. столица была буквально наводнена волонтерами. В такой обстановке вновь внесенное Граттаном предложение о «свободном законодательстве для Ирландии» собрало большинство голосов. Даже представители колониальной администрации вынуждены были теперь разыгрывать из себя поборников автономии.

В мае 1782 г. английский парламент по предложению вигов провел отмену акта о праве парламента Англии издавать законы для Ирландии. Одновременно подтверждалось согласие не препятствовать мерам, запрещающим английскому Тайному совету отменять билли, принятые в Ирландии, а действие «Акта о мятеже» было ограничено двумя годами. Это постановление было воспринято ирландскими парламентариями чуть ли не как провозглашение конституции и вызвало неумеренные восторги в их кругах. Когда 27 мая 1782 г. Портленд возвестил о нем дублинскому парламенту, ирландские палаты в благодарность тут же вотировали крупные субсидии английскому правительству на содержание вооруженных сил.

Между тем проведенный акт был нарочито сформулирован весьма уклончиво и допускал различные толкования. Некоторые важные требования ирландской оппозиции (например, отмена права английской палаты лордов пересматривать приговоры ирландских судов) были вообще обойдены. Более радикальные круги ирландских патриотов не разделяли оптимистических заявлений Граттана о том, что теперь между обеими нациями «не будет существовать никакого конституционного вопроса». Откровенно примиренческая позиция Граттана, его славословия в адрес английских законодателей стали вызывать недовольство. Начавшимся падением популярности Граттана немедленно воспользовался Флад. В душе такой же, если не более, умеренный либерал, этот гибкий политик понял, что может успешно противопоставить себя Граттану, лишь заигрывая с радикальными элементами. Флад внес предложение в палату общин, чтобы английский парламент и правительство в недвусмысленной форме подтвердили свой отказ от издания законов для Ирландии и от нарушения ее законодательной и судебной прерогативы.

Сознавая необходимость дальнейших уступок, английская правящая верхушка объявила о своем согласии принять предложения Флада. 22 января 1783 г. английский парламент провел «Акт об отречении», подтвердивший (на этот раз более определенно) предоставление Ирландии парламентской автономии и невмешательство английских судебных инстанций в ирландские судебные дела.

Еще до принятия актов, касавшихся полномочий и прав дублинского парламента, в начале 1782 г. через ирландские палаты была проведена новая отмена ряда карательных законов. Католикам было разрешено приобретать фригольд (свободное от полуфеодалных повинностей держание), они получили доступ к профессиям учителя, адвоката и т.д., были ликвидированы акты о принудительной регистрации католических священников. Однако и после этого второго тура ликвидации карательного кодекса часть его все еще продолжала действовать.

Завоевания ирландского народа, достигнутые в результате подъема национально-освободительной борьбы, все еще были непрочными. Колониальный режим не был ликвидирован. Административный государственный и военный аппараты находились целиком в руках английского правительства, заполнявшего их либо английскими чиновниками, либо своими ставленниками из числа англо-ирландцев. Ирландский парламент не имел возможности влиять на формирование администрации.

Сам автономный ирландский парламент был крайне недемократическим учреждением. Палата лордов состояла из представителей высшего духовенства и аристократов, преимущественно английского происхождения, получивших от короля титул пэра. Круг избирателей, посылавших депутатов в нижнюю палату, был необычайно узок. Из него было изъято почти все католическое население Ирландии (3/4 ее жителей). Избирательного права была лишена и значительная часть протестантов, а также диссентеров: владельцы держаний низших категорий (лизгольдеры, коттеры и т.д.), городская беднота и т.д. Да и сам порядок выборов превращал избрание в большинстве случаев в чистую фикцию. Из 300 депутатских мест по крайней мере 228 заполнялись от крохотных округов, насчитывавших иногда около дюжины избирателей. Владевшим этими «гнилыми местечками» лендлордам ничего не стоило угрозами или подачками добиться от их жителей собственного избрания или избрания угодных и кандидатов. Нередко такое избрание превращалось в предмет купли-продажи. Ряду землевладельцев принадлежало по несколько «гнилых местечек». Так, 25 наиболее крупных лендлордов фактически держали в своих руках 116 парламентских мест. Такса за каждое из них доходила до 11000 ф.ст.

Подобная система, а также подкуп членов парламента колониальной администрацией путем назначения на выгодные должности порождали парламентскую коррупцию в огромных масштабах. В руках английских правителей Ирландии оставалось мощное средство воздействия на состав ирландского «автономного парламента».

Неудивительно поэтому, что лозунгом национально-патриотического лагеря вскоре сделалась реформа парламента.

Неудача кампании за реформу. Раскол среди волонтеров

В сентябре 1783 г. в Данганноне вновь было созвано делегатское собрание волонтеров, горячо высказавшееся за парламентскую реформу. Митинги и собрания в пользу реформы происходили и в других частях с граны. На 10 ноября было назначено открытие Великого национального конвента Ирландии в Дублине, которому предстояло обсудить проект предлагаемой реформы и добиться внесения соответствующего билля в палату общин. В столицу съехалось 300 делегатов. Многие из них прибыли в сопровождении вооруженных отрядов волонтеров. Делегаты постановили не расходиться, пока парламентом не будет принят билль о реформе.

Ход событий в Ирландии не на шутку встревожил английские правящие круги. Реформированный ирландский парламент мог превратиться в серьезный центр сопротивления колониальной политике. Поэтому ирландскому биллю о реформе решено было оказать самое серьезное противодействие, используя в том числе колебания ирландских либеральных политиков и разногласия в их среде.

И действительно, даже в самом конвенте царили раздоры между различными группировками. Правые делегаты, возглавляемые лордом Чарлмонтом, решительно противились уравниванию в правах католиков и протестантов. Усилиями правых Чарлмонт был избран председателем конвента. Им противостояли радикальные элементы, высказывавшиеся за более последовательную реформу и распространение избирательных прав на католиков.

В палате общин Грапан и его сторонники высказывались за умеренную реформу, но стояли за проведение ее сугубо парламентскими методами, без всякого нажима на парламент со стороны волонтеров. Флад, наоборот, взял на себя роль посредника между конвентом волонтеров и палатой общин, однако всячески способствовал приспособлению проекта реформы к интересам протестантской верхушки и изъятию из него всего, что касалось прав католического населения.

Наиболее решительную позицию в парламенте по всем вопросам занимал лишь его новый делегат, вошедший в палату в 1783 г., — ирландский адвокат Джон Филпот Карран. Уроженец города Ньюмаркета (графство Корк), сын судьи, этот образованный юрист приобрел популярность в 70-х годах ведением, казалось бы, безнадежных дел жертв произвола титулованных аристократов и их приспешников. В палате общин Карран энергично потребовал проведения реформы. С тех пор ни одна сессия не обходилась без его страстных обличительных речей, полных язвительного сарказма в адрес английского правительства, колониальных чиновников и лояльного большинства палаты общин. Актом высокого мужества были его попытка воспрепятствовать суровым мерам, направленным против участников крестьянских волнений, а также выступления в качестве защитника на многих процессах ирландских революционеров.

В результате преобладания правых в конвенте проекту реформы был придан облик, отвечающий узкоклассовым и антикатолическим стремлениям буржуазно-аристократического крыла национального движения. Речь шла о частичном перераспределении избирательных округов, лишении некоторых обезлюдивших местечек и отдельных корпораций права посылать депутата в парламент, сокращении сроков депутатских полномочий, распространении избирательных прав на протестантских зависимых арендаторов — лизгольдеров. Однако, когда Флад предложил палате внести этот проект на рассмотрение, значительное большинство отклонило его предложение под тем предлогом, что оно исходит от военной организации. В марте 1784 г. палата провалила новый аналогичный билль Флада, внесенный уже не как требование волонтеров, а обычным гражданским порядком.

Конвент не сумел ответить на саботаж палаты решительными действиями. В рядах делегатов наблюдалась растерянность, которой воспользовались правые. Утром 2 декабря, когда не все делегаты были еще в сборе, Чарлмонт и его окружение в спешном порядке провели решение об отсрочке заседаний на неопределенный срок. Пришедшие позднее делегаты нашли двери помещения запертыми на замок.

Этот фактический самороспуск конвента волонтеров имел тяжелые последствия для их движения. Были подорваны авторитет волонтерской организации и вера в ее способность добиваться от парламента серьезных уступок. Антикатолические тенденции правых лидеров оттолкнули от волонтеров католические массы. Смотры и учения продолжались, но они уже не вызывали того народного возбуждения и энтузиазма, как это было раньше.

Другим ударом по волонтерскому движению явилось проведенное в феврале 1785 г. увеличение контингента регулярных войск до 15000 человек и создание территориального ополчения. Этот билль о милиции позволял колониальным властям в противовес волонтерам формировать на местах военные отряды из лоялистских элементов.

Ирландия во второй половине 80-х годов. Навстречу новым бурям

Во второй половине 80-х годов в Ирландии установилось известное равновесие между патриотическим лагерем и правящими кругами. Ирландские либеральные парламентарии пока еще пользовались известной поддержкой масс, брожение среди которых не утихало и часто бурно прорывалось наружу. Поэтому в отдельных случаях оппозиции удавалось отражать покушения колониальных властей на национальные интересы. Однако они всякий раз терпели поражение при попытке добиться расширения автономии, провести частичные реформы, устранить злоупотребления в системе управления.

Парламентская автономия способствовала прогрессивным сдвигам в хозяйственной жизни страны. Отмена торговых запретов и ограничений частично открыла ирландским купцам доступ к колониальным рынкам, в том числе к Индии. Увеличился вывоз сельскохозяйственных продуктов. Покровительственные меры (протекционистские пошлины, поощрительные премии), робко, с оглядкой на Англию, принимаемые «граттановским парламентом», дали толчок развитию некоторых отраслей местного производства и возникновению новых. Так, росту стекольной промышленности содействовало запрещение в 1786 г. парламентом ввоза в Ирландию стеклянных изделий (за исключением английских), пивоварения — снижение акцизных сборов с местного пива в 1791 г., хлопчатобумажного производства — поощрительные премии, введенные в 1783—1784 гг., и т.д. Прогресс был достигнут также в производстве шерстяных тканей, шелкоткачестве, изготовлении кожевенных, гончарных и бумажных изделий, пищевых продуктов, спиртных напитков. Последних в Ирландии стало производиться к концу XVIII в. в 4 раза больше, чем в 1780 г. Возросло число коммерческих и кредитных операций. В 1783 г. при содействии парламента был основан национальный Ирландский банк. В текстильной, бумажной, пивоваренной промышленности стали появляться первые крупные предприятия мануфактурного типа, а в конце XVIII в. кое-где и первые фабрики. Было начато строительство первой судоверфи в Белфасте.

О промышленном оживлении свидетельствовал и рост городского населения. Число жителей Дублина увеличилось со 150 тыс. человек в 1779 г. до почти 183 тыс. в 1798 г., Корка — с 70 тыс. в 1750 г. до 80 тыс. в начале XIX в., Лимерика — с 25 тыс. в 1760 г. до 66 тыс. в 1821 г., Белфаста — с 8544 в 1757 г. до 27532 человек в 1813 г. В целом с 1780 по 1800 г. население Ирландии возросло с 3 до 4,5 млн. человек.

В то же время экономическое развитие Ирландии сдерживалось многочисленными факторами, и прежде всего сохранением полуфеодальных отношений в аграрном строе, закрепленных колониальным режимом. «Граттановский парламент» ничего не сделал для улучшения положения народных масс, не считая отмены в 1793 г. средневекового налога на очаги. Экономический подъем Ирландии был несопоставим с индустриальным развитием Англии, и меры ирландского парламента не могли надежно защитить ирландскую промышленность от конкуренции английских промышленных изделий. Над Ирландией продолжала висеть угроза утраты достигнутых завоеваний в политической и экономической областях в результате новых посягательств со стороны правящих кругов Англии.

Выразителем этих стремлений господствующих классов Англии стал Уильям Питт-младший, возглавивший британский кабинет с конца 1783 г. Вплоть до 1801 г. он стоял у кормила правления. В 1804 г. Питт снова стал премьер-министром, оставаясь на этом посту до самой смерти в 1806 г. Рьяный поборник укрепления и расширения британского колониального владычества, Питт вынашивал идею полного восстановления английского господства над Ирландией. Эта идея приобрела вскоре у него форму плана проведения англо-ирландской унии. Питт был упорен в достижении поставленной цели, не брезгуя никакими средствами. Он довел до совершенства систему политического шпионажа, провокаций, раздувания религиозной и национальной розни. В борьбе с революционным и национальным освободительным движением он проявлял беспредельную жестокость, прикрывая в то же время свою контрреволюционную и великодержавную политику псевдолиберальной демагогией.

Питт начал осуществлять свои замыслы в отношении Ирландии с попытки лишить ее даже той слабой защиты от английской конкуренции, которую давала ей парламентская автономия. В феврале 1785 г. главный секретарь лорда-наместника Томас Орд внес в ирландский парламент 11 предложений об урегулировании торговых отношений между двумя королевствами, согласно которым для Англии и Ирландии устанавливались одинаковые ввозные пошлины.

Такая мера сразу же поставила бы ирландскую промышленность в неблагоприятные по сравнению с гораздо более конкурентоспособной английской промышленностью условия. За такое «уравнение в правах» Ирландия должна была передавать 650 тыс. ф.ст. из своих ежегодных налоговых поступлений на содержание имперского флота.

Билль, предложенный Ордом, был представлен Питтом для обсуждения и в английский парламент. Но в английском варианте он превратился в «20 торговых предложений». Были сделаны добавления, которыми устранялась даже видимость равенства между двумя странами. Торговля ирландцев с большинством английских колоний разрешалась лишь на английских судах.

Ирландии навязывались все навигационные акты, ранее изданные в Англии, на нее распространялось английское таможенное законодательство, все патенты и авторские права, выданные в Англии, должны были приобрести юридическую силу на соседнем острове.

Когда 12 августа 1785 г. Орд сообщил об этих 20 предложениях ирландской палате общин, оппозиция единодушно выступила против. Карран назвал билль покушением на ирландскую конституцию и предупредил, что он вызовет не только «словесный» протест. Во избежание осложнений английские власти вынуждены были отменить обсуждение билля Орда.

Ирландская парламентская оппозиция оказалась, однако, бессильной добиться сколько-нибудь прогрессивных изменений в политической системе. Так, в течение всех 80-х годов ирландские либералы вели бесплодную борьбу против одного из главных источников коррупции — назначения за счет ирландского бюджета пенсии ставленникам английских властей, фаворитам королевской семьи и т.д., часто даже не проживавшим в Ирландии. Билли о сокращении пенсий и упорядочении их назначения, вносимые представителем оппозиции Форбсом (в 1786, 1787 и 1790 гг.), неизменно проваливались большинством палаты. Такая же участь постигла предложенные оппозицией в 1789 г. билли о лишении акцизных чиновников, целиком зависящих от администрации, права избираться в парламент, об улучшении организации дублинской полиции, в которой процветало кумовство и фаворитизм, о снижении жалованья чиновникам, ведающим гербовыми сборами, и др.

Лишь в 1793 г., когда в Ирландии сказывалось сильное влияние французской революции, сами власти решили ограничить размеры выплачиваемых пенсий 80000 ф.ст.

Углубление социальных конфликтов в ирландской деревне

С середины 80-х годов по Ирландии прокатилась новая волна крестьянских волнений. В 1784—1785 гг. вновь усилилась активность «белых ребят» и других крестьянских обществ. Различные графства провинции Ленстер и почти вся провинция Манстер оказались охваченными мощным крестьянским движением против сбора церковной десятины. Во многих местах действовали так называемые «справедливые ребята». Они призывали население не подчиняться властям, не платить десятину, собираться в католических церквях и приносить там клятву повиноваться только законам некоего вымышленного капитана Райта (капитан «Справедливость»). Участники движения выдвигали требования пересмотра условий аренды, снижения арендной платы и продажных цен на землю, повышения заработка поденщиков, сокращения налоговых сборов.

Обрушивая на участников волнений новые репрессии (за одно принесение клятвы капитану Райту предписывалась смертная казнь), парламент не считал нужным даже рассмотреть вопрос об облегчении участи арендаторов-католиков. В палате один лишь Карран с возмущением протестовал против репрессий и настаивал на неотложных мерах помощи ирландским крестьянам.

В борьбе с крестьянским движением господствующие классы прибегли и к такому средству, как разжигание религиозных распрей в самой крестьянской среде. С середины 80-х годов XVIII в. в Северной Ирландии при поощрении лендлордов стали возникать отряды «предрассветных парней», набранные из мелких арендаторов-протестантов и пресвитериан, а также из опустившихся, деклассированных элементов. Эти отряды вторгались в селения католиков, часто под предлогом розыска оружия, которого католикам не разрешалось держать, грабили и поджигали дома католических арендаторов, совершали против них террористические акты (нападения совершались ночью, перед рассветом, отсюда и название «предрассветные парни»). Лендлорды использовали «предрассветных парней» для устрашения католических арендаторов, нередко для сгона их с земли или навязывания им более тяжелых условий аренды. Террор, чинимый этими бандами, был на руку колониальной администрации. Он дезорганизовывал и ослаблял крестьянское и национальное движение. Поэтому, жестоко расправляясь с католическими крестьянскими тайными обществами, власти на местах и в центре проявляли необычайную терпимость по отношению к «предрассветным парням»

Католическому крестьянскому населению приходилось в целях обороны прибегать к собственным методам борьбы. Вскоре после появления «предрассветных парней» из крестьян-католиков стали создаваться отряды так называемых «дефендеров» — защитников. Они стали давать отпор протестантским террористам, не ограничиваясь, однако, самозащитой. Дефендеры продолжали традиции народного сопротивления социальному и колониальному гнету. Энергичные преследования со стороны властей (при поимке дефендерам грозила смертная казнь, ссылка на каторгу, в лучшем случае матросская служба в военном флоте) не могли помешать развитию дефендерского движения, которое стремительно росло вплоть до самого конца XVIII в. Очень скоро оно вышло за пределы северных графств и распространилось в других частях Ирландии, опираясь на повсеместную поддержку крестьянских масс. К дефендерам нередко примыкали представители сельской католической интеллигенции — учителя, священники. Дефендеры были лучше вооружены, чем их предшественники. Помимо традиционных пик у них имелось огнестрельное оружие, частично попавшее к ним от тех волонтерских подразделений, которые вопреки запретам зачисляли в свои ряды католиков. При всех слабостях крестьянского движения, его распыленности и стихийности организации дефендеров в тогдашних условиях явились такой формой этого движения, которая открывала возможность вовлечения крестьянских масс в национально-освободительную политическую борьбу.

Влияние французской буржуазной революции на Ирландию

Штурм Бастилии парижскими массами 14 июля 1789 г., возвестивший начало Великой французской революции, отозвался мощным эхом в угнетенной Ирландии. События во Франции, пробудившие глубокие симпатии в прогрессивных кругах Англии, явились важным революционизирующим фактором для Ирландии. Крушение феодально-абсолютистского режима, принятие Декларации прав человека и гражданина и конституции 1791 г., свержение монархии 10 августа 1792 г., созыв Конвента, деятельность Якобинского и других клубов — все это послужило вдохновляющим примером прежде всего для революционного крыла ирландского национального движения, источником формирования его идей. Опыт французской революции помог самоопределиться этому крылу, выработать собственную программу и тактику. Некоторые из ирландских радикалов — братья Генри и Джон Ширз. лорд Эдуард Фицджеральд — имели возможность наблюдать революционное обновление Франции непосредственно, другие жадно следили за ним из Ирландии. Широкую популярность в Ирландии приобрел памфлет Томаса Пейна «Права человека», посвященный защите идей французской революции.

Французская революция ускорила процесс размежевания в ирландском национальном лагере. Политика Граттана, Чарлмонта (Флад умер в 1791 г.) и других умеренных лидеров все больше вызвала разочарование. Основанный ими летом 1789 г. Вигский клуб оставался узкой, замкнутой корпорацией. Его программа защиты «конституции 1782 г.» и проведение частичных реформ не удовлетворяли передовых представителей ирландской протестантской буржуазии. В сопоставлении с французским Учредительным собранием и Национальным конвентом «граттановский парламент» представал как жалкая пародия на национальное представительство. В созданном в Белфасте Северном вигском клубе образовалась сильная левая фракция, недовольная политикой ирландских либералов и их английских покровителей — Берка и его друзей. Дух противодействия сказывался и в выступлениях некоторых ирландских парламентариев. В феврале 1790 г., выступая в защиту одного из биллей оппозиции, Карран в смелой речи прямо намекал на французскую революцию как на пример для подражания. Вновь стала пробуждаться политическая активность волонтеров. Возобновились не только смотры, но и митинги и собрания волонтерских отрядов Тон на них теперь задавали радикалы. В резолюциях все чаще фигурировали требования политического равенства, свободы вероисповеданий, уничтожения сохранившихся еще остатков карательного кодекса, коренной реформы парламентской системы.

В июле 1791 г. в Белфасте было организовано открытое празднование годовщины французской революции. В город съехались волонтеры из всех окрестных мест. Французам был послан восторженный адрес.

«Объединенные ирландцы»

В октябре 1791 г. в Белфасте адвокат и публицист Уолф Тон основал общество «Объединенные ирландцы». Целью его было противодействие влиянию Англии на законодательство Ирландии и управление страной путем преобразования всей парламентской системы. Это преобразование должно было гарантировать свободу и права всем ирландским гражданам независимо от их вероисповедания. Учредители общества провозгласили принципы национального суверенитета, полновластного и равного представительства для всего ирландского народа, равноправия протестантов и католиков. Само название общества подчеркивало необходимость сплочения тех и других во имя достижения национальной самостоятельности и политического равенства. Свою программу «Объединенные ирландцы» первоначально рассчитывали осуществить конституционным путем. Однако они не сводили его, подобно ирландским вигам, к внутрипарламентским дискуссиям, а толковали в духе легальной формы массового движения.

Новая организация быстро завоевывала популярность. Вскоре в столице в качестве ее отделения было основано дублинское общество «Объединенные ирландцы», секретарем которого стал Неппер Танди. Было выпущено адресованное как протестантам, так и католикам обращение создавать аналогичные общества на местах. В январе 1792 г. у «Объединенных ирландцев» появилась своя газета «Северная звезда», издававшаяся в Белфасте торговцем шерстяных изделий Семюелом Нилсоном. Позднее стали возникать другие органы печати, в частности газета «Вечерняя звезда», выходившая в Дублине. С первых же номеров «Северная звезда» зарекомендовала себя как пропагандист французской революции. Горячей симпатией к ней была проникнута вся деятельность «Объединенных ирландцев». В Белфасте члены общества часто называли себя «белфастскими якобинцами». Защитник идей революции Томас Пейн был объявлен почетным членом общества. Предлагаемая радикальным крылом общества парламентская реформа была спроектирована по французскому образцу. Не довольствуясь ликвидацией «гнилых местечек», руководители «Объединенных ирландцев» требовали разделения всей Ирландии на 300 равных избирательных округов, введения всеобщего избирательного права для всех мужчин, проживавших в данной местности более шести месяцев, отмены имущественного ценза, ежегодного переизбрания парламента.

Под влиянием «Объединенных ирландцев» усилился процесс радикализации волонтеров. Многие из них вступали в ряды «Объединенных ирландцев» или становились приверженцами их идей. Возникла идея реорганизации волонтерских отрядов по типу французской Национальной гвардии. В ноябре 1792 г. ведущие деятели дублинского общества «Объединенные ирландцы» Неппер Танди, Оливер Бонд и другие решили создать в столице три батальона волонтеров-гвардейцев. При этом вводилась новая эмблема — в виде арфы (национальный символ Ирландии) и фригийского колпака (один из символов французской революции). Последний заменил прежнее изображение короны.

Провозгласив намерение уничтожить всякие барьеры между протестантами, католиками и диссентерами (протестантами, не принадлежавшими к англиканской церкви), рассматривая их как граждан единой ирландской нации, «Объединенные ирландцы» подняли на новую ступень национально-освободительную борьбу ирландского народа. Движение стало приобретать черты, полнее и последовательнее выражавшие стремление формирующейся ирландской нации к политической и экономической самостоятельности. Хотя в обществе преобладали представители протестантских торгово-промышленных слоев и буржуазной интеллигенции, были широко открыты двери и для вступления в него католиков. В дальнейшем радикальное крыло общества начало привлекать к борьбе как протестантскую и католическую городскую бедноту, так и католические массы крестьянства. Не выдвигая конкретных требований по крестьянскому вопросу (в этом проявилась буржуазная ограниченность ирландских радикалов), они тем не менее своей демократической политической программой, антифеодальной и антиколониальной по существу, объективно отразили чаяния ирландских крестьян. Намечаемые «Объединенными ирландцами» демократические преобразования, несомненно, должны были нанести серьезный удар системе лендлордизма, подорвав ее политические устои, и прежде всего монополию на власть чужеземной земельной аристократии.

Раскрывая существо происшедших в результате основания общества «Объединенные ирландцы» перемен в ирландском национальном движении, Маркс писал. «С этого момента движение волонтеров переходит в движение «Объединенных ирландцев» Вопрос о католиках стал вопросом об ирландском народе Вопрос заключался уже не в том, чтобы отменить правовые ограничения для католиков высшего и среднего классов, а чтобы освободить ирландских крестьян, в подавляющей своей части католиков. Вопрос стал социальным по содержанию, принял французские политические принципы по форме, оставаясь по-прежнему национальным».

Внутри Католического комитета образовалась радикальная группа во главе с дублинским купцом Джоном Кьюу, присоединившимся к «Объединенным ирландцам». Этой группе удалось оттеснить на задний план представителей католических джентри и высшего духовенства. Кьюу и его друзья стали добиваться нового, более последовательного билля об отмене карательного кодекса. По настоянию радикалов были изменены и методы проведения кампании в поддержку этого билля. Вместо верноподданнических адресов решено было оформить требование эмансипации католиков в виде резолюции их представительного собрания. В начале декабря 1792 г. в Дублине собрался Католический комитет вместе с делегатами, избранными от католических приходов. Это был настоящий католический конвент. Составленная им петиция требовала предоставления католикам всех политических, в том числе и избирательных, прав. Осенью 1792 г на должность секретаря Католического комитета был приглашен Уолф Тон. У лидеров общества «Объединенные ирландцы» были намерения созвать параллельный протестантский конвент и объединить его действия с католическим. План этот осуществить не удалось. Тем не менее в феврале 1793 г. делегаты волонтеров вновь собрались на провинциальный конвент в Данганноне, подтвердивший их готовность бороться за требования «Объединенных ирландцев», в том числе за уравнивание в правах протестантов и католиков.

Признаки консолидации католического и протестантского населения Ирландии были восприняты правящими кругами Англии как сигнал бедствия. Достаточно дальновидный Питт понял, что главным в ирландской политике Лондона было сохранить возможность противопоставления католиков, особенно их зажиточной верхушки, опасным революционным элементам протестантской буржуазии. Поэтому Питт решил прибегнуть к заигрыванию с ирландскими католическими кругами, дать новые подачки их имущим элементам и использовать как приманку обещания «дальнейшей эмансипации». Тем временем он готовил почву для разгрома революционно-патриотических сил Ирландии.

В апреле 1793 г. с согласия Питта ирландским парламентом был принят новый очередной билль об облегчении участи католиков. Акт отменял еще одну часть карательного кодекса. Католические фригольдеры, уплачивавшие подоходный налог в размере не менее 40 шилл., были официально допущены к избирательным урнам, за католиками закреплялись все права приобретения, продажи и передачи по завещанию собственности, для них открывалась возможность приема в Дублинский университет, присвоения ученых званий. Однако они по-прежнему не могли избираться в парламент, назначаться на ответственные должности в колониальной администрации. Здесь монополия протестантской земельной аристократии и буржуазии оставалась непоколебленной. В целом акт был весьма далек от программы эмансипации католиков, которую выдвигали «Объединенные ирландцы» и секретарь Католического комитета Уолф Тон.

Уолф Тон

С началом движения «Объединенных ирландцев» на арене ирландской истории впервые появились революционные деятели, сознательно связавшие борьбу за национальное освобождение с буржуазно-демократическими преобразованиями. Это в первую очередь относится к Тиоболду Уолфу Тону.

Тон родился в Дублине 20 июня 1763 г. Он был старшим сыном каретного мастера, протестанта, обладавшего скромным достатком. Тем не менее Тону удалось получить университетское образование и звание бакалавра права. Но к своей профессии он отнесся неприязненно из-за господствовавших среди тогдашних судебных чинов и адвокатов коррупции, сословных и кастовых предубеждений. Свои незаурядные способности Тон с конца 80-х годов окончательно посвятил политике. Вначале Тон был связан с ирландскими вигами, но быстро с ними разошелся, уже в 1791 г. критически отозвавшись о «граттановском парламенте» и крохоборческом реформаторстве вигов.

К моменту основания общества «Объединенные ирландцы» Тон сформировался как убежденный демократ, ненавидевший английское господство и стремившийся объединить все патриотические силы страны на борьбу за независимость и радикальное переустройство существующей политической системы. Он был душой многих демонстраций солидарности с французской революцией, страстным приверженцем ее идей политического и гражданского равноправия, суверенитета свободной нации. Свое кредо Тон позднее сжато выразил следующим образом: «Уничтожить тиранию нашего отвратительного правительства, разорвать связь с Англией, которая является неиссякаемым источником всех наших политических бедствий, утвердить независимость моей родины — таковы мои цели. Объединить весь ирландский народ, стереть даже воспоминание о былых раздорах, добиться того, чтобы прежние обозначения «протестанты», «католики», «диссентеры» заменило единое общее имя — «ирландцы», — таковы мои средства».

Убеждения Тона уже тогда были радикальнее первоначальной программы «Объединенных ирландцев». Он, как и некоторые другие лидеры общества — Неппер Танди, Нилсон, был сторонником независимой республики, полного отделения от Англии. Конституционный путь достижения целей «Объединенных ирландцев» он отнюдь не считал единственно возможным, все больше убеждаясь в необходимости вооруженной борьбы.

Тем не менее Тон не настаивал на принятии «Объединенными ирландцами» сразу же своей республиканской доктрины и своей революционной тактики. Инстинктом подлинного революционера он понял, что нельзя опережать события и выдвигать крайние лозунги, прежде чем большинство участников движения самим развитием событий не окажутся подготовленными к их восприятию. Свои революционные планы Тон строил на весьма трезвом учете действительного соотношения сил. В написанном им в 1794 г. «Взгляде на положение Ирландии», в более поздних записках французскому правительству, составленных в связи с проектом высадки в Ирландию французского десанта, Тон связывал возможности революции в Ирландии с положением различных групп ирландского населения. Он определенно рассчитывал на широкое участие крестьянских масс, тайных крестьянских обществ — дефендеров в национально-освободительной революции. Наоборот, лендлордов, чиновников, джентри, в том числе и католических, он рассматривал как вероятных врагов, как контрреволюционный резерв английского правительства.

Не отрицая необходимости конспирации, особенно при подготовке восстания, Тон ориентировался на массовую революцию. Он считал неизбежными решительные меры против контрреволюционеров, вплоть до конфискации имущества английских сановников и изменивших интересам родины крупных землевладельцев, а также лендлордов-абсентеистов. Сторонник принципа частной собственности, Тон тем не менее учитывал такое вероятное (хотя с его точки зрения и маложелательное) последствие сопротивления лендлордов и джентри, как передел их земельных владений крестьянами в духе тех «аграрных законов», которые выдвигались во время французской революции.

Эта сумма идей, в разное время высказывавшихся Тоном, показывает его революционером якобинского склада, представителем наиболее передовых элементов тогдашней буржуазии, готовых действовать в союзе с народными массами. Примерами для Тона являлись и борцы за национальную независимость других стран — Вашингтон, Костюшко. С американскими патриотами Тона сближала также идея использования в интересах революции внешнеполитических затруднений Англии и помощи Франции. При этом речь шла не о замене английского господства французским протекторатом и вообще не об освобождении Ирландии руками иностранцев. Для Тона высадка французского десанта должна была послужить толчком для народного восстания в самой стране. Численность десантных войск, по его мнению, не должна была быть особенно велика. В их прокламации к ирландскому народу следовало подчеркнуть, что они явились не как завоеватели, а как союзники ирландцев, действующие против общего врага. Предусматривал Тон и обращение к Англии и Шотландии с разъяснением, что война ведется не против народов этих стран, а против английского правительства, поработившего другие нации.

Тон был не только идеологом национально-освободительного движения, но и выдающимся революционером-практиком. Он обладал неистощимой энергией и самоотверженностью, сочетавшимися со спартанским пренебрежением к личному благополучию и с рыцарственным благородством. Познакомившемуся с ним молодому Наполеону Бонапарту он напомнил античных героев, запечатленных в «Жизнеописаниях» Плутарха. Служение родине он ставил превыше всего, ей он отдал свою жизнь.

Переход реакции в наступление. Террор и провокации

В начале февраля 1793 г. Англия официально вступила в войну с Французской республикой. В Ирландии война, вызвавшая к тому же застой в торговле и промышленности, была крайне непопулярной. «Объединенные ирландцы» призывали в своих прокламациях заключить почетный мир с Францией. Руководители общества стремились установить контакт с английскими корреспондентскими обществами, сочувствовавшими французам, и с шотландскими демократами для совместной борьбы за мир.

Для Питта и английских министров Ирландия стала по существу одним из фронтов в войне против «якобинства». Английские правящие круги перешли в прямое наступление на ирландское национально-освободительное движение, действуя с помощью клики реакционных колониальных чиновников (некоторые из них, в частности Бересфорд, Каслри и др., позднее играли роль вдохновителей реакции и в самой Англии), используя страх перед революцией протестантской и католической верхушки, английское правительство предприняло против ирландских патриотов целую серию полицейских мер. В 1793 г. через ирландский парламент были проведены «Акт о незаконных собраниях», запрещавший всякие делегатские собрания, митинги, подачу петиций от их имени, «Акт о порохе», введший строжайший запрет на ввоз и приобретение оружия, и другие аналогичные чрезвычайные законы. Они по существу лишили волонтерские организации и общество «Объединенные ирландцы» легальной почвы. Ряд видных «Объединенных ирландцев» были отданы под суд за распространение прокламаций. За членами общества была установлена слежка, в него проникли шпионы и провокаторы Питта. Особенно вред причинил обществу адвокат Мак-Нелли, выполнявший функции официального поверенного «Объединенных ирландцев» и выдавший английским властям многие секреты. Лишь после смерти этого предателя стало известно его истинное лицо.

В апреле 1794 г. жертвой питтовской системы сыска стал прибывший из Франции для установления связи с «Объединенными ирландцами» протестантский священник Уильям Джексон. Он был выдан провокатором, арестован, затем приговорен к виселице. Накануне казни он принял яд. Среди его бумаг находилась копия «Взгляда на положение Ирландии» Уолфа Тона. Над лидером «Объединенных ирландцев» нависла угроза. Однако, несмотря на требование друзей немедленно выехать в Северную Америку, он задержался в Ирландии до мая 1795 г., прилагая усилия к преобразованию общества в конспиративную революционную организацию.

В поисках предлога для проведения репрессий в еще более широких масштабах Питт избрал весьма коварное средство. Он решил несколько ослабить узды правления, создать видимость перемены курса, а затем, прибегнув к еще более крутым мерам, вызвать взрыв возмущения и потопить движение в крови. В январе 1795 г. вместо обскуранта Уэстморленда вице-королем Ирландии был назначен либеральный лорд Фицуильям. Но как только Фицуильям обнаружил намерение очистить административный аппарат от хищников типа Бересфорда, он был отозван, и в апреле того же года вице-королем был назначен реакционер Кэмден. Иллюзия умиротворения мгновенно была разрушена, и возбуждение в Ирландии усилилось во много раз.

При Кэмдене портике репрессий был придан характер массового контрреволюционного террора. В феврале 1796 г. был проведен один из самых драконовских исключительных законов — «Акт о предотвращении бунта». Наместник получал право вводить по своему усмотрению в любом из графств осадное положение, узаконивая неограниченный произвол властей: аресты без предписаний судебных органов, учреждение военных судов, ночные обыски, отдачу в матросы и т.д. За участие в тайных обществах, собраниях и т.д. грозили смертная казнь или каторга. Повсюду происходили процессы по обвинению в государственной измене и многочисленные казни.

Под предлогом обороны от французского вторжения колониальные власти производили наращивание контрреволюционных сил. В Ирландию были привезены ганноверские и другие немецкие наемники. Размещение солдат на постой у мирных граждан сопровождалось насилиями и грабежами. Помимо регулярных войск и милиции с 1796 г. стали формироваться особые полицейские части — отряды пеших и конных иоменов, вербуемые из протестантских джентри и их челяди, а также (в городах) из лоялистски настроенных буржуа. Численность их была в 1798 г. доведена до 50 тыс. человек. Эти банды карателей превзошли жестокостью «предрассветных парней».

Колониальные власти стремились создать в стране обстановку крайней нетерпимости, религиозного фанатизма. Значительную лепту в это внесла основанная в 1795 г. в Ольстере протестантскими мелкими торговцами, ремесленниками и фермерами военизированная клерикальная организация «Орден оранжистов» (по имени Вильгельма Оранского, подавившего ирландское восстание 1689—1691 гг.). Поощряемая лендлордами и их агентурой, эта организация активно включилась в травлю католического населения, угрозой и насилиями добиваясь изгнания нежелательных помещикам и конкурирующих с протестантами католических арендаторов. «Убирайся в Коинот или в преисподнюю!» — требовали они от католиков. За таким уведомлением обычно следовало нападение вооруженных отрядов ордена. Действия оранжистов были направлены также против революционно настроенных протестантов и диссентеров.

К началу 1798 г. разгул реакции в Ирландии был в полной силе. Демократические организации были загнаны в подполье, прогрессивная печать, в том числе - газета «Северная звезда», запрещена. Гражданские и военные суды творили расправу над патриотами. Кровавые эксцессы военщины, милиции, иоменов, оранжистов еще больше обостряли обстановку террора и беззакония.

Сознание беспомощности охватило лидеров либеральной оппозиции. Стала очевидной неспособность их предотвратить открытый конфликт властей с патриотическим лагерем или добиться хотя бы небольших либеральных уступок. В мае 1797 г. Граттан и некоторые его сторонники сложили с себя депутатские полномочия. Из палаты общин вышел и Карран.

Под знаменем независимой республики

Иначе реагировали на наступление правительства «Объединенные ирландцы» Еще до отъезда в Америку Уолф Тон ориентировал своих единомышленников на вооруженную борьбу за провозглашение Ирландской республики. Началась подготовка к восстанию

Интенсивно шел процесс реорганизации общества. Из открытых политических клубов его отделения превращались в законспирированные военные союзы. Была создана многоступенчатая система подчинения низших организаций высшим. Руководителям присваивались воинские звания. Каждому вменялось в обязанность выставить в нужный момент определенное количество бойцов: капитану — 60, полковнику — 600. Руководители организации целого графства получали чин генерал-адъютанта.

Во главе провинциальных организаций должны были стоять директории. Уже в 1795 г. С. Нилсоном и другими была образована директория Ольстера, в 1796 г. была создана директория Ленстера, в которую входил один из главных лидеров движения — лорд Эдуард Фицджералд. Обе директории условились о совместных действиях. В 1798 г. был образован и единый исполнительный орган — Главная директория в составе пяти членов Оливер Бонд, Ричард Мак-Кормик, Уильям Мак-Невин, Артур О'Коннор и Томас Эммет. Лорду Фицджералду предназначалась роль главнокомандующего всех повстанческих сил. Помимо ушедших в подполье волонтеров «Объединенные ирландцы» стремились опереться на отряды дефендеров. Предпринимались попытки — иногда успешные — вовлечь в движение солдат регулярной армии и милиции. На членские взносы и пожертвования приобреталось оружие. Нередко оно добывалось путем экспроприации у лоялистов. Вступавшие в общество новые члены должны были приносить присягу. Предатели и шпионы карались смертью.

Существенно изменился и социальный состав общества. Умеренные буржуа, все еще не терявшие надежды на компромисс с английским правительством, отходили от движения. Наоборот, демократическая прослойка значительно увеличилась. Если руководство в целом продолжало оставаться в руках буржуазных радикалов и даже выходцев из дворян, то в среднем звене стали преобладать представители мелкобуржуазных слоев и трудящихся (мелкие торговцы, фермеры, ремесленники, сельская интеллигенция).

Однако в рядах общества находилось немало колеблющихся зажиточных элементов, согласившихся поддержать восстание скрепя сердце, поскольку опасались, что восстание будет сопровождаться плебейской расправой с лендлордами.

Среди руководителей не было единого мнения в отношении сроков восстания и методов борьбы. Сторонники выжидательной тактики Эммет и Мак-Невин стремились оттянуть выступление до высадки французов Фицджералд и другие лидеры, недовольные проволочками, не проявляли, однако, должной настойчивости. Вследствие этого был упущен благоприятный момент, когда летом 1797 г. в английском военном флоте вспыхнули сильные волнения, среди участников которых было немало ирландских моряков.

В начале 1796 г. Уолф Тон приехал из США во Францию и с необычайным упорством стал добиваться снаряжения французской экспедиции. 16 декабря 1796 г. флотилия в составе 43 военных кораблей отплыла из Бреста. Она везла 14 тыс. солдат и офицеров, предназначенных для высадки в Ирландии, и большой запас оружия, включая артиллерию, для ирландских повстанцев. Экспедицию возглавлял прославленный генерал Лазарь Гош. Проявивший немалые военно-организаторские дарования при подготовке экспедиции, Тон находился на корабле вместе с помощником командующего генералом Груши. Взяв курс на Западную Ирландию и почти избежав встреч с английскими сторожевыми судами, эскадра, однако, была рассеяна жестоким штормом. Линейный корабль «Фратерните», на котором находился Гош, оторвался в тумане от главных сил. Лишь 16 судов с Груши и Тоном 22 декабря добрались до залива Бантри и стали там на якорь. Но будущий наполеоновский маршал не решился на высадку. Прождав напрасно несколько дней прибытия остальных кораблей, он отдал команду возвращаться в Брест. Предложение Тона высадить его с небольшим отрядом и ротой легкой артиллерии для стремительного марша на Корк было отвергнуто. Вскоре вернулись в Брест и другие суда. Хотя потери были невелики, цель экспедиции не была достигнута.

Тон настаивал на повторении попытки. Однако ситуация была уже менее благоприятной. Умер Гош. Тон лишился основной поддержки. Бонапарт, назначенный командующим армией, которая должна была действовать против Англии, на первое место ставил подготовку завоевательного похода в Египет и Сирию, замышляя овладеть подступами к Индии. И все же благодаря усилиям Тона была снаряжена (на этот раз союзником Франции, «дочерней» Батавской республикой) вторая экспедиция с франко-голландским десантом. Однако 11 октября 1797 г. эскадра адмирала Де Винтера с десантниками на борту потерпела жестокое поражение от англичан в морском сражении при Кампер-Дауне.

Среди «Объединенных ирландцев» теперь возобладало мнение о необходимости начать восстание, не дожидаясь французов. Однако с помощью шпиона Рейнолдса и других агентов властям удалось установить местонахождение руководителей движения. 12 марта 1798 г. в доме Бонда было схвачено 15 членов ленстерского руководства. Одновременно были арестованы Т.Эммет и Мак-Невин. За несколько дней до этого при посадке на корабль, отплывающий из Англии, был задержан О'Коннор. «Объединенные ирландцы» образовали новую Директорию, в которую вошли едва избежавшие ареста Фицджералд, Лоулесс, братья Джон и Генри Ширз. Директория выработала окончательный план восстания, назначенного еще ранее на 23 мая. Важнейшая роль в нем отводилась дублинским «Объединенным ирландцам». Они должны были с помощью отрядов из провинции захватить столицу, арестовать лорда-наместника и его правительство, разоружить гарнизон. Но едва Директория успела отдать необходимые распоряжения, как последовал новый удар. 19 мая полиция выследила Фицджералда. После отчаянной схватки, в которой он ранил двух офицеров и сам был тяжело ранен, военный руководитель восстания был брошен в Ньюгейтскую тюрьму.

Через две недели он скончался от ран. 21 мая были арестованы братья Ширз. Лоулессу удалось бежать. 23 мая у стен Ньюгейтской тюрьмы был схвачен Нилсон, разработавший план освобождения вождей «Объединенных ирландцев» и производивший разведку.

Восстание 1798 г.

Начавшееся в этих условиях национально-освободительное восстание в целом приняло локальный, а во многих местах стихийный характер. Но по тому большому числу очагов, которые сразу вспыхнули в Ирландии, по массовости этих местных выступлений, по упорству и ожесточению, с которыми их участники, нередко совершенно необученные военному делу и вооруженные одними пиками, косами и вилами, сражались с войсками, милицией и йоменами, можно судить, сколько ненависти к угнетателям накопилось в ирландских народных массах.

Разгром организации «Объединенных ирландцев» в Дублине позволил властям предотвратить восстание в столице. Здесь выступления революционеров свелись к отдельным стычкам с войсками, нападениям на солдат, конвоировавших арестованных. Убедившись в неосуществимости первоначального плана, остававшиеся на свободе «Объединенные ирландцы» отправились в Дублина в районы массовых восстаний.

Этими пунктами оказались юго-восточные графства Ирландии Уэксфорд и Уиклоу, графство Килдар, графство Мит, а также восточная часть провинции Ольстер — графства Антрим и Даун. Попытка поднять восстание была предпринята и во многих других местах, в графствах Карлоу, Куинс, Уотерфорд, Корк. В западной провинции Коннот и в некоторых центральных графствах восстание произошло позднее, в конце августа — сентябре 1798 г.

Основную массу повстанцев в юго-восточных и западных районах составляло католическое крестьянство, поддержанное городской беднотой. В повстанческих отрядах Севера пресвитеряне и протестанты из арендаторов и городских низов нередко сражались бок о бок с крестьянами-католиками. В отдельных случаях активную роль играли рабочие мануфактур. Так, отличавшийся организованностью и решительностью отряд повстанцев Проспероуза (графство Килдар) состоял в основном из рабочих хлопчатобумажных предприятий. Ткач Хоуп командовал одним из отрядов ольстерских повстанцев. Участвовали в восстании радикальные слои городской и мелкой буржуазии, преимущественно протестантской. Часть буржуазных элементов и даже джентри была вовлечена в движение самим ходом событий. Многие из них проявили неустойчивость, противились решительным революционным мерам, актам народной мести.

Руководство борьбой осуществляли в основном буржуазные радикалы. Выдвинулись и новые военные командиры, среди них несколько приходских католических священников.

Главным районом восстания стало графство Уэксфорд. В конце мая здесь образовалось несколько отрядов. Одному из них, под командованием священника Джона Мэрфи, сына крестьянина, удалось разбить подразделение войск и милиции. Первый успех окрылил повстанцев и усилил их ряды. 28 мая они осадили и взяли г.Эннискорт. Вскоре численность их возросла до 30 тыс. человек, в их руках оказалась значительная часть территории графства, в том числе спешно эвакуированный властями его главный город — Уэксфорд. Было создано несколько укрепленных лагерей — на Винегар-хилле близ Эннискорты, у Трех скал на подступах к Уэксфорду и в других местах. Делались попытки организации повстанческих сил, создания общего командования (одно время действовал Комитет 12-ти из вожakov повстанческих отрядов), налаживания интендантской службы. Повстанцы имели оружие, главным образом отобранное у противника, а также захваченное на военных складах. Огнестрельного оружия, особенно пушек, не доставало, почти не было обученных артиллеристов. Война велась преимущественно партизанскими методами, посредством внезапных атак, устройства засад. Часто на врага гнали обезумевшее стадо скота или, табун лошадей, после чего нападали на его расстроенные ряды.

Повстанческая армия, сконцентрированная в районе Трех скал, разделилась на три соединения, которые двинулись в разных направлениях к границам графства, чтобы выбить врага из пограничных городов и, установив связь с повстанцами соседних графств, начать общий поход на Дублин. Однако две колонны, наступавшие на города Ньютанберри и Нью-Росс, потерпели поражение. Третья же, после того как ей удалось потеснить войска генерала Лофтуса, занять крепость Горей и вторгнуться в графство Карлоу, была разбита 9 июня при штурме г.Аркоу.

С середины июня повстанцы вынуждены были вести оборонительные бои против получавших все новые пополнения правительственных войск, подчиненных общему командованию генерала Лейка. 21 июня его войска заняли лагерь на Винегар-хилле. Отдельные отряды повстанцев продолжали упорное сопротивление, совершая смелые рейды по тылам лоялистов. Отряду под командованием Мэрфи удалось даже пробиться через территорию графства Карлоу в графство Килкенни. Но не сумев поднять там восстания, он подвергся на обратном пути в Уэксфорд нападению и был рассеян. 5 июля оставшаяся часть уэксфордской повстанческой армии потерпела поражение в бою при Бэллигалене, неподалеку от Горей.

Ожесточенный характер носила вооруженная борьба в графствах Антрим и Даун (Ольстер). В первом из них повстанческий отряд, руководимый активным деятелем общества «Объединенные ирландцы» Генри Джоем Мак-Кракеном, с пением «Марсельезы» под зеленым знаменем подступил к г.Антриму и штурмом взял его. Восстание в соседнем графстве Даун возглавил мелкий предприниматель из Лисборна Генри Монро. Однако повстанцам обоих графств не удалось объединиться, и, окруженные превосходящими силами генерала Надженга, они были порознь разбиты.

Подавление ирландского восстания потребовало от Англии значительного напряжения сил. В Ирландию отправляли один за другим все новые контингенты войск. 21 июня 1798 г. лордом-наместником и одновременно главнокомандующим был назначен генерал Корнуоллис. Этот военачальник, капитулировавший в свое время в 1781 г. при Йорктауне перед победоносной армией Вашингтона, приобрел затем значительный опыт Колониальных войн на посту генерал-губернатора Индии. К моменту его прибытия в Ирландию там уже свирепствовал невиданный дотоле контрреволюционный террор. Каратели творили расправу над попавшими в их руки повстанцами. Мэрфи и почти все другие предводители были повешены по приговору военных судов, часто после чудовищных истязаний. Монро повесили на пороге его дома в Лисборне. В Уэксфорде и других городах, которые были временно заняты восставшими, а также в деревнях шли непрерывные казни. Не щадили даже раненых, женщин и детей.

Руководителей общества «Объединенные ирландцы», арестованных еще до начала восстания, приговаривали, как правило, к повешению. На виселице кончили свои дни оба Ширза. После вынесения смертного приговора в тюрьме скончался Оливер Бонд. Лишь небольшой группе, в том числе ОКоннору, Т.Эммету, Мак-Невину, правительство, разыгрывая показное великодушие, обещало даровать амнистию. В 1803 г. после подписания Амьенского мира с Францией им разрешили выехать за границу. Других политических заключенных, избежавших казни, ссылали на каторгу в Австралию. К 17 июля 1798 г. восстание в юго-восточной и северо-восточной частях страны было в основном подавлено.

22 августа 1798 г. пришла наконец запоздавшая помощь Французской республики. В бухте Киллала (графство Мейо, провинция Коннот) с трех фрегатов было высажено около 1000 французских солдат и офицеров под командованием генерала Эмбера. При десанте находились два члена общества «Объединенные ирландцы» — Мэтью Тон, брат Уолфа, и Б.Тиллинг. К французам стали стекаться окрестные крестьяне, которых снабдили оружием и наскоро обучили военным приемам.

Отряд двинулся на юг, к г. Каслбар, где 27 августа наголову разбил войска палача уэксфордского восстания генерала Лейка. На территории Мейо, а также в других западных и центральных графствах — Роскоммон, Каван, Лонгфорд и Уэстмит — стали возникать очаги нового крестьянского восстания. Крестьяне графства Мейо захватили очищенные французами от лоялистов города Киллалу и Баллину. Вновь оживились укрывшиеся в горных районах остатки повстанческих отрядов юго-восточных графств. Против французов двинулся сам Корнуоллис с армией в 20 тыс. человек. 8 сентября отряду Эмбера было предложено сложить оружие, и он сдался. Сопровождавшие десант ирландские патриоты были перебиты Мэтью Тон и Тиллинг, отправленные в Дублин, были повешены. В других местах крестьянские отряды еще сопротивлялись некоторое время. Баллину и Киллалу англичане взяли лишь в 20-х числах сентября, устроив там резню.

В сентябре 1798 г. из Бреста к берегам Ирландии была направлена еще одна экспедиция в составе линейного корабля, носившего славное имя «Гош», восьми фрегатов и шхуны Эскадра, на которой плыл Уолф Тон, везла трехтысячный десант. Она долго маневрировала в прибрежных водах, выискивая возможности для высадки, и 12 октября у залива Лох-Суилли (Северная Ирландия) была настигнута эскадрой адмирала Уоррена, значительно лучше вооруженной. Предстоял неравный бой. Французский адмирал Бомпар предложил Тону пересечь с флагманского корабля на быстроходную шхуну. Но Тон наотрез отказался покинуть в момент опасности товарищей по оружию. Сражение было проиграно. Ознанного среди пленных Тона в кандалах отвезли в Дублин.

10 ноября ирландский революционер предстал перед военным судом «С юношеских лет, — заявил он в своем последнем слове, — я рассматривал сложившиеся между Ирландией и Великобританией отношения как проклятие для ирландской нации и пришел к убеждению, что если они будут продолжаться, моя родина никогда не станет свободной и счастливой». Тон не просил помилования, настаивая лишь на замене позорной казни через повешение расстрелом. Но приговор гласил — виселица! Накануне казни Тон перерезал себе горло 19 ноября лидер «Объединенных ирландцев» умер в тюремной камере.

Уния 1801 г.

Подавив восстание, английские правящие круги приступили к осуществлению давно вынашиваемого плана проведения унии между Великобританией и Ирландией. Через правящую в Ирландии хунту в составе Корнуоллиса, Каслри, Фицгиббона, Бересфорда и других. Питт привел в действие все рычаги для достижения этой цели. Но правительство столкнулось с сильной оппозицией в палате общин, где билль об унии при первом голосовании 24 января 1799 г не собрал большинства голосов. Возбуждение охватило и торгово-промышленные круги, обеспокоенные перспективой лишиться протекционистской защиты при установлении единой таможенной системы для обеих стран. Стали поступать многочисленные адреса и петиции из различных мест Ирландии с протестами против билля. Против него высказался ряд высших должностных лиц. Даже среди оранжистов оказались недовольные правительственным проектом.

Движение против унии грозило стать массовым. Первое же обсуждение билля об унии вызвало бурные сцены в Дублине. Толпы народа окружали кареты с парламентариями, голосовавшими за унию, и осыпали их насмешками и угрозами.

Правящие круги решили пустить в ход все средства. Чиновники, поднявшие свой голос против унии, были смещены. Вооруженные силы в Ирландии были доведены до небывалой цифры — 130 тыс. человек. Огромные суммы ассигновывались на подкуп. Щедрой рукой назначались пенсии членам парламента, раздавались синекуры и титулы пэров Католиков склоняли в пользу унии лживым обещанием предоставить им пассивное избирательное право Каслри и его подручные позаботились о фабрикации петиций в пользу унии, подписанных подставными лицами, включая даже уголовных преступников.

15 января 1800 г. парламент собрался снова, чтобы вынести окончательное решение об унии. Этой сессии суждено было стать последней в истории «граттановского парламента» Сам Граттан в критический момент вернулся к политической деятельности. Он баллотировался в парламент на место выбывшего депутата и был избран. На сессию он явился в мундире волонтера, произнес, несмотря на недомогание, горячую речь в защиту парламентской автономии. Но судьба ее была уже решена. Правительству подкупом и запугиваниями удалось к этому времени увеличить число своих сторонников. Большинством голосов акт об унии был принят (окончательно в третьем чтении 7 июня) и вступил в силу 1 января 1801 г.

С этого времени Ирландия юридически сделалась составной частью Соединенного королевства Великобритании и Ирландии. Ее парламент был ликвидирован. В английской палате общин Ирландии предоставлялось 100 мест, в палате лордов — 32. Английский парламент вновь получил право издавать законы для Ирландии, а английская палата лордов превращалась в верховную апелляционную инстанцию для ирландских судов. Самым тяжелым последствием унии была отмена покровительственных пошлин и поощрительных мер для развития ирландской промышленности и торговли, принятых дублинским парламентом. Экономика Ирландии оказалась во власти английской буржуазии и землевладельцев.

Заговор Эммета

После кровавого 1798 года в отдельных частях Ирландии — в графствах Клер (Западная Ирландия), Лимерик, Корк и др. — уцелевшие приверженцы «Объединенных ирландцев» пытались возобновить партизанскую борьбу. Когда осенью 1802 г. 24-летний Роберт Эммет, брат одного из членов Директории «Объединенных ирландцев» — Томаса Эммета, стал тайно готовить революционный переворот с целью достижения независимости Ирландии, ему удалось найти немало сторонников. Поддержку, в частности, обещал глава партизанского отряда, действовавшего в горах Уиклоу, Майкл Дуайер. Заговор Эммета явился не просто отголоском движения «Объединенных ирландцев», но и одним из первых ответов патриотов на колонизаторский акт об унии.

В планы революционеров входило овладение Дублинским замком, арест колониальной администрации, захват казарм силами не только дублинских повстанцев, но и отрядов из Уиклоу, Килдара и Уэксфорда, которые должны были прийти им на помощь. В случае удачи их действия явились бы началом всеобщего восстания против английского господства. Эммет рассчитывал на поддержку ирландских политических эмигрантов, а также на подготавливаемые в это время в Булонском лагере Наполеоном военно-морские операции против Англии. Заговорщики сумели собрать оружие, наладить ковку пик. Однако взрыв ракеты на одном из тайных оружейных складов побудил их перенести дату - выступления с августа на 23 июля 1803 г., хотя повстанцев из Уиклоу и Килдара не удалось об этом предупредить, а отряд из Уэксфорда не смог добраться до столицы.

В назначенный день горстка инсургентов во главе с Эмметом двинулась к Дублинскому замку. После нескольких уличных стычек и нападения на карету верховного судьи (последний был убит) стала очевидной бессмысленность продолжения борьбы. Участники выступления рассеялись, многим удалось скрыться. Сам Эммет через некоторое время был арестован и 20 сентября повешен.

Так закончились бурные события ирландской истории конца XVIII—начала XIX в., в результате которых массовые стихийные выступления стали перерастать в 1798 г. в подлинную буржуазно-демократическую революцию под флагом борьбы за независимость. Поражение ирландского народного восстания 1798 г. прервало развитие этого революционного процесса и вновь отбросило Ирландию в тенета колониального рабства. Однако пережитые ею революционные потрясения явились мощным стимулом для формирования национального сознания ирландского народа.

Веб-публикация: м-р Невилл и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#) 2009